ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Ксензов В. П. Мезолит Белорусского Подвинья 5
Грантовский Э. А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии . 23
Хохоровски Я. Скифские набеги на территорию Средней Европы 49
Усачева О. Н., Кошеленко Г. А. Об одной загадке боспорской историографии 65
Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) 71
Хлопин И. Н. Туркменское ковроделие: древнейшие инструменты 83
Антонова Е. В. Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров (на материале могильника Сумбар I) 92

Публикации

Клепиков В. М. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье 97
Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIA 103
Бахшалиев В. Б. Археологические раскопки на поселении Огланкала 106
Берестнев С. И. Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века 121
Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н. Бердянский курган 140
Алексеева Е. М., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Горгиппия: продукция железоделательного и железообрабатывающего ремесла 157
Дубровин Г. Е. Новгородские лодки-однодеревки 177
Подъяпольский С. С. О малоизвестном типе папертей конца XV — начала XVI века . . 186

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1994 г.

Археология и естественные науки

Алексеев В. А., Журбин И. В. Использование электрометрии для идентификации археологических объектов по их составу (по материалам исследований городища Иднакар) . 208
Тюпаев А. П., Детюк А. Н. Восстановление продуктов окисления археологического металла водородом 213
Демкин В. А., Дьяченко А. Н. Итоги палеопочвенного изучения поселения Ерзовка-I в Волгоградской области 216
Вишневский В. И. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья 223

Критика и библиография

Белова Г. А. *Osing J.* Das Grab des Nefersecheru in Zawyet Sultan, Mainz am Rhein, 1992 227
Махортых С. В. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992 230

Хроника

Седов В. В. Симпозиум «Проблемы именьковской культуры» (Болгары, 1993) 236
Зверев С. В. Всероссийская нумизматическая конференция (Вологда, 1993) 238
Смирнова М. Е. Конференция «Опыт компьютерной обработки археологических материалов» (Москва, 1993) 242
Могильников В. А. Конференция «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий» (Омск, 1992) 245
Алексеев Л. В., Колединский Л. В., Метельский А. А. Памяти Михаила Александровича Ткачева (1942—1992) 250
Бунятян Е. П. Памяти Владимира Федоровича Генинга (1924—1993) 253

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1994 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Ksenzov V. P. Mesolithic of the Dvina Region in Byelorussia 5
Grantovsky E. A. Concerning the Chronology of the Cimmerians and Scythians Presence in the Western Asia 23
Chochorowsky J. Scythian Forays into the Central Europe 49
Usatcheva O. N., Koshelenko G. A. Concerning an Enigma in the Historiography of Bosporus 65
Fedosova V. N. Development of the Modern Palaeodemography (palaeoecological aspects of data analysis) 71
Khlopin I. N. The Most Ancient Tools Used in the Turkmen Carpet Making 83
Antonova E. V. Prestige Symbols and One of the Archaic Leaders Signs (materials from Sumbar I burial ground) 92

Publications

Klepikov V. M. Eneolithic Burials near Shlyakhovsky Farm 97
Krainov D. A., Kostyleva E. L., Utkin A. V. Volosovo Culture Anthropomorphous Figurine from Sakhtysh IIA Site 103
Bakhshaliev V. B. Archaeological Excavations of Oglankala Settlement 106
Berestnev S. I. Tarantsevo Settlement and the Population of the Forest-steppe Left-bank Dnieper Region in the Early Iron Age 121
Boltrik U. V., Fialko E. E., Tcherednitchenko N. N. Berdyansk Barrow 140
Alekseeva E. M., Rozanova L. S., Terekhova N. N. Gorgippia: ferrous metallurgy and blacksmith's work 157
Dubrovin G. E. Medieval Boats from Novgorod 177
Podyapolsky S. S. Concerning a Little Known Type of Porches of the End of the 15th — Beginning of the 16th Centuries 186

Archaeology and natural sciences

Alexeev V. A., Zhurbin I. V. The Use of Electrometry in Identification of the Archaeological Objects (based on the investigations of Idnakar fortified settlement) 208

Tupaev A. P., Detjuk A. N. Reduction of Archaeological Metal Oxidation Products with Hydrogean 213
Demkin V. A., Dyatchenko A. N. The Results of the Palaeosoil Investigations of Jerzovka I Settlement in Volgograd Region 216
Vishnevsky V. I. New Data Concerning the Dyakovo Tribes Agriculture in the Upper Volga River Basin 223

Reviews and Bibliography

Belova G. A. *Osing J.* Das Grab des Nefersecheru in Zawyet Sultan, Mainz am Rhein, 1992 . 227
Makhortykh S. V. *Pogrebova M. N., Raevsky D. S.* Early Scythians and the Ancient East, Moscow, 1992 230

Chronicle

Sedow V. V. Symposium „Imenkovo Culture Problems" (Bolgary, 1993) 236
Zverev S. V. All-Russian Numismatic Conference (Vologda, 1993) 238
Smirnova M. E. Conference „Computer Treatment Experience of the Archaeological Materials" (Moscow, 1993) 242
Mogilnikov V. A. Conference „Ethnic History of the Turkic Peoples of Siberia and the Contiguous Territories" (Omsk, 1992) 245
Alekseev L. V., Koledinsky L. V., Metelsky A. A. In memory of Mikhail Alexandrovich Tkatchev (1942—1992) 250
Bunyatian E. P. In memory of Vladimir Feodorovitch Gening (1924—1993) 253

В. П. КСЕНЗОВ

МЕЗОЛИТ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

Первый мезолитический памятник на территории Белорусского Подвинья выявлен А. Н. Лявданским в 1933 г. на правом берегу Западной Двины у д. Крыжи Витебского р-на [1, с. 212]. В обнажении берега на глубине 1 м в красно-желтом суглинке, залегавшем под почвой, им найдены обожженные раздробленные кости животных и кремневые отщепы. В том же году К. М. Поликарпович провел шурфовку местонахождения. Культурный слой, содержащий остатки благородного оленя и обработанные кремни (среди них пластинчатый черешковый наконечник стрелы, скребки из отщепов), зафиксирован под слоем почвы в суглинке красного цвета. Стратиграфия памятника и немногочисленные находки позволили исследователю датировать его анциловым временем, т. е. бореальным периодом [2, с. 84, 86]. Позже К. М. Поликарпович несколько омолодил возраст стоянки, датировав ее границей анцилового и литоринового периодов, т. е. концом VII — началом VI тыс. до н. э. [3, с. 12]. Значительный перерыв в исследовании мезолита Беларуси, обусловленный войной и внутриполитическими событиями, привел к утере памятника.

Большой вклад в изучение мезолита Белорусского Подвинья внес неолитический отряд Прибалтийской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной. Разведочными работами в 1957 г. на Западной Двине открыты поселения Крумплево и Семенов Хутор, на которых проводились зачистки обнажений культурного слоя, закладывались шурфы (Крумплево) и небольшой раскоп (Семенов Хутор) [4, с. 125—136]. Собранные материалы позволили выяснить стратиграфию и топографию памятников, определить их культурную принадлежность и датировку. По мнению Н. Н. Гуриной, Крумплево и Семенов Хутор генетически связаны с поселениями свидерской культуры и составляют недостающее прежде звено, связующее поселения Польши и Литвы и позволяющее перекинуть мост от мезолитических памятников запада на восток, к памятникам верхнего Поволжья и Оки. Высказано также предположение о возможном генетическом родстве мезолитического населения Северной Беларуси с позднепалеолитическим населением Среднерусской равнины [4, с. 136]. Несколько позже исследовательница назвала датировку поселения Крумплево эпохой мезолита ошибочной и отнесла его к доголоценовому финальнопалеолитическому времени [5, с. 148; 6, с. 31, 32]. Однако новая датировка противоречит высотному залеганию памятника — 6 м над уровнем Западной Двины, что в пределах Полоцкой низины соответствует уровню поймы (5—6 м). На этом участке долины реки также развиты первая (уровень 10—11 м) и вторая (уровень 20—22 м) надпойменные террасы [7, с. 33, 34]. По данным геологов образование уступа второй надпойменной террасы произошло в аллереде (11,8—10,8 тыс. лет назад), формирование первой надпойменной террасы закончилось в пребореале — начале бореального времени, т. е. около 10 тыс. лет назад [7, с. 42—45; 8, с. 113], что, по нашему мнению, свидетельствует о голоценовом возрасте памятника, даже если первая терраса на отдельных участках долины может иметь высоту 6 м.

В середине 60-х годов исследованием мезолитических памятников занимался И. М. Тихоненков. Им выявлены местонахождения Добрые Плессы, Устье Эссы [9, с. 142—147], раскапывались стоянки Семенов Хутор [10, с. 230—239],

© В. П. Ксензов, 1994 г.

Городок [11, с. 80—88]. Мезолитическое местонахождение у д. Плусы на оз. Яново в эти годы открыто Г. В. Штыховым [12]. В конце 70-х годов было обнаружено и раскапывалось Э. М. Зайковским поселение Струголапы, которое по мнению исследователя относится к кругу памятников неманской мезолитической культуры [13, с. 39—41; 14, с. 7]. С 80-х годов исследование мезолита Белорусского Подвинья проводит Днепро-Двинский отряд под руководством автора. Анализ кремневого инвентаря уже известных и новых мезолитических памятников позволили сделать вывод о существовании в регионе в раннем голоцене населения, оставившего несколько археологических культур.

Гренская культура представлена поселением Песчаница. Находится оно в пределах г. Лепеля, на юго-западном берегу оз. Лепельского. Высота залегания над уровнем воды 3—5 м. В древности стоянка располагалась на левом берегу р. Эссы, недалеко от впадения ее в озеро, на котором была построена небольшая ГЭС, поднявшая значительно уровень воды. Памятник открыт автором в 1981 г., раскапывался в 1989—1990 гг. За годы исследований тремя раскопами вскрыта площадь 498 м^2. Стратиграфия стоянки следующая: распаханный растительный слой 0—0,25 м; неслоистый мелкозернистый песок светло-желтого цвета 0,25—0,4 м; слоистый, разной зернистости песок светло-желтого цвета, включает мелкие камешки, зерна гравия, прокопан до глубины 0,8 м. Культурный слой в раскопках не обнаружен, видимо, полностью разрушен распашкой. На территории раскопов встречались немногочисленные кремни мезолитического облика и лепная керамика раннего железного века.

Кремневый инвентарь, собранный на поселении Песчаница, насчитывает 628 экз. Сырьем служил высококачественный кремень серого цвета, иногда покрытый патиной. Отдельные находки изготовлены из мелкого сожского кремня с вкраплениями мела. Совсем редки артефакты из местного моренного кремня низкого качества, имеющего коричневый или красноватый цвет.

Наиболее многочисленная категория находок — отщепы (451 экз.). Размеры их 0,5—1,5 см в диаметре, самый крупный достигает 4,5 см. Среди отщепов встречаются первичные, имеющие характерную меловую корку на спинке.

Пластин значительно меньше — 53 экз., причем 41 из них представлен в обломках. Наиболее крупная пластина достигает 3,5 см в длину, края заготовок неровные.

Из 103 орудий 54 изготовлены из отщепов и 48 из пластин. Наконечники стрел (2 экз.) черешковые, заготовками им служили пластина и отщеп. Черешок асимметричного наконечника выделен крутой противолежащей ретушью, такой же ретушью обработано перо (рис. 1, *2*). Черешок симметричного наконечника выделен выемками по обоим краям заготовки (рис. 1, *1*).

Скребки выявлены в количестве 12 экз. (рис. 1, *3—11, 13*). Изготовлены орудия из пластин (3 экз.) и отщепов (9 экз.). Скребки из пластин концевые, один двойной. Их дугообразный рабочий край обработан крутой скребковой ретушью. Остальные скребки имеют овальный подокруглый рабочий край, причем у одного он оформлен не на конце заготовки, а на ее краю (рис. 1, *6*).

Резцы (10 экз.) в большинстве своем изготовлены на углу сломанной пластинки — 8 экз. (рис. 1, *12, 14—17, 21, 22*). Один резец срединно-угловой, в 1 экз. найден боковой (рис. 1, *23*). Заготовками им служили пластины (8 экз.) и отщепы (2 экз.).

Вкладышевые орудия представлены несколькими типами Сечений пластин в коллекции 4 экз. (рис. 2, *2, 3*). Одно имеет обработку по краю со стороны спинки. Пластины-вкладыши с натуральными краями выявлены также в 4 экз. (рис. 2, *4, 5*). У них удалены верхушки и части с ударным бугорком, на краях одного выделены небольшие выемки, видимо, для закрепления в костяной или деревянной основе. В коллекции имеются также пластина и микропластинка с притупленным ретушью краем.

Пластины и их обломки, края которых обработаны высокой крутой ретушью, обнаружены в 5 экз. (рис. *2, 7, 10, 13—15*). Ретушировался как один, так и

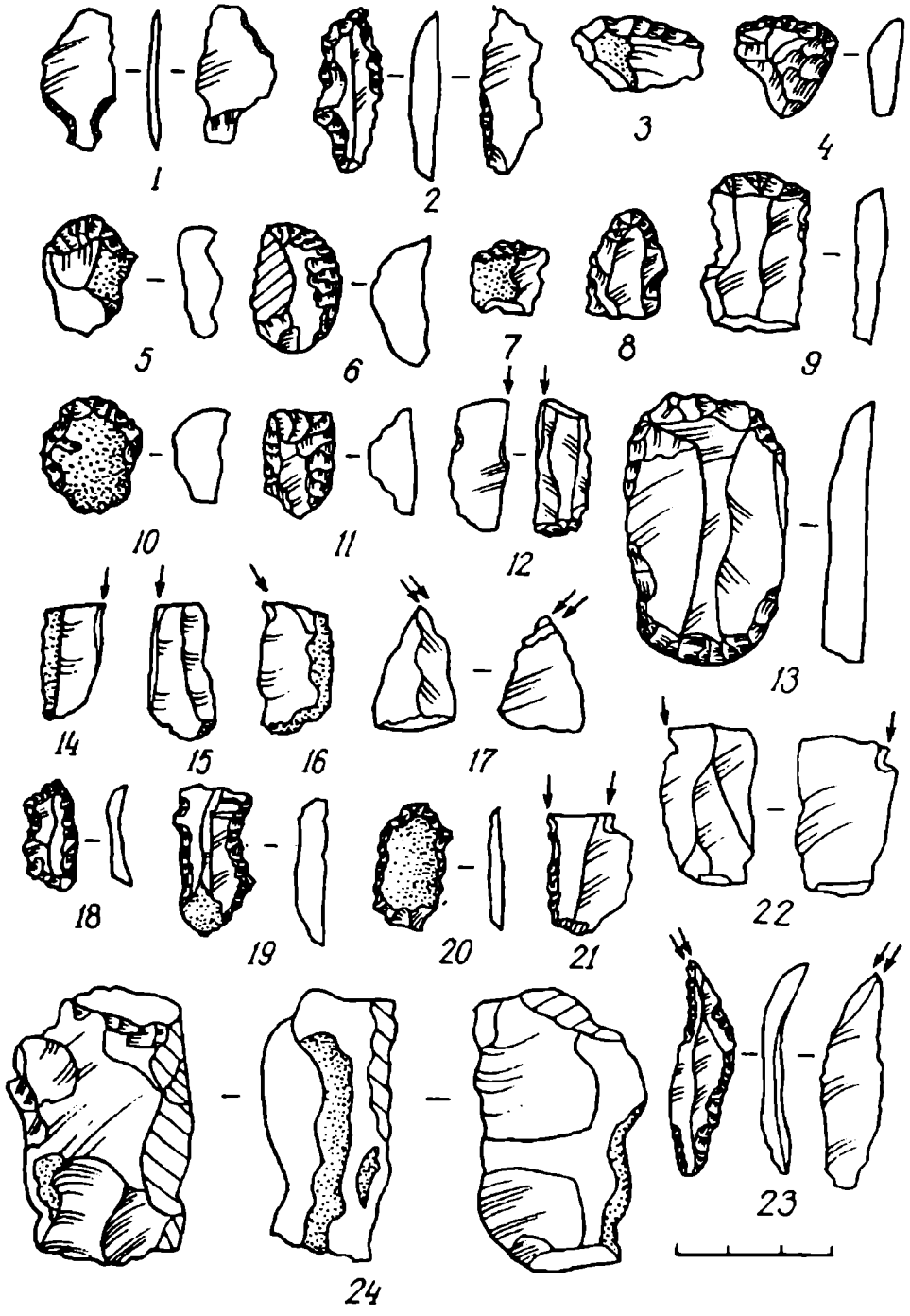


Рис. 1. Кремневый инвентарь поселения Песчаница. *1—2* — наконечники стрел; *3—11, 13* — скребки; *12, 14—17, 21—23* — резцы; *18—20* — выемчато-зубчатые орудия; *24* — нуклеус

два края заготовки. Отщепы, обработанные по краям крутой притупливающей ретушью, представлены в количестве 12 экз. (рис. 2, *8*, *9*, *11*, *12*, *16—21*).

Проколковидные острия найдены в 2 экз. (рис. 2, *23*, *24*). Изготовлены они из отщепов, рабочий край выделен на остроугольном углу заготовки. По технике обработки близка к ним пластина, прямоугольный угол которой ретуширован крутой ретушью (рис. 2, *22*).

Три находки близки к микрорезцам (рис. 2, *24*, *25*). Это базальные части пластин, имеющие частично ретушированную выемку по одному краю на конце со стороны спинки, с брюшка же выделяется негатив скола. Вместе с тем

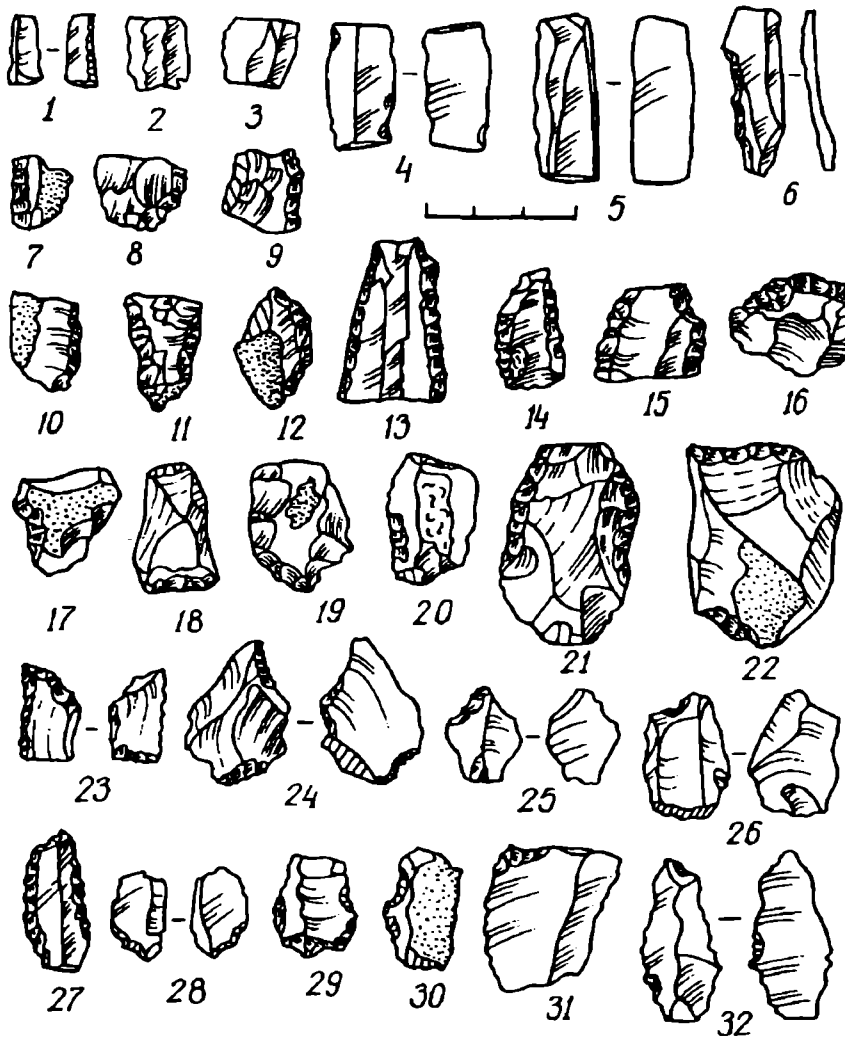


Рис. 2. Кремневый инвентарь поселения Песчаница. *1—6* — вкладыши; *7—22* — пластины и отщепы с крутой ретушью по краю; *23, 24* — проколки; *25, 26* — микрорезцы; *27* — ретушированная пластина, *28—32* — выемчато-зубчатые орудия

отметим, что орудий, изготовленных посредством техники микрорезцового скола, в коллекции нет.

Обнаружено 8 экз. выемчато-зубчатых орудий, изготовленных из пластин (4 экз.) и отщепов (4 экз.) (рис. 1, *18—20*; рис. 2, *28—32*). Для них характерна крутая ретушь, нанесенная по периметру заготовок, по краям которых выемками выделены один-два острых зуба. Ретушь наносилась со стороны спинки или брюшка.

Скобели (10 экз.) изготавливались из отщепов (9 экз.) и пластин (1 экз.), рабочий край выделялся полукрутой ретушью со спинки и брюшка.

Пластинка со скошенным ретушью краем в коллекции одна, обработана крутой мелкой ретушью. Также в 1 экз. выявлена заготовка рубящего орудия, в качестве которой использовался массивный отщеп. Лезвие подготавливалось плоскими сколами с брюшка и подправлялось плоской ретушью, заходящей на продольный край заготовки. Обушок плоский, горизонтальный, оформлен несколькими поперечными сколами.

Среди находок пластины (8 экз.) и отщепы (10 экз.), имеющие по краям полукрутую ретушь, ретушеры (8 экз.), отбойник, 21 нуклеус и их обломки. Нуклеусы сработаны, из-за чего не имеют определенной формы (рис. 1, *24*).

Памятники гренской культуры по составу кремневого инвентаря образуют три хронологические группы. Общей для них чертой является преобладание отщепов в качестве заготовки для орудий, наличие симметричных, асимметрич-

ных, специфических гренских наконечников стрел, ведущая роль крутого ретуширования при изготовлении орудий, техника первичной обработки, основанная на подконическом нуклеусе при наличии большого количества аморфных. Вместе с тем в хронологическом плане наблюдаются определенные изменения инвентаря в количественном и качественном отношении.

Первую, наиболее раннюю группу памятников, датирующуюся временем позднего дриаса — пребореала, представляют поселения Аносово [15, с. 244—251] и Берестеново. В их коллекциях присутствуют массивные черешковые симметричные и асимметричные наконечники стрел из пластинчатых отщепов, обработанные крутой ретушью, срединные, боковые, на естественном или сломанном конце заготовки резцы, концевые и с овальным рабочим краем скребки, в большинстве укороченных размеров, проколки со смещенным рабочим краем, выемчато-зубчатые орудия, топоры овальной формы, скобели. Для памятников этой группы характерна ведущая роль резцов, среди которых преобладают срединные. Эта категория орудия количественно превосходит другие. Отмеченные черты позволяют связать генезис гренских памятников с населением культуры лингби, которое проникло в финальном палеолите в лесную зону Восточной Европы (Маскаука 6, Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6 и др. на Нижнем Немане, Красноселье Е на Припяти) [16, с. 19—37; 17, с. 14—17].

Вторую хронологическую группу гренских поселений верхнего Поднепровья составляют памятники Боровка, Гренск, Гута I, Журавель, Коромка, Орша I, Хвойная [18, с. 60—66; 19, с. 9—16; 20, с. 64—70]. Основное отличие инвентаря поселений этой группы от первой заключается в уменьшении роли резцов и качественных изменениях внутри этой группы орудий при резком повышении удельного веса скребков, которые занимают ведущую роль. Так количественное соотношение резцов и скребков становится один к двум или трем в пользу последних. Среди резцов уже доминируют боковые при сохранении срединных и на углу сломанного или натурального конца заготовки. В коллекциях памятников сохраняются симметричные, асимметричные, гренские черешковые наконечники стрел, срединные и со смещенным лезвием проколки, выемчато-зубчатые орудия, пластины и отщепы со скошенным концом, скобели. Скребки в основном представлены двумя формами — концевыми и с овальным рабочим краем. Более разнообразны рубящие орудия — овальные и с перехватом топоры, наряду с которыми встречаются подтреугольной и подпрямоугольной формы. Поселения второй хронологической группы датируются бореальным временем, т. е. VIII—VII тыс. до н. э. Стоянка Песчаница типологически датируется второй половиной бореального периода и фиксирует северо-западную границу культуры.

Третья хронологическая группа гренских памятников малочисленна. Ее образуют стоянки Речица 2, Рекорд [21; 22, с. 105—114], Чижовка, а также, возможно, местонахождения Скиток, Целец, Красный Бор [23, с. 219—222; 24, с. 432; 25, с. 91]. Сразу заметим, что стоянки не раскапывались и на них лишь собирался подъемный материал, что не исключает инокультурную примесь (в Речице 2 выделяется группа орудий кудлаевского типа). Однако данное обстоятельство не помешало проследить закономерности в характере развития гренской материальной культуры. Продолжается падение роли резцов, которые в коллекциях единичны или исчезают вообще. Исчезают проколки со смещенным рабочим краем, выемчато-зубчатые орудия. Появляются новые группы орудий — симметричные и неравнобедренные трапеции, пластины с затупленным краем, получает распространение техника микрорезцового скалывания, что, возможно, отражает влияние со стороны населения янославицкой культуры. Вместе с тем сохраняются основные гренские черты — использование отщепа в качестве заготовки, симметричные, асимметричные, гренские наконечники стрел, крутое ретуширование при изготовлении орудий труда, первичная техника раскалывания основана на подконическим нуклеусе при наличии большого количества аморфных. Возраст памятников третьей хронологической группы сомнений не вызывает — начало атлантического времени, т. е. VI—V тыс. до н. э.

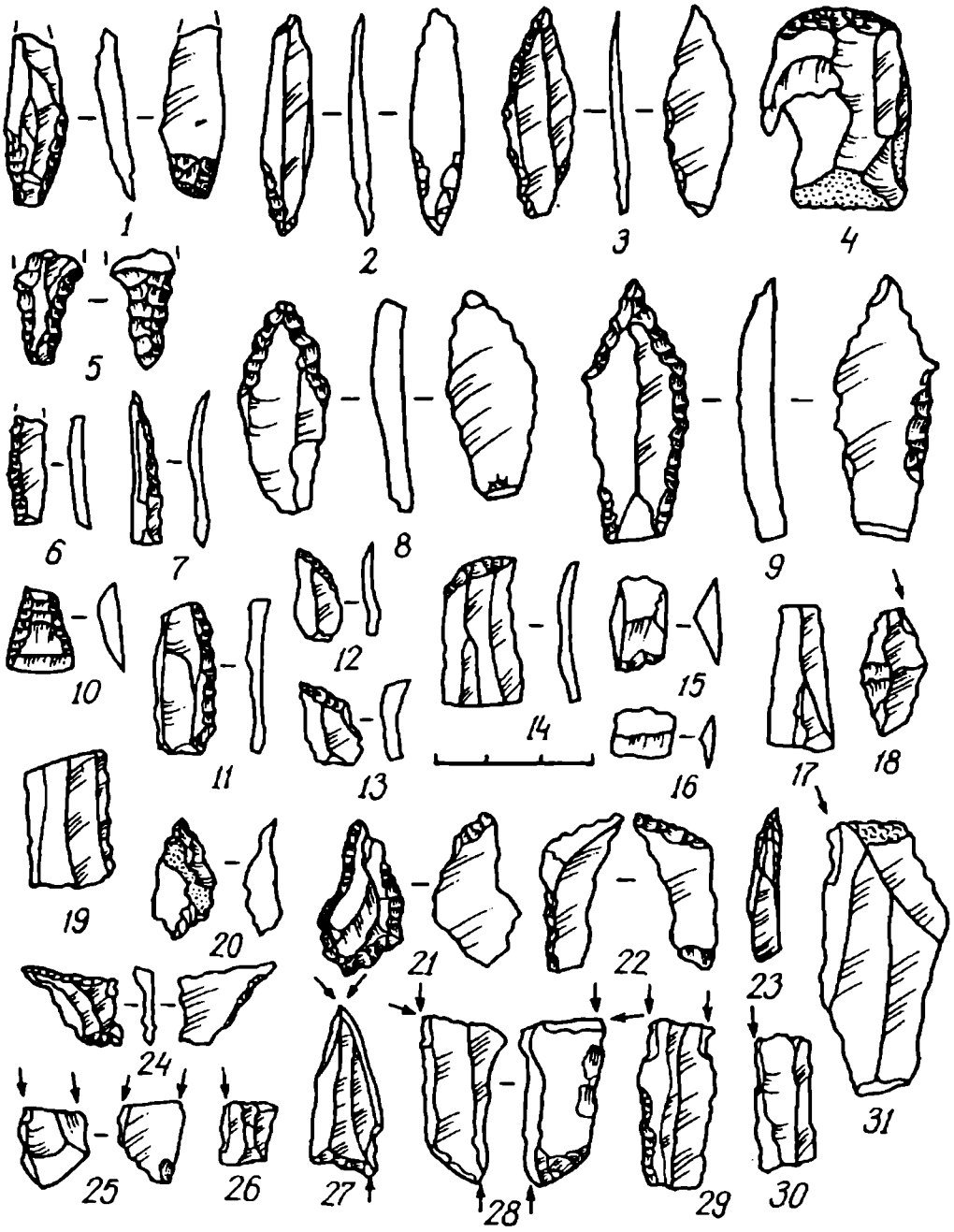


Рис. 3. Кремневый инвентарь поселения Городок. *1—3, 5* — наконечники стрел; *4* — скребок; *6, 7, 11* — пластинки с крутой ретушью по краю; *8, 9, 20—24* — проколки; *10* — трапеция; *12—14* — пластинки со скошенным ретушью концом; *15—17, 19* — простые вкладыши; *18, 25—31* — резцы

Днепро-деснинская культура в Белорусском Подвинье представлена также одним памятником — поселением Городок, которое располагалось на останце второй надпойменной террасы (высота 10—12 м) р. Лукомки, в пределах г. Новолукомля, в ур. Городок. Открыт и исследован памятник И. М. Тихоненковым в 1968 г. [11, с. 80—88]. В настоящее время р. Лукомка заключена в трубы и протекает под землей, проведена нивелировка и засыпка ее берегов, в результате чего памятник уничтожен. В ходе раскопок (вскрыто 120 м²) собрана небольшая коллекция кремневых орудий труда и отходов их производства.

Наконечники стрел представлены в коллекции 4 экз. (рис. 3, *1—3, 5*). Три наконечника относятся к постсвидерским. Для них характерно выделение черешка по двум (2 экз.) и одному краю (1 экз.) полукрутой ретушью со стороны спинки

и обработка плоской ретушью брюшка (рис. 3, *1, 2, 5*). Асимметричный наконечник один (рис. 3, *3*), черешок его выделен мелкой противолежащей ретушью. Крутой мелкой ретушью по одному краю срезано перо орудия. Выделенные И. М. Тихоненковым два наконечника не типичны для мезолита, эти орудия более близки к проколкам (рис. 3, *8, 9*).

В коллекции две пластинки с затупленным крутой мелкой ретушью краем (рис. 3, *6, 7*). Трапеция выявлена в 1 экз. (рис. 3, *10*). Вероятно, к вкладышам относится пластина с отсеченными концами, один край которой со спинки обработан полукрутой ретушью (рис. 3, *11*). Сечения пластин представлены 3 экз. (рис. 3, *15, 16*). Простые пластины-вкладыши, не имеющие верхушек и частей с ударным бугорком, выявлены также в 3 экз. (рис. 3, *17, 19*).

Пластинки со скошенным крутой ретушью концом немногочисленны — 3 экз. (рис. 3, *12—14*). Два орудия микролитичны — до 1,5 см в высоту, верхние концы скошены мелкой ретушью, нижние натуральные. У более крупной пластины конец с ударным бугорком отсечен.

Заготовками для проколок (4 экз.) служили отщепы (3 экз.) и пластина (рис. 3, *20—22*). Рабочий край выделялся на остроугольном конце заготовок крутой (2 экз.) или полукрутой ретушью по одному или двум краям. Пластина с затупленным крутой мелкой ретушью концом в коллекции одна (рис. 3, *24*). Такая же ретушь имеется на основании орудия.

Из восьми резцов шесть относятся к типу на углу сломанной заготовки (рис. 3, *18, 25, 26, 29—31*), причем два двойных, остальные одинарные. Оставшиеся два резца имеют по два рабочих лезвия (рис. 3, *27, 28*), оформленные как срединные и боковые резцы. Более многочисленны скребки — 18 экз. (рис. 4, *1—9*), изготовленные из пластин (9 экз.) и отщепов (9 экз.). Скребки в основном двух типов — концевые (9 экз.) и с округлым рабочим краем. Концевые скребки имеют высокий дугообразный и прямой рабочий край, обработанный крутой скребковой ретушью. Скребки овальной формы изготовлены из отщепов, имеют, как правило, невысокий полукрутой рабочий край.

Все выявленные на памятнике скобели (6 экз.) из пластин (рис. 4, *10—13*), имеют одну-две выемки. Среди находок 16 пластин на отдельных участках краев, 16 пластин без ретуши и 6 с ретушью.

Из 10 нуклеусов 2 имеют призматическую, 3 коническую форму, 2 уплощенных и 3 представлены в обломках. Нуклеусы небольших размеров, некоторые сработаны. Из сохранившихся нуклеусов 4 одноплощадочные и 3 двуплощадочные. Большая часть орудий изготовлена из мелового высококачественного неманского кремня, имеющего чаще всего голубоватый цвет. Для изготовления меньшей части орудий служил сожский меловой кремень серого цвета с включением мела, а также низкого качества местный моренный кремень. В заключение заметим, что для большинства орудий заготовками служили пластины — 72,6%. Поселение Городок входит в круг памятников западной группы второго этапа днепро-деснинской культуры.

На сегодняшний день днепро-деснинская культура насчитывает более 30 памятников, расположенных в бассейнах рек Десны, Днепра, Березины, Сожа. На фоне соседних мезолитических культур лесной зоны (бутовской, гренской, кундской, кудлаевской, неманской, рессетинской, ниславицкой и др.) днепро-деснинская выделяется рядом характерных черт инвентаря памятников, прослеживающихся на всем ее развитии. Техника расщепления кремня основана на подпризматическом, пирамидальном, подконическом нуклеусе при наличии аморфных и уплощенных из-за сильной сработанности. Наконечники стрел черешковые, постсвидерские, реже иволистые, симметричные и асимметричные. Очень редки наконечники с боковой выемкой [22, с. 57, рис. 22, *12, 13*].

Резцы представлены основными типами этой группы орудий — боковыми, срединными, на сломанном или натуральном конце заготовки, причем независимо от возраста памятника преобладают боковые. Соотношение угловых и срединных примерно равно, зависимость их количества от возраста не прослеживается.

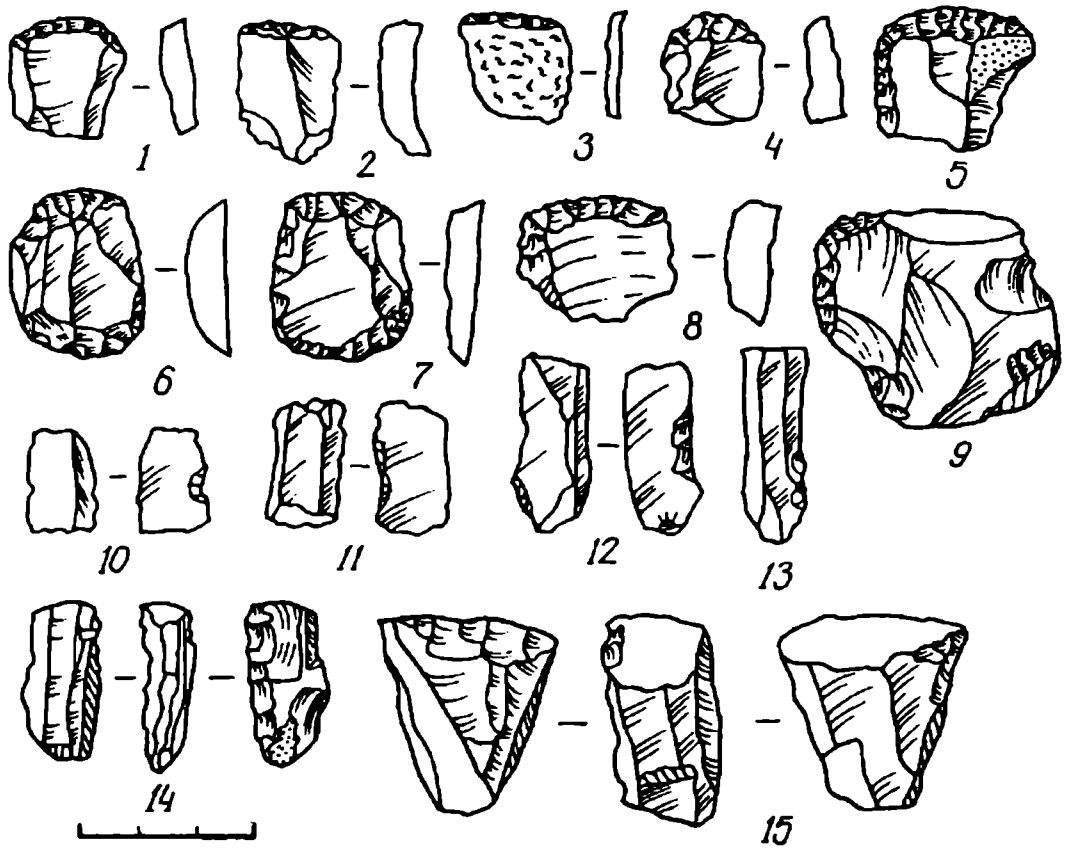


Рис. 4. Кремневый инвентарь поселения Городок. *1—9* — скребки; *10 — 13* — скобели; *14, 15* — нуклеусы

Среди скребков преобладают концевые, имеющие, как правило, высокий прямой или дугообразный рабочий край. Значительное место занимают скребки из отщепов с овальным рабочим краем. Соотношение резцов и скребков может служить одним из критериев датирования памятников. В коллекциях ранних поселений (Смячка 14 *а, б, г,* Бор, Залесье, Балка I, Латки) резцы количественно преобладают над скребками. Иная картина для поздних памятников (Береговая Слобода, Горки, Городок 4, Михайловка и др.), в коллекциях которых скребки наиболее многочисленная группа орудий. В коллекциях памятников имеются также в небольших количествах пластины со скошенным ретушью концом, срединные проколки, топоры овальные и с перехватом, клиновидные и долотовидные орудия, скобели. Вкладышевая техника развития не получила. Для ранних поселений единичны пластинки с затупленным краем, натуральные пластины-вкладыши. Среди вкладышей позднемезолитических памятников немногочисленны трапеции, пластинки с затупленным краем, натуральные пластины-вкладыши, сечения пластин. На поселениях Березины, фиксирующих западную границу культуры, вкладышевые орудия более разнообразны и многочисленны, что, видимо, объясняется контактами с населением соседних кудлаевской, неманской, янославицкой культур. Для большинства памятников характерно преобладающее использование пластины в качестве заготовки. Вместе с тем на ряде поселений чаще употреблялся отщеп (Смячка 14 *а, г,* Королева Слобода, Раска и др.). Корни этого явления кроются, по нашему мнению, в генезисе днепродеснинской культуры, связанном с взаимодействием населения свидерской и лингбийской культурной традиции. Это отражается и на всем составе кремневого инвентаря. Наряду с постсвидерскими черешковыми и иволистыми наконечниками стрел встречаются симметричные и асимметричные. Техника расщепления базируется на подпризматическом, подконическом, пирамидальном нуклеусе. Вторичная техника обработки включает плоское и крутое ретуширование. Среди

рубящих орудий выделим топоры с перехватом и овальной формы. Формирование днепро-деснинской культуры началось на рубеже плейстоцена — голоцена, пройдя затем в своем развитии значительный хронологический отрезок с VIII по IV тыс. до н. э. Позднемезолитическое днепро-деснинское население дало начало верхнеднепровской неолитической культуре, о чем свидетельствует близость кремневого инвентаря их памятников, выражающаяся в преемственности техники изготовления орудий труда и их форме.

Ярким явлением в мезолите Белорусского Подвинья являются немногочисленные памятники *кундской культуры*. Один из них Замошье I расположен северо-западнее одноименного населенного пункта Адамовского сельсовета Верхнедвинского р-на Витебской обл. Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого берега Западной Двины, на высоте 11,5 м над уровнем реки. Открыт автором в 1983 г., исследовался в 1983—1985 гг. [26, с. 457]. На территории поселения заложены четыре раскопа общей площадью 732 м^2. Стратиграфия раскопа следующая: пахотный слой 0—0,3 м; темной окраски культурный слой позднего средневекового времени, содержащий большое количество расщепленных кремней и орудий труда мезолитического времени 0,3—0,5 м; темно-желтый, порой красноватый мелкозернистый песок, в верхней части которого залегают немногочисленные кремни и мелкие древесные угольки 0,5—0,9 м; мелкозернистый неслоистый песок светло-желтого, порой белого цвета, прорезанный прослойками ортзандов 0,9—1,2 м.

Культурный слой эпохи мезолита разрушен вторичным заселением этой территории (по словам местных жителей, на месте поселения в недалеком прошлом находилась д. Боровка), а также распашкой поля. Расщепленный кремень встречается от современной поверхности до глубины 0,55 м. За три года исследований на поселении Замошье I собрана коллекция из 7506 находок. Сырьем служил меловой кремень темного цвета, имеющий коричневый оттенок. Единичны находки из розоватого, черного, голубоватого кремня. Выходов кремня в белорусском течении Западной Двины к настоящему времени не обнаружено. Крупных желваков, соответствующих размерам нуклеусов и заготовок, на стоянках не найдено, что может свидетельствовать об импорте кремня с соседних районов, вероятно с верхнего Днепра.

В собрании коллекции преобладают отщепы — 5245 экз. Характерная особенность находок — небольшие размеры. Самые крупные достигают 7 × 5 см в поперечнике. Преобладающее большинство имеет размеры в пределах 1 × 5,5—1,5 × 2,5 см. Основная часть, безусловно, является отходами производства. Они имеют неправильные, ломаные очертания, спинка неправильно ограненная, края неровные с зазубринами.

Вторую многочисленную категорию представляют пластины без обработки — 992 экз. По их оформлению, сохранности выделяется несколько групп. Отсеченные базальные части пластин с обязательным наличием ударного бугорка представлены 340 экз. Подавляющее большинство их имеет длину меньше 2 см, наиболее крупные достигают 5 см. Верхушки пластин найдены в количестве 131 экз. Они имеют характерную изогнутость в профиле, длина самой крупной 3,5 см. Обломков разных частей пластин (от 0,5 до 4 см в длину) в коллекции 230 экз. Целые пластины — 112 экз., сохраняющие ударные бугорки и верхушки, но не использованные из-за ряда факторов — кривизны в профиле, выщербленности края, наличия меловой корки и т. д. Сечения пластин (179 экз.) имеют характерные черты — отсутствие верхушек, частей с ударными бугорками, преднамеренно удаленных. Большинство сечений относится к коротким, имеет прямоугольную, редко трапециевидную форму. По краям многих (35 экз.) нанесена крутая ретушь и тонкие резцовые сколы, появившиеся, вероятно, в процессе подгонки вкладыша в паз. Большая часть сечений пластин использовалась в качестве вкладышей, что позволило нам включить их в категорию орудий.

Микропластинки без вторичной обработки найдены на поселении Замошье I в количестве 258 экз. Главным признаком при их выделении являются размеры.

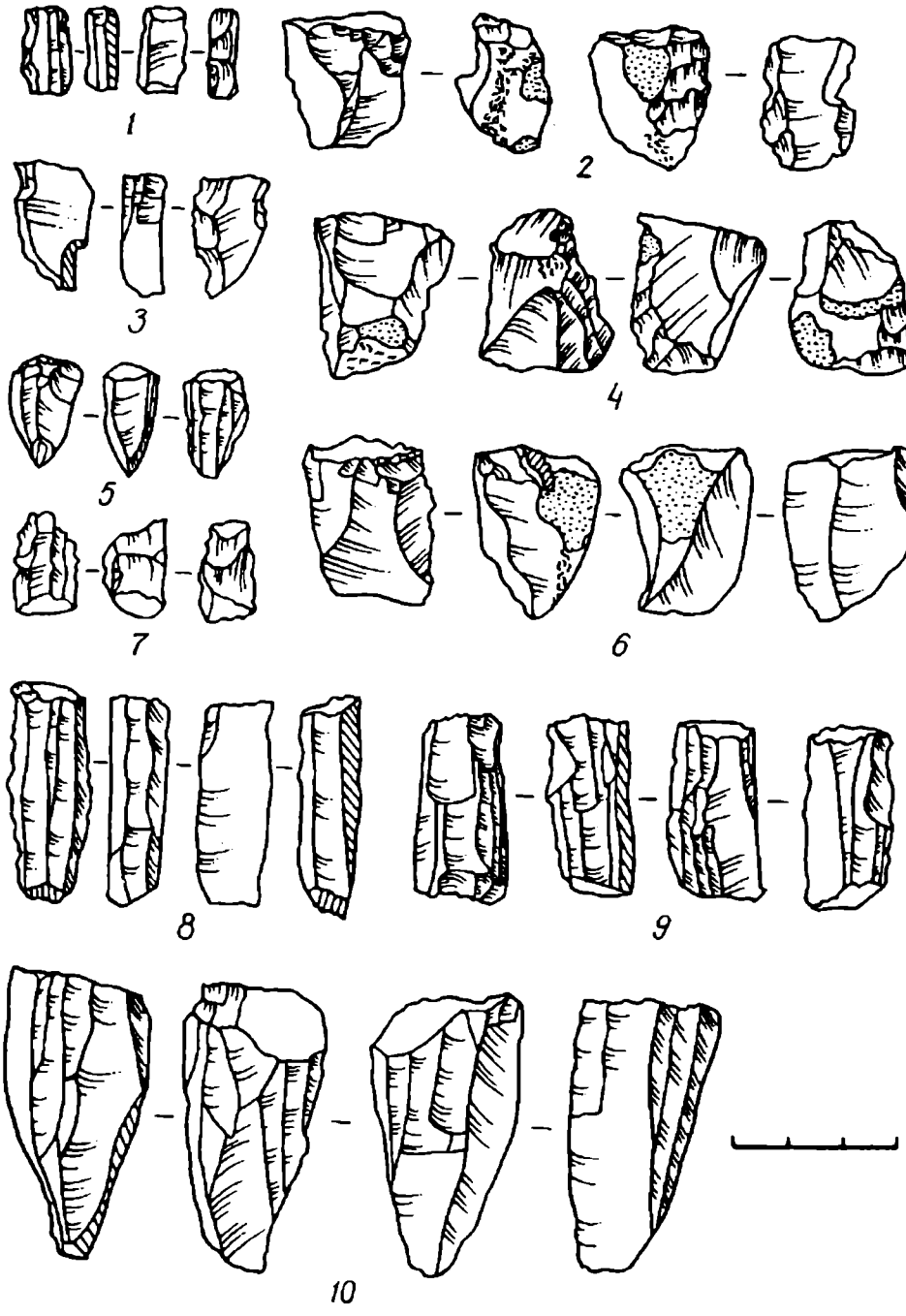


Рис. 5. Кремневый инвентарь поселения Замошье I. *1—10* — нуклеусы

Наиболее крупная имеет длину 3,5 см при ширине 0,5 см. Отделялись микропластинки от специальных, небольшого размера нуклеусов (рис. *5, 1, 3, 5, 7*), заготовками которым служили желваки кремня, массивные отщепы и пластины. Из 258 микропластин 132 можно отнести к вкладышевым орудиям. У них отсечены верхушки и нижние части с ударным бугорком. Остальные представлены обломками, проксимальными и дистальными частями.

Нуклеусы на памятнике выявлены в количестве 73 экз., 19 из них представлены обломками. Морфологический анализ большинства сохранившихся нуклеусов (43 экз.) затруднен из-за значительной сработанности, что придало им аморфность, уплощенность (рис. *5, 2, 4, 6*); семь нуклеусов имеют призматическую форму (рис. *5, 8, 9*); три близки к подконическим (рис. *5, 10*). Скалывание пластин производилось со всех сторон, подправлялась также ударная площадка.

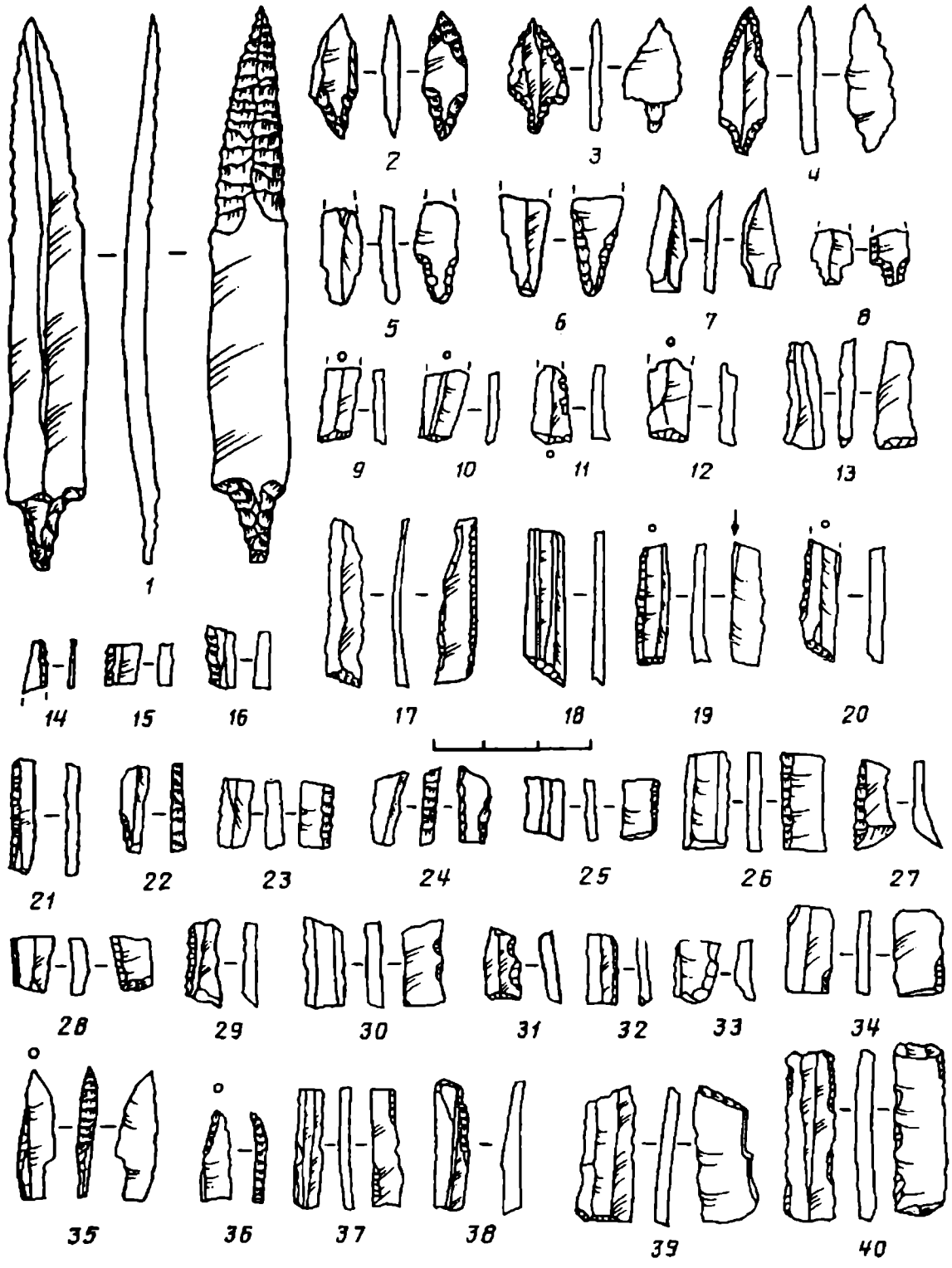


Рис. 6. Кремневый инвентарь поселения Замошье I. *1—8* — наконечники стрел; *9—40* — вкладыши

Количество одноплощадочных и двухплощадочных нуклеусов примерно равно — 27 и 28 экз. С большинства ядрищ скалывались пластины, однако имеются экземпляры (3), с которых снимались отщепы. Размеры наиболее крупного нуклеуса не превышают 5,5 см в высоту.

Из 970 орудий, найденных на поселении Замошье I, 730 изготовлены из пластин, 235 из отщепов, 5 из кусков кремня.

Наконечники стрел в коллекции представлены 31 экз., 28 из которых обломаны.

Наконечники черешковые, заготовками им служили пластины. По оформлению насада, острия, характеру ретуши (плоская, встречная, крутая, полукрутая), ее расположению выделяется несколько типов. Первый тип образуют наконечники (8 экз.), черешок которых выделен со стороны спинки выемками по обоим краям крутой ретушью и обработан плоской с брюшка (рис. 6, *3*). Острие орудий натуральное или обработано плоской ретушью с брюшка, иногда полукрутой ретушью с брюшка, иногда полукрутой ретушью по одному, двум краям. Наконечники, черешок которых выделен только выемками со стороны спинки или брюшка полукрутой ретушью, представляют второй тип (7 экз., рис. 6, *4—6, 8*). Третий тип составляют типично кундские наконечники с выделенным встречной полукрутой ретушью черешком (6 экз., рис. 6, *1, 2*). Острие натуральное, обработано плоской ретушью с брюшка, полукрутой односторонней или встречной по двум краям. Черешок наконечников третьего типа, как правило, острый, проколковидный. Облик кундской культуры определяют также наконечники с выемкой у черешка и плоской ретушью на брюшке пера. Среди наконечников имеется орудие с поперечным лезвием. Своеобразен наконечник, черешок и острие которого оформлены узкими резцовыми сколами (рис. 6, *7*). Не исключено, что это случайная форма. Общей чертой наконечников первого и третьего типов является постсвидерская обработка плоской ретушью насада или острия орудия с брюшка.

Многочисленны и разнообразны вкладышевые орудия и их обломки, изготовленные из пластин и микропластин (366 экз.). По форме, технике изготовления выделяются несколько типов вкладышей. Наиболее полно представлены вкладыши с крутой мелкой ретушью по одному краю (54 экз., рис. 6, *14—16, 19—33, 35, 36, 38*). Концы орудий прямые или скошенные, обработаны крутой ретушью или без обработки. Менее многочисленны вкладыши, у которых крутой ретушью обработаны два края (12 экз., рис. 6, *17*). Ретушь как односторонняя, так и противолежащая наносилась со стороны спинки и брюшка. В пределах двух типов вкладышей по форме выделяются прямоугольные (их большинство) и остроконечные. В количестве 73 экз. представлены прямо- и остроконечные вкладыши без ретуши по краям (рис. 6, *9, 10, 12, 13, 18*). Концы пластин отсечены, иногда обработаны ретушью.

Из 219 сечений пластин и микропластин большая часть использовалась в качестве вкладышей. Подробная характеристика этого типа вкладышей приведена выше.

Вкладыши типа Михайловка в коллекции представлены в количестве 7 экз. (рис. 6, *37, 40*). Концы у них по краям срезаны с брюшка и спинки противолежащей крутой ретушью с целью удаления выступающих углов заготовок. Трапеция на памятнике найдена в 1 экз., она асимметричная, изготовлена из сечения пластины. Поперечные края обработаны крутой мелкой ретушью.

Большинство собранных на памятнике скребков (153 экз.) изготовлены из пластин — 86 экз., остальные из отщепов — 67 экз. Среди скребков преобладают концевые — 99 экз. Рабочий край орудий дугообразный, прямой, обработан крутой скребковой ретушью (рис. 7, *14—17, 19—20, 25*). Необходимо отметить, что в качестве заготовки чаще употреблялись усеченные пластины и отщепы. Скребки с овальным рабочим краем изготавливались из отщепов — 33 экз. (рис. 7, *18, 26, 27, 31*). Микроскребки представлены в основном ногтевидной формой — 19 экз. (рис. 7, *1—4, 10, 11*). Их овальный или дугообразный рабочий край обработан крутой ретушью. В 6 экз. выявлены скребки, которые по положению рабочего края в отношении к оси заготовки можно отнести к боковым (рис. 7, *28, 29*). Размеры скребков разные — от 0,8 до 5 см в длину, причем преобладают орудия укороченных размеров.

Скребки (пластины — 10 экз. и отщепы — 14 экз.), обработанные по краям нерегулярной ретушью, выявлены в количестве 24 экз. (рис. 7, *5—9, 12*). Ретушь, как правило, наносилась со стороны спинки, редко с брюшка.

Резцы (56 экз.) представлены исключительно типом на углу сломанной

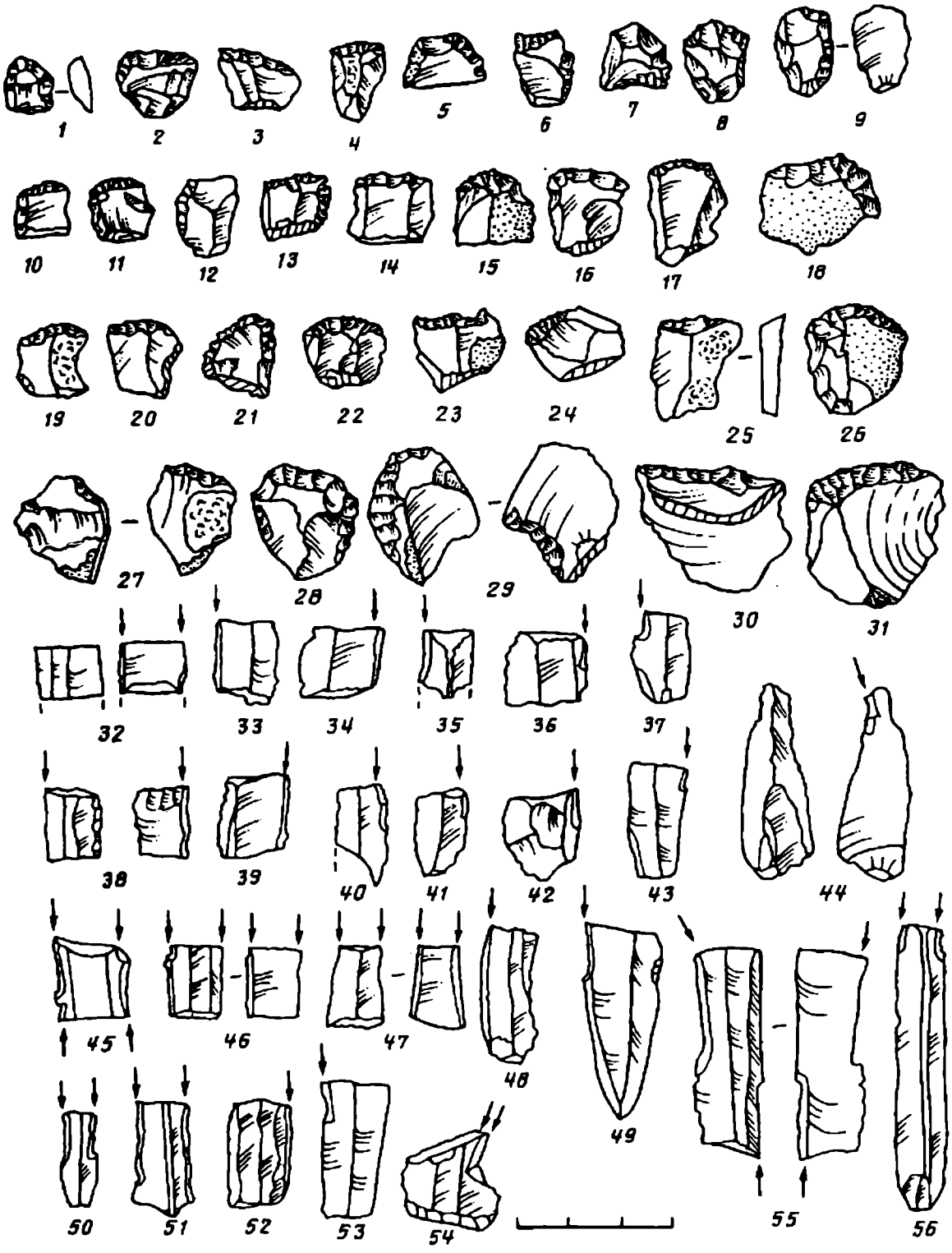


Рис. 7. Кремневый инвентарь поселения Замошье I. *1—31* — скребки; *32—56* — резцы

пластинки (рис. 7, *32—56*), из них 40 орудий однолезвийные, остальные имеют от 2 до 4 резцовых углов. Заготовками служили пластины хорошего качества с ровными параллельными краями.

Пластинка с пильчатой ретушью в коллекции одна (рис. 8, *1*). Ретушь наносилась по одному краю заготовки со стороны брюшка. Ланцетовидные острия (7 экз., рис. 8, *2—6*) изготовлены из пластин. Рабочий край обработан полукрутой ретушью со стороны спинки, на 2 экз. подправлен мелкой противолежащей

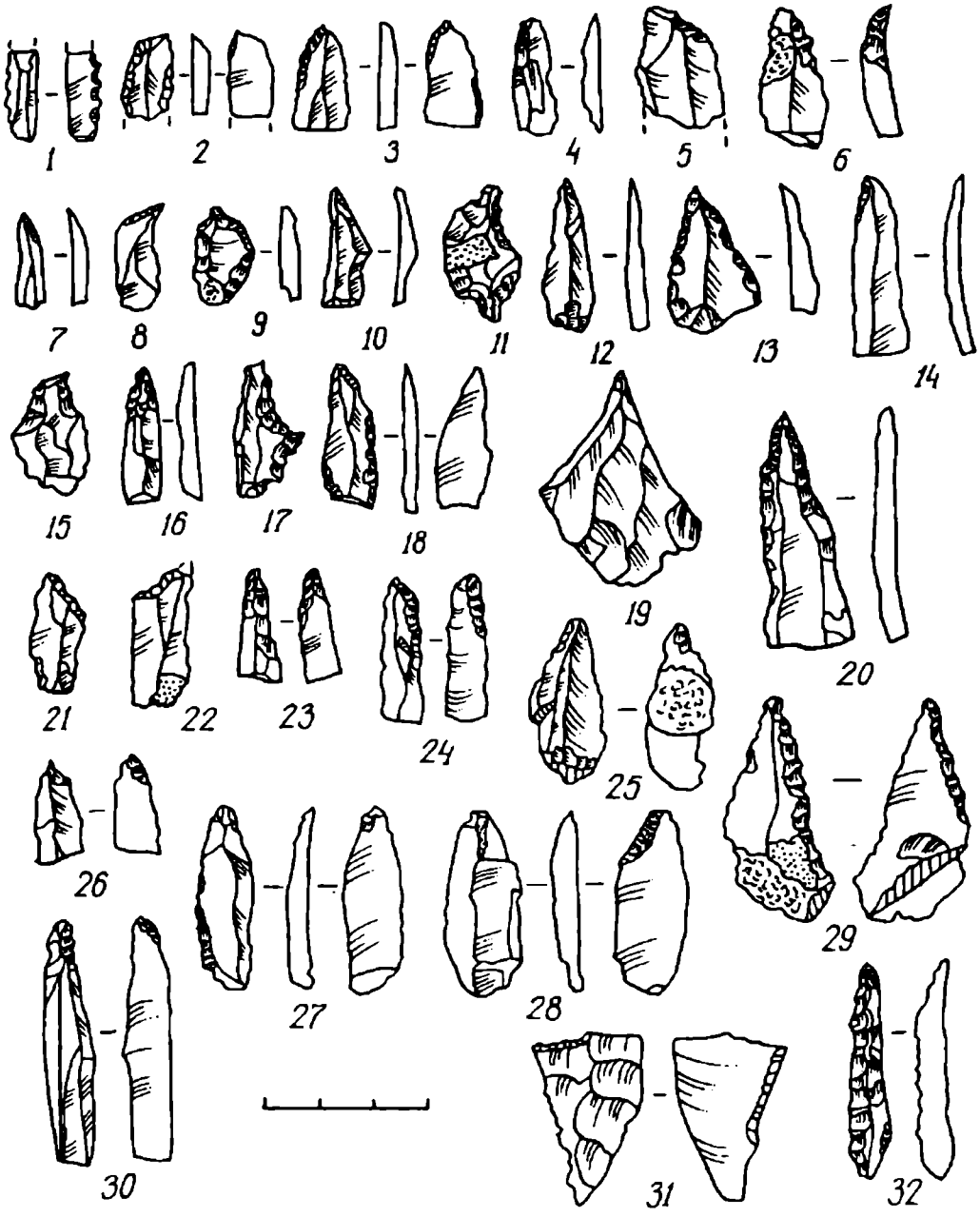


Рис. 8. Кремневый инвентарь поселения Замошье I. *1* — пластинка с пильчатой ретушью; *2—6* — ланцетовидные острия; *7—20* — проколки; *21, 22* — пластинки со скошенным концом; *23—32* — сверла-провертки

ретушью по второму краю. Основания орудий обломаны, возможно, обрабатывались ретушью по краям.

Проколки выявлены в количестве 17 экз. (7 из пластин, 10 из отщепов). Жала орудий оформлены мелкой или крупной ретушью по одному (8 экз.), двум краям (10 экз.) со стороны спинки (рис. 8, *7—20*). По расположению жала по отношению к продольной оси заготовки выделяются концевые (16 экз.) и со смещенным рабочим краем (1 экз., рис. 8, *17*) проколки.

Сверла-провертки (10 экз.) изготовлены из пластин (7 экз.) и отщепов (3 экз.). Рабочая часть подготовлена на толстых концах заготовок полукрутой противолежащей ретушью (рис. 8, *23—32*), которой обработаны два края орудий.

Пластинки со скошенным крутой мелкой ретушью концом представлены в коллекции 2 экз. (рис. 8, *21, 22*). Ретушь нанесена со стороны спинки, основания пластин натуральные, на них сохранились ударные бугорки.

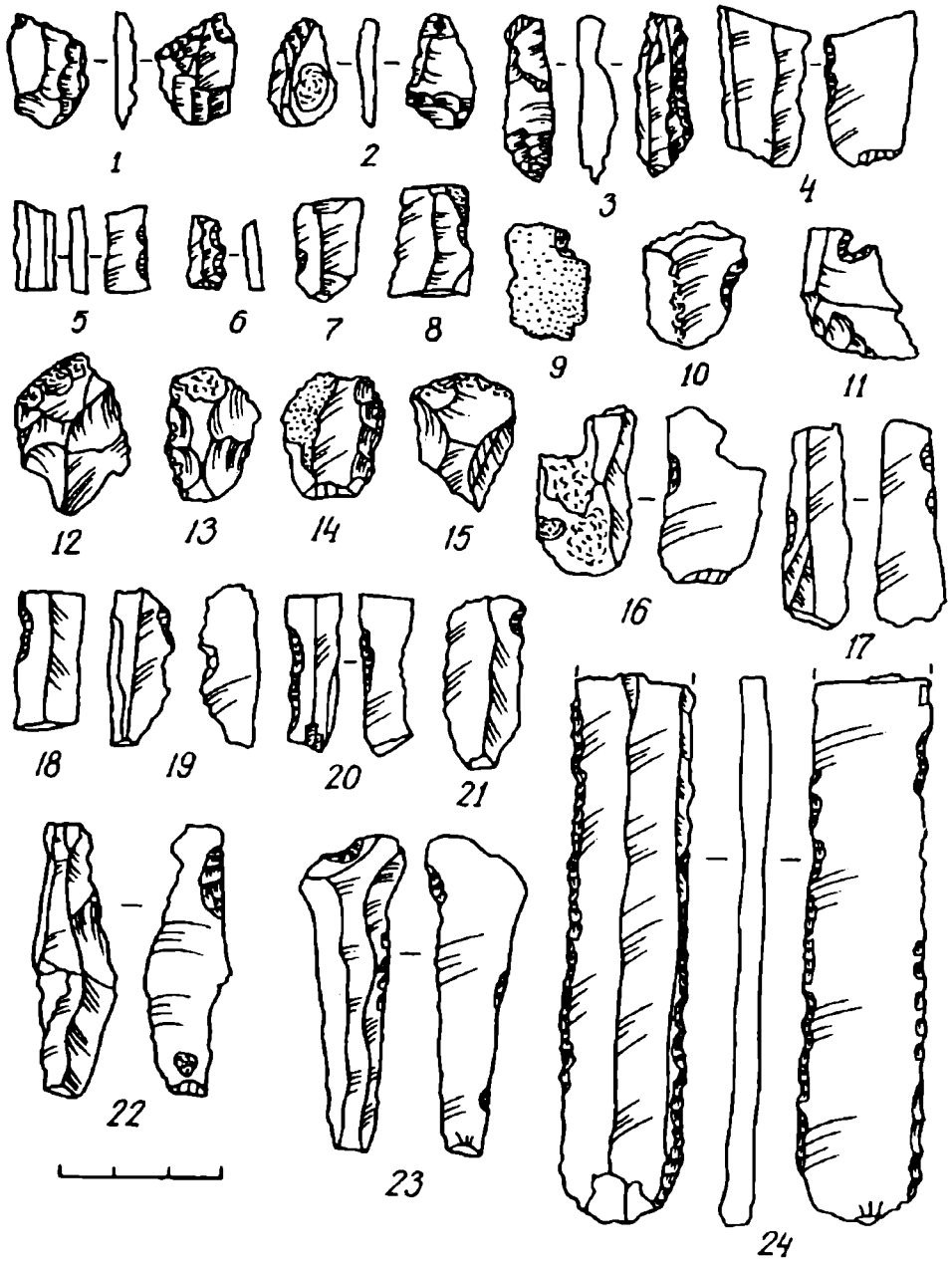


Рис. 9. Кремневый инвентарь поселения Замошье I. *1—3* — орудия пьес экайе; *4—11*, *16—23* — скобели; *12—15* — ретушеры; *24* — обломанная ретушированная пластина

Своеобразны орудия (57 экз.), изготовленные из пластин (29 экз.) и отщепов (28 экз.). Края, иногда концы заготовок, обрабатывались крутой мелко- и крупнофасеточной ретушью, в двух случаях обработаны сколами. Рабочий край орудий прямой, выемчатый, овальный, иногда в центре его или ближе к концу выделялся шип. Обработка односторонняя. Ретушь и сколы наносились со спинки. Форма орудий восьмеркообразная, удлиненноовальная, сложнофигурная. Размеры находок не превышают 4 см в длину. Забитость рабочего края отдельных изделий свидетельствует об их использовании в качестве скребуще-скоблящих орудий, возможно, ретушеров.

Выявлены пять орудий типа пьес экайе (рис. 9, *1—3*), заготовками им служили пластины (4 экз.) и отщеп. Концы заготовок обработаны сколами, которыми снимались неровности рабочего края и ударные бугорки. Длина наиболее крупного орудия достигает 3 см.

Скобели обнаружены в количестве 106 экз. (рис. 9, *4—11; 16—23*). Изготовлены

они из пластин (59 экз.) и отщепов (47), по краям которых полукрутой ретушью выделялись со стороны спинки или брюшка выемки диаметром 0,3—2 см. Орудия имеют одну, две и более выемок.

В коллекции находится 25 ретушеров. В их качестве использовались толстые в сечении отщепы (18 экз.), пластины (2 экз.), куски кремня (5 экз.), имеющие по краям характерные для ретушеров забитость, заломы (рис. 9, *12—15*).

Многочисленны орудия универсального назначения (112 экз.) — пластины (65 экз.) и отщепы (47 экз.) с нерегулярной ретушью по краям. Ретушь притупливающая, мелкая, полукрутая, крутая, нанесена с брюшка и спинки заготовок. Определенный интерес вызывает значительных размеров обломанная пластина (рис. 9, *24*), по краям которой нанесена притупливающая ретушь. Ножом данная пластина, судя по ретуши, быть не могла. Вероятно, это был кинжал, острие которого обломано в древности, и осталась лишь рукояточная часть, поверхность которой несет следы залощенности.

Кроме описанного выше кремневого инвентаря на поселении Замошье I выявлены ребристые пластины, аморфные куски кремня (21 экз.), отщепы от резцовых сколов (7 экз.), разбитая окатанная кремневая галька (13 экз.), материалы позднего средневековья (остатки сосудов, стекло, предметы из железа).

Ярким памятником культуры кунда на территории северной Беларуси является также поселение у д. Крумплево Полоцкого р-на Витебской обл., выявленное и обследованное в 1957 г. Н. Н. Гуриной [4, с. 128, 129, рис. 2; 5, с. 148, рис. 4; 6, с. 31, 32]. Среди орудий типично кундские [4, рис. 2, *8*], постсвидерские, симметричные, с боковой выемкой наконечники стрел, концевые и с округлым рабочим краем скребки, микроскребки, пластинки с затупленным крутой ретушью краем, резцы на углу сломанной пластины, проколки. В качестве сырья использовался высококачественный меловой кремень темного цвета, большинство орудий изготовлено из пластин.

Памятники кундской культуры на территории Беларуси обладают некоторыми особенностями. Прежде всего в их культурных слоях не выявлены орудия из кристаллических пород камня. Данное обстоятельство можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, вероятно, в других породах камня не было нужды, так как хватало кремневого сырья, во-вторых, население северной Белоруссии не имело, видимо, прямых контактов с населением финских и карельских культур аскола и суомусьярви и не было подвержено влиянию с их стороны. И вторая особенность, объясняющаяся чисто природными факторами,— в инвентаре белорусских памятников отсутствуют изделия из кости, которые не сохранились из-за залегания в песке на небольшой глубине.

Многолетние исследования поселений кундской культуры позволили археологам выделить отличительные черты кремневого инвентаря (рамки статьи не позволяют дать характеристику костному инвентарю), разработать ее периодизацию [27; 28, с. 56—63; 29, с. 69—75; 30, с. 120—135; 31; 32].

Техника расщепления кремня на поселениях кундской культуры основана на нуклеусах конической и подконической форм при наличии призматических, уплощенных и аморфных из-за сильной сработанности ряда экземпляров. Нуклеусы использовались для снятия пластин с параллельными краями, которые служили заготовками для орудий и для оснащения пазов костяных изделий, что свидетельствует о высокоразвитой пластинчатой технике.

Наконечники стрел довольно разнообразны, их черешковая форма является общей для них чертой. Типичными для кундской культуры являются наконечники, черешок которых выделен встречной полукрутой ретушью. Острие и перо орудий, как правило, обрабатывалось плоской ретушью с брюшка, а также полукрутой односторонней или встречной по краям. Широко распространены в инвентаре кундских памятников постсвидерские, симметричные наконечники, наконечники с боковой выемкой встречаются редко.

Одна из особенностей кремневого инвентаря памятников кундской культуры — преобладающее, а порой абсолютное большинство резцов на углу слома заготовки,

которой, как правило, являлась пластина. Большинство орудий укороченных размеров, на что, возможно, повлияла технология резцов, когда первоначальным приемом их изготовления было отделение у пластины верхушки или части с ударным бугорком. Встречаются резцы одинарные, двойные, тройные, а также орудия с четырьмя резцовыми лезвиями, которые оформлены в подавляющем большинстве на прямоугольных концах заготовок.

Еще одна характерная черта инвентаря кундских поселений — многочисленность и разнообразие вкладышевых изделий, преобладающих количественно среди орудий. Прежде всего это простые пластины-вкладыши, у которых удалены верхушки и части с ударным бугорком, края оставались натуральными. Также многочисленны вкладыши с крутой мелкой ретушью по одному или двум краям, причем ретушь чаще наносилась со стороны спинки. Концы вкладышей были натуральными или обрабатывались также крутой ретушью, причем были они прямые или скошенные (заостренные). Нужно заметить, что геометрические формы для поселения кундской культуры не характерны. Лишь в Замошье I в 1 экз. выявлена неравнобедренная трапеция. Размеры вкладышевых орудий невелики и не превышают за редким случаем 3 см в длину.

Большинство скребков имеет укороченные размеры. По оформлению рабочего края они концевые (заготовкой им служила пластина) и овальные (заготовкой служил отщеп). На ряде поселений (Замошье I, Крумплево, Лепакозе) обнаружены микроскребки, скробачи. В кремневом инвентаре памятников кундской культуры присутствовали пластины и отщепы, обработанные крутой мелкой и крупнофасеточной ретушью, причем рабочий край их прямой, выемчатый, овальный, пластины и отщепы с нерегулярной мелкой полукрутой ретушью по краям (орудия универсального назначения), с ретушированными выемками (скобели). Реже встречаются проколки, сверла, пластинки со скошенным ретушью концом, долотовидные орудия, ретушеры. Рубящие орудия (топоры, тесла, долота), как правило, изготавливались из кристаллических пород. Обрабатывались они посредством обтесывания и шлифования рабочего края — лезвия.

Поселения Замошье I и Крумплево со стоянками Звейниеки 2 (верхний слой), Кунда, Умбузи образуют вторую хронологическую группу кундской культуры, датирующуюся бореальным временем. Памятники Замошье I и Крумплево на сегодняшний день фиксируют южную границу ареала кундского населения.

В заключение статьи отметим, что на территории Белорусского Подвинья находятся также стоянки неманской мезолитической культуры (Семенов Хутор [4, с. 128—129; 5, с. 176—177; 30, с. 114—115; 33] и нарочанского типа материалы с которых, к сожалению, еще не опубликованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *ЛяўданскI А. Н., ПалIкарповIч К. М.* АрхеалачIчныя досьледы у БССР у 1933—1934 гг.//ЗапIскI Беларускай АкадэмII навук. Кн. 5. Менск, 1936.
2. *Поликарпович К. М.* Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг.//СА. 1940. № 5.
3. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
4. *Гурина Н. Н.* Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР//СА. 1960. № 1.
5. *Гурина Н. Н.* Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии//МИА. 1965. № 131.
6. *Гурина Н. Н.* К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши//МИА. 1966. № 126.
7. *Мещеряков Ю. А., Федорова Р. В.* О возрасте и происхождении террас Западной Двины//Матер. Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода. М.: Наука, 1961.
8. *Зименков О. И., Вальчик М. А.* Геохронология и палеогеография аллереда на территории Белоруссии//Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Таллинн, 1986.
9. *Тихоненков И. М.* Новые памятники каменного века северной Белоруссии//Белорусские древности. Минск, 1967.
10. *Тихоненков И. М.* Раскопки мезолитической стоянки Семенов Хутор//Древности Белоруссии. Минск, 1969.
11. *Тихоненков И. М.* Мезолитическая стоянка Городок в Чашникском районе Витебской области//БеларускIя старажытнасцI. МIнск, 1972.

12. *Штыхов Г. В.* Отчет об археологических исследованиях в 1965 г.//Архив Института истории АН БССР.
13. *ЗайкоускI Э. М.* ЗнаходкI ля возера//ПомнIкI гIсторыI I культуры БеларусI. 1981. № 2.
14. *Зайковский Э. М.* Неолит и бронзовый век Белорусского Подвинья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1985.
15. *Гурина Н. Н.* Кремнедобывающая мастерская в верховьях р. Днепра//МИА. 1972. № 185.
16. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис, 1971.
17. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наук. думка, 1989.
18. *Копытин В. Ф.* Мезолит юго-восточной Белоруссии//КСИА. 1977. Вып. 149.
19. *Копытин В. Ф.* Мезолит юго-восточной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
20. *Копытин В. Ф.* Каменный век на территории Белоруссии: Уч. пособ. Минск, 1990.
21. *Ксензов В. П.* Новые мезолитические памятники юга Белоруссии//СА. 1984. № 2.
22. *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1988.
23. *ПалIкарповIч К. М.* ДагIстарычныя стаянкI сярэдняга I нIжняга Сажа//Працы кафедры археалогII. Т. I. Менск, 1928.
24. *ПалIкарповIч К. М.* ДагIстарычныя стаянкI сярэдняга Сажа//Працы археалагIчнай камIссII. Т. II. Менск, 1930.
25. *Левенок В. П.* Мезолит среднерусского днепро-донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры//МИА. 1966. № 126.
26. *Ксензов В. П.* Раскопки мезолитической стоянки Замошье I//АО-1985. М., 1987.
27. *Jndreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
28. *Jaanits L., Jaanits K.* Ausgrabungen der Frühmesolitischen Sidlung von Pulli//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1978. Т. 27. № 1.
29. *Загорска И., Загорскис Ф.* Мезолит Латвии//КСИА. 1977. Вып. 149.
30. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит южной и восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
31. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
32. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наук. думка, 1989.
33. *Римантене Р. К.* Основные черты мезолита Литвы//КСИА. 1977. Вып. 149.

Институт истории АН Беларуси,
Минск

V. P. KSENZOV

MESOLITHIC OF THE DVINA REGION IN BYELORUSSIA

Summary

The author marks out the sites of different cultures of the region: the Grensk, Dnieper-Desna, Cunda, Niemen, and Strugolapov type cultures. It is based on the analyses of both the flint artifacts found on the Mesolithic sites, and the materials published before. The article deals with the cultures' datings, division into periods, and origin. It also limits their territory. The author thinks that the specific features of flint tools and methods of their treatment are very important in the characterization of archaeological cultures.

Э. А. ГРАНТОВСКИЙ

О ХРОНОЛОГИИ ПРЕБЫВАНИЯ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ *

С целью абсолютной датировки памятников скифской архаики (к которой, как предполагается, должен относиться инвентарь и скифов и киммерийцев) И. Н. Медведская стремится точнее определить время соответствующих изделий с древнего Востока, намного сужая дату последних и значительно удревняя ее по сравнению с распространенными мнениями. Предметы скифского круга из некоторых урартских крепостей, и прежде всего Кармир-Блура, во многом определяли датировку скифской архаики в целом, в соответствии с господствовавшим мнением о гибели Кармир-Блура (разрушенного скифами или, по другому мнению, мидянами, до этого освободившимися от скифского владычества) ок. 590/85 гг. Следуя выводам немецких археологов, исследовавших Бастам (на северо-западе Ирана), о гибели этого урартского города в конце правления Русы II в середине VII в. и о крушении около этого времени Урартского царства вообще, И. Н. Медведская распространяет эти заключения и на область Кармир-Блура; при этом, по ее мнению, Кармир-Блур, Бастам и другие соседние крепости были завоеваны именно мидянами, и сам этот крепостной заслон на востоке Урарту, от Аракса до Урмии, создавался при Русе II (ок. 685—645 гг.) в целях защиты от экспансии Мидии с 660-х годов, когда вместе с тем нельзя предполагать политическую активность скифов в этих районах. Скифы засвидетельствованы клинописными источниками только в 670-х годах в Иране (и лишь там); киммерийцы в 670-х — начале 660-х годов находились в Иране и в областях к северу от Ассирии, а в 660-х — 640-х годах — западнее, в Малой Азии. Поэтому, по заключению Медведской, «исторический фактор» не должен более сдерживать тенденцию к удревлению скифской архаики и урартской хронологии; первой половиной VII в. должны датироваться все «находки скифских древностей в урартских крепостях и вне их». Тем самым радикально решается и вопрос о датировке комплексов, не имеющих прямой увязки с исторически известными памятниками. Предлагается также еще более уточнить датировку таких комплексов из тех районов, где киммерийцы (в частности, севернее Ассирии от Евфрата до Большого Заба) и скифы (в Иране, в Приурмийском районе) находились лишь в 670-х годах, и все памятники кочевников из этих районов, таким образом, тоже принадлежат лишь к 670-м годам, а особенности их культуры (относимой ко «2-му этапу РСК») должны были сложиться в Европе ранее, «не позднее 90—80-х годов». Вообще данные письменных источников и анализ исторической ситуации надежно определяют абсолютную дату кочевничьего инвентаря с древнего Востока; скифские древности Ирана и Восточной Турции определенно старше второй половины VII в.; еще с 650-х годов скифы и киммерийцы не упоминаются в областях восточнее и севернее Ассирии и уже тогда отсутствовали в этих районах (сообщения же античной традиции о владычестве скифов над Мидией вообще не признаются достоверными) (см. статью И. Н. Медведской [1, с. 95—105], а также ее рецензию на книгу С. Завадского [2, с. 228—231]).

* Статья публикуется по следам дискуссии «Периодизация скифской архаики и древний Восток», начало которой было положено одноименной статьей И. Н. Медведской [1].

© Э. А. Грантовский, 1994 г.

Упомянутые вопросы, как и другие связанные с ними проблемы истории Передней Азии той эпохи, уже около полутора столетий изучаются европейскими учеными по данным античных и восточных (библейских и постепенно все умножавшихся клинописных) источников. И. Н. Медведская, определяя по письменным источникам абсолютную дату кочевнического археологического инвентаря на древнем Востоке, основывается в своих заключениях прежде всего на данных клинописных и именно ассирийских текстов как «предельно уточняющих» эту дату. Датированным свидетельствам этих текстов, современных пребыванию киммерийцев и скифов на древнем Востоке, придается «приоритетное значение» перед данными античных источников. Именно первые должны лежать в основе исследования, а если их информация «не совпадает» с сообщениями античных источников, «этому нужно искать объяснение» [1, с. 105]. При этом, однако, какого-либо сопоставления данных тех и других не приводится. Более того, никакие конкретные сообщения античных авторов не рассматриваются, да и вообще не упоминаются. Весь же пафос аргументации сводится к указанию на то, где, когда и до какого времени скифы и киммерийцы известны по ассирийским текстам (при этом, в частности, подчеркивается, что в них скифы не упоминаются вообще после 670-х годов, а киммерийцы — после 639 г.). Эти свидетельства рассматриваются и как определяющие место и время пребывания северных кочевников в Передней Азии вообще (ср. также утверждение о том, что «история скифов на древнем Востоке — лишь небольшой эпизод в царствование Ассархаддона» [1, с. 105]).

Между тем, как известно, в ассирийских исторических текстах обычно приводятся лишь те сведения о не входивших в державу народах и странах, которые относились к событиям, важным для самой Ассирии и престижным для ее царей (о посольствах с признанием верховенства Ассирии и т. п., главным же образом — о войнах, причем, как правило, об удачных для Ассирии). Многие же важные события истории стран севера Передней Азии и Западного Ирана, непосредственно не затрагивавшие интересов Ассирии (или неудачные и невыгодные для нее), не находили отражения в ассирийских текстах типа анналов. Еще существеннее напомнить, что такие тексты вообще перестали составляться после начала 630-х годов, хотя после этого Ашшурбанапал (который до этого «опубликовал» целую серию последовательных изданий этих текстов) еще продолжал править лет 10 (или более), а сама Ассирия просуществовала около 30 лет. Примечательно также, что упоминание киммерийцев около 639 г., в связи с которым Медведская подчеркивает, что это последнее сообщение о киммерийцах в клинописи, содержится как раз в самых последних из указанных надписей Ашшурбанапала. Вместе с тем, согласно этому же свидетельству, киммерийцы продолжали угрожать Ассирии, а их силы тогда еще отнюдь не были сломлены (что подтверждается, вопреки высказывавшемуся в литературе мнению, данными нескольких поздних надписей Ашшурбанапала, см. об этом далее). История киммерийцев и их гегемонии на северо-западе Передней Азии, таким образом, отнюдь не закончилась в начале 630-х годов, когда они в последний раз упоминаются в клинописи. Сокрушение их военной мощи было еще впереди. Как обычно полагают (в связи с данными античной традиции, ср. ниже), это произошло в результате вторжения в регион скифов во главе с Мадием. Поэтому о заключительном периоде могущества киммерийцев (и, очевидно, об их победителях — скифах) в ассирийских текстах не было упоминаний просто потому, что таких текстов тогда уже не существовало.

В отличие от ассирийских текстов, приводящих важные, но фрагментарные сведения об окружающих и оставляющих вообще не освещенными события после 630-х годов, античная традиция представляла связное изложение истории Азии в доахеменидскую эпоху, Мидийского и Лидийского царств, предшествовавших Персидской державе, и сведений о киммерийцах и скифах, во многом увязанных в этой традиции с данными о Мидии и Лидии. Античные источники продолжают составлять главную основу наших знаний о Малой Азии и Мидии в середине VII — середине VI в.

В надписях Ашшурбанапала сообщается о Лидии, ее царе Гиге и его борьбе с киммерийцами; эти данные относятся к 660—640-м годам. Позже Лидийское царство до времени его завоевания Киром в 540-х годах в клинописи не упоминается, но, естественно, продолжало существовать. В античной литературе приводятся данные об основателе династии Мермнадов Гиге и о всех его наследниках вплоть до Алиатта (причем сообщается и о его войне с киммерийцами, ср. ниже о хронологии этих событий) и Креза, при котором Лидия утратила свою независимость.

Сообщения античных авторов о ранней истории Мидии в общих чертах вполне подтверждаются ассирийскими источниками; и те и другие свидетельствуют, что мидяне, ранее независимые, подпали под господство ассирийцев и затем, подняв восстание против них, в сражениях завоевали свободу (по ассирийским данным, в конце 670-х — начале 660-х годов) и, таким образом, первыми из покоренных Ассирией народов окончательно отпали от нее. Из поля зрения ассирийских текстов Мидия исчезает уже после 660-х годов. В античной же традиции сообщалось о возникновении после восстания Мидийского царства и о его четырех царях, из которых два последних, Киаксар и Астиаг, известны также по вавилонским текстам (начиная с упоминания мидян и Киаксара под 615 и 614 гг.). События, в связи с которыми мидяне упоминаются в вавилонских хрониках: участие их в разгроме Ассирии при Киаксаре и поражение Астиага от персов (550/49 г.), были известны и античным авторам. Но они сообщали и о ряде других фактов этого периода мидийской истории и, между прочим, о мидийско-лидийской войне, безусловно имевшей место в действительности в 580-х годах до н. э. (и, в частности, тоже связанной с пребыванием скифов в Передней Азии). Все сказанное подтверждает достоверность античных сведений о Мидии в целом, а значит — и о периоде между 660 и 615 гг., когда клинописные известия о ней вообще отсутствуют.

Характер упомянутых сообщений античных авторов о доахеменидской Азии во многом зависит от особенностей составляющих их первоначальную основу устной традиции и раннегреческой историографии. Клинописные же тексты представляют документально точные свидетельства о современных им событиях. Это может определять и различия в деталях. Что же касается основной канвы исторических событий, то здесь «несовпадения» античной традиции с данными клинописных текстов порождены прежде всего не исходным ее содержанием, а теми или иными ее толкованиями современной наукой. За полтора столетия изучения этих проблем выдвинуты самые различные интерпретации античных сведений о Мидии и скифах в Азии. Это вовсе не означает, что в настоящее время данные вопросы не могут быть решены более определенно. Но при любых существующих и допустимых толкованиях сообщений античных источников они явно противоречат положению И. Н. Медведской о том, что скифские древности Передней Азии и само пребывание там скифов предшествуют второй половине VII в. Так, период скифского «владычества» над Азией по наиболее ранним из существующих датировок относится ко времени между 653/2—625/4 гг., а по самым поздним — от 610-х до 590/85 гг.

Кроме того, в античных источниках имеются и иные данные о пребывании и скифов и киммерийцев на древнем Востоке много позже середины VII в. Отвергнуть их можно было бы, лишь отказав во всяком доверии античной традиции, что было бы совершенно несообразно как с общими положениями классической филологии, так и с клинописными свидетельствами, подтверждающими достоверность различных данных упомянутой традиции, материалами иранистики и т. д.

Расхождения в датировках эпохи скифского преобладания в Азии определяются прежде всего различным толкованием одних и тех же данных Геродота о скифах и о мидийской хронологии. Геродот указывает число лет правления всех четырех мидийских царей (Дейока — 53, Фраорта — 22, Киаксара — 40, Астиага — 35) и пишет о 28 годах, когда над Азией властвовали скифы. Сам Геродот, видимо, включил эти годы в 40 лет правления Киаксара; по иному мнению, эти 28 лет

надо добавлять к 40 годам Киаксара, соответствующим образом толкуя Геродота или допуская наличие у него ошибки. Реже полагают, что свидетельство о годах скифской гегемонии первоначально вовсе не зависело от мидийской хронологии (например, являясь годами правления Мадия над скифами) и введено в нее впоследствии, в действительности приходясь частично на правление Фраорта, а частично — Киаксара.

Первая точка зрения получила известное распространение после публикации в 1923 г. вавилонской «Хроники Гэдда», где среди союзников, сокрушивших Ассирию, под 612 г. (падение Ниневии) и 610 г. (взятие Харрана) названы «умман-манда», которых С. Гэдд и некоторые другие авторы отождествили со скифами. В нашей литературе это мнение было развито В. А. Белявским; оно принято и скифологами Б. Н. Граковым, М. И. Артамоновым и некоторыми другими [3; 4, с. 19—20; 5, с. 28—34, 51 и др.]. При этом конкретно определялись даты 28-летней гегемонии скифов в Азии: Белявским — 623/2—594 гг., Граковым — 28 лет с 616 г., Артамоновым — 612—585 гг. (соответственно устанавливалась и важная для разных проблем скифологии дата «возвращения» скифов в Европу — в начале VI в. или во время мидийско-лидийской войны 590—585 гг.). Упомянутые 28 лет относятся в таком случае именно ко времени Киаксара (ок. 624—585) и подразумевается, что скифы действительно владычествовали над Мидией в течение указанного периода или его большей части.

Теория эта может в настоящее время определенно отвергнута. Что касается античных свидетельств, то, за исключением спорного сообщения о 28 годах как о продолжительности скифского владычества, они явно не согласуются с ней: так, по античным авторам, Ниневию брали именно мидяне, а отнюдь не скифы; по Геродоту мидяне и Киаксар, лишь сбросив скифское иго, взяли Ниневию и т. д. Вавилонские тексты тоже не говорят о какой-то роли скифов в разгроме Ассирии и, очевидно, вообще при этом не упоминают их. Иное мнение основано на произвольных допущениях (и не подтвердившихся восстановлениях в лакунах хроники под 612 г.), а по сути — лишь на отождествлении умман-манда в «Хронике Гэдда» со скифами. Но уже сразу за ее публикацией и позже большинство исследователей (начиная с работы А. Олмстеда 1923 г. [6, с. 637 сл.]) считали, что этим термином здесь обозначены мидяне; так они называются (а их государь — «царем Умман-манда») в вавилонских текстах и позже, во времена Астиага, в том числе и в конце его правления, когда о каком-либо влиянии скифов говорить не приходится. Тот же титул в хронике под 642 г. (строка 38) должен относиться к Киаксару, который и упоминается далее (строки 40, 47). В целом же дошедшие источники свидетельствуют, что уже между 615—609 гг. мидяне во главе с Киаксаром были основной суверенной силой, вместе с вавилонянами противостоящей ассирийцам.

Вообще различные данные о царствовании Киаксара в конце VII — начале VI в. невозможно согласовать с мнением, что из 40 лет его правления в течение 28 лет верховенство принадлежало скифам. Резонно и общее соображение о том, что, находясь в зависимости от них, Мидия не могла бы стать великой державой. Все это справедливо подчеркивалось И. М. Дьяконовым [7], И. Алиевым [8] и рядом других исследователей, придерживающихся хронологии истории Мидии, господствующей в литературе по древнему Ирану. По этой концепции, подробно рассматриваемой далее, скифская гегемония в Азии относится к 653/2—625/4 гг. Аналогичное мнение обосновано в монографии о древностях из Зивийе и об истоках скифского искусства Р. Гиршманом [9, с. 32—36], отождествившим период скифского господства со временем правления Мадия и поместившим его между 652 и 624 гг., когда мидяне освободились от скифов.

Но и авторы, не разделяющие упомянутой концепции, а также не доверяющие сведениям Геродота о ранней истории Мидии, не ставят под сомнение сообщение о скифском господстве в Азии, но полагают, что оно не могло занимать 28 лет из 40 лет правления Киаксара, который, по вавилонским документальным свидетельствам, руководил могучим и независимым государством по крайней мере

с 615 до 585 г. до н. э. [10, с. 87, 90] (ср. также далее о мнениях, синхронизирующих эпоху скифской гегемонии со временем Киаксара и его отца).

Таким образом, многие современные ученые вовсе не связывают само признание факта скифского «владычества» в Азии с мнением об участии скифов в разгроме Ассирии и об их упоминании в вавилонской хронике. Между тем И. Н. Медведская, утверждая, что нет оснований предполагать политическую активность скифов в Передней Азии во второй половине VII в. до н. э. и что они там тогда, очевидно, уже отсутствовали, а мнение об их большой роли в исторических событиях VII в. вообще явно преувеличено, аргументирует эти заключения прежде всего ссылкой именно на то, что скифы не упоминаются в «Хронике Гэдда», а называемые там «умман-манда» — это мидяне. Особое значение при этом придается положениям книги С. Завадского 1988 г.— объяснению им «событий 613 г.» (в которых, по Завадскому, основную роль сыграли мидяне — умман-манда) и того, почему мидяне в дошедшем тексте хроники именуются умман-манда. Эти выводы, по Медведской, являются «решающими» и «в вопросе о присутствии скифов в регионе во второй половине VII в. до н. э.», а также позволяют понять лидирующую роль Мидии в войне против Ассирии [1, с. 101—103; 2, с. 227—230].

У непосвященного читателя может создаться впечатление, что новые данные действительно заставляют пересмотреть положение о большой роли и даже присутствии скифов в областях Передней Азии и Ирана во второй половине VII в. На самом деле это, как мы видели, далеко не так. Не оспаривая упомянутых выводов С. Завадского, следует подчеркнуть, что они не имеют принципиального значения при решении вопроса о времени пребывания и роли скифов в Передней Азии. Можно также отметить, что отвергаемое Медведской (вслед за Завадским) предположение о том, что вторжение скифов в 614 г. прервало осаду мидянами Ниневии и вынудило их к сопротивлению скифам в 613 г. [1, с. 102; 2, с. 227], является не только произвольной гипотезой, и ранее не принимавшейся большинством ученых, но и прямо противоречит данным хроники под тем же 614 г. (ср. с их интерпретацией [7, с. 314 сл; 8, с. 238; 11, с. 43 и др.]). По этим данным, в конце похода 614 г. мидяне во главе с Киаксаром взяли и разрушили одну из столиц Ассирии — Ашшур, у которого затем Киаксар встретился и заключил союз с вавилонским царем, после чего мидяне с добычей и полоном вернулись к себе (и никакие скифы им не мешали). Все это решительно расходится со сведениями античной традиции о первом походе Киаксара на Ниневию и о поражении от скифов, о времени, разделявшем эти события и взятие Киаксаром Ниневии много позже. Что же касается значения термина умман-манда хроники под 612 и 610 гг., то еще в 1925 г. Ф. Тюро-Данженом было вполне определенно доказано, что так назывались мидяне не только в других нововавилонских текстах, но и именно в упомянутых частях хроники, как показывает письмо вавилонского наследного принца Навуходоносора, упоминающее о той же кампании против Харрана, о которой говорится и в хронике под 610 г., где умман-манда выступает в той же роли, что мидяне в письме [12, с. 27—29 (ср. 7, с. 315); 13, с. 40, 41].

Можно считать давно и надежно установленным, а также принятым в литературе по древнему Ирану, что мидяне, наряду с вавилонянами, сыграли решающую роль в разгроме Ассирии в конце VII в. (см. например [7, с. 304—316; 8, с. 238—242; 14, с. 814—815 и т. д.]). Медведская же считает, что лишь теперь можно понять лидирующую роль Мидии в войне против Ассирии, и, уже в «развитие» выводов Завадского, заключает, что рост мощи Мидии начался еще с 660-х годов (с чем связано и ее упоминавшееся мнение о разрушении именно мидянами урартских крепостей около середины VII в.). Этот вывод о мидянах непосредственно увязан с другим — о скифах: утверждается, что в период экспансии мидян в середине — второй половине VII в. нельзя предполагать политическую активность скифов в том же регионе [1, с. 102, 103; 2, с. 229]. Упомянутые положения о начале территориальной экспансии Мидии определенно не могут быть приняты, как об этом будет сказано далее. Но прежде вернемся к оценке мнений о времени скифского владычества в Азии.

Как мы видели, теории, исходящие из того, что оно продолжалось 28 из 40 лет правления Киаксара, явно не соответствуют данным различных источников и решительно отвергаются современными исследователями. Чисто гипотетическими являются и мнения, относящие 28 лет скифского господства ко времени правления в Мидии Фраорта и затем Киаксара, например, к 645—617 гг. или к 630—602 гг. (см. [15, 16]). Вторая датировка, предпочитаемая Э. Каваньяком, сочетается у него с мнением, что сама традиция о скифском владычестве и его продолжительности, восходя к грекам Синопы, относится к скифам на севере и востоке Малой Азии и что появившийся там ок. 602 г. Киаксар положил конец их набегам на соседние страны, причем скифы этих районов не идентичны тем, что находились на востоке и много ранее входили в столкновение с мидянами. В целом это построение помимо иных причин выглядит неубедительным уже потому, что, опираясь на сведения лишь античных источников, входит в прямое противоречие с данными самой греческой традиции о том, что одни и те же скифы осуществляли господство в один и тот же определенный период в разных районах Азии, включая Мидию, что при Мадии они одержали победы и над мидянами, и в Малой Азии и т. п. Первая же из упомянутых датировок (645—617 гг.) оправдывается ее сторонниками лишь тем, что Киаксар по крайней мере с 616/615 гг. был независимым от скифов; ранняя же дата, 645 г., не опирается на какие-либо данные клинописных источников.

Совсем иначе обстоит дело с теорией, исходящей из третьего допущения — о добавлении 28 лет скифского владычества к 40 годам правления Киаксара. Это преобладающее в литературе историко-хронологическое построение в ходе его длительной разработки приведено в соответствие с целым рядом сведений клинописных текстов. Данная концепция в главных чертах сложилась в 1930-х годах в работах Ф. Кенига [17] и Дж. Камерона [18] и была принята в трудах по истории Ирана и Передней Азии многими зарубежными учеными (Э. Делапортом, Р. Гиршманом, Г. Гуссенсом, Д. Уайзманом и др.) и в нашей литературе, где была подробно разработана в работах И. М. Дьяконова и И. Алиева по истории Мидии [7, 8]. Особое значение при этом имела идентификация Дейока (первого мидийского царя, по Геродоту) с Дайукку — одним из иранских владетелей, упоминаемых в анналах Саргона II под 715 г. Они были отождествлены уже на заре ассирологии Дж. Смитом [19, с. 98]. Это отождествление сыграло большую, во многом определяющую роль в различных построениях истории Мидии и в оценках достоверности сведений о ней у Геродота. Непосредственно связана с ним и датировка скифского владычества: при добавлении 28 «скифских» лет к 40 годам Киаксара общая продолжительность правления Дейокидов по Геродоту составила бы 178 (а не 150) лет и хотя бы частично захватывала бы и время Дайукку анналов.

С добавлением этих 28 лет взаимосвязано и другое, распространенное с 1930-х годов положение — о тождестве Фраорта Геродота с известным по клинописным текстам Каштарити, участником приведшего к независимости Мидии антиассирийского восстания 670-х годов. При этом ссылаются на сведения Бехистунской надписи Дария I о событиях 522—521 гг., в том числе в Мидии, где некий Фравартиш стал царем, выдавая себя за Хшатриту. Полагают, что Геродот или его информатор перепутал царское имя, присвоенное этим самозванцем, с его собственным именем (переданным по-гречески как Фраорт) и приданным Геродотом древнему царю, также именовавшемуся Хшатритой (в аккадской передаче Каштарити). Его считают сыном (по данным Геродота о Фраорте) Дейока-Дайукку или его внуком либо более отдаленным потомком. Неоднократно предлагалось пополнить список мидийских царей Геродота одним-двумя или даже несколькими правителями, в том числе иногда помещаемыми между «Фраортом» и Киаксаром (т. е. в годы скифского преобладания; по иному мнению, Киаксар, унаследовав трон младенцем, царствовал 68 лет — 28 «скифских» и 40 независимого правления). Но чаще речь идет о предшественниках «Фраорта»; по ассирийским анналам, правление Дайукку закончилось в 715 г.; соответственно, его царст-

вование относится к предшествующему времени (условно к 767—715 г.), а затем, как предполагают, мог править еще кто-то из Дейокидов. Непосредственно же по Геродоту (и вопреки указанному свидетельству о Дайукку) правление Дейока датируют 728—675 гг., далее же у различных сторонников рассматриваемой концепции мидийская хронология примерно одинакова: «Фраорт»-Каштарити — с 675 или 674 до 653 или 652 гг., скифское владычество — 653/2—625/4, Киаксар — 625/4—585/4, Астиаг — 585/4—550/49 гг.

Эти даты подкрепляются сравнением сообщений Геродота с датированными сведениями ассирийских текстов. Так, описываемое Геродотом положение Ассирии ко времени неудачных походов на нее мидян, когда погиб Фраорт (а затем они были разбиты скифами), сопоставляется с ситуацией ок. 653/2 г., когда против Ашшурбанапала восстал его брат Шамашшумукин, а среди стран, поднятых им против Ассирии, была, как предполагается, и Мидия («Гутиум»). 28 лет скифского владычества при отсчете от 625/4 г. должны начинаться именно с 653/2 гг., являющегося и датой гибели Каштарити-«Фраорта». Правление последнего, по Геродоту, длилось 22 года и, следовательно, должно было начаться в 675/4 г. Примерно к этому времени относят восстание против Ассирии, в котором участвовал Каштарити (и в результате которого он, как полагают, стал царем Мидии). События эти известны по гадательным надписям, обычно датируемым между 675 и 673 гг. до н. э. Таким образом, упомянутые хронологические данные Геродота признаются достоверными и весьма точными, но его сообщения (возводимые к устной традиции) о первых Дейокидах и особенно о самом Дейоке оцениваются как полуисторические, хотя ассирийским свидетельством подтверждено существование такого персонажа, бывшего по крайней мере предком и эпонимом династии. В целом или в ее основных компонентах (датировка скифского владычества 653/2—625/4 гг., отождествление Фраорта с Каштарити, бывшего царем Мидии ок. 674/3—653/2 гг.) эту концепцию принимают Р. Фрай, Кр. и Ж. Палу, Д. Стронах, Б. Брентьес, Р. Коллинс, О. Клима, М. А. Дандамаев и др., а также разрабатывавшие эту теорию и ранее Дж. Камерон, Р. Гиршман, И. М. Дьяконов [9, с. 32—36; 21, с. 94—96; 22, с. 24, 25; 23, с. 47—53; 24, с. 10—14; 25, с. 73—79; 26, с. 31, 32; 27, с. 116, 117].

Критические аргументы, высказывавшиеся с начала 1960-х годов против охарактеризованной гипотезы, обычно связаны с мнением о полной исторической недостоверности истории Мидии у Геродота до времени Киаксара. Прежде всего подчеркивается, что время скифского владычества у Геродота определенно включается в период 40-летнего правления Киаксара (что было убедительно показано в 1961 г. Р. Лабатом [20]). Соответственно считается невозможным отождествление Фраорта с Каштарити, отвергаются и приводившиеся конкретные сопоставления сведений о Каштарити клинописных текстов и о Фраорте Геродота. При этом ссылаются и на ассирийское свидетельство о Дайукку; его соответствие Дейоку признается, но тем самым лишь подчеркивается несостоятельность хронологии и родословия мидийских царей у Геродота. Эти положения развиваются в работах Р. Лабата, Э. Каваньяка, П. Хелма [10; 16; 20 и др.]. По их выводам, нет и каких-либо реальных свидетельств о связующих звеньях между Дейоком-Дайукку (в VIII в.) и подлинными мидийскими царями Киаксаром и Астиагом (в конце VII — середине VI в.); рассказы же о предшествовавшей им эпохе возводятся к мидийской легендарной традиции, сохранявшей воспоминания о Дайукку или даже о Каштарити («Фраорте» Геродота). Но они определенно не были царями Мидии, могли не принадлежать к одному роду и происходить из разных областей, вошедших позже в Мидию. Так, по Хелму, она была объединена лишь в конце VII в. при Киаксаре, после чего и формировалась мидийская фольклорная и «историческая» традиция, включившая упомянутые героизированные персонажи; при этом Дайукку-Дейок и Каштарити-«Фраорт», вопреки Геродоту, не только не являлись предками Киаксара и Астиага, но не были и собственно мидийцами [10, с. 87 и сл.]. Согласно таким взглядам, история Дейокидов у Геродота до времени Киаксара лишена собственно исторического основания. А история Мидии

от свержения ассирийского ига до Киаксара оказывается при этом вообще не заполненной какими-либо важными событиями и фигурами. Однако защитники этой концепции на самом деле опровергают не самого Геродота, а построенные на его хронологических данных теории современных ученых; соответственно считают совершенно недостоверной саму мидийскую хронологию Геродота.

Напротив, рассмотренная выше концепция предлагает создание последовательной картины ранней истории Мидии, в том числе между 670-ми и 620-ми годами, на основе сопоставления сведений Геродота и клинописных текстов VIII—VII вв. и «точную» (с расхождениями до 1—2 лет) хронологию указанной эпохи. Эта-то концепция и продолжает преобладать в литературе до настоящего времени. При этом, однако, не были приведены ни какие-либо новые аргументы в ее пользу, ни возражения на ее критику, в том числе относительно того, что годы скифского владычества не могут, по Геродоту, добавляться к 40 годам правления Киаксара, без чего невозможны отождествление Фраорта с Каштарити, соответствующая датировка его правления, отнесение Дейока к VIII в. до н. э. и т. д. Вместе с тем новые данные ассирийских текстов и датировки ряда событий времени Ассархаддона и Ашшурбанапала, отличные от принимавшихся ранее, не позволяют, как будет показано дальше, говорить о «точном» и даже примерном совпадении событий мидийской и скифской истории и увязываемых с ними, по этой концепции, сведений клинописных текстов. Но и независимо от этого упоминавшиеся датировки скифской гегемонии, времени «Фраорта-Каштарити», сына Дейока, исходящие из соответствующих толкований хронологических данных Геродота, не согласуются с иными сообщениями его же рассказа — о Фраорте как втором правителе независимого Мидийского царства (а отнюдь не его создателе), о Дейоке, основавшем царство позже того, как было свергнуто ассирийское иго (т. е. после 670-х годов, по клинописным данным), и т. п. Такие несоответствия, правда, учитывались при разработке рассматриваемой теории; так, И. М. Дьяконов в связи с этим замечал, что Геродот как бы «передвигает события на одно поколение» [7, с. 294]: приписанное Дейоку объединение Мидии на самом деле было осуществлено Каштарити-«Фраортом», зато он, вопреки Геродоту, еще не мог перейти к завоеваниям вне Мидии, которые происходили уже при Киаксаре. Тогда, однако, оказываются не соответствующими исторической действительности и другие приводимые Геродотом сведения о Дейоке, Фраорте, а частично и о Киаксаре. Но в указанном построении предпочтение отдается не таким «нарративным» данным Геродота, а интерпретации приводимых у него хронологических сведений, в свете которых и трактуются его остальные положения по ранней истории Мидии.

Таким образом, для различных оценок содержания и степени достоверности мидийской истории Геродота в равной мере характерно особое предпочтение, оказываемое ее хронологическими данными, в зависимости от интерпретации которых соответствующим образом толкуют или признают в основе недостоверными иные — нарративные и генеалогические — сведения «мидийского логоса». Правомерность такого подхода сомнительна уже по общим соображениям источниковедческого плана, тем более если судить об этом на фоне развития ранней греческой историографии в целом. В древнегреческой литературе генеалогические описания намного предшествовали специальным хронологическим изысканиям; это относится и к родословиям варварских монархов, и к спискам эллинских знатных родов. Такие поколенные перечни обычно определенно предшествовали появлению хронологии, выраженной в «точных» цифрах. К более раннему времени восходят и нарративные сведения, которые могли сопутствовать генеалогической традиции. В выводах по истории Мидии предпочтение тоже следовало бы отдавать не хронологическим, а иным сведениям мидийского логоса, и уже на этой основе оценивать достоверность его мидийских дат.

При решении этого и ряда других затронутых вопросов необходимо обратиться к истории сложения традиции о Мидии в античной литературе. Упоминавшиеся концепции по истории и хронологии Мидии основываются на данных самого

Геродота по этим сюжетам, причем источниковедческая сторона проблемы ограничивается обычно соображениями о характере ставшей известной Геродоту устной традиции мидийского происхождения, особенностями которой и объясняют возможные у него неточности или ошибки. Между тем данные по мидийской хронологии входят у него в более общую схему истории и хронологии Азии. Сама же эта схема, как давно было отмечено в антиковедении, имея во многом искусственный характер, была результатом литературной разработки и в своей основе унаследована Геродотом от его греческих предшественников. В V в. до н. э. существовали сочинения, затрагивавшие те же сюжеты азиатской истории, которые освещены в дошедшем труде Геродота. Так, еще до его появления были написаны известные по сохранившимся упоминаниям и фрагментам «Персика» Дионисия Милетского, сочинения Харона и Гелланика. Отдельные генеалогические и нарративные сведения об азиатских монархиях и о скифах могли содержаться у Гекатея, Ферекида и других, в том числе неизвестных нам, авторов.

У писателей эллинистической и римской эпохи встречаются восходящие, очевидно, к ранним сочинениям и явно независимые от Геродота сведения по тем же сюжетам, в том числе по мидийской, лидийской и скифской истории (например, сообщения о каждом из четырех мидийских Дейокидов и о пяти лидийских Мермнадах, включая числа лет правления, во всех случаях отличные от геродотовых; сведения, относящиеся к скифской гегемонии над Азией, с указанием на гораздо более краткую, чем у Геродота, ее продолжительность; отличные от Геродота сообщения о мидо-лидийской войне с ее верной датой, установленной не по Геродоту, и т. д.). Такие данные не только дополняют Геродота, но и помогают понять значение ряда его сообщений и их происхождение. Степень зависимости Геродота от предшественников по-разному оценивается исследователями, различны и конкретные предположения о его заимствованиях в греческой литературе. Но к их числу определенно следует отнести упомянутую схему истории и хронологии Азии.

Как сообщает в «мидийском логосе» Геродот, в Верхней Азии 520 лет властвовали ассирийцы, после них 150 лет мидийские цари, и затем — перс Кир. Нередко полагают, что Геродот следовал тут восточной (или именно мидийской) традиции о продолжительности преобладания Ассирии на Востоке и о ее походах в Иран во второй половине II тыс., или именно в XIII—XII вв. до н.э. [7, с. 176; 8, с. 116; 28, с. 505 и др.]. Все это не выглядит убедительным и в свете фактов восточной истории. По этим данным, установление ассирийского господства в переводе на современные даты — вторая половина XIII в. (а точнее, 1230 г., ср. ниже). Это время не ознаменовано какими-либо особыми событиями в истории Ассирии и ее экспансии на восток; во II тыс. она носила эпизодический характер и, очевидно, не затрагивала территории будущей Мидии (которой тогда, видимо, и не существовало, как и народа мидян); походы ассирийцев в более западные районы не сопровождались их включением в Ассирию. Геродот же говорит о непрерывном господстве ассирийцев в Азии в течение 520 лет с возникновения их державы. Все это соответствует не фактам восточной истории, а представлениям, развитым у греков после их знакомства с позднеассирийской державой и с ее столицей Ниневией (от названия которой греки произвели и имя основателя державы Нина).

Выводы о том, что ассиро-мидийская хронология Геродота в общих чертах выработана в греческой среде, могут считаться вполне установленными в работах античников о хронографии Геродота. По своей сути эти выводы были обоснованы еще в прошлом веке и четко сформулированы в 1892 г. Эд. Мейером в работе «Хронология греческой мифологической истории у Геродота» [29]. Ориенталисты же продолжали и продолжают непосредственно сопоставлять хронологические данные Геродота о древних азиатских монархиях с датированными клинописными свидетельствами, не учитывая, что точные даты Геродота в большинстве произвольны и искусственно увязаны с греческой мифологической «историей» и «хронологией». При этом следует отметить две особенности таких построений,

получивших распространение еще до Геродота: во-первых, представление о том, что древние правители азиатских народов происходили от греческих легендарных персонажей (эти конструкции обычно не принадлежали самому Геродоту, хотя он повторял их за предшественниками, например, мнения о связи Персея с персами и Медеи — с мидянами: Herod. VII.61, 62), и, во-вторых, конкретные и точные датировки для греческих, а также и варварских мифологических и эпических событий и лиц. Это было вполне характерно и для авторов V в., включая Геродота, указывавшего, например, и возраст богов. Конкретная дата приводится и для Геракла (Herod. II.145): 900 лет «до нашего времени» (т. е. примерно до 430 г. до н. э.). Дата эта основывалась на поколенных расчетах по генеалогии спартанских царей, возводившейся к Гераклу и в ранней части вообще неисторической.

Но Геродоту эта дата Геракла казалась вполне реальной и определенной; с ней связана и хронология великих азиатских монархий, в том числе Ассирийской и Мидийской. Данные о них, вопреки распространенному подходу, нельзя рассматривать изолированно от иных сообщений Геродота в той же первой книге. Геродот, безусловно, разделял мнение, что первым из царей Ассирии был Нин; еще до Геродота так считал и Гелланик; судя по фрагментам, о Нине писал и другой предшественник Геродота — Харон из Лампсака. По Геродоту, потомками Нина были цари из «Верхней Азии», принадлежавшей Ассирии, и «Нижней» (Азии к западу от Галиса), где господствовала Лидия. В начале своего труда Геродот (Herod. I.7 и далее) пишет, что в Лидии некогда правили Гераклиды; первым из них был сын Нина, правнука Геракла; 22 поколения Гераклидов царствовали 505 лет, после них 5 Мермнадов, названных поименно и с указанием числа лет правления каждого, царствовали еще 170 лет. В Верхней же Азии, как сообщает далее Геродот (Herod.I.95 и ниже) 520 лет господствовали ассирийцы, потом 150 лет мидяне, причем каждый из их царей назван по имени и с указанием лет правления, и наконец, власть перешла к Киру; завоевав затем и Лидию, он объединил тем самым «Верхнюю» и «Нижнюю» Азию.

Таким образом, в этой схеме, увязывавшей историю и хронологию «Верхней» и «Нижней» Азии, образование Ассирийской державы относилась ко времени на поколение раньше, чем создание государства Гераклидов в Лидии. Это, естественно, не имело под собой исторической основы, как и положение о параллельном существовании верхнеазиатских и нижнеазиатской монархий в течение нескольких последующих веков. Кое-что из относящихся к более позднему времени данных об этих царствах может восходить к исторической традиции, но указанное построение в целом является искусственной схемой с точно согласованной по времени параллельной для Верхней и Нижней Азии хронологической системой (о деталях этой искусственной схемы ср. [29—32 и др.]). По этой схеме, от возникновения ассирийской державы до смерти Кира прошло 700 лет (при этом надо учитывать, что разные античные авторы, включая Геродота, ошибочно исчисляли правление Кира над мидо-персидской державой 29 или 30 годами, тогда как оно ограничено 20 годами, а указанный срок на самом деле включает и время, когда он был царем зависимых от мидян персов). Примыкающая во времени к следующим персидским монархам дата гибели Кира (520/529 гг.) была уже хорошо известна античным историкам. Упоминавшаяся же дата Геродота для Геракла (900 лет до примерно 430 г.) на 100 лет старше возникновения ассирийского царства при Нине. Вместе с тем Геракл считался прадедом Нина, а согласно поколенной хронологии это и соответствовало столетию между Гераклом и созданием ассирийской империи Нином.

Все эти хронологические построения не имеют отношения к реальной истории, а соответствующие им даты создания азиатских монархий, в том числе ассирийской империи при Нине, зависят от «датировки» Геракла и греческой мифологической традиции вообще. Указывая на это, уже Эд. Мейер одновременно замечал, что упомянутые датировки установлены не самим Геродотом, во многом противоречат его историко-хронологическим принципам и что уже до него даты греческой

мифологии использовались для датировки империи ассирийцев и Гераклидов Лидии и разрабатывалась вся эта хронологическая система с Гераклом и его датой в начале и династическими рядами Мермнадов и мидийских царей в конце [29, с. 168, 169, 176 и др.]. Но и хронология этих двух исторических династий является фиктивной, по крайней мере частично будучи результатом искусственной калькуляции; сама же схема параллельной истории Верхней и Нижней Азии повлияла и на определение общей продолжительности этих предахеменидских династий.

По Геродоту, в Лидии правили 22 поколения Гераклидов 505 лет и 5 поколений Мермнадов 170 лет, т. е. всего 675 лет на 27 поколений. Как подчеркнул Р. Дрюс, это значит, что общая продолжительность определялась из расчета, отводившего поколению 25 лет. Его средняя продолжительность в четверть века принималась в хронологических расчетах частью античных авторов. Но в своих собственных вычислениях Геродот исходил из того, что на один век приходится три поколения, причем специально обосновывал это положение (Herod. II. 142). Поэтому число 675 заимствовано Геродотом у другого греческого автора. Из них Геродот 170 лет отвел Мермнадам и лишь оставшиеся 505 — Гераклидам, о которых не имел конкретных данных; сведения же его о Мермнадах восходят, по Р. Дрюсу, к независимой традиции [30, с. 9, 10; 31, с. 27—28, 156, 157]. Но происхождение данных о продолжительности правления Мермнадов из некоей достоверной нелитературной традиции тоже представляется невозможным. Как справедливо было отмечено Кл. Мазетти, даты Мермнадов у Геродота также вычислены искусственно — по принципу деления века на три поколения; при этом подвергнута частичной переработке исходная для Геродота хронологическая система, отводившая на век четыре поколения. В отношении Лидии подобная система нашла отражение в Хронике Евсевия Кесарийского (см. [33, с. 32, 33]), где названы с указанием лет правления Мермнады и четыре их предшественника; из них первым двум отведено полвека (36 и 14 лет), следующим двум и первым двум Мермнадам — около 100 лет (12, 17, 35, 37), остальным трем Мермнадам и Киру — 100 лет (5, 49, 15, 31). У Геродота же первые три Мермнада правят около 100 лет (39, 48, 12), другие два и Кир — 100 лет (57, 14, 29). Поэтому, по Кл. Мазетти, фиктивный характер носят обе эти хронологические системы [32, с. 175 сл.]. Из уже приведенных примеров ясно, что речь идет не о случайных совпадениях, а о результатах применения методов генеалогической хронологии с вторичным, во многом искусственным, установлением «точных» чисел правления каждого царя. Это можно наблюдать и по материалам эллинской истории; так, поколенные перечни спартанских царей существовали раньше их (в том числе расходящихся друг с другом) списков с точными цифрами лет правления. Но на вопросах лидийской хронологии в связи с их значением для рассматриваемой проблемы необходимо остановиться подробнее.

О фиктивном характере хронологии Мермнадов у Геродота свидетельствуют и другие имеющиеся данные об отдельных лидийских царях, включая ассирийские свидетельства и современную датировку последних. Эти данные показывают также, что ошибки Геродота в определении продолжительности правления Мермнадов последовательно увеличивались по мере удаления от последнего царя Креза. Его собственное правление (14 лет) датировалось Геродотом с ошибкой всего лет на 10 — в связи с уже упоминавшимся удревнением победы Кира над мидянами, в действительности, по вавилонской хронике, относящейся к 559/549 гг., через несколько лет после чего Кир завоевал Лидию. Подлинную дату последнего события (в середине 540-х годов) Геродот, в отличие от эллинистических хронографов, не знал. По его данным можно было бы отнести начало царствования Креза к 571 г., а его поражение от Кира, падение Сард и царства Мермнадов вообще должно было бы датироваться 557 г. до н. э. [34, с. 12, сл.]. А так как, по Геродоту, Мермнады правили Лидией всего 170 лет, первый из них, Гиг, должен был бы стать царем около 727/726 гг. или (исходя из подлинной даты конца лидийского царства) ок. 717/715 гг., а править, по Геродоту, 38 лет, т.е. до 689/688 или 679/678 гг.

Но данные текстов Ашшурбанапала и пересмотренные датировки их сведений приводят к иным выводам. Гиг (Гугу) стал лидийским царем, видимо, в первой половине 660-х годов (ср. [6, с. 420; 32, с. 176 и др.]). Время же его гибели устанавливается с точностью до одного-двух лет. Здесь особо следует отметить, что это событие долгое время (в том числе при обосновании упомянутой датировки скифского владычества с 653/652 гг.) относили к 650-м годам (ср. у И. М. Дьяконова вслед за В. В. Струве — 654 г., у М. А. Дандамаева и В. Г. Луконина — между 657—654 гг. и т. п. [7, с. 234, 237, 284; 25, с. 78, 35, с. 239 и прим. 39 и др.]. Но после ряда работ, посвященных хронологической аранжировке текстов Ашшурбанапала, включая новые надписи и фрагменты, было надежно установлено, что гибель Гига и начало правления его сына Ардиса произошли между 645 г. (когда Гиг был еще жив) и 643/642 гг. (когда ассирийцы уже узнали о его гибели), т. е. в 644/643 гг. [32, 36—39 и др.].

Итак, расхождение между временем гибели Гига и ее датировкой по Геродоту составляет 45 (или 35) лет, для начала же его правления разница достигает 60 (или 50) лет. Он был царем Лидии, видимо, не более 25 лет, по Геродоту же — 38. Три его преемника правили не более 85 лет (от 644/643 гг. до воцарения Креза ок. 561/560 гг.), Геродот же отводит им 118 лет (Ардису — 49, Садиатту — 12, Алиатту — 57). Неправомерно удлинено, очевидно, правление каждого. Так что не только буквально неточны, но и весьма далеки от реальной действительности приводимые Геродотом даты всех Мермнадов, вероятно, кроме последнего из них — Креза, которому Геродот отводит 14 лет, а другие авторы — 15. Постепенное возрастание хронологических ошибок от времени Креза до начала правления династии, безусловно, связано с тем, что числа лет правления Мермнадов у Геродота искусственно установлены путем расчета, отводившего поколению треть века, что в данном случае плохо соответствовало реальной действительности.

Другая же упоминавшаяся хронология Лидии, указанная со средним сроком поколения в четверть века, оказывается гораздо ближе к исторической реальности. Кроме начала правления Гига, ее даты немногим расходятся с фактами. От гибели Гига до падения Лидии прошло 97—98 лет — вместо 106 по данной хронологии; трем преемникам Гига, правившим ок. 83—84 лет, в ней отведен 91 год (у Геродота — 118 лет). Точные цифры лет их правления и в данном случае очевидно фиктивны; но они могли особо не противоречить датам событий, падавших на правление соответствующих лидийских царей; кроме того, эта хронология Лидии определенно включала и некоторые подлинные даты событий лидийской истории — таких, как падение Сард и лидийско-мидийская война. По сути все сохранившиеся от античных хронографов «лидийские даты» отличны от геродотовых. В хронологических канонах Евсевия и Иеронима они входят в разделы, следующие положениям, которые согласно абсолютной олимпийской хронологии были установлены учеными александрийской эпохи. Содержание их трудов частично известно по фрагментам и отдельно по упоминаниям принятых ими дат, в том числе «лидийских», у других авторов. Соответствующие даты лидийской истории бытовали, однако, и до распространения олимпийской хронологии. В так называемом «Паросском мраморе», хронологическом сочинении на камне, перечисляемые события датированы по числу лет от времени составления данного текста (264/263 гг. до н. э.), а сообщения этой хроники в целом восходят к историческим сочинениям конца V — начала III в. Три ее записи (35, 41 и 42-я с лакуной) относятся к лидийской истории (см. их текст [40, с. 40]). По этим данным, Алиатт, правивший с 605/604 гг., царствовал, очевидно, 49 лет, а Крез — 15 лет (или не менее); по Геродоту, они правили 57 и 14 лет, по Евсевию же — именно 49 и 15 лет (с хронографами совпадает и отнесение падения Сард к 540 г., невозможное по данным Геродота). Таким образом, даты лидийских царей, известные по Евсевию, могут быть отнесены уже к доэллинскому времени, а средний срок поколения в $^1/_4$ века, принимавшийся при составлении этой хроники, применялся к разработке лидийской хронологии, как мы видели, еще до Геродота. И во всяком случае эта предшествовавшая ему хронология

Лидии также отводила Мермнадам много меньше лет, чем схема Геродота (вместе с тем, он не мог удревнить на столько же лет всю хронологию, ограниченную, в частности, представлявшейся ему бесспорной датой Геракла).

Можно полагать, что Геродотом или его предшественником подобные изменения были произведены и в другой части всей системы, «верхнеазиатской», так как обе характеризовались последовательным параллелизмом, начиная от общего предка Геракла и до объединения «обеих» Азий; этот параллелизм подразумевал и одинаковое число поколений. В этом случае число лет правления ассирийских Гераклидов было бы уменьшено, как и число их лидийских родичей, а продолжительность правления Дейокидов соответственно была бы произвольно увеличена (первоначально же им могло отводиться не менее 100, но не более 150 лет). Здесь нет необходимости рассматривать различные возможности предшествующего Геродоту развития мидийской хронологии и все его данные по этому предмету (включая его спорное указание об эпохе господства мидян над Азией в кн. I, гл. 130).

При всей искусственности рассмотренного историко-хронологического построения, созданного в греческой среде, сами имена и последовательность царей исторических династий — лидийской (пяти Мермнадов) и мидийской (четырех Дейокидов) были вполне достоверными. Это целиком подтверждается другими источниками о тех же царях, в том числе независимыми от Геродота свидетельствовали о каждом из четырех Дейокидов. Анализ рассмотренной схемы также удостоверяет, что все эти цари лидийской и мидийской династий стали известны античным авторам задолго до Геродота, и в дальнейшем эти авторы оперировали в основном лишь их конкретными датами. При этом у Дейокидов они уже первоначально были так же фиктивны, как и у Мермнадов. Заметим, что задолго до упомянутых наблюдений Эд. Мейера и последовавших за ним авторов европейскими учеными XIX в. неоднократно отмечалось, что приведенные у Геродота цифры правления Дейокидов по крайней мере частично и соответственно в своей общей сумме не являются точными, будучи результатом примерных расчетов и искусственных калькуляций. Это не раз предполагалось, например, и в отношении суммы в 150 лет (общей продолжительности правления Дейокидов у Геродота), слагаемой в свою очередь из двух отрезков по 75 лет правления двух первых Дейокидов (53 и 22 года) и двух других (40 и 35 лет), причем эта искусственность прежде всего ощутима в первой паре чисел или по крайней мере в произвольном определении лет правления первого царя Дейока. Теперь, когда установлено происхождение упомянутой схемы хронологии «Верхней» и «Нижней» Азии, это заключение еще более убедительно, ибо указанная дата правления Дейока падает как раз на искусственную стыковку исторической династии с предшествовавшей «верхнеазиатской», а также зависит от псевдоисторического параллелизма с другой ветвью схемы, «нижнеазиатской», в которой с большой ошибкой датировано начало второй, исторической династии. Даже в ней лишь последнему царю Крезу, возможно, давалось подлинное число лет (14 или 15), а примерное указание устной традиции на длительную продолжительность правления его отца Алиатта, быть может, определило указание на такую продолжительность в обеих хронологиях Лидии (57 лет у Геродота и 49 у других авторов). Аналогичными причинами могла определяться большая продолжительность правления двух последних Дейокидов в их списках: Астиага (35 лет у Геродота, 38 у других авторов) и Киаксара (40 у Геродота и 32 у ряда античных авторов, т. е. 32 года + 8 лет скифского господства, или те же 40 лет по выводам А. Гутшмида в конце XIX в.). Все сказанное еще раз подтверждает, что в целом и в своей основной части хронология обеих исторических династий доахеменидской Азии имеет искусственное происхождение и возникла в греческой среде. Это вполне относится и к мидийским Дейокидам.

Между тем, как уже говорилось, в современных работах проблемы Мидийского царства обычно решаются путем сопоставления документальных свидетельств ассирийских текстов с хронологическими данными Геродота, признаются ли они

достоверными и восходящими к традиции иранского происхождения либо, напротив, вообще лишенными реальной основы, разработанными в греческой среде. Еще Дж. Раулинсон, анализируя данные Геродота о мидийской истории, писал о ее хронологической основе, что «вся схема от начала до конца искусственна», причем критически оценивал хронологический аспект и его свидетельств о царствованиях Киаксара и Астиага [41, с. 340—342; 42, с. 231 и прим. 13]. В настоящее время сходное мнение отстаивает П. Хелм; он считает, что мидийские даты Геродота, столь часто используемые при воссоздании истории древнего Ирана, представляют интерес главным образом не для этой темы, а для изучения ранней греческой хронографии, и зависят от воспринятых Геродотом конструкций одного или нескольких его предшественников, стремившихся связать происхождение известных им азиатских монархий с Гераклом. Мидийские даты Геродота оцениваются им как совершенно недостоверные, а общая продолжительность династии Дейокидов по Геродоту — как явно не соответствовавшая реальной истории Ирана. Этот вывод П. Хелм непосредственно увязывает со своим заключением, что нарратив мидийского логоса Геродота также не содержит достоверной информации о времени ранее царствования Киаксара; при этом, по Хелму, факты, сообщаемые Геродотом о Киаксаре, уже имели место в действительности, но датированы им совершенно неверно [10, с. 87, 88, 90].

Действительно, даже при описании событий времени Киаксара и Астиага, сравнительно недавнего по сравнению с раннемидийской эпохой, у Геродота обнаруживается ряд явных хронологических ошибок. По сути дела лишь вавилонские надписи, упоминающие о мидийских царях и о победе Кира над Астиагом в 550/549 гг., дали прямые свидетельства того, что завоевание Киром Лидии имело место в 540-х годах, а не в 550-х как следовало бы из данных Геродота и как по ним это событие датировалось некоторыми учеными XIX в., и что мидийско-лидийская война, завершившаяся солнечным затмением (по данным современных ученых, 585/584 гг.), должна относиться к 580-м годам, чему вполне соответствуют олимпийские даты этой войны у Цицерона, Солина, хронографов и др. Эти авторы, однако, не упоминают Киаксара, а противником Алиатта называют мидийца Астиага. По данным же Геродота, это событие следовало бы датировать намного ранее — во всяком случае не позже 590-х годов, когда, согласно Геродоту, ведший эту войну Киаксар должен был закончить свое правление. Характерно, что в европейской науке XIX в. обычно так и датировали эту войну и солнечное затмение во время завершившей ее битвы. Из дат полных или частичных затмений, которые, по выводам астрономов, могли наблюдаться в Малой Азии, указывали на 625, 610, 603 гг. (литературу см. [41, с. 168, 336; 42, с. 310—412]). Иранисты, относящие эту войну ко времени Киаксара, уверены, что основываются при этом именно на Геродоте, хотя его данным такой вывод прямо противоречит (ибо он, как говорилось, ошибочно удревнял правление Кира над Мидией, а Астиаг, правивший до Кира 35 лет, по Геродоту, должен был начать, а Киаксар закончить свое правление не позже 594—593 гг.). Напротив, те современные исследователи, которые основываются на олимпийских датах упомянутых авторов, относя войну ко времени Астиага, предпочитают вместе с тем доверять именно этому свидетельству. У Геродота же в любом случае содержится прямая хронологическая неточность. Возможно, она зависит от того, что Геродот относил войну с лидянами к первой половине правления Киаксара, еще до взятия им Ниневии (Herod. I. 103, ср. также I. 16). Между тем она происходила либо в конце его царствования, либо даже в начале правления его сына Астиага.

К таким хронологическим ошибкам, очевидно, принадлежит также положение Геродота о 28 годах как сроке скифского господства над Азией и их включение в 40 лет правления Киаксара (что, как мы уже видели, исторически исключено). Эти «28 лет», которым уделено много внимания в современной исторической литературе, вероятно, являются лишь плодом недоразумения или неудачной историко-хронологической калькуляции Геродота (либо кого-то из его предшественников), работавшего с рассмотренной выше искусственной общей схемой

хронологии Азии. Впрочем, кроме как у Геродота, эта цифра ни у одного античного автора не встречается. Зато известны другие: так, Помпей Трог (см. Юстин II.3,16 и II.5,1) писал о 15 и 8 годах скифского господства в Азии, причем в последнем случае речь идет безусловно о том же эпизоде с «возвращением скифов», что и у Геродота (см. ниже). У античных хронографов два похода Киаксара на Ниневию, первый, прерванный (по Геродоту) из-за появления скифов, и второй, завершившийся взятием Ниневии, разделены не более чем 11 годами; этим также подтверждается, что в таких случаях на подчинение мидян скифам при Киаксаре отводилось не более 10 лет. И здесь также следует обратиться к практике ученых XIX в.; отмечая, что, по Геродоту, скифы господствовали над Азией 28 лет, они не раз писали, что надо сильно уменьшить это число, так как господство скифов продолжалось не более 7—8 лет (см. [43, с. 518 и прим. 5 с литературой]). Исследователи же XX в. обычно считают цифру 28 вполне достоверной, а другие данные о продолжительности скифского владычества в Азии просто не принимают во внимание или отвергают. Так, И. М. Дьяконов [7, с. 293] пишет, что «восемь лет» у Юстина — «явная описка» вместо 28 лет у Геродота. Но хотя обе цифры могут быть результатом искусственных расчетов, они явно восходят к различным по характеру и происхождению традициям. Дело в том, что, по Геродоту, против вернувшихся из Азии скифов выступают их сыновья, прижитые их женами от рабов и выросшие за 28 лет отсутствия скифов на родине, а по Трогу-Юстину, а также Полиену (VII.44,2) и ряду других авторов, против скифов выступают сами рабы (а их дети по этим версиям просто не успели бы вырасти и у Трога-Юстина не упоминаются вовсе). Вообще об этой войне скифов с рабами или их сыновьями упоминают многие античные авторы и лишь некоторые, поздние, из них могут восходить к Геродоту, остальные же явно независимы (см. [44, с. 87 и сл.]; относительно Трога и Полиена об этом писал и М. И. Ростовцев [45, с. 115 и сл., 120 и сл.]). Версии, по которым со скифами воюют сами рабы, возможно, и типологически предшествуют геродотовой версии, но во всяком случае они представляют собой разные варианты с несводимыми друг к другу хронологическими выкладками (об этом сюжете см. также [46, с. 148—150]).

Таким образом, в античной литературе бытовали различные датировки одних и тех же событий истории Мидии и Лидии, их царей, событий скифо-киммерийской истории и т. д. В ряде случаев такие датировки имели явно искусственное происхождение, причем у Геродота иногда определенно менее достоверны, чем у других авторов, как это было показано в отношении царей Лидии. Но все такие произвольные построения касаются прежде всего хронологии, а не существования самих государств и племен, царей, войн и тому подобных событий; точно так же, как ошибочные даты для Солона у Геродота не ставят под сомнение существование самого афинского законодателя, ошибки Геродота в лидийской хронологии не опровергают существования Лидийского царства при ранних Мермнадах и т. п. Реальная датировка упомянутых государств, войн и прочих событий по данным Геродота или других античных авторов должна основываться не только и не столько на собственно хронологических их данных, сколько на нарративных свидетельствах и на сопоставлениях прежде всего именно последних с документальными данными клинописных источников. Ниже обосновывается система дат основных упоминавшихся выше событий одновременно с критическим разбором охарактеризованной господствующей в современной литературе концепции истории и хронологии данного периода, от которой непосредственно зависят и принимаемые различными исследователями киммерийско-скифские даты.

В сложении этой концепции, как уже сказано, определяющую роль, как по сути, так и по истории вопроса, сыграло отождествление Дейока Геродота с Дайукку аналов Саргона II, упоминаемым под 715 г. Помимо большого удревления Дейока (по Геродоту жившего в VII в.) это означало, что Дайукку («Дейок») правил в своем владении в тот период, когда ассирийцы лишь начинали завоевание

этих территорий (где их власть была низвергнута в конце 670-х годов). Между тем, по Геродоту, Дейок основал мидийское царство через некоторое время после того как было свергнуто ассирийское иго, а его сын Фраорт, унаследовав власть, стал вторым мидийским царем. По рассматриваемой же концепции, именно он (на самом деле якобы именовавшийся Каштарити) был вождем антиассирийского восстания и создателем мидийского царства. Все это находится в прямом противоречии с рассказом Геродота и «исправляет» его генеалогические данные (введение дополнительных царей с целью заполнить временные лакуны в династии Дейокидов, переименование Фраорта в Каштарити и т. п.). Между тем, хотя аккадское «Дайукку» и греческое «Дейокес» передают одно и то же иранское имя (см. о нем [47, с. 249 и сл.; 48, с. 298—300; 49]), отождествление этих лиц явно необоснованно. Как мне уже приходилось писать ранее, между этими двумя правителями нет ни реальной исторической, ни легендарной связи. Дайукку вообще не имел отношения к Мидии и правил в лежавшем далеко от нее владении. Сличение текстов Саргона II позволило установить название области, где правил Дайукку («страна» Миси, одна из частей Манейского царства); она не только не входила в Мидию, но и была отделена от нее другими областями и странами. Иные данные об этом правителе тоже противоречат мнению, что он имел что-то общее с Дейоком Геродота (к тому же по ассирийскому тексту Дайукку в 715 г. был выслан с семьей в Сирию, в Хамат, и уже потому не мог быть основателем какой-либо династии). По ассирийским текстам известны иранские правители, носившие одни и те же имена, но происходившие из разных районов (и безусловно бывшие различными лицами). Так, лишь по текстам Саргона II известны несколько правителей по имени Машдаку, двое Сатарпану и пр.; ко второй половине VIII — первым десятилетиям VII в. относятся по крайней мере три правителя из разных владений по имени Раматейа и т. д. В эламских документах раннеахеменидской эпохи упоминается целый ряд лиц, носивших те же имена, что и мидийские правители VIII—VII вв., встречаются там и неоднократные упоминания имени Дейока (в разных эламских написаниях) [47, с. 234, 249—269; 48, с. 298—308].

Еще более примечателен тот факт, что в 1972 г. (уже после того как были изложены упомянутые выводы о «тезках» по имени Дейок) была опубликована новая надпись Саргона II — стела из Ирана с более подробным, чем было известно ранее, описанием похода 716 г. В этом тексте [50, с. 40: оборот. стор. стк. 47 появляется еще один «Дейок» — Дайку (Da-i-ku), правитель Сапарды. Он был современником «манейского наместника» Дайукку, отождествление которого с Дейоком Геродота сыграло роковую роль в разработке проблем истории и хронологии Мидии. Сапарда находилась в Мидии или у ее границ. Это подтверждает несостоятельность идентификации Дейока с известным ранее Дайукку. Печальный же опыт этой идентификации, очевидно, воспрепятствует попыткам отождествить Дейока с его новым тезкой. К тому же и этот последний вскоре сошел с исторической сцены — по имеющимся данным, в 713 г. в Сапарде был уже иной правитель; еще один ее владетель известен в VII в. до н. э.; имена обоих — не «дейокидские». Таким образом, и род, правивший в Сапарде, не может иметь отношения к Дейокидам. Последние в качестве мидийских царей известны помимо хронографов также другим античным авторам. Помимо свидетельств Геродота до нас дошел рассказ о Дейоке у Полиена (VII.1), имеющий отличное от Геродота происхождение. О бытовании различных версий о возвышении Дейока свидетельствует также краткое упоминание у Плутарха (De Herod. malig., 18). Дейок античной традиции, будучи сначала одним из мелких мидийских владетелей, стал царем Мидии уже после свержения ассирийского ига. Вот этот-то факт и должен быть сопоставлен с хронологическими данными ассирийских документов, по которым в 670-х годах Мидия еще находилась под властью Ассирии и лишь затем, после восстановления в конце этих годов, добилась независимости. Но хотя Мидия к 669 г. считалась ассирийцами отдельной страной [51, № 434; 52, с. 52 и сл.; 7, с. 273 и сл.], она еще не была единым

царством; по античной традиции, после свержения ассирийцев в ней продолжались междуусобицы и она была разделена на независимые друг от друга владения, что подтверждается и единичным ассирийским свидетельством ок. 660 г. (см. [7, с. 282—284; 8, с. 230, прим. 6 и т. д.]). Так что окончательное объединение Мидии Дейоком было, очевидно, завершено несколько позже; само же время его жизни должно быть отнесено к первой половине — середине VII в., а его правление как царя всей Мидии помещается в пределах между второй четвертью и 40-ми годами VII в. Эта датировка целиком подтверждается другими свидетельствами античных авторов, соотносимыми с восточными источниками (см. ниже). Что касается реалий рассказов Геродота и Полиена об объединении Дейоком Мидии, то они находят полное подтверждение при сопоставлении с данными иранских источников, в том числе Авесты [11, с. 42—44; 53, с. 181—183].

Все это позволяет считать Дейока реальным историческим лицом, подлинным основателем Мидийского царства около середины VII в. Сообщения же мидийского логоса Геродота, включая его начальные разделы, в своих основных частях, общем построении и многих частных деталях исторически вполне достоверны. Дейок античной традиции в действительности стал царем Мидии после изгнания ассирийцев и был отцом Фраорта, дедом Киаксара и прадедом Астиага. Фраорт (а не «Каштарити»), бывший вторым мидийским царем (а не основателем мидийского царства), правил между второй половиной 640-х и 620-ми годами и т. д. Эти заключения решительно расходятся с господствующей в современной науке концепцией, которую можно назвать «длинной хронологией Мидии» и которая исходит из добавления 28 лет скифского владычества над Азией между Фраортом и Киаксаром (а самого Дейока относит к VIII в. до н. э.). Занимающее в указанной концепции одно из центральных мест (вслед за отождествлением Дейока с Дайукку) приведенное положение основывается на добавлении 28 лет скифского владычества к 40 годам правления Киаксара. У Геродота же (Herod. I.106) после сообщения о том, что Киаксар царствовал 40 лет, в части рукописей добавлено: «включая те годы, когда властвовали скифы». Лишь считая эту ремарку принадлежащей не самому Геродоту, а более поздним переписчикам, можно допускать, что текст оставляет возможность для любого из двух предположений: либо о включении, либо добавлении Геродотом 28 скифских лет к 40 годам правления Киаксара. Между тем, в лучших рукописях Геродота встречается именно первый вариант, и ученые XIX в. обычно не сомневались в том, что сам Геродот включал годы скифского владычества в правление Киаксара. Иное же мнение получило в основном распространение в XX в. и явилось прямым следствием стремления удлинить мидийскую хронологию в связи с отождествлением Дейока и Дайукку Саргона II. Прямое подтверждение того, что именно вариант лучших рукописей является подлинным, было обнаружено в оксиринхских папирусах, в одном из которых, относящемся к началу II в., к счастью, сохранилось интересующее нас место: «процарствовав 40 лет, включая и те годы, когда властвовали скифы». На этот важнейший для проблемы факт было указано в 1961 г. Р. Лабатом [20]. Со своей стороны добавим, что было бы невозможным и предположение о том, что Геродот, на самом деле считая, что скифы правили добавочные 28 лет, лишь допустил ошибку или описку в цитированном тексте. Дело в том, что тогда он должен был бы отвести Дейокидам 178 лет (вместо максимум 150), что прямо противоречит рассмотренной выше принятой им хронологической схеме «Верхней» и «Нижней» Азии. Впрочем, и указания Р. Лабата достаточно для того, чтобы сделать практически исключенной всю упомянутую «длинную хронологию Мидии».

Так, невозможным даже по одним хронологическим основаниям оказывается отождествление Фраорта (правившего, по Геродоту, ок. 646—624 гг.) с Каштарити (упоминаемым текстами 670-х годов). Р. Лабат, Э. Каваньяк и П. Хелм привели ряд доводов против приводившихся аргументов в пользу отождествления этих лиц. П. Хелм вполне справедливо подчеркнул, что вообще нет данных о том, что Каштарити был мидийцем и тем более основателем мидийского царства. По

Геродоту же — Фраорт был вторым мидийским царем. Более того, как уже отмечалось, все четыре Дейокида (Дейок, Фраорт, Киаксар, Астиаг) были известны античным авторам независимо от Геродота и задолго до него. Поэтому имя Фраорта в античной традиции не могло появиться в результате неточности Геродота или его информаторов; а тот факт, что мидиец в конце VI в. носил то же имя, что и древний мидийский правитель, вполне естествен. Так, по эламским персепольским документам и прочим раннеахеменидским источникам известно множество лиц, носивших те же имена, что и правители из Мидии VIII—VII вв. (примеры см. [48]). Заметим, наконец, что Геродот называет Фраортом не только второго мидийского царя (Herod. I.73, 102—103), но и отца самого Дейока (Herod. I.96). Уже такие генеалогические данные, безусловно восходящие к ранней греческой литературе, явно имеют значительно больший вес, чем хронологические упражнения современных исследователей на базе столь же искусственных хронологических построений древних авторов.

По аналогичным основаниям нет никаких причин для увеличения списка мидийских царей Геродота (в том числе — для введения дополнительного царя после Дайукку-Дейока). Сам Геродот пишет лишь о четырех Дейокидах, причем в разных разделах своего труда, имеющих, видимо, различное происхождение, в том числе в лидийском логосе (см. Herod. I.16, а также I.73); в обоих случаях Дейок называется отцом Фраорта и дедом Киаксара. Другие античные авторы, включая хронографов, тоже знали лишь тех же четырех Дейокидов. Впрочем, вопрос о «дополнительных» Дейокидах может вставать лишь при отождествлении Дейока с правителем эпохи Саргона II. При аргументированной выше датировке жизни Дейока VII в. такой вопрос просто не возникает; генеалогия Геродота (Дейок — Фраорт — Киаксар — Астиаг) оказывается очевидной и еще раз подтверждает аутентичность античных генеалогических преданий.

Перейдем теперь к собственно хронологическим выкладкам. Отводя, по Геродоту, собственному правлению Киаксара 624—584 гг. и добавляя к ним 28 лет скифского владычества, его датируют 653/2—625/4 гг. Начало этой эпохи сопоставляют [7, с. 288, лит.] с ситуацией ок. 653/2 г., когда, по клинописным текстам, против Ашшурбанапала восстал Шамашшумукин. По Геродоту же (Herod. I.102—104), к этому времени относят поход Фраорта на Ассирию и его гибель, новый поход мидян во главе с Киаксаром, одержавших было верх над ассирийцами у стен Ниневии, но разбитых вторгшимися скифами, к которым после этого перешла гегемония в Азии. Геродот также сообщает, что к началу войны Фраорта с ассирийцами те потеряли все свои бывшие владения кроме самой Ассирии. Еще К. Леман-Хаупт [54] высказал предположение, что у Геродота тут описано положение Ассирии ко времени восстания Шамашшумукина. Это мнение было принято сторонниками «длинной хронологии Мидии» (в том числе И. М. Дьяконовым, И. Алиевым и др. [7, с. 288; 8, с. 230 и др.]). Между тем, при непредвзятом изучении текста Геродота (I.102) едва ли можно сомневаться, что у него описана ситуация накануне окончательного падения Ассирии, начиная с 620-х годов, а отпавшие от нее владения уже не возвращались более под ее власть в отличие от времени Шамашшумукина. Кроме того, представляется совершенно невозможным, чтобы в дошедших текстах Ашшурбанапала (подробно освещающих события от 660-х до начала 630-х годов) не упоминалось об успехах Ассирии, описанных Геродотом. Этот факт пытаются, правда, объяснить тем, что мидийцы были разбиты не самими ассирийцами, а скифами, почему данное событие и не нашло отражения в анналах Ашшурбанапала; но в них, например, рассказывается о выгодном для ассирийцев поражении киммерийцев от лидян в Малой Азии. Между тем, Киаксар перед поражением от скифов стоял у стен Ниневии; и нельзя предполагать, что это событие вообще не нашло отражения в подробных анналах Ашшурбанапала. Еще более невероятным было бы, чтобы в этих текстах не упоминалось о победе над Фраортом, о гибели мидийского царя и большей части его войска, что на этот раз, по Геродоту, было достигнуто самими ассирийцами. Иногда, правда, и тут высказывается предположение, что

именно Фраорта, а не Киаксара разбили скифы (например [8, с. 230]). Но подобное предположение, находящееся в прямом противоречии с текстом древнего источника (Herod. I.102—104), принадлежит к числу многих других (включая уже названные), когда нарратив античного автора приносится в жертву «стройной» схеме, основанной на неоправданных хронологических калькуляциях[1].

У Геродота имеется и еще одно, вполне определенное, указание на то, что Фраорт не погиб в 650-х годах, а царствовал гораздо позже этого времени: он утверждает (Herod. I.102), что Дейок объединил саму Мидию, а завоевания за ее пределами начал его сын Фраорт, причем первыми из покоренных народов были персы. Это свидетельство приобретает хронологическое значение при сопоставлении с данными клинописных источников; из них определенно следует, что персидские племена, возглавлявшиеся Ахеменидами, в первой половине — середине VII в. находились в сфере влияния Элама, после же его поражения от Ассирии персы попали в зависимость от нее, а их царь Кир I во второй половине 640-х годов посылал дань и сына заложником в Ниневию (соответствующие источники и литературу см. [47, с. 221—222; ср. также 36, с. 241]). Таким образом, еще во второй половине 640-х годов персы признавали власть Ассирии, а их подчинение мидянам при Фраорте могло произойти не ранее первой половины 630-х годов (см. также [47, с. 147 и сл.]). Это свидетельство о начале внешней экспансии Мидии вполне соответствует другим данным о том, что по крайней мере до 630-х годов Мидия не вела крупных завоеваний. В свою очередь данные положения решительно противоречат утверждениям Медведской о ранней экспансии Мидии и ее соответствующим выводам о скифах (ср. ниже). Таким образом, при сопоставлении с данными восточных текстов сообщения Геродота определенно показывают, что правление Фраорта должно было включать время от 630-х годов до начала 620-х годов. Его отец Дейок, объединивший Мидию, был ее царем, вероятно, до середины или второй половины 640-х годов. Гибель Фраорта и начало правления Киаксара должны приходиться на 620-е годы (если при этом исходить из «точных» цифр античных авторов, то возможны следующие варианты: начало правления Киаксара должно относиться ко времени ок. 625—624 гг., 620 или 628 г., ср. выше).

Учитывая эти выводы, обратимся теперь к датировке «скифского владычества над Азией». Сам его факт, очевидно, не может подвергаться сомнению и надежно подтверждается данными античных источников и традиций. Это относится и к господству скифов над мидянами. О том, как скифы победили мидян, когда те вторглись в Ассирию, и, разбив их, захватили владычество над Азией, рассказывает Геродот (Herod. I.103—104), следуя предшествующему развернутому повествованию. К иной традиции восходит другое сообщение Геродота (I.130) о скифской гегемонии в Азии. Еще в одном отрывке (IV.1,1) он повторяет слова о том, как скифы разбили мидян, вторгшись в их землю. О победе скифов над мидянами сообщают и другие античные авторы, а, например, Диодор (II.43,6), следуя в своем рассказе о скифах совершенно иным источникам, чем Геродот, относит Мидию к числу покоренных скифами стран и народов. Что касается характера этого скифского «владычества» и степени его суровости, то они по-разному могут быть оценены в свете дошедших источников (ср. Геродот I.106; Диодор II.43; 4—6; Трог-Юстин II.3, 15 и пр.). При этом скифы в Азии, видимо, действовали согласованно, признавая, очевидно, общее верховенство Мадия, сына Прототия.

Дошедшие источники относят к этому периоду, в частности, следующие деяния скифов: они во главе с Мадием победили мидян, после чего приобрели господство над всей Азией; одержали победы в Малой Азии (также с участием Мадия), где наряду с другими племенами разбили, очевидно, и киммерийцев,

[1] Сюда, между прочим, относится и положение о 28 годах господства скифов, прибавляемых к 40 годам правления Киаксара: «Необходимо лишь признать, что Киаксар унаследовал престол еще ребенком» [7, с. 289]. Но при этом забывается, что, по Геродоту, Киаксар уже в самом начале этих 28 лет возглавлял мидийские войска в походе на Ниневию и затем в войне со скифами.

унаследовав от них власть над этими районами (в том числе на северо-востоке Малой Азии); совершали грабительские походы в Восточное Средиземноморье, Сирию и Палестину, откуда угрожали также Египту, но, по Геродоту (I.105), фараон Псамметих откупился от них дарами; о распространении влияния скифов до границ Египта сообщают и другие источники (Диодор II.43,4; Трог-Юстин II.3, 8—14; Курций Руф VII.8, 18 и др.).

В отношении каждого из этих событий возможны вполне надежные хронологические заключения. Победу над мидянами, как мы уже видели, следует относить к 620-м годам, вероятнее — к их первой половине. Победу скифов над киммерийцами в рамках теории «длинной хронологии Мидии» и «скифского владычества в Азии» ранее также относили к предполагаемому началу этого владычества около 653 г. Считалось, что в середине 650-х годов киммерийцы разбили лидийского царя Гига и вскоре после этого, около 654 г., потерпели поражение от скифов (см., например, [7, с. 284—286]). Однако принимавшаяся ранее рядом исследователей дата гибели Гига около 654 г. оказалась неверной. Как мы видели, Гиг погиб ок. 644—643 гг. Что же касается киммерийцев, то их вождь Дугдамме (Лигдамис античных авторов) после этого продолжал свои угрозы Ассирии, как после него и его сын Сандакшатру. Это сообщение о Сандакшатру содержится, кстати, в последнем из дошедших ассирийских исторических текстов. Высказывавшееся же на основании известных ранее источников предположение о том, что киммерийцы уже при отце Сандакшатру потерпели тяжелое военное поражение, не подтвердилось. Из опубликованной Р. Томпсоном в 1933 г. надписи [55] выяснилось, что Дугдамме не был разбит кем-то, а погиб в результате болезни, подробно описываемой в источнике. Так что к началу 630-х годов киммерийцы еще сохраняли свое прежнее могущество, а их поражение произошло не ранее середины 630-х годов или даже позже.

Наступление на Египет было связано с походами на Сирию и Палестину. В это время скифы стали известны также народу Иудеи, и в библейских текстах содержатся упоминания о набегах северного народа всадников и лучников, о разорении им соседних областей (в том числе об опустошении Аскалона сирийского, ср. о разграблении скифами тамошнего храма у Геродота I.105). При идентификации этого народа со скифами особенно часто ссылаются на отрывки из Иеремии V.15—18, VI.22—26 и Софонии II.4—6 [7, с. 301, 302; 43, с. 516, 517; 56, с. 237 и др.]. Пророчество Софонии датируется эпохой царя Иосии в целом; указанный отрывок из Иеремии — 13-м годом царствования этого царя. Начало его правления относят ко времени около 639 г.; упомянутые Иеремией события должны тогда относиться примерно к 628—626 гг. Особый интерес при этом представляют данные христианских хронографов (которые, как и Иосиф Флавий, в отношении событий конца VII — начала VI в. обладали и сведениями, не представленными в дошедших библейских книгах). У Евсевия Кесарийского под 11-м годом Иосии отмечено, что скифы распространили свое господство до Палестины [33, с. 185]. В некоторых изданиях эта ремарка о скифах помещена одним-двумя годами позже — под 13-м годом Иосии (начало же пророчества Иеремии и здесь отнесено на два года позже [57, с. 88]). Именно 626 г. до н. э. как год вторжения скифов до Палестины и границ Египта принимается рядом исследователей, например, В. фон Зоденом и за ним Р. Гиршманом [9, с. 36, с литературой]. В любом случае эти походы должны были иметь место в пределах первой половины 620-х годов.

Это вполне согласуется и с политической ситуацией на соответствующих территориях, которые (включая провинцию Самария) в 630-х годах еще принадлежали Ассирии, но в начале 620-х годов страны этого региона, в том числе Иудея, были уже независимы от нее [36, с. 241]. Не приходится также предполагать, что скифы совершали грабительские походы по Восточному Средиземноморью, пока оно еще принадлежало Ассирии. Вместе с тем приведенные данные надежно подтверждают античную традицию о скифских походах на юго-запад Азии до границ Египта; признание же ее достоверности само по себе убедительно демонстрирует силы и возможности скифов в эпоху их владычества в Азии.

Таким образом, судя по различным независимым данным, разные эпизоды скифской гегемонии в Азии должны относиться ко времени не ранее второй половины 630-х годов или в основном к 620-м годам до н. э. Terminus ante quem для скифского преобладания дает сообщение вавилонской хроники под 615 г., когда Киаксар как могучий и независимый правитель вторгся в Ассирию (очевидно, возобновив войну с ней). А в 616 г. по той же хронике манейские войска вместе с ассирийскими сражались против вавилонян. Это позволяет предполагать, что накануне 615 г. произошли важные события (быть может, включавшие разгром скифов Киаксаром и его победу над Маной), позволившие теперь Киаксару приступить к окончательной борьбе с Ассирией. Но в любом случае все события, связанные со скифской гегемонией в Азии, могут датироваться лишь в пределах между серединой 630-х и 610-х годов; сама же ее эпоха была временем наиболее широкого распространения и влияния скифов в Передней Азии. Все это решительно расходится с выводами Медведской, по которым скифы находились в Азии лишь в первой половине VII в. до н. э., а вернее, засвидетельствовано только их пребывание в Иране до начала мидийского восстания, в 670-х годах до н. э.[2] Возвращение скифов в Европу, которое следует признать историческим фактом (хотя и обросшим легендарными подробностями), может быть отнесено к концу 620-х — первой половине 610-х годов (и не позже их середины). Это следует учитывать и при датировке памятников скифских древностей из Европы, которые могли быть принесены с собой скифами и их вождями. Сюда надо, вероятно, отнести и известное келермесское зеркало, стилистические особенности которого ярко отражают культурные традиции различных стран Азии, где засвидетельствованы скифы в эпоху своей гегемонии. Особенности искусства и ремесла этих азиатских стран наряду с собственно скифскими чертами отражают, как известно, и многие предметы из Зивийе.

Но отдельные группы скифов продолжали и позже оставаться в Азии. Они могли иметь различное происхождение и историю, в частности, выходящую за рамки рассматриваемой эпохи. Так, по Геродоту (I.73), в начале VI в. до н. э. из-за одной группы скифов началась война мидян с лидянами. Скифские племенные группы, еще не растворившиеся среди окружающего населения, сохранились на тех или иных территориях и много позже (и следовательно, существовали как таковые и в интересующую нас эпоху). Например, до времени Александра Македонского как отдельный народ существовали «сакесины» — жители Сакасены (иран. Сака-шайана) — области «саков» — по самоназванию скифо-сакских племен (или от их общего наименования саками у персов и в ахеменидской административной номенклатуре). Эта страна, известная по античным и армянским (Шакашен) источникам, лежала у среднего течения Куры на западе современного Азербайджана. Ранее было распространено мнение, что она была

[2] К тому же явно неприемлемы конкретные положения Медведской об этом периоде [1, с. 104, 105], в частности, отнесение победы ассирийцев над манеями и их союзником скифом Ишпакаем к 675 г., а мидийского восстания — к 673 г. Это восстание, о котором известно по ассирийским гадательным текстам, не датированным по годам, относили и к 674 г. Главным основанием этих датировок было стремление сблизить события в Иране, упоминаемые гадательными надписями, и войну с манеями и Ишпакаем, о чем сообщается в трафаретных официальных текстах Асархаддона (тоже не указывающих года упоминаемых событий). Но после публикации заключенных в 672 г. договоров Асархаддона с рядом правителей из Ирана, в том числе из Мидии, стало очевидным, что восстание там началось позже, вероятно, в 671 г. до н. э. Вместе с тем в 1956 г. был опубликован один из трафаретных текстов Асархаддона, переписанный весной 676 г. до н. э. Таким образом, описанные в этом и других таких текстах события, включая поражение Ишпакая, произошли ранее 676 г. Хотя упомянутые расхождения касаются лишь нескольких лет, это имеет принципиальное значение при анализе соответствующих событий. Их последовательность также во многом оказывается иной. Так, гадательные запросы царя об обстановке в Мидии, датируемые Медведской временем до победы над Ишпакаем, на самом деле относятся к более поздним годам. Еще более бездоказательным выглядит утверждение о том, что скифский царь Партатуа был сыном Ишпакая, и т. д. Что касается сообщения о скифе Ишпакае, являющегося первым дошедшим упоминанием о скифах в источниках, то оно должно быть датировано началом правления Асархаддона между 680—677 гг. (это позволяет также предполагать, что скифы появились в Иране значительно ранее) [11, с. 33, 42; 14, с. 813, 814; 47, с. 111, 234, 250; 58, с. 72].

центром или частью упоминаемой в восточных текстах VII — начала VI в. страны, или «царства» скифов. Однако это мнение, сталкивающееся с рядом трудностей, сейчас мало кем разделяется.

Другой территорией, где, судя по стойкой традиции, отраженной у ряда античных авторов, прочно обосновывались скифские группы, были районы на северо-востоке Малой Азии, в северной части Каппадокии и в Понте — до Пафлагонии. Возможно, в тех же районах надо помещать скифов по данным Библии, где в датируемой первой половиной VI в. «Таблице народов» из книги Бытия (X.3) они названы среди народов (стран) на востоке Малой Азии. Тогда и «царство» скифов книги Иеремии (LI, 27) могло находиться там же, т. е. к западу, а не к северо-востоку от Урарту. Конечно, употребление термина «царство» по отношению к скифам во многом условно, но во всяком случае скифы на соответствующей территории должны были сохранять свой этнокультурный облик и политическое единство.

То же следует сказать о киммерийцах. Сам их этноним засвидетельствован в той же книге Бытия (X.3) и как название Каппадокии в армянской литературе. Но если это и можно было бы объяснить простым переживанием топонима или литературной библейской реминисценцией, то, например, свидетельство Аристотеля, что киммерийцы в течение 100 лет населяли Антандр на западе Малой Азии, ясно подразумевает киммерийцев как таковых. Учитывая время возможного появления киммерийцев в этом районе, упомянутое сообщение показывает также, что киммерийцы обитали там по крайней мере до первых десятилетий VI в. до н. э. Вообще разбитые, вероятно, в 630-х годах киммерийцы тогда еще отнюдь не перестали существовать и сохраняли собственное, хотя и утратившее былое могущество, политическое объединение, так что лидийским царям в Малой Азии приходилось продолжать войны с ними. Окончательную победу над ними приписывали Алиатту, о войне которого с киммерийцами сообщают Геродот (I.16) и, независимо от него, Полиен (VII.2,1). Выше уже говорилось о хронологии лидийских царей (незакономерно удревненной у античных авторов, особенно у Геродота). Из приведенных нами данных следует, что Алиатт начал царствовать не ранее самого конца VII в. до н. э. Победа же его над киммерийцами должна быть отнесена к концу VII — началу VI в. Это еще раз подтверждает, что киммерийцы не перестали существовать с исчезновением ассирийских анналов и после 640-х годов они еще на протяжении не менее полувека засвидетельствованы в Малой Азии. Следует также заметить, что киммерийцы и скифы в этот поздний период обитали примерно в тех же областях, где в Малой Азии открыты наиболее выразительные памятники кочевнического типа (находки в Имирлере).

Многие изделия скифского круга обнаружены и в Кармир-Блуре. Это использовалось как важный аргумент при датировке скифской архаики, причем гибель Кармир-Блура относилась к началу VI в. Ученые, считавшие, что Урарту существовало до этого времени, относили к эпохе после Русы II и Сардури III (упоминаемых в ассирийских текстах) еще трех или четырех урартских царей. Медведская же следует положению о том, что это были лишь «принцы» — современники Русы II (при котором, как она полагает, погибли и Бастам, и Кармир-Блур). Действительно, предлагавшиеся списки поздних урартских царей, включавшие лиц без засвидетельствованной царской титулатуры, остаются во многом гипотетичными, хотя надо учесть, что различные урартские цари часто именуются в своих текстах (а также в оттисках печатей) без всякой титулатуры, а поздний урартский клинописный материал вообще крайне скуден; тем не менее и после Русы II известны правители, от которых дошли надписи с царской титулатурой. Медведская, между прочим, пишет [2, с. 229], что после упоминания Сардури III в ассирийском тексте под 644/643 гг. царь Урарту в клинописи более не упоминается. Но известен ряд надписей с царской титулатурой (наряду с текстами без нее) царя Русы III, сына Эримены [59, с. 349—353; 60, с. 273], правившего, как полагают, судя по числу оставленных им текстов, весьма долгое время во второй половине VII в. (по разным причинам трудно предполагать,

что Руса III правил до Сардури III; в случае же такого допущения оно еще более удревняло бы правление Русы II и тем более указывало бы на то, что Кармир-Блур существовал еще долго после него).

Сам же Сардури III, кроме ассирийских текстов, очевидно, упоминается — без титулатуры — в документах из Кармир-Блура [60, с. 271, 272; 61, с. 32, 33, 50, 51; 62, с. 99—101]. Из того же района происходят две надписи Русы III, сына Эримены [59, с. 349; 60, с. 273]. Поэтому надо, очевидно, согласиться с тем, что этот район продолжал принадлежать урартам еще немалое время после Русы II, даже если не считать урартскими царями некоторых других правителей, оставивших на документах из Кармир-Блура оттиски своих печатей без титулатуры. Известна, однако, надпись на фрагментах щита, которая определенно сохранила царскую титулатуру и различными авторитетными урартологами была признана принадлежащей Сардури IV: «Сардури, сыну Сардури» [60, с. 273, 274; 61, с. 6, 28, 35, 64, 65; 62, с. 102, 103].

Для определения продолжительности существования Урартского царства в абсолютных датах привлекались упоминания Урарту в вавилонской хронике и книге Иеремии. Относительно первой Медведская утверждает, что в ней под 609—608 гг. Урарту выступает лишь как географическое понятие, но доводы, которым она следует, представляются гораздо менее убедительными, чем обычно принимавшиеся ранее, по которым понятие Урарту в 609—608 гг. сохраняло политическое значение, а упомянутые в хронике события способствовали подчинению Урарту мидянам. На аргументах же Медведской относительно речи Иеремии [1, с. 100, 101; 2, с. 230, 231] следует остановиться подробнее. В датированном 594/593 гг. пророчестве Иеремии, направленном против Вавилонии, он призывает против нее царства Урарту, Маны и Скифии, всех царей и наместников Мидии, причем первые три «царства», судя по тексту, также подвластны ей (ср. Jer., LI, 27, 28). Отсюда делали вывод о том, что Урарту так же, как Мана и Скифия, еще существовало как подчиненное Мидии царство до начала VI в. до н. э. Медведская, отвергая такой вывод, приводит другие — причем противоречающие друг другу — мнения и по сути согласна присоединиться к любому из них, лишь бы отвести вышеупомянутый. С одной стороны, она пишет, что названные царства являлись просто административными единицами в Мидии, сохранившими лишь свои исторические названия; в этом случае она согласна признать сведения Иеремии реальностью 594 г.; с другой стороны, Медведская ссылается на мнение, согласно которому данное проклятие у Иеремии является анахронизмом, представляя традиционный «литературный топос», употреблявшийся ранее в адрес Ассирии, когда названные в нем страны и народы действительно могли быть ее реальными врагами.

То обстоятельство, что во время составления данного текста «царства» Урарту, Мана и Скифия были действительно царствами одноименных народов, подтверждается отмечаемым в тексте Иеремии (LI, 27—28) различием между «царствами» и «царями» (см. также LIII) Мидии, с одной стороны, и ее сатрапами, или области/начальниками, и наместниками, с другой. Это, как известно, хорошо соответствует данным о структуре Мидийского государства, в состав которого наряду с провинциями или сатрапиями входили автономные царства, как, например, Персидское, где, по имеющимся данным, после подчинения мидянам сохранилась своя династия и элементы самоуправления. Вместе с тем весь контекст «проклятия» и его сопоставление с общеисторическими данными не позволяют отнести возникновение данного текста к ассирийской эпохе.

Как уже говорилось, Медведская полагает, что Бастам, Кармир-Блур и соседние урартские крепости были завоеваны мидянами около середины VII в., а возводились они Русой II для защиты от экспансии мидян с 60-х годов (в связи с этим отвергается и возможность политической активности скифов в тех же районах). Но эти и связанные с ними положения должны быть безусловно отвергнуты, так как не соответствуют вполне определенным сведениям по истории Мидии и ее завоеваний. По данным времени Ашшурбанапала, после приобретения

Мидией независимости Ассирия еще долго сохраняла другие свои владения в Иране, в том числе недалеко от центра Мидии и ее границ, оставшихся примерно одинаковыми на протяжении ассирийской эпохи (см. [47, с. 108, 109, 117 и др.]). С этим вполне согласуется обоснованная выше хронология Мидийского царства, которое было создано около середины VII в. и приступило к внешним завоеваниям лишь с 630-х годов до н. э. Но и тогда Мидия еще не могла присоединить территории на северо-западе Ирана, где продолжало существовать Манейское царство. В связи с данными клинописных текстов по исторической географии этих областей можно утверждать, что районы Бастама и Кармир-Блура были недоступны для мидян, пока те не покорили Манейское царство. Последнее могло быть подчинено мидянами не ранее 616 г., а покорение ими основных урартских земель происходило, очевидно, после 610 г. Таким образом, ситуация, когда эти царства были подвластны Мидии, а сама она являлась наиболее значительной и грозной силой на Переднем Востоке, соответствует именно концу VII — началу VI в., т. е. и 594/539 гг., к которым относится проклятие Иеремии. Нет также никаких оснований ставить под сомнение его подлинность в тексте. Итак, и теперь отсутствует сколько-нибудь убедительное объяснение данного отрывка и деталей его контекста, кроме того, при котором приходится признать существование зависимого от Мидии Урартского царства до начала VI в. до н. э.

То же самое можно сказать о «царстве» скифов книги Иеремии. Впрочем, существование на Ближнем Востоке до этого времени отдельных групп или объединений скифских и киммерийских племен, сохранявших свой этнокультурный облик и определенную территорию, устанавливается, как мы видели, и по иным данным. Появились же киммерийцы на Древнем Востоке во второй половине VIII в., ко времени Саргона II, а скифы впервые — в начале VII в., до правления Ассархаддона. Таким образом, киммерийские и скифские племенные группы находились на Переднем Востоке на протяжении всего периода, который покрывают дискуссионные даты «скифской архаики». Поэтому трудно признать убедительной попытку И. Н. Медведской решить проблему (причем «предельно» точно [1, с. 95—99]) путем определения абсолютных дат кочевнических памятников с Ближнего Востока на основе утверждения, что по данным письменных источников устанавливается присутствие там кочевников лишь в раннее время — до второй половины VII в., а в Восточной Турции и Иране — вообще лишь в 670-х годах до н. э. Между тем, и в этих районах кочевнические группы (которые могли оставить собственные, в том числе погребальные, памятники и оказать культурное влияние на местное население) находились и в более позднее время. Наиболее же широкое распространение и влияние скифов в Передней Азии приходится, очевидно, на время между второй половиной 630-х годов и первой половиной 610-х годов до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и древний Восток//РА. 1992. № 3.
2. *Медведская И. Н.* Рец. на кн.: S. Zawadsky. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988//ВДИ. 1992. № 1.
3. *Белявский В. А.* Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии//Исследования по истории стран Востока. Л.: ЛГУ, 1964.
4. *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
5. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
6. *Olmstead A.* History of Assyria. N. Y., 1923.
7. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956.
8. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1956.
9. *Ghirshman R.* Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythe. P., 1979.
10. *Helm P.* Herodotus' Medikos Logos and Median History//Iran. 1981. V. XIX.
11. История Ирана. М.: МГУ, 1977.
12. *Thureau-Dangin F.* La fin de l'empire assyrien//Revue d'assyriologie. 1925. V. XXII.
13. *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей//ВДИ. 1981. № 2.
14. *Dandamaev M., Grantovsky E.* Assyria//Encyclopaedia Iranica. 1987. V. 2. Fasc. 8.

15. *Cavaignac E.* Sur un passage de la tablette B. M. 25 127//Revue d'assyriologie. 1957. V. 51. № 1.
16. *Cavaignac E.* A propos du début de l'histoire des Mèdes//J. Asiatique. 1961. T. 249. Fasc. 2.
17. *König F. W.* Älteste Geschichte der Meder und Perser. Lpz., 1934.
18. *Cameron G.* History of Early Iran. Chicago, 1936.
19. *Smith G.* Assyrian History//Z. fur Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1869. V. 7.
20. *Labat R.* Kastariti, Phraorte et les débuts de l'histoire mède//J. Asiatique. 1961. T. 249. Fasc. 1.
21. *Fray R. N.* The Heritage of Persia. Cleveland; New York, 1963.
22. *Palou Chr., Palou J.* La Perse antique. P., 1962.
23. *Brentjes B.* Die iranische Welt vor Mohammed. Lpz. s. a.
24. *Collins R.* The Medes and Persians. L., 1974.
25. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
26. *Klima O.* Sláva a pad starého Iranu. Praha, 1977.
27. *Dandamaev M.* The Civilisation of Ancient Iran//Ancient Civilisations of East and West. Moscow, 1988.
28. *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
29. *Meyer Ed.* Herodots Chronologie der griechischen Sagengeschichte//Meyer. Forschungen zur alten Chronologie. V. I. Halle, 1892.
30. *Drews R.* The Fall of Astyages and Herodotus' Chronology of the Eastern Kingdoms//Historia. 1969. Bd XVIII. Ht. 1.
31. *Drews R.* The Greek Accounts of the Eastern History. Cambridge (Mass.), 1973.
32. *Мазетти К.* Вопросы лидийской хронологии//ВДИ. 1978. № 2.
33. Die Chronik des Eusebius. Aus dem Armenischen übersetzt. Hrsg. von J. Karst. Lpz., 1911.
34. *Markianos S.* The Chronology of the Herodotean Solon//Historia. 1974. Bd XXIII. Ht. 1.
35. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
36. *Тадмор Х.* Три последних десятилетия Ассирии // Тр. 25-го Междунар. конгр. востоковедов (9—16 августа 1960 г.). Т. 1. М., 1962.
37. *Cogan M., Tadmor H.* Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission//Orientalia. 1977. V. 46. Fasc. 1.
38. *Spalinger A. J.* The Date of the Death of Gyges and its Historical Implication//JAOS. 1978. V. 98. № 4.
39. *Grayson A. K.* The Chronology of the Reign of Ashurbanapal//ZA. 1981. V. 70.
40. *Kalesch H.* Zur lydischen Chronologie//Historia. 1958. Bd VII.
41. *Rawlinson G.* History of Herodotus. V. I. L., 1862.
42. *Rawlinson G.* The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. V. II. L., 1879.
43. *Масперо.* Древняя история народов Востока. М., 1911.
44. *Gutschmid A.* Kleine Schriften. Bd V. Lpz., 1894.
45. *Ростовцев М. И.* Скифы и Боспор. Пг., 1925.
46. *Грантовский Э. А.* Проблемы изучения общественного строя скифов//ВДИ. 1980. № 4.
47. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
48. *Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана//История иранского государства и культуры. М., 1971.
49. *Schmitt R.* Deiokes//Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 110. Jahrgang, 1973.
50. *Levine L.* Two Neo-Assyrian Stelae from Iran. Ontario, 1972.
51. *Harper R.* Assyrian and Babylonian Letters. V. I—XIV. Chicago, 1892—1914.
52. *Forrer E.* Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches. Lps., 1920.
53. *Грантовский Э. А.* Происхождение мидийского государства//Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988.
54. *Lehmann-Haupt K.* Kimmerier//Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd 11. Stuttgart, 1893—1941.
55. *Thompson R. C.* The British Museum Excavation of Nineveh. 1931—1932//Annals of Archaeology and Anthropology. V. XX. Liverpool, 1933.
56. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
57. Eusebii Chronicorum Liber Prior//Ed. A. Scholne. B., 1875.
58. *Грантовский Э. А.* Обсуждение на круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии»//Народы Азии и Африки. 1980. № 6.
59. *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
60. *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. 2//ВДИ. 1971. № 4.
61. *Дьяконов И. М.* Урартские письма и документы. М.; Л., 1963.
62. *Арутюнян Н. В.* Некоторые вопросы последнего периода истории Урарту//Древний Восток. Вып. 2. Ереван, 1976.

Институт востоковедения РАН,
Москва

E. A. GRANTOVSKY

CONCERNING THE CHRONOLOGY OF THE CIMMERIANS AND SCYTHIANS PRESENCE IN THE WESTERN ASIA

Summary

The author analysed the Assyrian texts which dated the Cimmerians and the Scythian presence in the Western Asia to the 70-s of the 7th century B. C., and that of the Cimmerians in the Western Turkey — to the 40-s of the same century, and drew a conclusion that the dating of the Scythian circle sites in Turkey and Iran to the 1st half of the 7th century B. C. was not well grounded. However some other sources make it possible to assert that these tribes continued living in the Western Asia after the Assyrian texts stopped mentioning them. The Scythians domination in Asia reported by different ancient writers should be considered a historical fact. Comparison of the ancient, cuneiform and some other eastern evidences let date the Scythian domination to the period between the second half of the 30-s and the middle of the 10-s of the 7th century B. C. Some of these Scythians returned back to Europe which can be dated to 620-616 B. C. But some groups of the Cimmerians and Scythians still keeping their ethnocultural and political unity continued living in the Western Asia at least till the beginning of the 6th century B. C.

ЯН ХОХОРОВСКИ

СКИФСКИЕ НАБЕГИ НА ТЕРРИТОРИЮ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ

Вопрос о военном проникновении скифов, или о так называемых «скифских набегах» на территорию Средней Европы, стал предметом научных дискуссий еще в 20-х годах нашего столетия благодаря, главным образом, работам немецких археологов [1, с. 280; 2, с. 11—25; 3, с. 210; 4, с. 159—160]. Поводом для этого явились обнаруженный в 1882 г. известный комплекс предметов из золота, выполненных в скифском стиле, в местности Виташково (тогда Феттерсфельде) [5], на Нижних Лужицах, а также находки вооружения скифского типа на городищах лужицкой культуры (например, Вицина, Стжегом, Польановице [6, с. 6; 7, с. 83—88]). Немалую роль сыграло также собирание и распространение сведений о концентрации материалов скифского характера в Карпатском бассейне [8, с. 385—407; 9, с. 1—27; 10, с. 494—529; 11, с. 167—203].

С течением времени наличие материалов скифского типа на территории Средней Европы стало привлекать внимание все более широкого круга исследователей (например: [12, с. 6; 13, с. 70—73; 14, с. 9—32; 15, с. 72—89]). Вопрос о военном характере этих находок, а также о роли предполагаемых скифских набегов на территорию Средней Европы выдвигался в последние полстолетия особенно в работах польских археологов [16, с. 70—100; 17, с. 793—796; 18, с. 257—283; 19; 20, с. 5—30; 21, с. 230—271]. Вместе с тем в среднеевропейской археологии появилось в это время стремление отрицать вероятность военного проникновения скифов так далеко к западу от зоны их обитания (например: [22, с. 3—41; 23, с. 49—76; 24, с. 350—353; 25, с. 247—265]). Похожую позицию занимали также по крайней мере некоторые советские исследователи [26, с. 239—253], хотя надо признать, что интерес советских археологов к находкам скифского типа в Средней Европе был относительно небольшой (не принимая во внимание некоторых положительных исключений, например [27; 28, с. 82—103; 29, с. 34—41]).

Рассматриваемый вопрос имеет при этом огромное значение для понимания и реконструкции исторических процессов, характерных для последних этапов гальштатского периода раннего железного века в Средней Европе. Находки скифского типа в этой зоне охватывают обширный ареал. К тому же их появление относится ко времени существенных культурных, общественно-политических и экономических преобразований, а также к моменту формирования различных поселенческих группировок, образования этнических рубежей и т. п. Надо также принимать во внимание общую проблему складывания контактной зоны между кочевническими обществами восточноевропейской степи и оседлым земледельческим населением Средней Европы в предысторические и протоисторические периоды.

Явление, называемое иногда «скифские влияния» [19; 30, с. 377—415] в Средней Европе, само по себе — сложный вопрос [21, с. 256—257]. К тому же это дело касается очень конкретных методологических проблем, например, сравнения относительной и абсолютной систем хронологии, определяющих динамику культурных явлений раннежелезной эпохи в Восточной, с одной, и в Средней и Западной Европе, с другой стороны [31, с. 133].

Находки, легшие в основу концепции о военном проникновении скифов на территории Средней Европы, обнаружены в зоне, простирающейся от Задунавья,

© Ян Хохоровски, 1994 г.

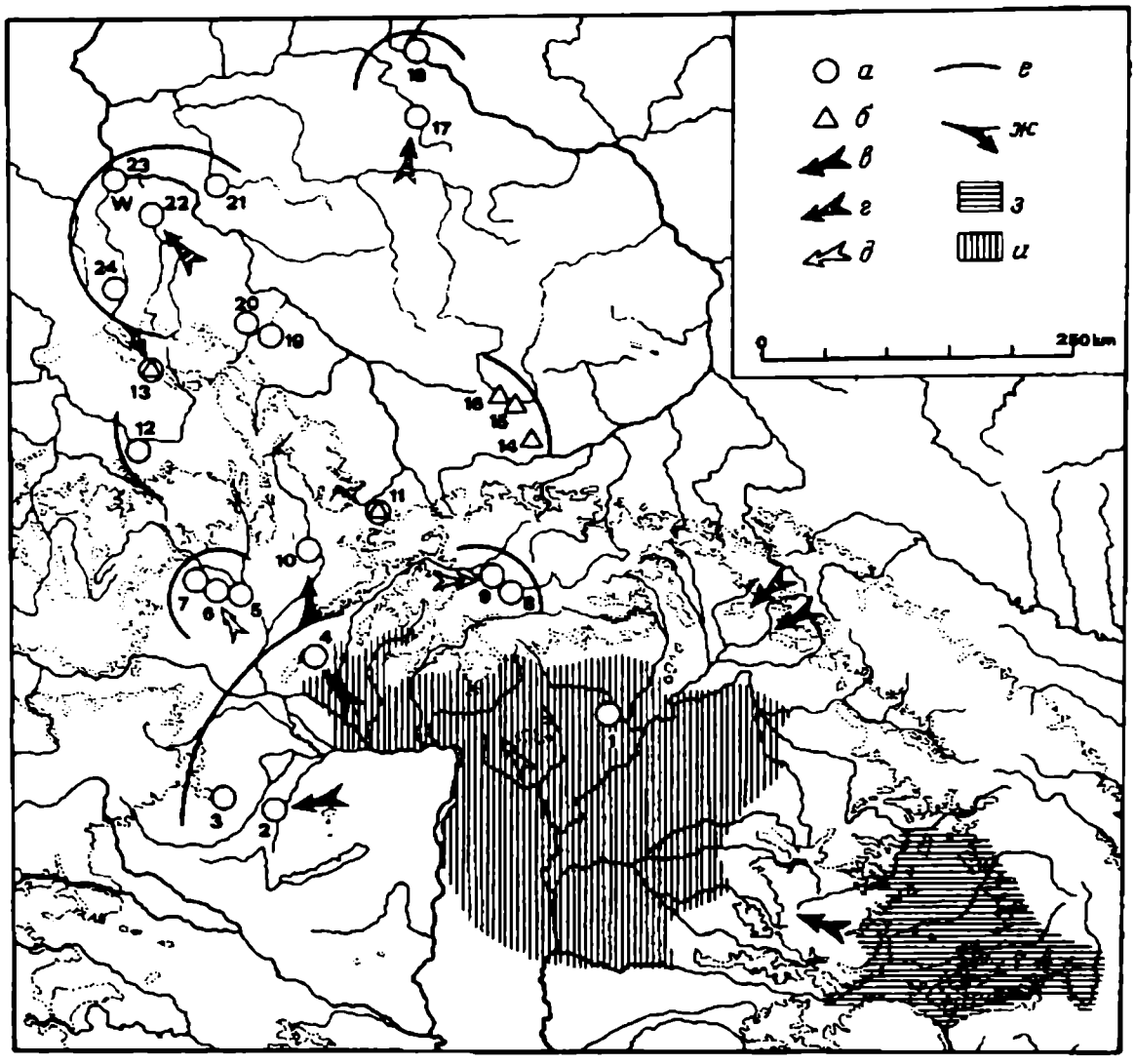


Рис. 1. Ареал военных действий и направления перемещений захватчиков с вооружением скифского типа на территории Средней Европы. *а* — городища, на территории которых было найдено вооружение скифского типа; *б* — пещерные убежища, в которых были обнаружены наконечники стрел скифского типа; *в* — направления перемещений первой волны скифских захватчиков; *г* — направления перемещений второй волны скифских захватчиков; *д* — направления военных действий населения культуры Векерзуг; *е* — максимальный ареал военных действий; *ж* — предполагаемые направления дальнейших перемещений; *з* — границы трансильванской группы; *и* — границы культуры Векерзуг. Список стоянок: *1* — Биксентльасльо-Нодьшанц; *2* — Цельдемельк-Шагхедь; *3* — Велем-Сентвидхедь; *4* — Смоленице-Мольпир; *5* — Ольбрамовице; *6* — Кжепице; *7* — Яромежице; *8* — Пльоштин-Демановска Польудница; *9* — Вышни Кубин-Тупа Скальа; *10* — Кженовице; *11* — Штрамберк-Котоуч (Чертова Дира); *12* — Часльав-Храдек; *13* — Машов-Чертова Рука; *14* — Ойцов-Гора Коронна; *15* — Пясечно-Оконник; *16* — Жендковице-Оконник; *17* — Крушвица-Остров Жемповски; *18* — Каменец; *19* — Соботка-Сленза; *20* — Стжегом; *21* — Каргова; *22* — Вицина; *23* — Польановице; *24* — Герлиц-Льандескроне; *W* — Виташково

через Моравию и Моравские Ворота, левобережную часть Силезии, вплоть до Нижних Лужиц [21, с. 230—234, табл. 5]. Их ареал охватывает территории восточногальштатской и хораковской культур, а также позднелужицкой культуры (рис. 1). Это прежде всего предметы вооружения скифского типа (главным образом наконечники стрел), обнаруженные на территории городищ, а также пещерных убежищ, используемых местным населением в периоды военной опасности. Наконечники стрел найдены во внешних частях валов (например, Стжегом [2, с. 19]) или же оборонительных стен городищ (в щелях между камнями — Смоленице), имеющих следы завоевания и уничтожения (сожжения). В защищенном, в частности, каменными стенами гальштатском городище в Смоленицах,

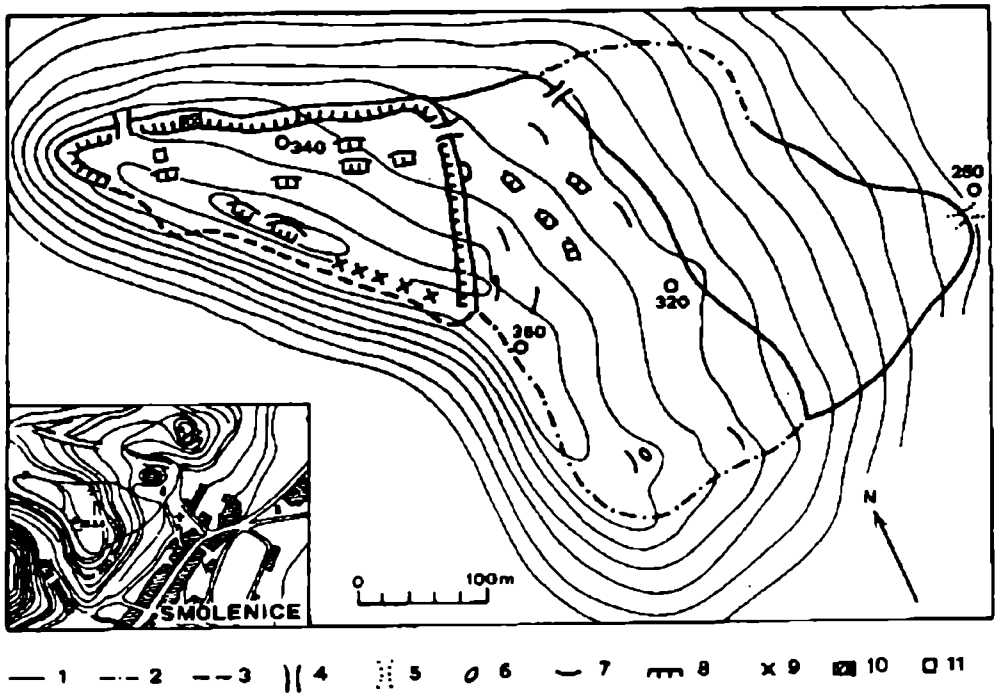


Рис. 2. Смоленице-Мольпир. Городище восточно-гальштатской культуры. *1* — стена; *2* — вал или стена; *3* — отсутствие укреплений. *4* — ворота; *5* — предполагаемое положение ворот; *6* — башня; *7* — терраса; *8* — дом; *9* — печь; *10* — храм; *11* — цистерна (по М. Душку)

на территории юго-западной Словакии (рис. 2), концентрация наконечников стрел наблюдается на боевой площадке для защитников, а также в районе ворот [32, табл. 32, *157*, *158*]. Это были места, которые подвергались особенно интенсивному обстрелу нападающих, что явно указывает на связь этих находок с тактикой агрессоров, стремящихся нейтрализовать и прорвать наиболее важные пункты оборонительной системы. Наконечники встречаются также на площади городища и в развалинах сожженных домов (Смоленице [32, табл. 9, 10 и т. д.]). В пещерных убежищах (например, Жендковице [33, с. 88]) и на поселениях, расположенных на горных возвышенностях (например, Стжегом [2, с. 19], Шагхедь [21, рис. 3, *2—27*]), встречаются наконечники, согнутые от ударов в скалу.

Иногда на территории городищ обнаруживаются скелеты погибших жителей, а поспешное укрытие драгоценностей указывает на то, что нападающие захватили жителей поселений врасплох (Вицина). На одном из этих городищ, в местности Камениец на Висле [34, с. 123—125; 35, с. 158], под остатками сожженных ворот, в которых застряли наконечники стрел скифского типа, были найдены также скелеты людей и коней. Внутри городища, среди пожарища одной из жилых построек, был также обнаружен скелет человека.

С военными событиями можно, пожалуй, также связывать и такие находки, как деформированный огнем наконечник скифского типа, открытый в могиле с трупосожжением лужицкой культуры в местности Чциница Волоска в Средней Силезии [36, с. 169—172, рис. 2, *4*]. По всей вероятности, речь здесь идет о захоронении человека, убитого стрелой, тело которого вместе с наконечником было позднее подвергнуто кремации. Случаи захоронений с торчащими в костях наконечниками скифского типа известны для несколько более позднего периода, из области зоны действий населения культуры Векерзуг, которое тоже пользовалось луком скифского типа (например, Хотин I-Б [37, с. 92, табл. LIX, *29*, *30*], Нове Кошариска [38, с. 103, 104, табл. 42, *4*]).

Примером объекта, подвергнувшегося нападению и разрушенного скифами, который стóит здесь, по-моему, представить более широко, является Вицина в Нижних Лужицах, расположенная, кстати, недалеко (около 20 км) от известного

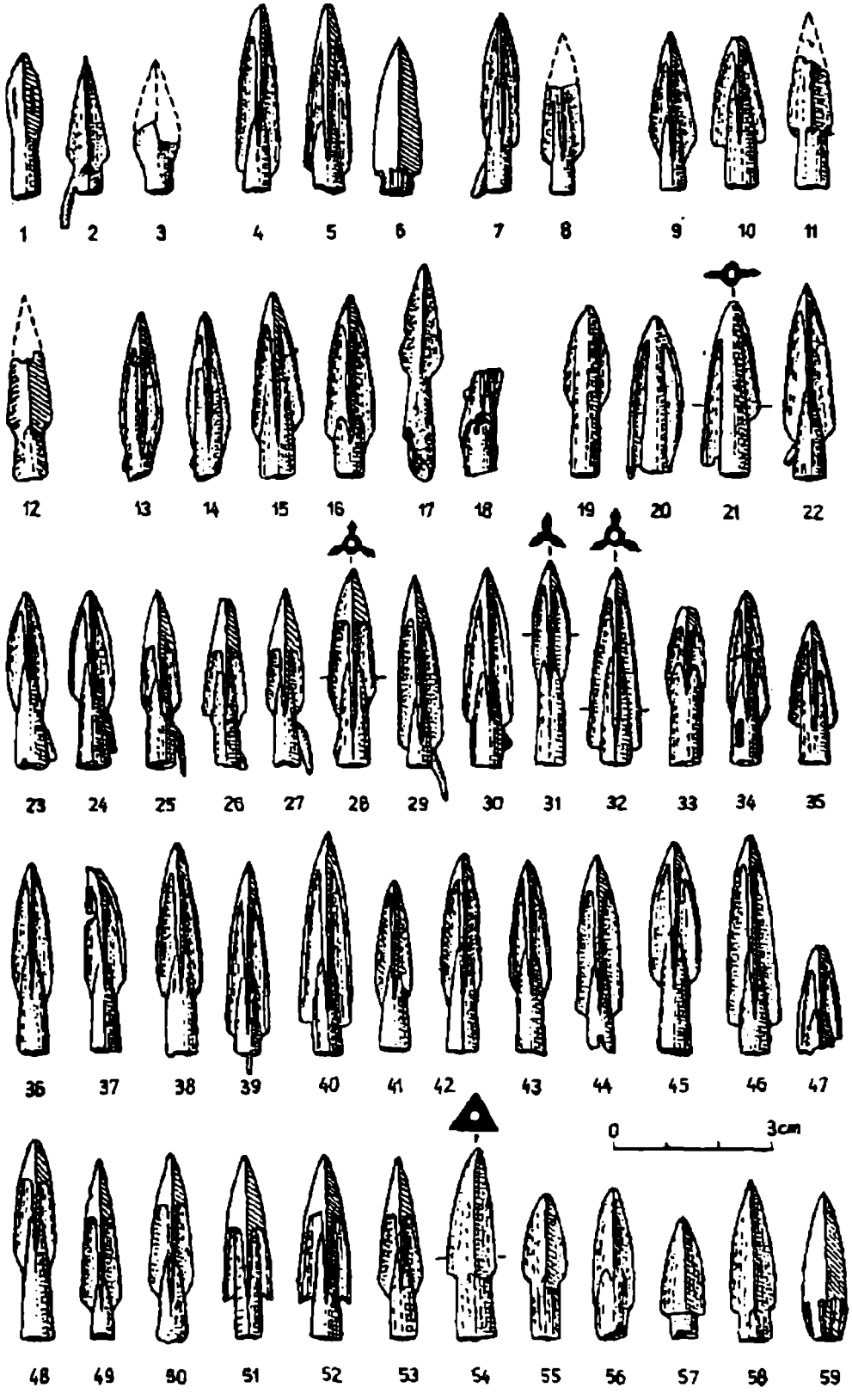


Рис. 3. Смоленице-Мольпир. Наконечники стрел скифского типа, найденные в развалинах разрушенных домов и печей, а также среди пожарищ укреплений. *1—3* — дом 23; *4—6* — дом 24; *7, 8* — печь 2; *9—11* — печь 3; *12* — печь 4, *13—18* — печь 7; *19—59* — ворота III (по М. Душку и С. Душек)

Виташкова. О значении этого поселения говорит как масштаб проведенных здесь А. Колодзейским с 1966 до 1991 г. исследований, так и исключительно выразительный характер ситуации, зафиксированной в стратификационной структуре памятника [39, с. 5—10; 40, с. 93—108; 41, с. 78—81]. Она дает возможность довольно точно воссоздать драматическую картину захвата и разрушения городища воинами, пользующимися оружием скифского типа. Остатки пожарищ, обнаруженные во всей исследуемой зоне, свидетельствуют о том, что укрепления и постройки городища подверглись полному разрушению и потом уже не были восстановлены. В слое пожарищ были открыты иногда сильно обожженные скелеты, несомненно, убитых жителей поселения. В одном случае скелет 25—30-летней женщины прикрывал скелет ребенка в возрасте 6—7 лет. Судя по положению останков, женщина старалась заслонить ребенка или укрыть его в яме для хранения припасов. Отделенный от туловища череп женщины был найден в неестественном положении (недалеко от тазовых костей). На небольшом расстоянии от этого места найден еще один скелет женщины в возрасте 25—30 лет, которая, кажется, тоже хотела укрыться в яме. У черепа располагались золотые и стеклянные бусы, а также бронзовые украшения. Останки скелетов других погибших разного возраста были обнаружены еще в нескольких местах. Состояние сохранности останков, похоже, свидетельствует о том, что эти люди были жертвами жестокой резни.

В пределах одного из домов, в зерновой яме, заполненной желудями, был открыт клад, в состав которого входит 38 изделий из бронзы и железа (главным образом, браслеты). Они были второпях зарыты среди желудей и прикрыты сосудами. Недалеко от них были найдены еще два браслета, потерянные, по-видимому, в спешке. Другой клад подобных вещей был случайно открыт на территории городища еще в 1902 г. [42, рис. 6, *31*, с. 108, 109, рис. 2].

В ходе исследований в разных местах городища было обнаружено большое количество наконечников стрел скифского типа (более 80 штук). Кроме этого, на валу найден железный боевой топор, в проухе которого, рядом с остатками древесины, торчали два наконечника, примененные в качестве клиньев для укрепления расшатанного топорища. Наконечники стрел были также найдены вне городища, в заболоченном месте, недоступном, очевидно, для захватчиков. Может быть, там пытались укрыться, спасаясь бегством, обстреливаемые противниками жители поселения.

Нападение было, по всей вероятности, внезапное, и жители совсем его не ожидали, хотя полный состав украшений и части одежды, найденные при скелетах (булавки и фибулы, застегивающие верхнюю одежду — плащ) свидетельствуют о том, что атака состоялась днем. Нападающие продвигались, наверное, очень быстро, в результате чего, хотя из городища хорошо видно было просторную, равнинную местность, его жители не успели организовать оборону или даже укрыться в безопасном месте. Наполненные до краев хлебом и желудями зерновые ямы домов свидетельствуют о том, что трагедия разыгралась ранней осенью, после уборки хлебов и сразу же после уборки желудей (корма для домашних животных). Факт, что после этого набега городище больше уже не использовалось и жизнь на нем не возобновлялась. Тех из жителей, кто не был убит, наверное, увели в плен. Во всяком случае никто не вернулся захоронить лежащих среди пепелищ погибших земляков. Густая сеть поселений (в непосредственном окружении Вицины обнаружено 23 одновременных памятника, среди них большие могильники), на территории между реками Бубр и Нысой Лужицкой прекращает функционировать.

Хронологию упомянутых событий определяют несколько факторов. С одной стороны, это датировка комплексов наконечников скифского типа, происходивших из разрушенных городищ и пещерных убежищ (рис. 3—6). В них входят втульчатые наконечники с четким перевесом трехлопастных форм над двулопастными при наличии немногочисленных наконечников с трехгранной головкой. Доминируют формы со сводчатой головкой. В преобладающем большинстве это наконечники

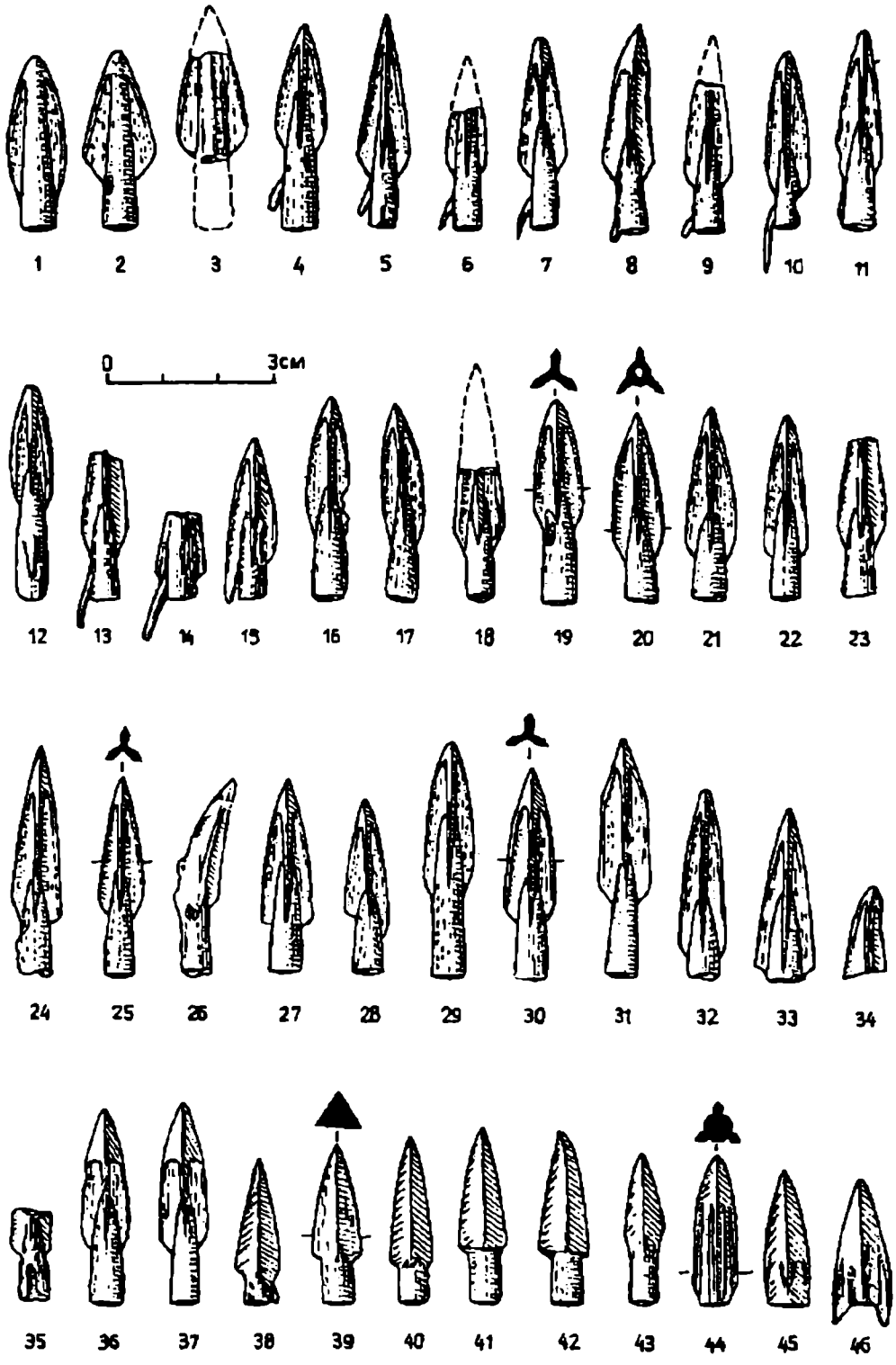


Рис. 4. Смоленице-Мольпир. Наконечники скифского типа, найденные в развалинах боевой площадки стены III (по М. Душку и С. Душек)

без шипов. Встречаются также четырехгранные костяные наконечники. Типологический состав отдельных комплексов хотя похож, однако неоднороден [43, с. 167—172]. Здесь я не принимаю во внимание несколько самых молодых комплексов (с короткими наконечниками, чаще всего со скрытой втулкой) с территории Моравии и северной Словакии (Орава, Липтов), связанных с экспансией населения культуры Векерзуг [21, с. 234, рис. 4, *83—94*].

В целом анализируемые комплексы относятся к I хронологической группе наконечников по типологии А. И. Мелюковой, хотя некоторые из них принадлежат ко II группе [44, с. 18—23, табл. 6, 7]. Эти комплексы находят ближайшие аналогии, например, в колчанных наборах из впускных захоронений Репяховатой Могилы [45, с. 43, 44, рис. 14], причисляемых С. В. Полиным [46, с. 26] к самым поздним находкам так называемого «келермесского типа» и датируемых не позднее начала VI в. до н. э. Кроме того, некоторые типы, похоже, относятся к экземплярам, известным из захоронений Ольвийского некрополя, раньше датированным второй половиной VI в. до н. э. [47, с. 60], а С. В. Полиным [46, с. 29, рис. 8] — более ранним периодом — первой половиной VI в. до н. э.

С другой стороны, основой для датировки скифской экспансии является хронология местных (среднеевропейских) древностей, открытых на территории разрушенных городищ, жизнь на которых уже не возобновлялась. Следовательно, момент разрушения объекта точно определяет «terminus ante quem» для представленных здесь коллекций среднеевропейских материалов. На городище в Смоленицах, которое исследовано лучше всех объектов этого типа благодаря многолетним (1963—1971) исследованиям М. Душка [48, с. 137—150], эта серия находок охватывает, главным образом, материалы типа $НаС_2$ (например, лодковидные фибулы — рис. 7) и заканчивается находками, характерными для $НаД_1$ (например, змееобразные фибулы [49, с. 164—168]). Такая хронология подтверждается радиокарбонными датами, полученными в лабораториях Братиславы, Берлина и Киля, которые определяют рамки функционирования названного объекта концом VII — первой половиной VI в. до н. э. (собственная информация М. Душка, см. также [32, с. 7]).

Вторым относительно хорошо исследованным объектом с количественно важной и характерной коллекцией среднеевропейских материалов является Вицина (рис. 8). В этом случае окончание функционирования городища определяется наличием фибул из группы так называемых «Fusszierfibeln» (рис. 9). Такие фибулы характерны для фазы $НаД_3$, следовательно, их надо датировать первой половиной V в., а наиболее ранняя дата — последняя четверть VI в. до н. э. [31, с. 132; 50, с. 79]. Они найдены в составе двух кладов, зарытых, по всей вероятности, ввиду скифского нападения, а также при скелете женщины, заслоняющей своим телом ребенка, которая, без сомнения, погибла от руки захватчика или в результате возникшего в это время пожара. Непосредственная связь этих находок с моментом захвата и разрушения городища воинами, пользующимися оружием скифского типа, не вызывает сомнений. Однако это обозначало бы, что для архаической фазы скифской культуры характерны комплексы наконечников стрел так называемого «келермесского типа», которые, согласно новым тенденциям удревнения хронологии этих материалов, не следует датировать позднее первой четверти VI в. до н. э. [46, с. 31, рис. 1, *5*, *12*]. На самом деле они были в употреблении, по крайней мере, до конца того столетия, хотя нельзя исключать и более поздней их хронологии. Такая датировка скифского набега, следствием которого было уничтожение населения в районе Вицины, подтверждается также хронологией комплекса из Виташкова, традиционно определяемой «около 500 г. до н. э.» [19, с. 197—200, табл. 3, *31*, с. 133]. В последнее время А. Ю. Алексеев определяет его даже первой четвертью V в. до н. э. [51, с. 47]. Это точно соответствует датировке фибул типа «Fusszierfibeln» из Вицины, но несовместимо с ограничением хронологии комплексов наконечников, характерных для памятников «позднекелермесского типа», первой четвертью VI в. до н. э. Следует здесь добавить, что трактовка комплекса из Виташкова как клада, состоящего из предметов, взятых у убитого наездника, и погребенного на лужицком поселении, кажется, с точки зрения анализа обстоятельств обнаружения [3, с. 210] и состояния входящих в его состав предметов, сомнений не вызывает [19, с. 203, 204].

Таким образом, диапазон датирования известных нам случаев осады, захвата и разрушения среднеевропейских городищ скифскими всадниками охватывает промежуток времени с начала VI до рубежа VI—V и даже начала V в. до н. э.

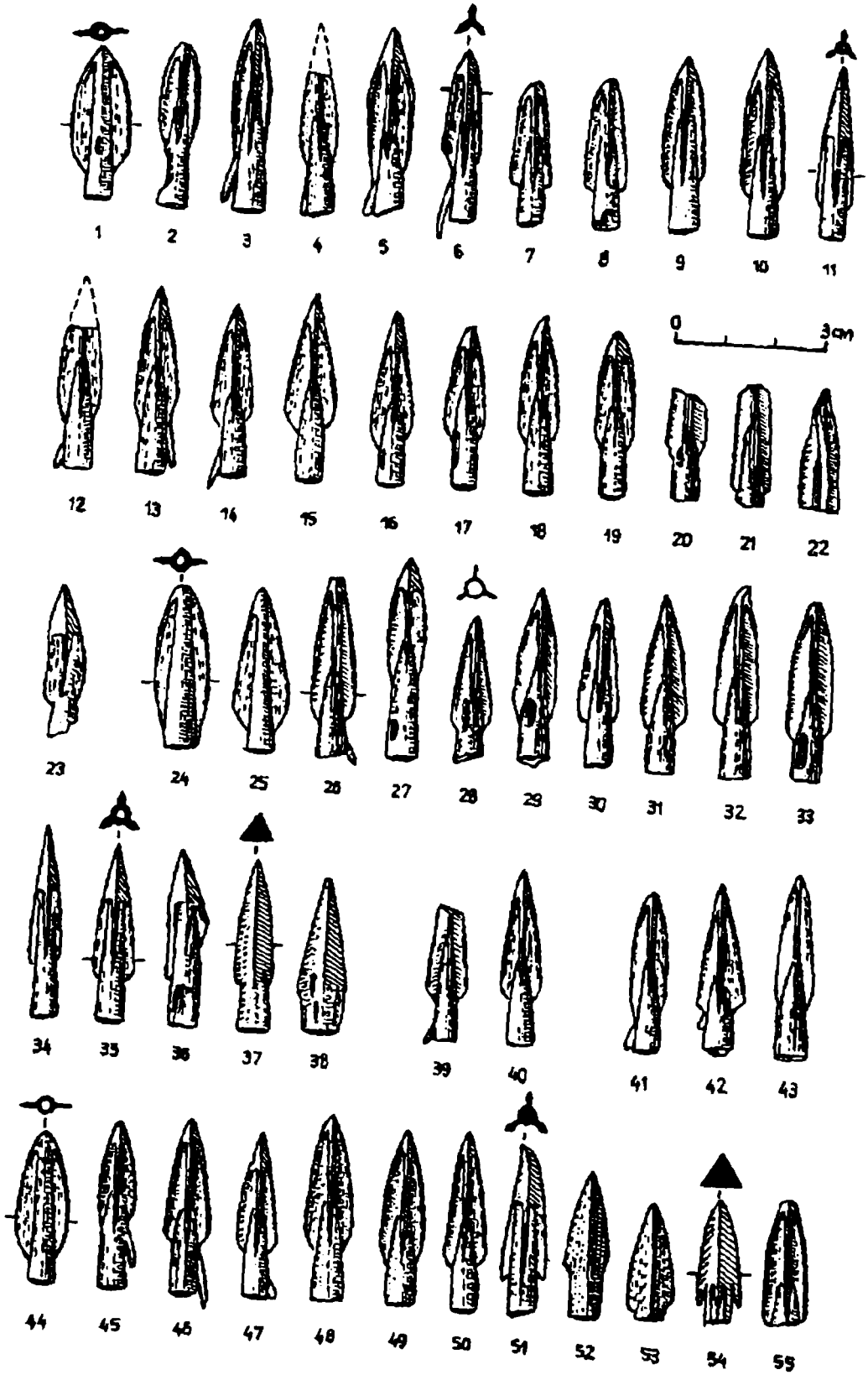


Рис. 5. Смоленице-Мольпир. Наконечники скифского типа, найденные в развалинах разрушенных домов. *1—11* — дом 2; *12—22* — дом 3; *23* — дом 4; *24—38* — дом 6; *39, 40* — дом 7; *41—43* — дом 8; *44—55* — дом 9

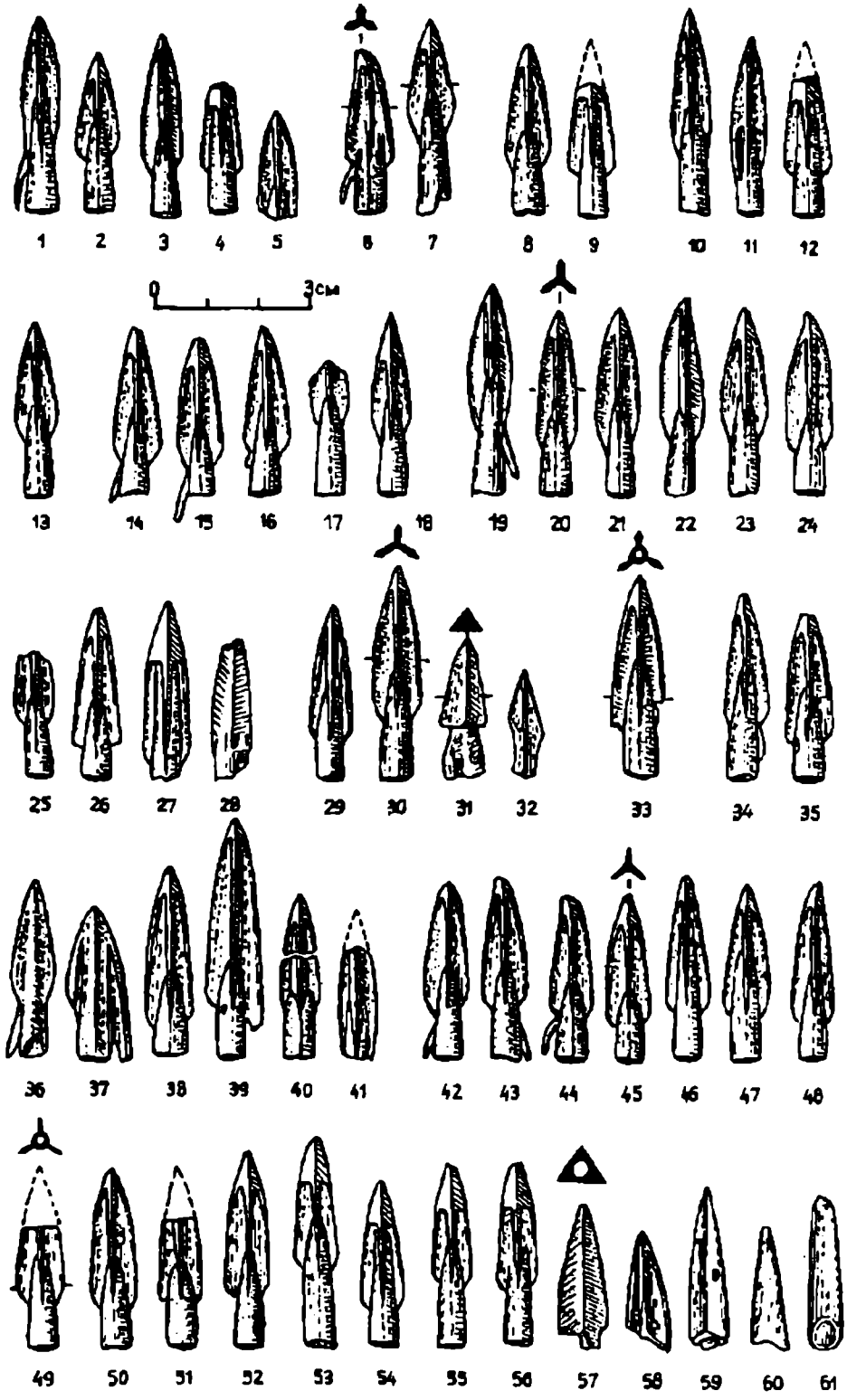


Рис. 6. Смоленице-Мольпир. Наконечники скифского типа, найденные в развалинах разрушенных домов. *1—5* — дом 10; *6, 7* — дом 11; *8, 9* — дом 12; *10—12* — дом 13; *13* — дом 14; *14—18* — дом 15; *19—28* — дом 16; *29—32* — дом 17; *33* — дом 18; *34, 35* — дом 19; *36—41* — дом 20; *42—61* — дом 21

Следовательно, это была серия скифских набегов, а не один «рейд», датированный рубежом VI—V вв. до н. э., как это иногда предлагалось З. Буковским [19, с. 282].

С точки зрения хронологии можем выделить в этом процессе два этапа. Для первого из них характерным является комплекс из Смолениц (начало VI в. до н. э.),

для второго — находки из Вицины и Виташкова (время около рубежа VI в. до н. э.). Такой хронологической дифференциации соответствует, вероятнее всего, разница дальности волн скифских набегов. Первая волна (датируемая приблизительно первой половиной VI в. до н. э.) охватила главным образом территории, расположенные на северо-западном краю Карпатского бассейна (ареал восточно-гальштатской культуры). Вторая волна (датируемая второй половиной VI в. до н. э.) дошла далее, вплоть до Нижних Лужиц и средней Польши (территории поздних группировок лужицкой культуры). Быть может, именно с такой точки зрения следует смотреть на хронологическую дифференциацию других находок. В зависимости от положения их можно ассоциировать то ли с более ранней, то ли более поздней волной набегов. Это, конечно, только своего рода схема, которая облегчает модельную реконструкцию всего процесса. Нельзя ведь исключать такой возможности, что в более ранней волне какая-то группа скифских захватчиков проникла даже на территорию Силезии. Не вызывает также сомнения факт, что в рамках более поздней волны в следующий раз были затронуты районы северо-западных окраин Карпатского бассейна (например, Велем Сентвитхедь) и Моравии, лежащей на пути перемещения групп захватчиков в северо-западном направлении. Нет никаких указаний на то, что пути этих перемещений могли вести вне территорий Карпатского бассейна, через районы, расположенные на север от дуги Карпат, как это в свое время предлагал, например, Я. Бем [14, с. 12].

Хронологическое своеобразие двух главных волн скифских набегов не сводится при этом исключительно к вопросу о датировке находок. Речь здесь идет о двух стадиях активности скифской среды, отличающихся исторической обусловленностью. На территории Средней Европы последствия давления скифов (в виде рассматриваемых набегов) слились как бы в один постоянный процесс, но нет сомнения, что в разные исторические моменты в их основу легли не одни и те же явления и даже не одни и те же этнические группировки. Первая, более ранняя волна набегов (первая половина VI в. до н. э.), связана с точки зрения причин и хронологии (как конечный эпизод?) с распространением скифского элемента в лесостепной зоне. Отражением этого факта в Средней Европе было, независимо от волны набегов, появление трансильванской группы памятников [52, с. 129; 53, с. 89]. Этот процесс, как принято считать [53, с. 95, 96; 54, с. 544—548], завершился приблизительно в начале VI в. до н. э. Вторая, более поздняя волна (вторая половина VI в. до н. э.), связана с активизацией скифов в степной зоне Причерноморья во второй половине и особенно ближе к концу VI в. до н. э. [53, с. 96; 55, с. 100, 101; 56, с. 51—55]. С этим периодом давления скифов, кроме расширения военной деятельности в Средней Европе [20, с. 25], связано окончательное формирование культуры Векерзуг на Великой Венгерской низменности [57, с. 148—154; 58, с. 150].

В Средней Европе комплексы наконечников, встречающиеся на разрушенных городищах, имеют аналогии прежде всего в материалах трансильванской группы (например: [59, табл. X; 60, рис. 7, *1, 2, 9* и т. д.; 61, табл. 42, *B*, 43, *B*, 44, *B—C* и т. д.]; см. также [52, табл. 9, *3—10, 15, 17*]). Следует подчеркнуть, что в материалах культуры Векерзуг на Венгерской низменности и особенно в закрытых комплексах наконечников таких ранних форм, кроме немногочисленных исключений (например, 2 экз. в Шаиосентпетер-Хомокбания), почти совершенно нет [58, рис. 25—28]. Это существенный дополнительный материал для рассуждений на тему хронологии начала и развития трансильванской группы, с одной стороны, и культуры Векерзуг — с другой. Сравнивая хронологию этих явлений с датировкой наконечников «позднекелермесского типа», найденных в разрушенных городищах, можем констатировать, что трансильванская группа возникла и развивалась в период расцвета этих форм, а культура Векерзуг сформировалась в то время, когда такие наконечники стали исчезать. Все это подтверждает вывод, что начало скифских набегов на территории Средней Европы следует ассоциировать с появлением в Трансильвании населения со сформированными

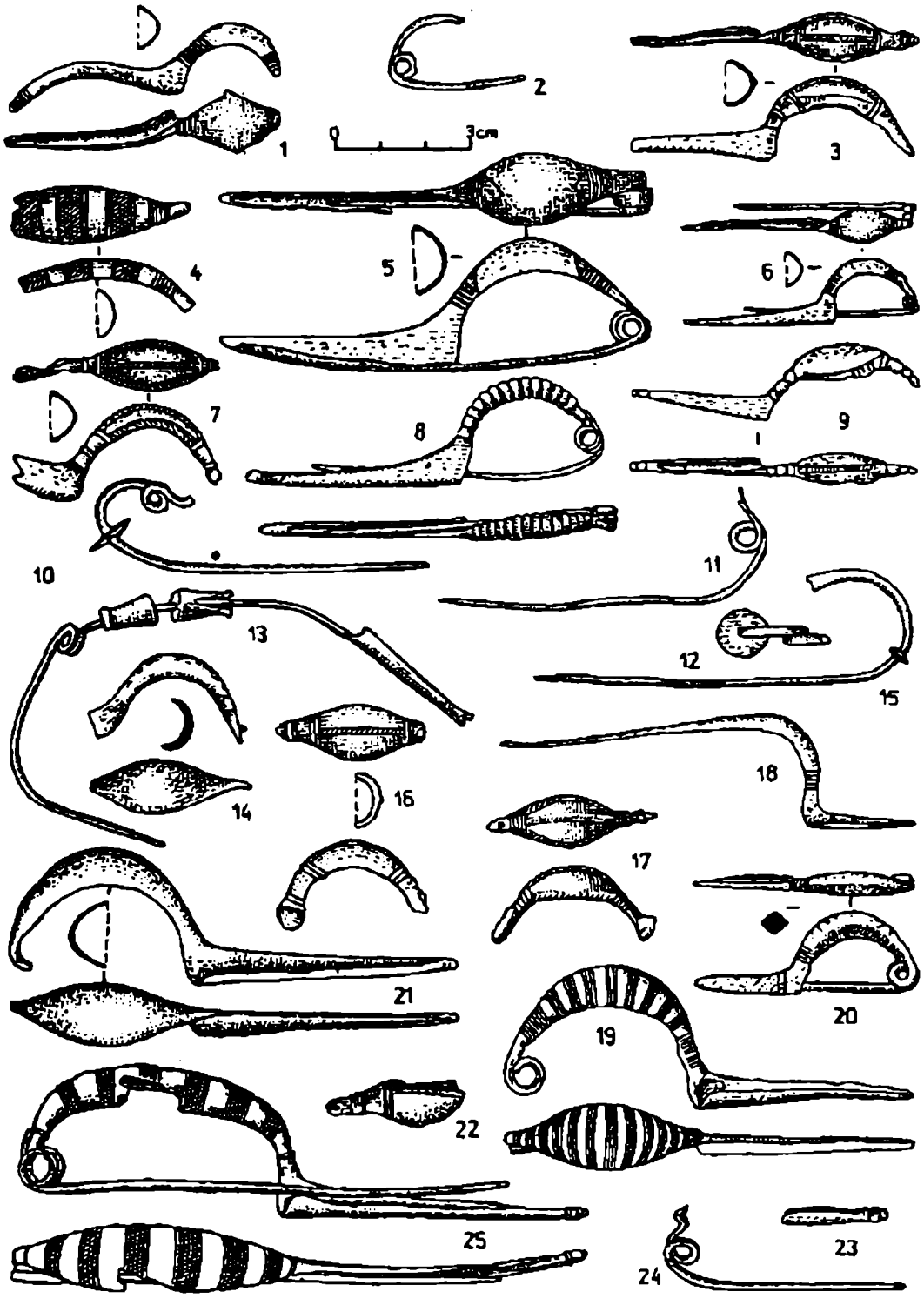


Рис. 7. Смоленице-Мольпир. Бронзовые фибулы, найденные в развалинах разрушенных жилых построек и среди пожарищ укреплений. *1—2* — дом 7; *3* — дом 8; *4* — дом 10; *5* — дом 11; *6* — дом 14; *7—9* — дом 15; *10—12* — дом 16; *13, 14* — дом 17; *15* — дом 18; *16* — дом 20; *17* — дом 21; *18* — дом 23; *19* — дом 24; *20* — печь 3; *21—24* — ворота III; *25* — боевая площадка стены III (по М. Душку и С. Душек)

уже скифскими культурными чертами, а их завершающий этап — с процессом складывания культуры Векерзуг.

Однако этнический потенциал, принимающий участие в скифских набегах на территорию Средней Европы, нельзя ограничивать населением только тран-

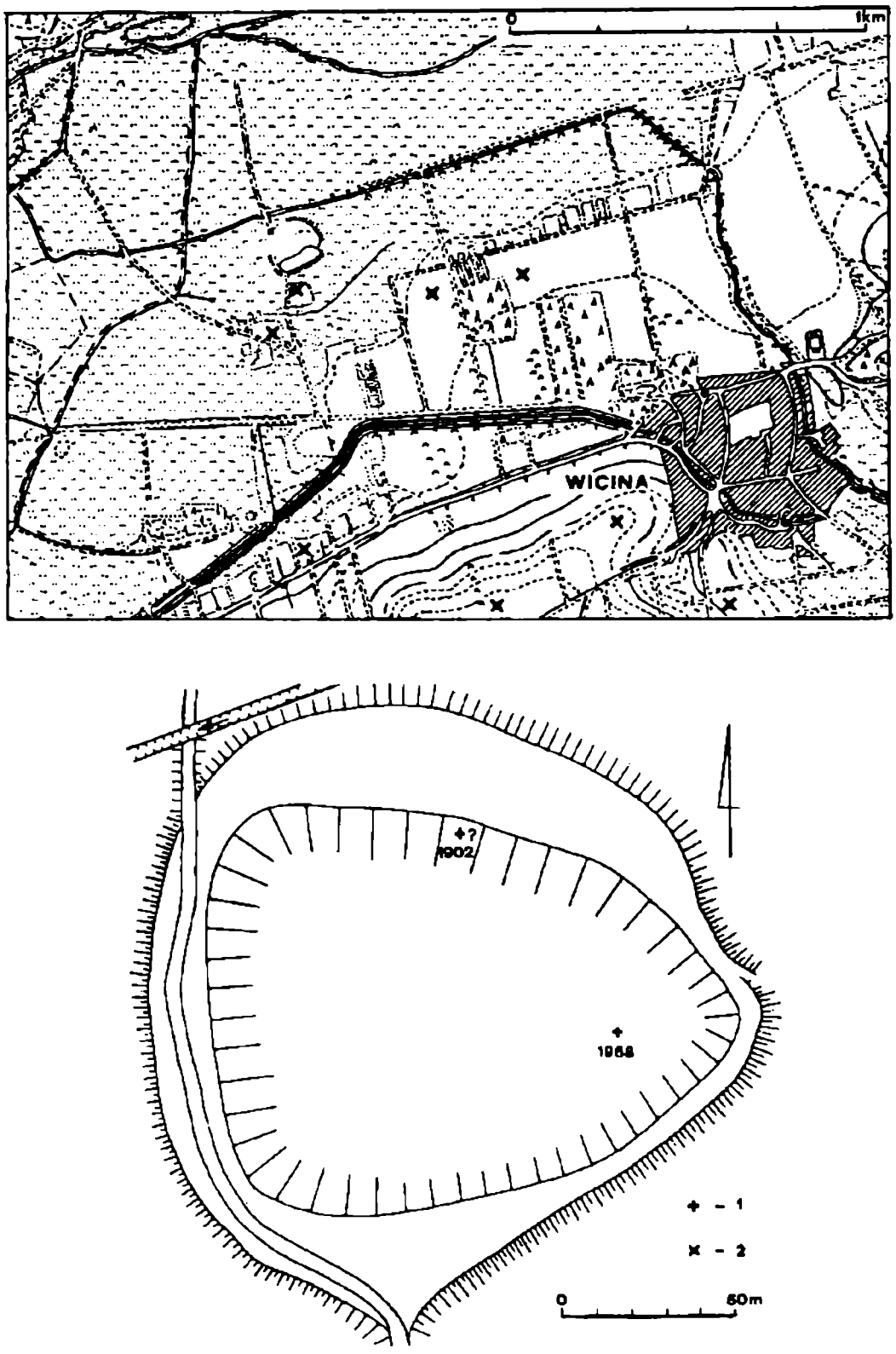


Рис. 8. Вицина. Городище лужицкой культуры. Положение и схематический план объекта. *1* — место находки кладов; *2* — одновременные городищу археологические стоянки, открытые в его ближайшем окружении (по А. Колодзейскому и К. Шуххардту)

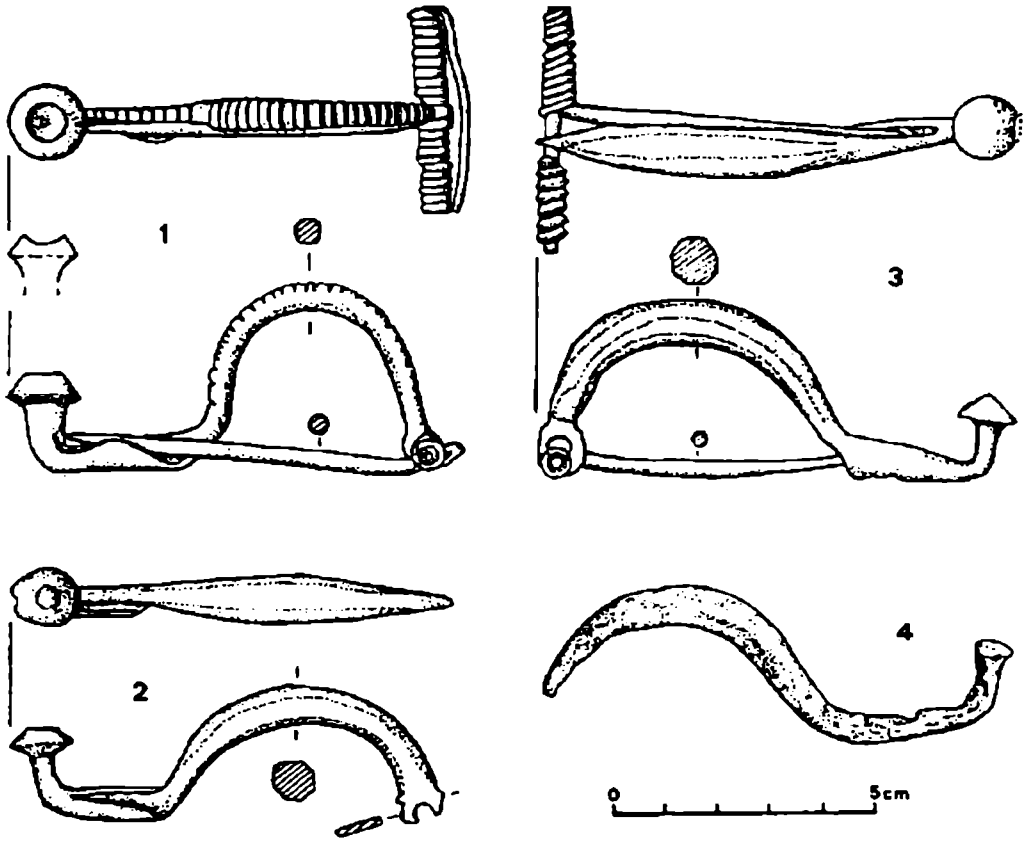


Рис. 9. Вицина. Фибулы типа «Fusszierfibeln» с территории городища. *1* — фибула, найденная при скелете женщины, заслоняющей ребенка; *2* — фибула из слоя пожарищ; *3* — фибула из клада 1968 г.; *4* — фибула из клада 1902 г. (*1—3* — по М. Гедлю, *4* — по Г. Коссаку)

сильванской группы и тем более относящимся к культуре Векерзуг [29, с. 39, 40]. Этому противоречит, с одной стороны, хронология этой последней группировки, а с другой — наличие в слоях разрушенных городищ таких находок, как комплекс из Виташкова. Ведь речь здесь идет о кладе, составленном из предметов, первоначально являющихся частью парадного снаряжения воина, обладавшего высоким общественным статусом («вождя»). Находки такого типа, характерные для скифской (иранской) аристократии, вообще неизвестны в трансильванской группе. Но они встречаются в курганах племенной знати в зоне формирования культуры Векерзуг, на Великой Венгерской низменности (Артанд [62, с. 137—231], Тапиосентмартон [63, с. 136—145], Зельдхальомпуста [64]). Это подтверждает предположение, что в процессе складывания культуры Векерзуг существенную роль играл тот же элемент, который был созидательным фактором более поздней волны набегов.

Характер обсуждаемых явлений, в том числе масштабы, обширный территориальный диапазон, тип применяемой военной тактики и т. п., позволяют предположить, что основным действенным фактором этих событий был кочевнический, скифский (иранский) элемент. Исходной точкой экспансии и опустошительных рейдов были, видимо, те территории, на которых в данном периоде концентрировалась политическая активность скифов. По отношению к более ранней волне это была, по всей вероятности, захваченная ими лесостепная зона. К более поздней волне — районы причерноморских степей, где во второй половине VI в. до н. э. находилось политическое ядро Скифии [55, с. 100]. Объединения типа трансильванской группы или культуры Векерзуг формировались только вследствие экспансионистской деятельности скифов. Следовательно, по отношению к волне скифских набегов они были явлением вторичным, не первичным. Это, конечно, не обозначает, что население, связанное с каждым из этих объединений,

не могло участвовать в разрушительных набегах. Однако оно не было созидательным фактором и доминирующей силой в обсуждаемых событиях.

Чтобы оценить влияние скифского проникновения на развитие культурно-поселенческой обстановки в Средней Европе, необходимо провести более широкие наблюдения, в том числе анализ непосредственных результатов этого явления для местной, среднеевропейской среды. В зависимости от территории, культурных и естественных условий и т. п. эти последствия имели разнообразный объем и характер. Так они проявлялись в уничтожении местного демографического потенциала; разрушении хозяйственных (производственных) центров; рассеянии населения; нарушении экономических связей, в том числе дальних торговых контактов (например, так называемой «янтарной дороги» север — юг) из-за разрыва цепи связей между группами населения и нарушения путей сообщения; уничтожении центров политической власти и разрушении общественно-политических структур и т. д. (см. [43, 178—180; 65, с. 356—364]).

Следует, однако, констатировать, что прежние концепции, приписывающие этим событиям существенную роль в упадке больших поселенческо-культурных объединений (например, всей лужицкой культуры или ее части [66, с. 158, 159]), сегодня кажутся не обоснованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Seger H.* Schlesien//Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1927—1928. T. 11.
2. *Jahn M.* Die Skythen in Schlesien//Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift — Neue Folge. Breslau, 1928. T. IX.
3. *Schuchhardt C.* Vorgeschichte von Deutschland. Berlin, 1928.
4. *Ebert M.* Vettersfelde//Reallexikon der Vorgeschichte. 1929. T. 14.
5. *Furtwängler A.* Der Goldfund von Vettersfelde//Programm zum Winkelmannsfeste der Archäologischen Gesellschaft. 1883. № 43.
6. *Reinecke P.* Die skythischen Altertümer in mittleren Europa//Z. für Ethnologie. 1896. T. 28.
7. *Neugebauer W.* Skythische Funde aus der Niederlausitz//Niederlausitzer Mitteilungen. 1933. T. 21.
8. *Hampel J.* Skythiai emlékek magyarorszagban//Archaeologiai Értesítö. 1893. T. 13.
9. *Reinecke P.* Magyarországi skytha régiségek//Archaeologiai Értesítö. 1897. T. 17.
10. *Fettich N.* Bestand der skythischen Altertümer Ungarns//Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.
11. *Roska M.* Der Bestand der skythischen Altertümer Sibenbürgens//Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1937. T. XI.
12. *Pârvan V.* Getica. O protoistorie a Daciei. Bucureşti, 1926.
13. *Skutil J.* Znaleziska scytyjskie z Moraw i Sląska czeskiego//Przegląd Archeologiczny. 1933—1936. T. V.
14. *Böhm J.* Otázka Skythů ve střední Evropě//Böhm J., Jankovich J. M. Skythové na Podkarpatské Rusi. Praha, 1936.
15. *Párducz M.* Le cimetiére Hallstattien de Szentes-Vekerzug II//Acta archaeol. Acad. sci. hung. 1954. T. IV.
16. *Sulimirski T.* Kultura łużycka a Scytowie//Wiadomości Archeologiczne. 1939/1948. T. 16.
17. *Sulimirski T.* Die Skythen in Mittel- und Westeuropa//Bericht uber den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Hamburg vom 24 bis 30. August 1958. Berlin, 1961.
18. *Bukowski Z.* Nowe znaleziska «scytyjskie» z Polski//Archeologia Polska. 1960. T. IV.
19. *Bukowski Z.* The scythian influence in the area of lusatian culture. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdańsk, 1977.
20. *Chochorowski J.* Die Frage der skythischen Expansion auf das Gebiet des Karpatenbeckens//Acta Archaeologica Carpathica. 1975. T. XV.
21. *Chochorowski J.* Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im skythischen Einflüsse in Mitteleuropa//Praehistorische Zeitschrift. 1985. T. 60.
22. *Kleemann O.* Die dreiflügeligen Pfeilspitzen in Frankreich. Studie zur Verbreitung und historischen Aussage der bronzenen Pfeilspitzen//Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse. 1954. № 4.
23. *Dušek M.* Waren Skythen in Mitteleuropa und Deutschland?//Praehistorische Zeitschrift. 1964. T. 42.
24. *Malinowski T.* W sprawie pobytu Scytów na ziemiach polskich//Archeologia Polski. 1962. T. VII.
25. *Malinowski T.* Interpretationsmöglichkeiten der skythischen Goldfunde von Witaszkowo (Vettersfelde)//Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. 1967. T. 16/17.
26. *Мелюкова А. И.* К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы//СА. 1955. Т. XXI.
27. *Скорый С. А.* Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
28. *Скорый С. А.* Доспехи скифского типа в Средней Европе//Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

29. *Скорый С. А.* К вопросу о скифских походах в лужицкие земли//СА. 1990. № 1.
30. *Bukowski Z.* Zachodni zasięg oddziaływań tzw. scytyjskich i ich charakter//Archeologia Polski. 1978. T. XXIII.
31. *Kossack G.* Der Bronzehort von Wicina (Witzen) und seine Stellung im Kultursystem der fruhen Eisenzeit//Folia Praehistorica Posnaniensia. 1988. T. III.
32. *Dušek M., Dušek S.* Smolenice-Molpír. Befestigter Fürstensitz der Hallstattzeit. 1984. T. I.
33. *Chmielewska M.* Łużyckie i scytyjskie zabytki znalezione w schronisku skalnym w miejsc. Rzedkowice, pow. Zawiercie//Wiadomości Archeologiczne. 1956. T. XXIII.
34. *Delekta J.* Badania na grodzisku «łużyckim» z wczesnej epoki żelaza w Kamieńcu nad Wisłą w pow. toruńskim//Z. Otchłani Wieków. 1937. T. XII.
35. *Zielonka B.* Materiały z osiedla obronnego kultury łużyckiej w miejscowości Kamieniec, pow. Toruń//Wiadomości Archeologiczne. 1955. T. XXII.
36. *Gałuszka A.* Grocik typu scytyjskiego na tle cmentarzyska kultury łużyckiej w Trzcinicy Wołowskiej, pow. Wołów//Archeologia Śląska. 1957. T. I.
37. *Dušek M.* Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chotín. Bratislava, 1966.
38. *Pichlerová M.* Nove Košariska. Kniežacie mohyly zo staršej doby železnej. Bratislava, 1969.
39. *Kołodziejski A.* Najeźdźcy zjawili się jesienią//Z. Otchłani Wieków. 1970. T. XXXVI. № 1.
40. *Kołodziejski A.* Badania zespołu osadniczego ludności kultury łużyckiej z okresu późnohalsztackiego w Wicinie, pow. Lubsko, w latach 1966—1969//Sprawozdania Archeologiczne. 1971. T. XXIII.
41. *Kołodziejski A.* Problematyka kultur okresu halsztackiego na ziemi lubuskiej//Zielonogórskie Zeszyty Myzealne. 1974. T. IV.
42. *Schuchhardt C.* Witzen und Starzeddel, zwei Burgen der Lausitzer Kultur//Praehistorische Zeitschrift. 1926. T. 17.
43. *Chochorowski J.* Bemerkungen über die Chronologie der Pfeilspitzen skythischen Typs im Nordteil von Mitteleuropa//Studien zur Lausitzer Kultur. Prace Archeologiczne. T. 18. Kraków, 1974.
44. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1—4.
45. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
46. *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток//Археологія. 1987. Т. 59.
47. *Скуднова В. М.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии//Зап. Одесского археол. о-ва. 1961. Т. 1/34.
48. *Dušek M.* Der junghallstattzeitliche Fürstensitz auf dem Molpír bei Smolenice//Sympos. zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit im Mitteleuropa. Bratislava, 1974.
49. *Parzinger H., Stegmann-Rajtár S.* Smolenice-Molpír und der Beginn skythischer Sschkultur in der Südwestslowakei//Praehistorische Zeitschrift. 1988. T. 63.
50. *Gedl M.* Die Hallstatteinflüsse auf den polnischen Gebieten in der Früheisenzeit. Warszawa; Kraków, 1991.
51. *Алексеев А. Ю.* Хронология и хронография причерноморской Скифии V в. до н. э.//АСГЭ. 1991. Т. 31.
52. *Vasiliev V.* Sciţii Agaţîrşi pe teritoriul Romîniei. Cluj-Napoca, 1980.
53. *Скорий С. А.* Курган Переп'ятиха. До етнокультурної історії дніпровського лісостепового правобережжя. Київ, 1990.
54. *Chochorowski J.* Przemiany kulturowe we wczesnej epoce żelaza na terenach płn.-wsch.części Kotliny Karpackiej//Grupa tarnobrzeska kultury łużyckiej. Rzeszów, 1989.
55. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
56. *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
57. *Chochorowski J.* Die Vekerzug-Kultur — Fragen ihrer Genese und Chronologie//Acta Archaeologica Carpathica. 1984. T. XXIII.
58. *Chochorowski J.* Der Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde//Prace Archeologiczne. 1985. T. 36.
59. *Zrinyi A.* Însemnări arheologice pe marginea a două morminte găsite în cimitirul scitic din Cristeşti//Studii şi Materiale. 1965. T. I.
60. *Marinescu G.* Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen//Dacia. 1984. T. XXVIII.
61. *Vulpe A.* Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien//Prähistorische Bronzefunde. 1990. T. VI/9.
62. *Párducz M.* Graves from the Scythian Age at Ártánd (county Hajdú-Bihar)//AAH. 1965. T. XVII.
63. *Fettich N.* A Tápiószentmárton aranyszarvas//Archaeologiai Értesítö. 1927. T. XLI.
64. *Fettich N.* La trouvaille scythe de Zöldhalompuszta//Archaeologia Hungarica. 1928. T. 3.
65. *Chochorowski J.* Ze studiów had okresem halsztackim na ziemiach polskich//Archeologia Polski. 1978. T. XXIII.
66. *Sulimirski T.* Zagadnienie upadku kultury łyżyckiej//Slavia Antiqua. 1948. T. I.

Институт археологии Ягеллонского
университета, Краков, Польша

J. CHOCHOROWSKY

SCYTHIAN FORAYS INTO THE CENTRAL EUROPE

Summary

The Early Iron Age fortified settlements in the Central Europe often demonstrate traces of violent destructions (Smolenice, Kamieniec, Wicina). Some of them were never used again. The earliest cases of agression and destruction can be dated to the beginning of the 6th century B. C. (Smolenice), and the latest — to the end of the same sentury as well as the turn of the 6th and 5th centuries B. C. (Wicina). Arms of the Scythian type found both on the fortified settlements and in the rocky shelters of the ancient local population, a war tactic, and the time-frame of the events testify to the Scythian origin of the invaders. The author draws a conclusion that the 6th century saw a penetration of the Scythian population into the Central Europe that followed the removing of the Scythian activity centres from the Nothern Caucasus to the forest-steppe area (the second half of the 7th century B. C.— beginning of the 6th century B. C.), and than to the Nothern Pontic area (the second part of the 6th century B. C.).

О. Н. УСАЧЕВА, Г. А. КОШЕЛЕНКО

ОБ ОДНОЙ ЗАГАДКЕ БОСПОРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В истории Боспора Киммерийского имеется целый ряд нерешенных сложных проблем, по которым идут ожесточенные дискуссии. Однако имеются и такие проблемы, которые десятилетиями не привлекают к себе внимания, хотя они этого безусловно заслуживают. В данной статье речь будет идти об одной такой исторической (и психологической) загадке — о проблеме вхождения в состав Афинского морского союза боспорского города Киммерика. Эта проблема практически не интересует исследователей, хотя вопрос о том, входил или не входил в состав того же самого союза другой боспорский город — Нимфей, стал объектом многочисленных исследований. Самым кратким образом постараемся обрисовать ситуацию с источниками по этой проблеме.

Еще в 1870 г. была опубликована найденная в Афинах надпись, которая была интерпретирована как псефизма о сборах фороса с афинских союзников за 425/4 г. до н. э. [1]. В списке полисов, плативших форос, предположительно реконструировались имена и несколько северопричерноморских полисов:

Νύ[μφαιν], Ὀ[λβία], Τύ[ρας], Τα[μυράκα], Κα[ρκίνα], Κιμ[μέριον][1], Νικ[ονία], Πατ[ραεύς].

Особенно большое внимание исследователей привлекло появление в этом списке имени Нимфея, что объяснялось тем, что помимо этого эпиграфического документа о его вхождении в Афинский морской союз свидетельствовали и иные источники: упоминание Эсхина о предательстве Гилона, деда Демосфена по материнской линии, отдавшего Нимфей правителям Боспора, и свидетельство Кратера (сохраненное Гарпократионом) о том, что Нимфей платил талант в кассу союза. С этого момента Нимфейский сюжет становится одним из излюбленных в трудах исследователей истории Боспора [2]. Однако мы в данной статье не будем касаться этой темы, сосредоточив свое внимание на судьбе другого боспорского города — Киммерика.

В 1873 г., переиздавая первый том «Inscriptiones Graecae», Гиллер фон Гертринген возле каждого из названий городов поставил знак вопроса и все их назвал dubia [3]. Это отношение к источнику, однако, не было всеобщим. Э. Мейер, например, полагал, что Киммерик входил в Афинский морской союз (подобно Нимфею), при этом твердо указывая на европейский Киммерик [4, с. 80, 81] (как известно, на Боспоре было два города с этим названием: один на европейском, другой на азиатском берегу). В. В. Латышев считал, что У. Келлер довольно правдоподобно дополнил имена нескольких понтийских городов и в список этих довольно правдоподобных восстановлений включил и Киммерик, не уточняя, правда, какой именно [5, с. 74].

В 1934 г. последовала новая публикация этого эпиграфического документа [6]. Она породила большую литературу, поскольку стало ясно, что то восстановление имени Нимфея, на которое опирались сторонники точки зрения о

---

[1] Возможно и чуть-чуть другое восстановление — Κιμμερικόν. Причина заключается в том, что оба боспорских города, носящих одинаковое название, в источниках назывались и так и эдак.

[2] При современном уровне изученности, видимо, наиболее адекватное решение дано Ф. В. Шеловым-Коведяевым [2], проанализировавшим и всю предшествующую литературу.

© О. Н. Усачева, Г. А. Кошеленко, 1994 г.

вхождении этого города в Афинский архэ, неправильно. Восстановления имен других причерноморских городов остались без изменения. Кроме того, было выдвинуто достаточно обоснованное предположение, что в этом документе присутствует и название Понтийского податного округа [6, с. 68, 69]. Годом позднее появилась известная статья С. А. Жебелева «Афины, Нимфей и измена Гилона» [7, с. 180—195], которая дала старт дискуссии, длящейся в нашей науке до сего времени. Не касаясь сейчас взглядов С. А. Жебелева относительно проблемы Нимфея, укажем только, что в отношении других городов он ограничился указанием на то, что Гиллер фон Гертрингген считал их сомнительными. Несколько более своеобразными были взгляды Б. Н. Гракова. Издавая в 1939 г. собрание греческих надписей, в которых отражены северопричерноморские сюжеты, он, естественно, не мог обойти вниманием и данный эпиграфический документ [8, с. 237]. Публикуя текст той части списка, в котором присутствуют северопричерноморские города, он следовал Геллеру фон Гертрингену и ставил вопросительный знак после каждого восстановления, в переводе же он эти вопросительные знаки снял. Кроме того, он внес еще одно дополнительное восстановление. В строке 191, где из названия города сохранились только начальная буква «*h*», он предложил восстановить Η(ερμοναϲϲε), так как другого города с начальным «*h*» на северном побережье Понта Эвксинского нет. В данном случае в переводе места надписи после восстановления имени Гермонасса он ставит вопросительный знак, что указывает на то, что снятие этого знака им в применении к восстановлениям имен других городов не является случайным [8, с. 238].

Необходимо, наконец, упомянуть еще об одном издании этого эпиграфического документа, после которого к чтениям представленным в нем названий городов, насколько мы знаем, уже не обращались специально [9]. Это издание не внесло ничего принципиально нового в рассматриваемую проблему, но в нем были подтверждены все выводы предшествующего издания.

Таким образом, подводя итоги этому очень краткому историографическому очерку, мы можем отметить несколько положений, которые нам кажутся достаточно обоснованными. В списке афинских союзников за 425/4 г. до н. э. имеется название понтийского податного округа: Πόλεις ε'κτῶ Εὐ'ξεί̃νο [3]. Несмотря на все попытки опровергнуть это восстановление [11, с. 148—161; 12, с. 80—85], оно остается непоколебимым [4]. В последующих строках документа, естественно, упоминаются некоторые северопричерноморские города, из которых два, видимо, относятся к боспорскому региону: Κιμ(μέριον) и Πατ(ραεύς) (согласно У. Кёллеру и Б. Н. Гракову). Если к ним добавить и Гермонассу (что менее вероятно), то список выглядит уже очень внушительно.

Таким образом, проблема ставится следующим образом: в списке городов Боспора, которые вошли в состав Афинского морского союза, помимо Нимфея, видимо, присутствуют еще два, а может быть, даже три других города. Таким образом, ясно, что в зависимости от того, будет ли принято это восстановление в тексте надписи или оно будет отвергнуто, вся трактовка истории Боспора будет выглядеть совершенно по-разному. Одно дело вхождение в состав Афинской архэ одного боспорского города, совершенно иное, если считать, что в этом союзе состояло четыре города. Во всяком случае, эта проблема нуждается в специальном исследовании. Однако в последние десятилетия даже в работах, специально посвященных истории Боспора этого периода или боспоро-афинским отношениям, эта проблема обходится полным молчанием. Об этом не говорят ни И. Б. Брашинский [12], ни В. Ф. Гайдукевич [17, 38], ни Д. П. Каллистов [36, 37], ни Т. В. Блаватская [39], ни Ф. В. Шелов-Коведяев [2], ни Д. Б. Шелов [40].

Подобный подход к проблеме резко контрастирует с тем, что мы видим в изучении истории других северопричерноморских городов, которые (на основании того же самого источника), возможно, включались в состав Афинского морского

[3] Этот тезис был полностью принят В. Д. Блаватским [10, с. 25].

[4] Подробнее в [2, с. 99].

союза. Детально обсуждался вопрос об Ольвии [13, с. 126], о Тире [14, с. 93], о Керкинитиде [15, с. 148].

При рассмотрении вопроса о вхождении Киммерика для нас особое значение имеет то обстоятельство, что восстановление названия Понтийского податного округа считается твердо установленным. Следовательно, города, которые упомянуты в этой части надписи, должны принадлежать черноморскому региону. В этом регионе названия городов, начинающихся на «Кιμ», определяются однозначно — это только два Киммерика, расположенных в районе Боспора Киммерийского. Других городов с подобным началом названия античная традиция и другие источники не зафиксировали. Таким образом, кажется весьма вероятным (чуть ли не бесспорным), что в списках фороса афинских союзников упоминается один из боспорских городов.

Как известно, на Боспоре имелось два города под одним и тем же названием. Мы не будем сейчас входить в рассмотрение вопроса о причине этого явления, а примем его как данность.

О городе в азиатской части государства имеется несколько свидетельств письменных источников. Наиболее интересно среди них свидетельство Псевдо-Скимна (Ps.-Scymn., 896 сл.): «При самом выходе из устья [имеется в виду пролив Боспор Киммерийский] лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами» (τὸ δὲ στόμ' ἐκπλέοντι Κιμμερὶς πόλις ἀπὸ κιμμερίων μεν βαρβαρῶν κεκλημένα, κτίσις τυράννων δ' οὖσα τῶν ἐν Βοσπόρω). Основной источник Псевдо-Скимна для описания Боспора, как уже давно доказано,— это Деметрий из Каллатиса (II—I вв. до н. э.) [16, с. 32], и поэтому упоминаемые здесь боспорские тираны — это, скорее всего, ранние Спартокиды (Археанактиды — менее вероятно). Эта же информация слово в слово повторена и Периплом Анонима (Anon. Peripl., 74). Интересна также информация и Страбона. В описании азиатской части Боспора он сначала упоминает деревню Киммерик (τὴν κώμη τὴν κιμμερικήν — Strabo, XI, 2, 4), а затем дает уточняющую информацию: «Киммерик прежде был город (τὸ δὲ Κιμμερικὸν πόλις ἦν προτέρον), построенный на полуострове и замыкающий перешеек рвом и валом» (Strabo, XI, 2, 5). В. Ф. Гайдукевич полагал, что в данном сообщении Страбон контаминировал два источника: один (первый) — о населенном пункте на азиатском Боспоре и второй — о населенном пункте того же названия, но с европейского Боспора [17, с. 510, 516]. Однако это предположение вряд ли может быть принято, поскольку текст Страбона здесь логически увязан и, кроме того, указание на местоположение Киммерика, содержащееся у Страбона, прямо подтверждается свидетельством Птолемея (Ptol., V, VIII, 5), у которого Киммерик присутствует только как географическое понятие — мыс Киммерик. Таким образом, можно полагать, что ко времени Страбона Киммерик переживал определенный упадок, что, в общем, было достаточно обычным для боспорских городов I в. до н. э. Мы, правда, не знаем, был ли это общий упадок или изменение статуса: превращение из полиса в деревню (кому). Дважды упоминает Киммерик Плиний: один раз о нем говорится в связи с определением координат Пантикапея (Киммерик находится на расстоянии 2,5 миль от Пантикапея, на другой стороне пролива — Plin., Nat. Hist. IV, 87). Второй раз — при описании азиатской части Боспора: «...города при входе в Боспор: сначала Гермонасса, затем милетские Кепы, потом Стратоклия, Фанагория и почти покинутый Апатур, а последний — в устье пролива — Киммерий, который прежде назывался Керберий» (Plin., Nat. Hist. VI, 18). Как справедливо указывалось в литературе, источники Плиния для описания Боспора весьма доброкачественны [18, с. 65], и в связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что и у Плиния, как и у Страбона, имеется указание на определенные изменения в характере поселения — в данном случае его переименование (о причинах появления второго названия см. [41, с. 145]). У

Помпония Мелы о Киммерике нет иной информации, кроме указания на его местоположение — et in ipso ore Cimmerium (Pomp. Mela, De chorogr. I, 112).

Таким образом, письменные источники дают хотя и весьма эскизный, но общий очерк истории азиатского Киммерика. Можно предположить, что город был основан для контроля над северным входом в Керченский пролив, с чем, видимо, связано и подчеркиваемое в источниках его местоположение [5], и также подчеркиваемый в источниках его укрепленный характер. К сожалению, до сего времени местоположение Киммерика не установлено [6].

Европейский Киммерик отражен в источниках менее полно. Единственное описание его имеется в Анонимном Перипле (VI в. н. э.), отражающем ситуацию на Боспоре в раннеэллинистическое время [17, с. 183].

О Киммерике здесь говорится следующее: «От Кит до города Киммерика (ἀπὸ δὲ Κυτῶνος Κιμμερικὸν πόλιν) 60 стадий, 8 миль, там есть стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров. Напротив его в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых не очень больших острова. Всего от устья меотийского озера до Киммерика 300 стадий, 40 миль, а от города Пантикапея до Киммерика 240 стадий, 32 мили» (Anon. Peripl., 76). В следующем параграфе указывается также расстояние до деревни Казека (Anon. Peripl., 88). Как мы указывали выше, для европейского Киммерика нельзя использовать свидетельство Страбона (Strabo, XI, 2, 5). Поскольку оно бесспорно относится к азиатскому Боспору, хотя помимо В. Ф. Гайдукевича и некоторые другие авторы шли по этому пути [21, с. 71]. В сочетании Клавдия Птолемея Киммерик также упоминается среди городов, лежащих внутри Херсонеса Таврического (πόλεις δὲ εἰσὶ μεσόγειοι ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ αἵδε — Ptol., III, 6, 5) [7].

В отличие от азиатского Киммерика, европейский, видимо, достаточно надежно локализован и был объектом раскопок в течение ряда лет [23—31; 32, с. 200; 33, с. 17]. В нашей статье отметим только самое основное — то, что необходимо для исследуемого вопроса. Европейский Киммерик существовал уже в VI в. до н. э. Поселение этого времени находилось на восточном склоне горы Опук, а позднее было перенесено на другой склон.

Таким образом, данные источников, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют сделать вывод о том, какой из Киммериков был включен в состав Афинского морского союза. С наибольшей вероятностью на эту роль может претендовать европейский Киммерик. В пользу этого говорят следующие соображения. Как мы отмечали, для времени возникновения азиатского Киммерика наиболее важным показателем является упоминание тиранов на Боспоре как ктистов этого города. Наибольшая вероятность, что таким образом называли Спартокидов [8]. Спартокиды же пришли к власти на Боспоре в 438/7 гг. до н. э. Следовательно, возникновение Киммерика должно быть отнесено ко времени после этого события.

Как можно полагать, включение в состав Афинской архэ как Нимфея, так и Киммерика могло быть результатом Понтийской экспедиции Перикла [2, с. 113]. В настоящее время можно считать установленным, что эта экспедиция имела место в середине 30-х годов V в. до н. э. и она не ограничивалась только южным побережьем Черного моря, но также и посетила северные берега [13, с. 126; 34, с. 72—78; 35, с. 197—200]. Таким образом, между приходом к власти Спартокидов и экспедицией Перикла прошло всего несколько лет. Трудно до-

[5] В. Ф. Гайдукевич [17, с. 28] совершенно справедливо подчеркивал, что с точки зрения античных географов Киммерик и Корокондама считались крайними пределами Керченского пролива: Киммерик на севере и Корокондама на юге (на азиатской стороне).

[6] Имеется несколько предположений [19, 20], однако они не могут быть приняты [17, с. 183].

[7] О причинах этого искажения географической ситуации Клавдием Птолемеем см. [22, с. 40].

[8] Относительно терминов, обозначающих власть Спартокидов, см. [2, с. 8]. Автор, с нашей точки зрения, справедливо приходит к выводу, что и сущность власти, и термины, используемые наиболее хронологически близкими источниками (за исключением Демосфена, но это исключение объясняется его особыми отношениями с правителями Боспора),— это тираны.

пустить, чтобы за этот короткий период Спартокиды построили бы город и его тут же потеряли в результате вмешательства Афин. Кроме того, вхождение только что основанного боспорскими тиранами города в состав Афинской архэ означало бы открытый военный конфликт между ними, что мало вероятно.

Второй аргумент в пользу европейского Киммерика — географический. Киммерик расположен к юго-западу от Нимфея. Как известно, Нимфей до включения в состав архэ был независимым полисом. Таким образом, между основной территорией Боспорского царства времен Археанактидов и Киммериком находилась территория независимого полиса Нимфей. В таких условиях логично предположить, что и Киммерик был также независимым полисом.

В силу указанных соображений мы можем предполагать следующие этапы истории Киммерика. В VI в. до н. э. (более точная дата нам неизвестна) в результате греческой колонизации возникает на побережье Черного моря маленький полис Киммерик. Его независимое существование продолжается до 30-х годов V в. до н. э., когда он, подобно своему более крупному соседу Нимфею, включается в состав Афинского морского союза. На самом последнем этапе Пелопоннесской войны Нимфей переходит из рук Афин в руки правителей Боспора (около 405 г. до н. э.). Вероятнее всего, что в это же время нечто похожее происходит и с Киммериком, во всяком случае, его переход под власть Спартокидов должен был произойти до начала войны за овладение ими Феодосии, поскольку война против Феодосии велась на суше и на море и вести такую войну, имея в тылу независимый полис, невозможно.

Таким образом, хронологические рамки, в которые может быть поставлено присоединение Киммерика к Боспору: от 405 г. до н. э. до начала войны за Феодосию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Koehler U.* Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes//APAW. 1870. Fr. 1869. Abt. I. H. 2.
2. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э.//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984. г. М., 1985.
3. IG. I^2. 63.
4. *Meyer E.* Geschichte des Altertums. B. IV. T. 3. Abt. 2.
5. *Латышев В. В.* ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб., 1909.
6. *Meritt B. D., West A. B.* The Athenian Assessement of 425 B. C. Ann Arbor, 1934.
7. *Жебелев С. А.* Боспорские этюды//ИГАИМК. 1935. Вып. 104.
8. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии//ВДИ. 1939. № 3.
9. *Meritt B. D., Wage-Gery H. T., McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Cambridge (Mass.), 1939. V. 1; Princeton, 1946. V. 2.
10. *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор//МИА. 1954. № 33.
11. *Брашинский И. Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.//ВДИ. 1955. № 2.
12. *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.
13. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
14. *Самойлова Т. Л.* Тира в VI—I вв. до н. э. Киев, 1988.
15. *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида VI—II вв. до н. э. Киев, 1990.
16. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
17. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
18. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
19. *Войцеховский С. Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшего времени//Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1. Т. III. Вып. 5—6. Ростов, 1929.
20. *Башкиров А. С.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г.//ТСА РАНИОН. 1928. Т. III.
21. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
22. *Зубарев В. Г., Масленников А. А.* Историческая география европейского Боспора по Клавдию Птолемею//СА. 1987. № 3.

23. *Бларамберг И.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды//ЗООИД. 1848. Т. I.
24. *Дюброкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море//ЗООИД. 1858. Т. IV.
25. *Марти Ю. Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Китей, Акра//ИТОИАЭ. 1929. Т. II.
26. *Марти Ю. Ю.* О результатах работы экспедиции Керченского музея по обследованию городищ Киммерика, Китея и Акры на Керченском полуострове летом 1927 г.//II Конференция археологов в Херсонесе. Севастополь, 1927.
27. *Зеест И. Б.* Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора//КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.
28. *Зеест И. Б.* Жилые дома древнего Киммерика//КСИИМК. 1951. Вып. XXXIV.
29. *Кругликова И. Т.* Раскопки древнего Киммерика//Археология и история Боспора. Симферополь, 1952.
30. *Зеест И. Б.* Раскопки Киммерика//КСИИМК. 1953. Вып. 51.
31. *Зеест И. Б.* Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.//МИА. 1958. № 85.
32. *Зеест И. Б.* Киммерик//Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
33. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
34. *Карышковский П. О.* Ольвия и Афинский союз//МАСП. 1959. III.
35. *Meiggs R.* The Athenian Empire. Exford, 1975.
36. *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
37. *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
38. *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк)//Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955.
39. *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959.
40. *Шелов Д. Б.* История античных государств Северного Причерноморья//Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
41. *Тахтасьев С. Р.* Киммерийская топонимия//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Институт археологии РАН,
Москва

O. N. USATCHEVA, G. A. KOSHELENKO

CONCERNING AN ENIGMA IN THE HISTORIOGRAPHY OF BOSPORUS

Summary

The question about the belonging of the Bosporus city of Cimmerik to the Athenian empire is discussed in the article. The belonging of the other Bosporus city of Nymphaeum to the same empire has been discussed for more than one hundred years while the problem of Cimmerik drew no attention. It seems that the epigraphic sources prove undoubtedly that Cimmerik was a part of the Athenian empire in the time of the First Athenian Marine Union. But there were two cities called Cimmerik on the territory of Bosporus. The authors analyse epigraphic and archaeological information, and draw a conclusion that the city of Cimmerik belonging to the Athenian empire was situated on the Crimea coast of the straits of Kerch.

В. Н. ФЕДОСОВА

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ

(палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) [1]

Демография древнего населения на этапе присваивающего хозяйства и в период перехода к производящему хозяйству

Общие сведения. Сводные данные по процентному составу детских скелетов и по среднему возрасту смерти в палеопопуляциях палеолита, мезолита, неолита и бронзы приведены в обзоре В. П. Алексеева [1]. Для палеолитических групп ввиду малочисленности материалов даются оценочные характеристики; для населения мезолита, неолита и бронзы Евразии и Северной Африки приводятся конкретные цифры по отдельным хорошо известным могильникам с большой численностью погребений. В эпоху мезолита на территории Западной Европы и Северной Африки детская смертность колеблется от 20 до 58,6%, средний возраст смерти составляет 30,6—33,9 лет у мужчин, 26,5—28,6 лет у женщин, для территории Восточной Европы процент детской смертности приводится только для Оленеостровского могильника—15,4; средний возраст смерти у мужчин колеблется от 36,3 до 44,2 лет, у женщин — от 36,9 до 44,3 лет.

Палеолит, мезолит, неолит и эпоха бронзы на территории Евразии

Детская смертность. В работе И. Д. Потехиной приводятся данные по возрастному составу погребенных в мезолитических могильниках Украины [2], по которому легко рассчитать процент детской смертности. Для могильника Васильевка III эта цифра равна 30%, для могильников Васильевка I и Волошское — 4 и 5,2%. В двух последних случаях, как, видимо, и в случае с Оленеостровским могильником, цифра может быть резко занижена из-за неполной представленности детских материалов в погребениях.

В обзоре В. П. Алексеева [1] приводятся показатели детской смертности для территории Евразии неолита и эпохи бронзы. Для европейских палеопопуляций показатели колеблются от 26,2 до 63%; для населения Сибири и Средней Азии размах изменчивости этого показателя — от 40,4 до 59,7%. В работе Г. П. Романовой [3] дается сводная таблица процентного состава детских скелетов от общего числа погребенных в могильниках разных эпох Евразии и Северной Америки. Для территории Европы процент детской смертности в неолите и в эпоху бронзы — от 7 до 67,1; для Сибири и Средней Азии цифры колеблются в пределах от 22,5 до 50%.

---

[1] Данная работа представляет собой вторую часть обзорного исследования по современной палеодемографии. Первая часть этого исследования опубликована в № 1 за 1994 г. журнала «Российская археология». В данную часть обзора включены, за редким исключением, только работы последних 5—7 лет. Следует отметить, что сведения, помещенные в данной части работы, имеют описательный, а не аналитический характер, поскольку методики, использованные цитируемыми авторами, не всегда соответствуют модельным представлениям современной палеодемографии.

© В. Н. Федосова, 1994 г.

В работе по исследованию биологических параметров древнего населения Передней Азии приводятся сравнительные данные по детской смертности среди натуфийского населения, населения эпох неолита и бронзы (к сожалению, не в виде цифровых показателей, а в виде графических изображений) [4]. Похоже, что в натуфийское время детская смертность была невысока (хотя это вполне объяснимо плохой сохранностью детских скелетов в погребениях этой эпохи); невысокая детская смертность характерна и для неолита, этот показатель резко возрастает в эпоху бронзы [4].

Очень высокие показатели детской смертности для населения Западной Сибири эпохи бронзы приводит В. А. Эрлих, цитируя работы сибирских археологов [5]. Так, в могильнике Преображенка 3 (андроновская культура) процент детских захоронений от общего числа погребенных составляет 76,3, особенно высокая смертность отмечается для детей от 0 до 6 лет; в могильнике Малые Копены 3 (карасукская культура) на общее количество погребенных приходится 50% детей [5].

Примеры с невысокими показателями детской смертности (нижняя граница размаха изменчивости) в неолите и в эпоху бронзы не всегда можно относить на счет неполной представленности детских материалов в погребениях. Так, в недавно опубликованном исследовании ранненеолитического могильника «Локомотив» (левый берег Ангары, Средняя Сибирь) процент детских погребений чрезвычайно низок — всего 19,3 [6]. Однако отнести этот феномен на счет плохой сохранности материалов невозможно — сохранность скелетов близка к идеальной, представленность младенческих скелетов (до 1 года) от общего числа детских погребений — 20% (6), что свидетельствует об очень высоком качестве состава выборки. Вероятно, различия в показателях детской смертности возникали за счет разнообразия показателей «уровня жизни» в палеопопуляциях. В. П. Алексеев, например, считает, что в эпоху бронзы многие локальные популяции могли сохранять столь же высокий уровень детской смертности, как и в верхнепалеолитическую эпоху, однако в ряде групп этот показатель мог понизиться до предела менее трети всех захороненных, что вполне могло явиться предпосылкой для значительного прироста численности в одних регионах в ущерб другим [1].

Возраст смерти. Возраст смерти в популяциях неолита и эпохи бронзы у мужчин колеблется в пределах 29,4—49,9 лет, у женщин — 27,0—42,9 лет [1]. На территории Юго-Западной Азии (Иран, Ирак) средний возраст смерти в эпоху неолита по сравнению с палеолитом в целом уменьшается: с 35—38 до 30 (22—37) лет (мужчины — с 40 до 33 (23—40), женщины — с 28—32 до 26 (20—34)). В халколите общий показатель продолжительности жизни остается примерно на том же уровне, как в неолите, но несколько увеличивается продолжительность жизни мужчин и немного уменьшается — женщин: общий показатель 31 (25—34) лет, у женщин 29 (25—33) лет, у мужчин 35 лет. В эпоху бронзы в целом не наблюдается возрастания средней продолжительности жизни по общему показателю — 31 (26—44) лет, хотя можно указать на некоторое повышение его у женщин — 30 (25—46) лет и понижение у мужчин — 32 (25—42) лет [7].

Л. Эйнджел, сводя в одну таблицу все возможные палеоэкологические данные по антропологии региона Средиземноморья, делает вывод о понижении в этом регионе от палеолита к мезолиту и неолиту ожидаемой продолжительности жизни мужчин (от 35,4 до 33,5—33,6 лет) и о повышении ожидаемой продолжительности жизни женщин в мезолите и понижении в неолите (30—31,3—29,8 лет); в эпоху бронзы в данном регионе ожидаемая продолжительность жизни мужчин возрастает до 39,6 лет, ожидаемая продолжительность жизни женщин — до 32,6 лет; при этом фиксируется постоянное увеличение рождаемости от палеолита к эпохе бронзы [8].

В ранненеолитическом могильнике «Локомотив» (Средняя Сибирь) продолжительность жизни мужчин 35,7—36,8 лет; продолжительность жизни женщин 35,2—35,7 лет, с учетом детской смертности эти показатели понижаются до 29,7—29,9 лет [6].

Плотность населения и характеристики освоения территории. В сводке Л. Эйнджела по региону Средиземноморья для палеолита приводится показатель 0,1 чел/км², в мезолите этот показатель возрастает до 0,15 чел/км², в неолите — до 1,5—7 чел/км², в эпоху бронзы — до 10—30 чел/км² [8].

Плотность населения на территории Прикубанья в эпоху бронзы составляла от 8—12 до 11—14 человек на 100 км² [9]. На территории Центральной Европы плотность населения в эту эпоху составляла 0,8—2 чел/км² [10].

В обзоре по населению Западной Сибири эпохи бронзы [5] приводятся некоторые сведения относительно плотности заселения в эту эпоху лесных, лесостепных и степных районов Западной Сибири. Так, в среднем жилище лесной полосы эпохи ранней бронзы на 1 человека приходилось около 5 м², для поселений лесостепной и степной полосы эпохи развитой и поздней бронзы жилая площадь на 1 человека могла составлять 4 м². Исходя из этих цифр, В. А. Эрлих вычисляет площадь поселений, количество человек в одном жилище, общее число людей в поселении. Так, по материалам некоторых известных археологических памятников энеолита — раннего бронзового века, площадь поселений в эту эпоху в Западной Сибири составляла от 700 до 3000 м², количество жилищ в поселениях колебалось от 1 до 10, количество человек, проживавших в одном жилище,— от 5 до 20, число людей в поселениях — от 20 до 107. Площадь поселений в эпоху поздней бронзы — перехода к раннему железному веку составляла от 5000 до 12 000 м², количество жилищ в поселении — от 10 до 15, число людей, обитавших в одном жилище,— от 12 до 30, численность населения поселка — от 150 до 500 человек [5]. От раннего к позднему бронзовому веку вполне отчетливо прослеживается тенденция роста размеров и увеличения численности населения поселков.

Исследования окраинных зон Евразийского материка дают очень небольшую численность населения в древности. Так, на юго-востоке Чукотского полуострова к рубежу нашей эры могло обитать немногим более 200—300 эскимосов, возрастание численности населения в этой зоне в 2—3 раза произошло только к XI—XIV вв. В XVII в. численность населения в этом регионе стабилизировалась на уровне около 1000 человек [11].

В Японии небольшое увеличение продолжительности жизни фиксируется в период яей (энеолит, рубеж нашей эры) сравнительно с периодом дземон (неолит) [12].

Демографические показатели популяций с присваивающим хозяйством и в период перехода к производящему хозяйству на территории Америки. Общие сведения

Демографические параметры обществ древних охотников-собирателей с Американского континента соответствуют показателям евразийского населения.

В охотничье-собирательской палеопопуляции Карлстон Эннис (2500—1000 гг. до н. э.) вероятная продолжительность жизни от рождения равна 22,4 года, длительность поколения — 26,6 лет, скорость репродуктивного роста — 2,7. В то же время в палеопопуляции Индиан Нолл, хронологически пересекающейся с Карлстон Эннис, вероятность дожития от рождения равна 19,0 лет, длительность поколения — 25,1 год, скорость репродуктивного роста — 3,2 [13]. Популяция Карлстон Эннис характеризуется как группа здорового населения, способного к самостоятельному воспроизводству. В целом популяции Карлстон Эннис и Индиан Нолл являются группами с высокой детской смертностью (38,4 и 41,4% детей до 15 лет от общего числа погребенных) и повышенной смертностью взрослых в молодых возрастах [13].

Интересный пример фиксируемой во времени биологической и социальной адаптации охотников-собирателей к суровым условиям существования на побережье горных районов Перу изложен в статье Р. А. Бенфеч [14]. Послойное разделение погребений могильника Палома позволило определить, что в раннее время существования (4000—5000 гг. до н. э.) популяция характеризовалась почти в 2 раза более высокой детской смертностью и почти в 4 раза меньшим количеством людей

старшего возраста, чем в более позднее время (3000—2000 гг. до н. э.). Автор пишет, что демографические данные позволяют сделать предположение о наличии в более позднее время контроля рождаемости, производимого, по всей видимости, путем инфантицида младенцев женского пола и поздним замужеством женщин [14]. Движение к достижению благоприятного демографического статуса в популяции сопровождалось улучшением показателей здоровья, что свидетельствовало об активно идущих адаптивных процессах в популяции [14].

При переходе к производящему хозяйству на Американском континенте наблюдаются определенные изменения в демографических характеристиках популяций. Так, если на протяжении всего архаического периода существования популяций охотников-собирателей в районе Миссисипи (8000—1000 гг. до н. э.) изменений в демографических показателях как будто бы нет, то к периоду среднего Вудленда (рубеж нашей эры) наблюдается увеличение продолжительности жизни, а к завершающему периоду позднего Вудленда (800 г. н. э.) наблюдаются изменения в структуре смертности [15]. Эти изменения связываются с переходом к производящему типу хозяйства и особенно с интенсификацией сельскохозяйственного типа производства в позднем Вудленде.

В Центральной Калифорнии наиболее существенный скачок в численности популяций приходится на период перехода от раннего к среднему этапу существования местных палеопопуляций (1500—500 гг. до н. э.). Исключительно интересен тот факт, что в ранних популяциях Центральной Калифорнии (охотники-собиратели) продолжительность жизни выше, чем в последующих земледельческих группах [16]. Однако возраст в данном случае определялся по стертости зубов, которая в охотничье-собирательской популяции могла быть выше, чем в земледельческой, по вполне естественным причинам — более грубоволокнистому составу растительной пищи по сравнению с земледельцами. Общая детская и юношеская смертность в земледельческих группах в целом ниже, чем в охотничье-собирательских (однако выше детская смертность возрастов 0—2 года); вероятность дожития во взрослых возрастах падает, при этом указывается, что «растущие по численности популяции — это более молодые популяции» и что в поздних группах «наблюдался существенный рост численности» по сравнению с более равными группами именно в силу того, что там укороченная продолжительность жизни [16].

Изменения в демографических показателях палеопопуляций с переходом к производящему хозяйству фиксируются и в Южной Америке. Так, в эквадорских палеопопуляциях с введением земледелия можно отметить некоторое повышение ожидаемой продолжительности жизни, однако в более позднее время (период интенсификации земледелия) отмечается резкое уменьшение этого показателя [17].

Демография популяций периода перехода к производящему хозяйству на территории Африки. Общие сведения

К сожалению, данных по демографии Африки периода перехода к производящему хозяйству пока нет. К моменту становления производящего хозяйства на территории Нубии (IV—III тыс. до н. э.) численность населения была 13 тыс. человек, интенсификация земледелия на данной территории (середина III — середина I тыс. до н. э.) характеризуется небольшим ростом численности — до 17 500 человек [18].

Демография популяций периода перехода к производящему хозяйству на территориях Южной Азии, Австралии и Океании. Общие сведения

Ю ж н а я А з и я. Изменение демографических показателей вне или почти вне связи с введением производящего хозяйства отмечается для территории Южной Азии (Индия) и для Австралии и Океании. Анализируя литературные сведения по палеодемографическим исследованиям в Южной Азии, К. Кеннеди

отмечает, что на смену длительному стабильному существованию охотничьих популяций палеолита пришла резкая экспансия населения, связанная с ростом численности и увеличением плотности населения; причинами этих процессов стала увеличивающаяся оседлость населения, введение элементов производящего хозяйства (пастушества, эпизодического выращивания отдельных растений), главным образом усиление интенсификации охоты за счет применения лука и стрел, изменения самой техники охоты (использование собаки) и т. п., огромную роль сыграла стабильность богатых природных ресурсов [20]. Складывается такое впечатление, что введение земледелия в данном регионе явилось результатом усиления давления резко возросшей человеческой популяции на среду, следствием чего стала нехватка естественных ресурсов и необходимость получения стабильных дополнительных ресурсов.

Австралия и Океания. В южных регионах Австралии в период с 4000—2000 гг. до н. э. по 1000 г. н. э., возможно, осуществилась подобная же модель взрывного роста численности населения. Увеличение населения с 3 тыс. до 70 тыс. человек за указанный период времени стало возможным благодаря оседлости и росту интенсификации труда; для последующего времени характерной была стабилизация численности популяции [21].

Напротив, исследование скорости роста численности населения Океании доконтактного периода выявило столь небольшие величины этого показателя, что авторы вынуждены были пересмотреть гипотезы относительно возможного времени заселения островов Океании (ранее 750 г. н. э.) и предположить резкое увеличение скорости роста популяции на первых этапах освоения этой территории переселенцами [22].

Как считает В. П. Алексеев [1], именно на эпохи неолита и бронзы сравнительно с палеолитом падает основное приращение численности древнего населения. Это верно для территории Евразии и, как видно из вышеприведенного обзора, верно и для большинства других районов земного шара. Причиной этого, как считает В. П. Алексеев, является возникновение и постепенное увеличение ареала производящих форм хозяйства. Происходит это не за счет возрастания продолжительности жизни, а за счет понижения детской смертности в ряде регионов [1].

Резюмируя все сведения о популяциях, переходящих от охоты и собирательства к земледелию, М. Коэн и Дж. Армелагос, редакторы прекрасного сборника статей, посвященного биологии палеопопуляций переходного статуса, указывают, что введение производящего хозяйства взамен присваивающего привело в целом к ухудшению демографических параметров популяций, в частности уменьшилась ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин, увеличилась детская смертность [19]. Относительный рост популяций и последующее увеличение плотности населения в поселках можно отнести, таким образом, за счет резко возрастающей рождаемости.

Демографические показатели популяций развитого производящего хозяйства. Территория Евразии

Демографические параметры палеопопуляций развитого производящего хозяйства (в разных регионах земного шара этот этап приходится на различные хронологические периоды) характеризуются высокой локальной вариабельностью, хотя и в данном случае можно попытаться выделить определенные общие закономерности.

Детская смертность. В палеопопуляциях с развитым производящим хозяйством с территории Евразии I тыс. до н. э.— первых веков нашей эры детская смертность колеблется от 12,3 до 53,8%, что ненамного ниже, чем в предыдущие эпохи (данные приводятся по сводной таблице, составленной Г. П. Романовой [3]).

Детская смертность по материалам Н. Кондовой и Б. Чолакова, исследовавших демографические показатели в трех римских провинциях на территории Болгарии

[23], колеблется от 15,7 до 34,5%; коррекция с учетом недостающего числа младенческих погребений дает показатель детской смертности не ниже 40%.

Детская смертность (без учета младенческой смертности) в палеопопуляции Лебеди III (меотское население IV в. до н. э.) — 26,1%; учет младенческой смертности, вероятно, повысил бы эту цифру [24].

Возраст смерти и демографическая структура населения. На территории Передней Азии (Левант) в эллинистическое время демографические показатели улучшаются по сравнению с предыдущими эпохами, в византийское время качество демографических показателей (продолжительность жизни) падает [4].

В эпоху железа на территории Юго-Западной Азии (Иран, Ирак) граница возраста смертности населения изменяется мало по сравнению с эпохой бронзы: общий показатель с 31 (26—44) до 32 (28—40) лет, у женщин с 30 (25—46) до 30 (24—35) лет, у мужчин с 32 (25—42) до 33 (29—41) лет [7].

В районе Средиземноморья в эпоху раннего железа сравнительно с периодом поздней бронзы продолжительность жизни взрослого населения немного уменьшается: у мужчин с 39,6 до 39 лет, у женщин с 32,6 до 30,9 лет, среднее число детей, приходящихся на одну семью, падает с 4,6 до 3,5 [8]. По данным того же автора, продолжительность жизни средиземноморского населения в эллинистическую эпоху возрастает до 44,1 лет у мужчин и 36,8 лет у женщин, среднее количество детей в семье увеличивается до 5. В эпоху императорского Рима в Средиземноморье эти показатели, оставаясь высокими, несколько уменьшаются сравнительно с предыдущим периодом: продолжительность жизни мужчин равна 41,9—38,8 годам, продолжительность жизни женщин — 38,0—34,2 годам, число детей на одну семью — 3,47—4,07 [8]. Колебания демографических параметров в указанные периоды автор связывает с социальными изменениями в жизни древнего населения Средиземноморья. Отмечая высокую (выше, чем в предыдущие периоды) межпопуляционную вариабельность демографических показателей в локальных популяциях, Л. Эйнджел связывает ее с усложнением социальной жизни общества в эту эпоху [8]. В целом в указанную эпоху происходит заметное улучшение демографических показателей по сравнению с параметрами, характерными для средиземноморских популяций начальных этапов производящего хозяйства [8].

Некоторые демографические параметры населения южных районов Восточной Европы середины I тыс. до н. э. представлены в работе Г. П. Романовой [24]. Вероятная продолжительность жизни меотского населения возрастной когорты 15—19 лет (IV в. до н. э., могильник Лебеди III, территории современного Краснодарского края) равна 25 годам [24]. Вероятность смерти в данной палеопопуляции повышена в возрастных интервалах 20—24 года и после 40 лет.

Демографическую структуру населения римских провинций первых веков нашей эры можно проиллюстрировать на примере исследования популяций Тракии (территория современной Болгарии) [23]. Авторы анализируют общие демографические показатели населения трех популяций: Абритус, Яйлата и Августа Траяна (II—V вв. н. э.). Общая для мужчин и женщин вероятная продолжительность жизни от рождения колеблется от 27,06 до 31,32 лет, вероятная продолжительность жизни мужчин возрастного интервала 20—24 года равна 25,29—27,41 годам, аналогичный показатель у женщин ниже: 18,33—22,41 года [23]. Характерной особенностью обследованных групп является половая дифференциация продолжительности жизни — резкое превышение мужских показателей над женскими. Усиление социальной дифференциации населения по демографическим данным фиксируется и при анализе этих параметров у различных слоев населения. В подтверждение этой мысли авторы цитируют данные по императорскому Риму, приведенные Г. Ачади и Ж. Немешкери: продолжительность жизни рабов равняется в среднем 17,5 годам (мужчины — 17,2, женщины — 17,9), продолжительность жизни свободных граждан — 25,2 годам (мужчины — 26,9, женщины — 23,4), торговцев — 31,2 годам (мужчины — 34,1, женщины — 24,7), лекарей, священников, ученых — 36,9 годам (мужчины — 40,3, женщины —

23,31); причем чем выше социальный ранг, тем сильнее «разрыв» в демографических показателях у мужчин и женщин (23). Плотность населения и характеристики освоения территории. Показатели плотности населения в Европе для периода I тыс. до н. э.— первых веков нашей эры характеризуют степень освоенности территории к этому периоду.

Плотность населения на территории Средиземноморья самая низкая в раннем железном веке — 20 чел/км², самая высокая в эллинистическую эпоху — 36 чел/км²; вплоть до раннего средневековья она не опускается ниже 25 чел/км² [8]. На территории Центральной Европы, по данным разных авторов, плотность населения в этот период колеблется от 0,4—0,6 до 9 чел/км² [10]. Численность населения на территории Центральной Европы (район Богемии) с энеолита по латенское время вырастает с 5 тыс. до 50 тыс. человек [10].

Территория Африки. Общие сведения

По территории Африки есть сведения только для древнего населения Нубии. Численность населения древней Нубии возросла с 17 тыс. человек (III—I тыс. до н. э.) до 60 тыс. человек (рубеж нашей эры), что связывается с расцветом производящего хозяйства на этой территории и максимальным использованием всех возможностей природной среды в данном регионе [18].

Территория Америки. Общие сведения

Сельские популяции. На Североамериканском континенте примером динамики демографических показателей в период интенсификации присваивающего хозяйства может служить палеопопуляция Огайо в период позднего Вудленда (переход к производящему хозяйству), и хотя она характеризуется высокой детской смертностью (61,3%), однако имеет низкую младенческую смертность и хорошее состояние здоровья, вероятность дожития от рождения равна 20 годам [25]. По сравнению с поздним Вудлендом Огайо (первые века нашей эры) в античное время Огайо (700—1600 гг. н. э.) демографические показатели меняются: детская смертность падает с 61,36 (поздний Вудленд) до 18,8% (античное время), ожидаемая продолжительность жизни от рождения вырастает с 20 до 33 лет соответственно [25]. С интенсификацией производства маиса растет численность и плотность населения в поселках, отчасти это находит отражение и в усилении агрессии, и в увеличении числа военных конфликтов [25].

Раннегородские популяции. Демографическая структура раннегородского населения с Американского континента представлена в исследовании популяции мексиканского города Теотиуакан (150 г. до н. э.— 750 г. н. э.) [26]. Вероятная продолжительность жизни от рождения в этой популяции равна 17,06 годам, от 15 лет — 20,23 годам, детская смертность необычайно высока — 61,5%, причем пик смертности в этой популяции падает на младенческий возраст (до 1 года) — 35,5% [26]. Автор данной работы приходит к любопытному предположению о том, что в этой палеопопуляции, по-видимому, действовали те же стрессовые факторы, отрицательно влияющие на показатели детского здоровья и физического развития населения, что и в доиндустриальных городских популяциях Старого Света [26].

Суммируя приведенные сведения о демографической структуре населения различных регионов земного шара периода развитого производящего хозяйства и становления городских цивилизаций, можно указать на существенную локальную вариабельность демографических показателей в различных палеопопуляциях, связанную с возрастающей сложностью социально-экономической структуры населения, на социально-экономическую специализацию локальных популяций, приводящую к формированию характерного демографического «профиля» экологически специализированных популяций (в качестве примера можно указать на раннегородские популяции), на усложнение демографической структуры в пре-

делах каждой популяции, в особенности в урбанизированных палеопопуляциях, вызванное социальным расслоением населения. В целом расцвет производящего хозяйства сопровождается известным улучшением демографических показателей.

Демографические показатели населения эпохи средневековья — XIX в. Общие сведения

Развитие демографических процессов в направлении усиления вариабельности в локальных популяциях продолжается и в эпоху средневековья.

Евразия. Показатели вероятной продолжительности жизни от рождения в европейских популяциях эпохи средневековья колеблются в широких пределах. Для различных древнеславянских могильников с территории бывш. Чехо-Словакии этот показатель варьирует в пределах 11—32 года (в большинстве случаев меньше 20 лет) [27]. На территории Польши в позднем средневековье вероятная продолжительность жизни от рождения равна 31,8 годам (корректированный показатель — 23,7 лет), вероятная продолжительность жизни от 15 лет — 31,6 лет [28]. По данным средневекового могильника Шлапаничич (XI в., Чехо-Словакия), детская смертность в этой популяции равна 36,5%, вероятная продолжительность жизни от рождения — 30,3 года, от 15 лет — 25,8 лет [29].

В районе Средиземноморья в средневековье средняя продолжительность жизни уменьшается сравнительно с греко-римским периодом у мужчин с 38,8 до 37,7 лет, у женщин с 34,2 до 31,1 лет; показатели продолжительности жизни 40 лет у мужчин и 38,4 лет у женщин фиксируются в этом регионе только к XIX в. [8].

Эти данные согласуются с общими наблюдениями по Европе в целом, где продолжительность жизни в средневековье по сравнению с греко-романским временем падает и достигает средней величины 40 лет только в XIX в. [30].

Что касается показателей рождаемости и плотности населения, то в районе Средиземноморья в средневековье рождаемость сравнительно с греко-романским периодом остается на прежнем уровне, плотность населения несколько уменьшается — до 20 чел/км^2, в XIX в. постепенно уменьшается количество детей, приходящихся на одну семью; плотность населения не превышает 25 чел/км^2 [8]. На территории славяно-германского пограничья (пять кладбищ в районах среднего течения рек Эльба — Заале, Западная Тюрингия) в VII—VIII вв. н. э., т. е. в момент появления там славян, детская смертность равна 50%, возраст пика смертности у женщин на 5—8 лет меньше, чем у мужчин; в поселках одновременно проживают три-четыре семьи, половозрастная структура поселков примерно следующая: 14 детей до 10 лет, 7 подростков до 20 лет, 9 мужчин, 7 женщин [31].

Расслоение населения на городское и сельское в средневековье, как и в более ранние периоды, приводит к формированию «специализированных» демографических особенностей локальных популяций. Так, для средневековых палеопопуляций Литвы прослеживается четкая зависимость показателей ожидаемой продолжительности жизни от величины поселения: чем больше поселение, тем ниже средняя вероятная продолжительность жизни, например для сельских новорожденных ожидаемая продолжительность жизни равна 28,42 года, для Алитуса (небольшого средневекового города) — 27,83 года; для 20-летних сельских мужчин ожидаемая продолжительность жизни равна 25,91 года, для мужчин Алитуса — 23,24, для мужчин Вильнюса — 20,71; для женщин те же показатели соответственно 21,38, 17,52 и 17,24 года [32].

Характер динамики демографических показателей средневекового населения зачастую определяется миграционными процессами. Ю. С. Худяков, анализирующий по археологическим данным демографическую ситуацию в Южной Сибири (Минусинская котловина) в раннесредневековое время (VI—VIII вв. н. э., кыргызская культура), пишет, что хотя реконструировать численность населения в эпоху средневековья пока невозможно — нет данных, но с уверенностью можно говорить о значительном сокращении численности населения в IX—X вв. н. э.

Таблица

Область	Численность, чел.	Плотность, чел/100 км^2
Арктика	73 770	3
Субарктика	103 400	2
Северо-западное побережье	175 330	54
Калифорния	221 000	75
Юго-запад	454 200	28
Великий бассейн	37 500	4
Плато	77 950	15
Равнины	189 100	6
Северо-восток	357 700	19
Юго-восток	204 400	22
Суммарно	1 894 350	11

по сравнению с VI—VIII вв. [33]. В XI—XII вв. численность населения в популяциях кыргызов вновь возрастает. Эти колебания численности определяются периодическими миграциями кыргызов на сопредельные территории и возвращениями обратно в Минусинскую котловину. Детская смертность колеблется от 50 до 70%, причем пик смертности приходится на возраст 1—5 лет [33].

Демографические показатели мигрантного населения, имеющего особый статус, и местного населения различаются. Так, вероятная продолжительность жизни мужской части форпоста пришлого славянского населения на Русском Севере выше, чем у «натурализовавшихся» мигрантов: $E_0 = 35{,}3$ и 29,9 года; $E_{15} = 28{,}4$ и 25,4 года соответственно; эти популяции различаются и по половозрастной структуре населения: у первопоселенцев (предположительно охранного отряда дружинников) процент мужского населения выше, чем женского, невелико количество детей; у потомков мигрантов наблюдается выравнивание показателей процентного соотношения мужчин и женщин, увеличивается число детей в популяции (34).

А ф р и к а. Социально-экономические изменения, переживаемые населением на протяжении эпохи средневековья, нередко определяют сдвиги в демографических показателях популяций. Так, в раннесредневековой нубийской популяции Кулубнарти огромная детская смертность (72%) и малая величина ожидаемой продолжительности жизни новорожденных (10,6 лет) являются отражением тяжелой социально-политической ситуации в регионе, отрицательно сказывающейся на биологических характеристиках населения. В период позднего средневековья, в момент стабилизации политической ситуации в районе Кулубнарти, наблюдается улучшение демографических параметров населения: детская смертность падает до 44% (почти в 2 раза), ожидаемая продолжительность жизни новорожденных возрастает до 18,8 лет, однако резко понижаются величины ожидаемой продолжительности жизни 20-летних мужчин: с 20,5 до 17,6 лет, что предполагает вовлечение населения в разрешение конфликтных ситуаций в регионе [35].

Для древнего населения Леванта времен арабского завоевания характерно резкое ухудшение качества демографических показателей по сравнению с предыдущими эпохами [4].

В Нубии IV—VI вв. н. э. отмечают уменьшение численности населения по сравнению с предыдущей эпохой на 26% (до 44 тыс. человек), связанную с общим культурным упадком в жизни местного населения, вызванным внедрением в район Нижней Нубии нового населения, однако в христианскую эпоху (VI—XIV вв.) численность населения вновь немного увеличивается — до 50 тыс. человек, что связывают со стабилизацией политической ситуации в регионе в связи с объединением на религиозной основе [18].

Америка. Демографическая ситуация в индейских палеопопуляциях на территории Северной Америки после прихода европейцев развивается своеобразно. Ниже приводятся определенные Д. Убелакером по 20-томной сводке «Handbook of North American Indians» параметры численности и плотности индейского населения к моменту прихода европейцев на материк [36] (таблица).

К 1900 г. общая численность популяции индейцев сократилась до 530 тыс. человек за счет эпидемий и других неблагоприятных факторов. При этом наблюдается общий рост численности населения Североамериканского материка за счет притока мигрантов. Рост численности аборигенного населения Америки начинается только в XX в. [36].

Усиление специализации популяций в эпоху средневековья приводит к дальнейшему увеличению вариабельности демографических показателей. Наблюдаемое в целом ухудшение демографических показателей в большинстве популяций к концу эпохи средневековья преодолевается.

Общее заключение

Оценивая палеодемографию человечества с позиций экологии, можно вывести следующее. Периодические однонаправленные изменения динамики демографических показателей в худшую или в лучшую сторону свидетельствуют о преодолении человечеством время от времени последствий каких-то кризисных явлений. Впервые это наблюдается при переходе от присваивающего хозяйства к производящему. Судя по стационарности демографического статуса большинства древних популяций охотников-собирателей, рост численности и плотности населения охотничьих популяций нельзя считать общей причиной возникновения производящего хозяйства. Подобный механизм мог сработать, наверное, только в ситуации, как это ни парадоксально на первый взгляд, богатой ресурсами природной среды. Обилие естественных источников жизнеобеспечения могло привести к интенсивному росту населения в популяциях охотников-собирателей, как это мы видим на примере Южной Индии [20]. При отсутствии естественных ограничений к росту численности населения этот процесс мог привести к такому повышению плотности населения на ограниченной территории, которое с трудом обеспечивалось за счет простого присвоения средовых ресурсов, и любое, даже самое незначительное событие естественно-природного или социального характера, нарушающее такое неустойчивое равновесие, могло стать пусковым механизмом к стремлению освоения новой экологической ниши — либо за счет миграции, либо за счет организации экосистемы с частью искусственно регулируемых параметров (монокультурой). В ситуации обедненной ресурсами природной среды существовали естественные ограничения к росту численности населения, вследствие чего могли возникать и определенные социальные адаптации, регулирующие рост численности,— яркий пример дан в цитированной выше работе по древнеиндейскому населению перуанского побережья [14]. В этом случае введение присваивающего хозяйства могло происходить путем заимствования. Освоение экологической системы с одним или несколькими искусственно регулируемыми параметрами на первых этапах отрицательно сказывалось на биологических параметрах популяций и приводило к понижению роста численности населения, падению рождаемости и т. п. После преодоления кризисного состояния, с интенсификацией процесса производства наблюдается положительный градиент изменчивости демографических параметров. Однако долговременного равновесия между параметрами экосистемы с элементами искусственной регуляции (монокультура) и взрывным ростом численности населения при успешном освоении этой экосистемы не возникает. Вероятно, поэтому уже к раннему железному веку в Евразии (а в некоторых регионах, возможно, и раньше) в популяциях с развитым производящим хозяйством наблюдаются элементы кризисного состояния, вызывавшие усиление миграционных явлений и нарастание «конкурентной напряженности». Общим отражением отрицательного влияния подобной кризисной

ситуации является понижение продолжительности жизни, рождаемости и т. п. Преодоление кризисного состояния, вызванного исчерпанием возможностей освоенной экосистемы с элементами искусственного регулирования, могло произойти за счет усиления специализации производящего хозяйства и в конечном итоге создания на этой основе искусственной урбанизированной экосистемы. Выход в новую экосистему повторяет уже известный сценарий: первоначальное ухудшение демографических показателей, вызванное отрицательным влиянием неотлаженных механизмов взаимодействия элементов экосистемы, составной частью которой является человеческая популяция, и последующее постепенное изменение всех биологических показателей в лучшую сторону, что видно из увеличения продолжительности жизни к XIX в. в Европе и что следует из самого факта демографической революции начала XX в., связанной с технологическими достижениями специализированного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В. П.* Палеодемография: содержание и результаты//Историческая демография: проблемы, суждения, задачи/Отв. ред. Поляков Ю. А. М.: Наука, 1989.
2. *Потехина И. Д.* К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине// Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
3. *Романова Г. П.* Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы//Вопр. антропологии. 1989. Вып. 82.
4. *Smith P., Ofer Bar-Yosef, Sillen A.* Archaeological and skeletal evidence for dietary change during the late pleistocene/early holocene in the Levant//POA. Orlando, 1984.
5. *Эрлих В. А.* О населении Западной Сибири в бронзовом веке (обзор литературы)//Историческая демография Сибири/Отв. ред. Васильевский Р. С., Гущин Н. Я. Новосибирск: Наука, 1992.
6. *Мамонова Н. Н., Базалийский В. И.* Могильник «Локомотив». Некоторые биологические и демографические особенности населения китойской культуры (по материалам раскопок 1980—1984 гг.). //Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991.
7. *Rathburn T. A.* Skeletal pathology from the paleolithic through the metal ages in Iran and Iraq//POA. Orlando, 1984.
8. *Angel L.* Health as a crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the eastern Mediterranean//POA. Orlando, 1984.
9. *Гей А. Н.* Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы: по погребальным памятникам Прикубанья//КСИА. 1990. Вып. 201.
10. *Holodnak P.* Methodische Probleme bei der Bestimmung von Populationgrosse in den Latenezeit//Anthropologie (CSSR). 1987. V. 25. № 2.
11. *Крупник И. И.* Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки (включая о-в Святого Лаврентия)//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981.
12. *Koyama S.* Prehistoric Japanese populations: A subsistence — demographic approach//Japanese as a member of the Asian and Pacific populations. Internat. Sympos. 4, Sept. 25—29, 1990, Kyoto, Japan/Ed. Internat. Res. Center Japanese Studies. 1992.
13. *Mensforth R. P.* Paleodemography of the Carlston Annis (Bt-5) Late Archaic skeletal population//AJPA. 1990. V. 82.
14. *Benfer R. A.* The challenges and rewards of sedentism: the preceramic village of Paloma, Peru//POA, Orlando, 1984.
15. *Cook D. C.* Subsistence and health in the Lower Illinois valley: osteological evidence//POA, Orlando, 1984.
16. *Dickel D. N., Schulz P. D., McHenry H. M.* Central California: prehistoric subsistence changes and health//POA. Orlando, 1984.
17. *Ubelaker D.* Prehistoric human biology of Equador: possible temporal trends and cultural correlations//POA, Orlando, 1984.
18. *Martin D. L., Armelagos G. J., Goodman A. H., Van Gerven D. P.* The effects of socioeconomic change in prehistoric Africa: Sudanese Nubia as a case study//POA. Orlando, 1984.
19. *Cohen M. N., Armelagos G. J.* Paleopathology at the origins of agriculture: editor's summation//POA. Orlando, 1984.
20. *Kennedy K. A. R.* Growth, nutrition and pathology in changing paleodemographic settings in South Asia//POA. Orlando, 1984.
21. *Webb S. G.* A palaeodemographic model of late Holocene central Murray aboriginal society, Australia//Human Evolution. 1987. V. 2. № 5.
22. *Brewis A. A., Molloy M. A., Sutton D. G.* Modeling the prehistoric maori population//AJPA. 1990. V. 81.
23. *Кондова Н., Чолаков С.* Палеоантропологични данни за демографските процеси в българските земи през римската епоха//Българска етнография. 1989. Кн. 1.
24. *Романова Г. П.* Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III//

Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа/Отв. ред. Каменецкий И. С. Вып. 1. М.: Наука, 1986.
25. *Perzigian A. J., Tench P. A., Braun D. J.* Prehistoric health in the Ohio river valley//POA. Orlando, 1984.
26. *Storey R.* Perinatal mortality at Pre-Columbian Teotihuacan//AJPA. 1986. V. 69.
27. *Stloukal M.* Paluodemographie der altslawischen Begrabnisstatten Feststellungen und Probleme//Sb. Nar. muz. Praze. 1987. B. 43. № 2—4.
28. *Piontek J., Weber A.* Controversy on paleodemography//Internat. J. Anthropology. 1990. V. 5. № 1.
29. *Hanakova H., Stloukal M.* Slovanske kostry z pohrebiste ve Slapanicich u Brna//Cas. Nar. muz. Praze — rada prirodovedna. 1986. V. 155. № 1—2.
30. *Vandenbroucke J. P.* De levensduur van de mens op volwassen en oudere leeftijd//Pharmaceutisch Weekblad. 1989. № 124.
31. *Bach A.* Mittelalterliche Bevölkerungen im deutsch-slawischen Kontaktgebeit//Sb. Nar. muz. Praze. 1984. B. 43. № 2—4.
32. *Янкаускас Р.* К антропоэкологии средневекового города (по литовским палеоостеологическим материалам)//Антропоэкология средневекового населения Восточной Европы/Отв. ред. Алексеева Т. И. М., 1993.
33. *Худяков Ю. С.* Кыргызские могильники как объекты палеодемографического исследования//Историческая демография Сибири/Отв. ред. Васильевский Р. С., Гущин Н. Я. Новосибирск: Наука, 1992.
34. *Алексеева Т. И., Федосова В. Н.* Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Ч. 1. Антропологический состав. Палеодемография//Вопр. антропологии. 1992. Вып. 86.
35. *Greene D. L., Van Gerven D. P., Armelagos G. J.* Life and death in ancient populations: bones of contentions in paleodemography//Human Evolution. 1986. V. 1. № 3.
36. *Ubelaker D. H.* North American Indian population size, AD 1500 to 1985//AJPA. 1988. V. 77.

Институт археологии РАН,
Москва

V. N. FEDOSOVA

DEVELOPMENT OF THE MODERN PALAEODEMOGRAPHY

(palaeoecological aspects of data analysis)

Summary

Periodical unidirectional changes of dynamics of demographic parameters testify to the fact that from time to time mankind overcomes concequences of some crisis phenomena. For the first time it is seen during the transition to agriculture. Abundance of natural resources could cause an intensive growth of a hunting/gathering population to such extent when the population size and density were hardly provided by the appropriation of natural resources. In such situation any event of natural or social origin could work as a starting mechanism for the population settling in a new ecological niche. It might be either migration or «organization» of an ecosystem with some artificially regulated parameters (monoculture). Going into a new ecosystem is characterized by an initial worsening of the demographic parameters in the human populations caused by a negative influence of the unorganized mechanisms of the interrelations in the ecosystem, and a following gradual change to the better of all biological parameters in the populations adapting to a new ecosystem.

И. Н. ХЛОПИН

ТУРКМЕНСКОЕ КОВРОДЕЛИЕ: ДРЕВНЕЙШИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Когда речь заходит о туркменских коврах, возникает представление о совершенном произведении искусства, которое славится не только на Востоке, но и в странах всего мира. Ворсовые стриженые ковры изготовляют во многих странах, однако только туркменские обладают гипнотическим свойством очаровывать во всех отношениях и прежде всего орнаментом, как четким и ритмичным его построением, так и цветовым решением. Туркменские ковры привлекли внимание исследователей и коллекционеров уже во время присоединения южных областей Средней Азии к Российской империи; тогда, больше 100 лет назад, было положено начало не только их тщательному собиранию, но и первоначальному изучению.

Изучать такой емкий историко-культурный комплекс, как ковер, можно по разным линиям, но мы выбираем одну из них — генетическую, т. е. рассмотрим проблему происхождения и первых шагов ворсового ковроделия.

Иранская эпическая традиция, сохраненная в бессмертной поэме Фирдоуси «Шахнаме», говорит об очень глубоких корнях иранского ковроделия. Она приписывает изобретение этого ремесла третьему легендарному иранскому царю Тахмуресу, сыну Хушенга, внуку Кеюмарса:

«Царь новому делу людей стал учить,—
Овечье руно остригать и сучить;
Учил превращать в одеянье руно,
Ткать так, чтоб ковром становилось оно»
[1, с. 31, строки 729—732].

Впервые восторженно упомянул в XIII в. о реальных туркменских коврах Марко Поло (если уж быть точным, то о турецких коврах в Малой Азии) [2, с. 56]. Самый древний ворсовый ковер был найден С. И. Руденко в 1949 г. на Алтае, в V Пазырыкском кургане, в линзе вечной мерзлоты, которая и обеспечила его консервацию. Размеры ковра 183×200 см, плотность вязки около 3600 двойных узлов в 1 дм^2 [3, табл. CXI—CXVI]. «Независимо от того, чьей работы этот ковер, персидской или мидийской, датировка его временем Ахеменидов, серединой второй половины V в. до н. э., не подлежит сомнению»,— писал в 1968 г. С. И. Руденко [4, с. 55]. Обрывки другого ковра были найдены там же, во II Башадарском кургане, которых оказался древнее V Пазырыкского на целый век; он был вязан полуторным узлом, и ткань его была почти вдвое плотнее [4, с. 59]. Это выдающееся открытие показало, что изготовление ворсовых ковров началось значительно раньше, чем в земледельческом поясе юга появились тюркоязычные скотоводческие племена, с которыми обычно было принято связывать ковроделие вообще.

Археология выступает в качестве арбитра во многих спорных вопросах древней истории и культуры. Для выяснения происхождения ворсового ковроделия она является также главным поставщиком необходимой и неопровержимой информации. Именно раскопки последних двух десятилетий в Юго-Западном Туркменистане позволили заново осветить проблему истоков ворсового ковроделия и представить ее иначе, чем это делали до сих пор.

Могильники эпохи поздней бронзы Сумбар I, Сумбар II и Пархай I в долине среднего течения р. Сумбар, притока Атрека, содержали бесценные материалы для

© И. Н. Хлопин, 1994 г.

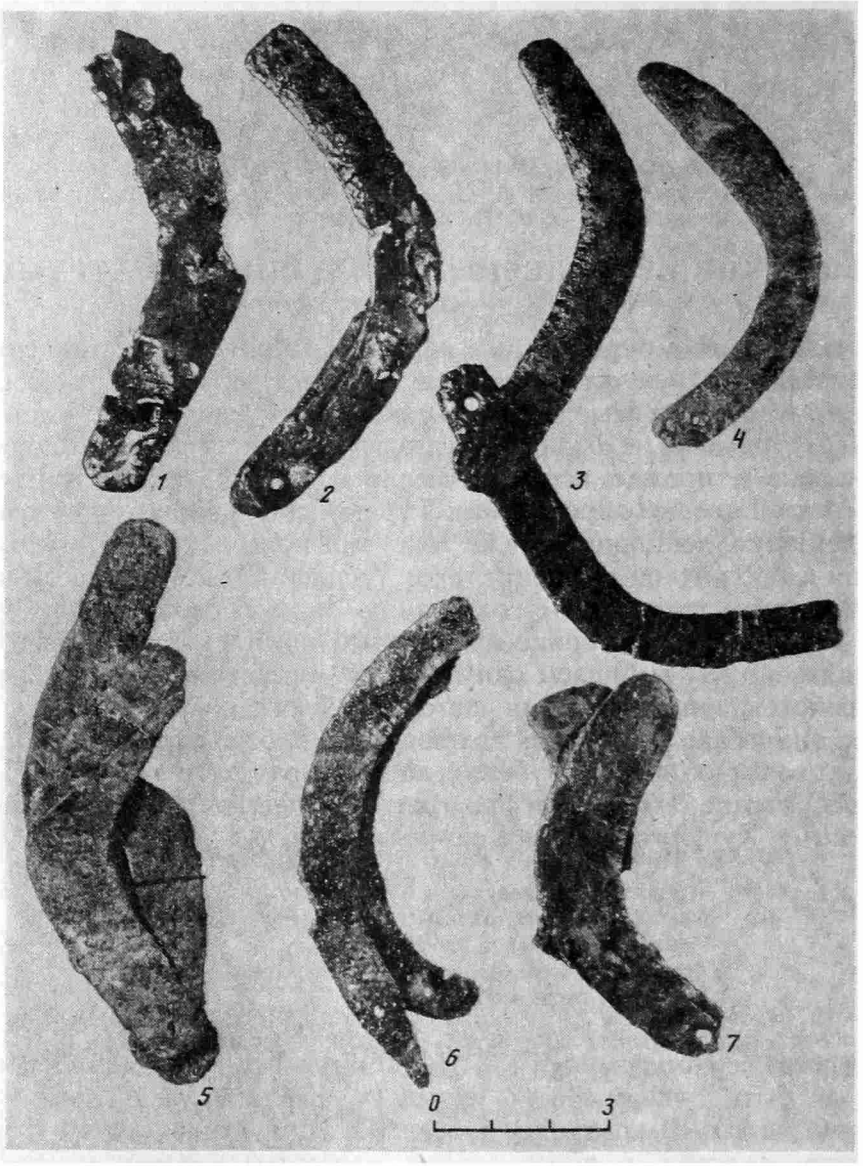
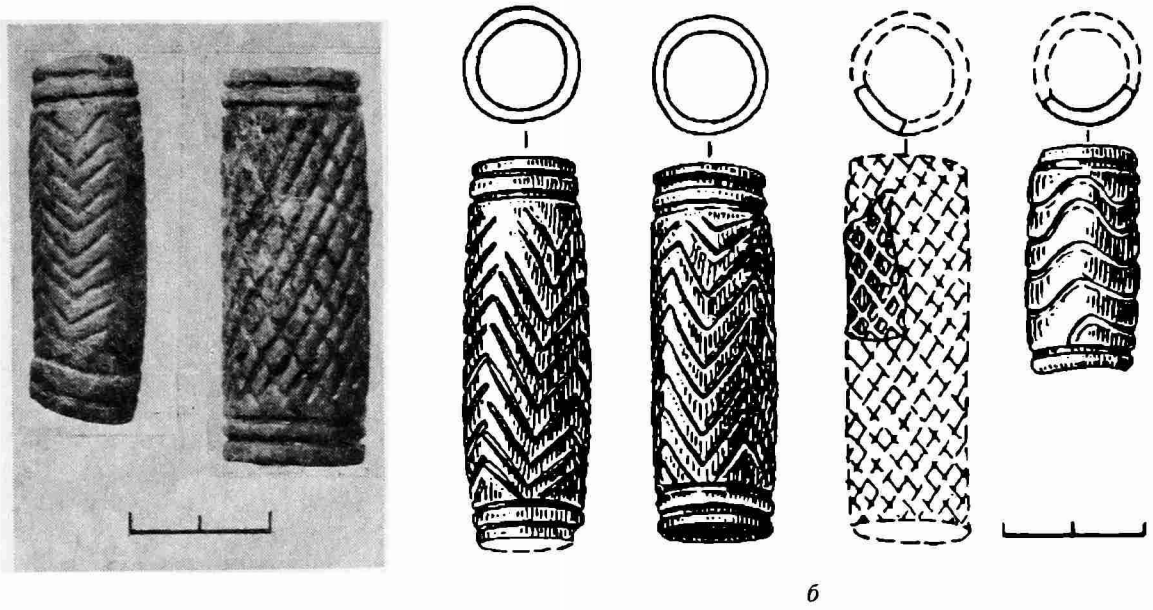


Рис. 1. Бронзовые ковровые ножи эпохи поздней бронзы. *1, 2* — могильник Сумбар I, погр. № 75; *3* — Сумбар I, погр. № 116; *4* — Сумбар I, погр. № 26; *5* — Пархай I, погр. № 11; *6* — Сумбар I, погр. № 16; *7* — Сумбар I, погр. № 50

восстановления некоторых направлений хозяйственной деятельности древнего населения середины и второй половины II тыс. до н. э. [5]. Больше всего находок было связано с обработкой шерсти и изготовлением из нее различных изделий [6; 7].

В погребальном инвентаре женских погребений этих могильников кроме, естественно, определенного набора керамической посуды, были инструменты для обработки шерсти. Самым распространенным (более 45 экз.) было биконическое каменное пряслице — деталь веретена для прядения нитей (одно из них было насажено на длинный бронзовый стержень, что окончательно установило назначение предмета). Наличие их практически во всех женских могилах свидетельствует о том, что в ту пору каждая женщина пряла шерсть; веретено можно считать символом и индикатором женского пола погребенной. Затем следуют бронзовые предметы: спицы (13 комплектов) — стержни около 20—22 см в длину с одним заостренным концом, положенные либо попарно, либо по четыре; иглы (5 пар) с большим ушком; полукруглые пластины с закругленными концами, с отверстием на одном конце и с заточенным выпуклым краем. Последние настолько интересны, оригинальны и неожиданны, что на них следует остановиться специально.



б

Рис. 2. Фаянсовые обоймы рукоятей ковровых ножей эпохи поздней бронзы (*а*, *б*)

Всего в 9 могилах найдено 18 таких пластин длиной 6—9 см; в десятой, ограбленной в древности, от них остались следы в виде зеленых медных окислов на фаянсовых обоймах рукоятей. В ненарушенных погребениях они были у пояса, а отпечатки тканей на некоторых из них указывают, что их хранили в матерчатых чехлах. Впервые они были найдены в 1972 г., но их назначение (ковровые ножи) было определено позднее.

Ковровый нож эпохи поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.) был сложным и узкоспециальным инструментом, предназначенным только для одной операции — перерезания ворсовой нити ковра. Он состоял из 3 частей. Основной рабочей частью была узкая серповидная пластина с заточенным выпуклым лезвием и с отверстием в одном из концов (рис. 1). Количественному спектральному анализу были подвергнуты 12 ножей и оказалось, что 3 из них изготовлены из чистой меди (содержание олова меньше 0,7%), остальные из бронзы с малым содержанием олова (до 5%); однако в 3 предметах олово было заменено свинцом [8]. Другой частью была рукоять, которую делали либо целиком из дерева (она, естественно, не сохранилась), либо деревянную основу рукояти вставляли в фаянсовую трубочку 5—6 см в длину и около 20 мм в диаметре. Наружная поверхность этих обойм часто покрыта прямыми или косыми насечками для фиксации ножа в руке во время работы. На одном из концов трубки, на противоположных сторонах, есть два сквозных отверстия, сквозь которые можно продеть какой-то стержень (рис. 2). В одном случае найдена костяная насадка с двумя отверстиями на верхний конец деревянной рукояти, украшенная насечками (в настоящее время такие насадки в виде металлического колпачка с прорезью бывают у ножей, шильев и подобных инструментов). Третьей частью коврового ножа, которая до нас не дошла, и была деревянная шпилька, скреплявшая в единый инструмент металлическую пластину ножа с рукоятью через отверстия в фаянсовой обойме, в деревянной пробке и в одном из концов пластины.

При изготовлении ковров могли применять и другие приспособления. Большие бронзовые иглы, найденные всегда парами, могли употребляться как современные ширители — адарга: их втыкали вдоль боковых сторон ткущегося ковра и накрепко привязывали к деревянным колышкам, вбитым в землю. Это предохраняло ковер от стягивания уточной нитью. Затем, в двух погребениях женщин-ковровщиц были найдены костяные предметы в виде прямоугольных брусочков высотой

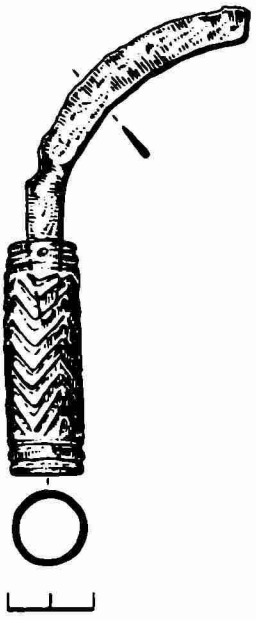


Рис. 3. Ковровый нож эпохи поздней бронзы XIV—XII вв. до н. э. (реконструкция)

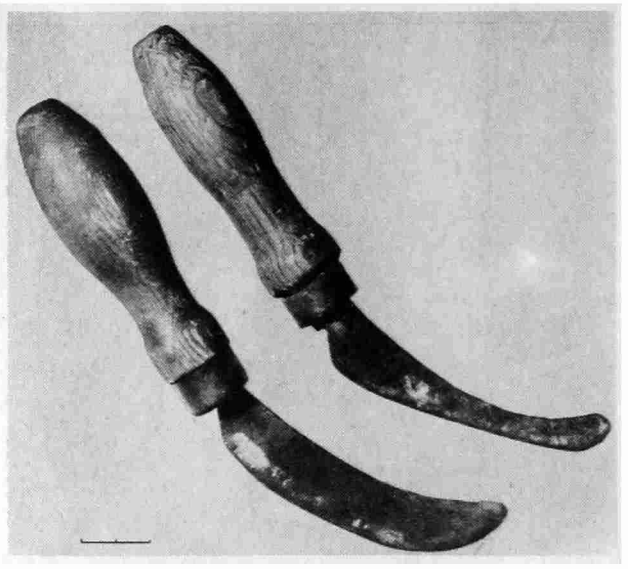


Рис. 4. Современные ковровые ножи

30 мм с отверстиями для подвешивания. Один сохранился плохо, а нижняя плоскость другого имела три параллельных бороздки на равном расстоянии. Похоже, что с помощью этого предмета могли проверять правильность промежутков между натянутыми нитями основы.

Материалы Сумбарских могильников позволили разделить все женское население долины Сумбара эпохи поздней бронзы на три биосоциальные группы: полноценных и полноправных «хозяек», полноценных и неполноправных «невесток», неполноценных и неполноправных женщин, отнесенных к этой категории скорее всего по причине своей бездетности [5, с. 104—109]. Восемь могил с ковровыми ножами принадлежало женщинам первой группы и по одной могиле — женщинам второй и третьей. Следовательно, ковроделие было довольно обычным занятием полноценных и полноправных «хозяек» — этим ремеслом занималась каждая третья женщина названной категории. В других группах ковровщиц было значительно меньше: среди «невесток» — 1 из 11, среди бездетных — 1 из 8. Это показывает, что изготовление ковров было не только сложным, но и привилегированным занятием. Оно было намного почетнее других домашних дел, более грязных и трудоемких. Это не означает, что другие женщины не умели ткать ковры — они могли получить возможность это делать только при достижении ими определенного положения в семье, когда большинство домашних забот стало входить в обязанности других женщин, которые тем самым высвобождали им время для изготовления ковров. Иными словами, изготовление ковров было не только свидетельством достижения высшего мастерства в сфере обработки шерсти, но и показателем престижного положения в семье.

Сложный и совершенный ковровый нож (рис. 3) не мог возникнуть сразу в столь законченном виде. Эта форма, пройдя неизменной сквозь 30—35 веков (!), выдержала испытание временем и дожила до современности. Ножи-кесеры, употребляемые сейчас туркменскими ковровщицами (рис. 4), своей формой не отличаются от инструментов эпохи поздней бронзы. Материал их, конечно, иной: сами ножи изготовлены из железа или стали, их деревянные ручки выточены на токарном станке. Как можно видеть, отработанная и целесообразная форма коврового ножа уже существовала во второй половине II тыс. до н. э., но только в Юго-Восточном Прикаспии, в долине Сумбара и на северной подгорной равнине Эльбурса. Напрашивается вопрос о том, были ли предшественники у ковровых ножей этой формы.

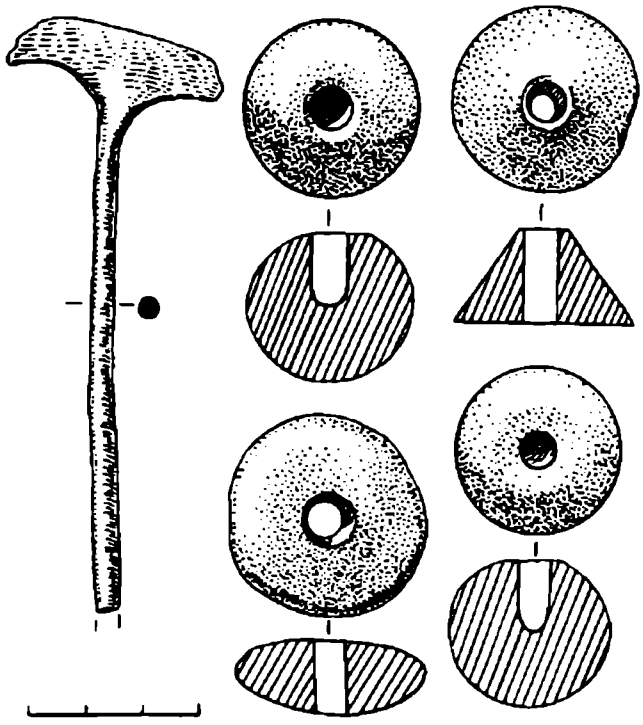


Рис. 5. Комплекс орудий для обработки шерсти из погр. № 262 могильника Пархай II первой половины II тыс. до н. э.

Ответить на этот вопрос стало возможно только после раскопочного сезона 1990 г. на могильнике Пархай II в той же долине Сумбара, и ответить положительно. Уже давно было установлено, что разработанный до мелочей погребальный обряд Сумбарских могильников, в том числе и набор погребального инвентаря, стал постепенно складываться с развитой бронзы (конец III — начало II тыс. до н. э.). Сначала стала оформляться погребальная камера — катакомба, затем выработался стандартный состав посуды. В первой половине и середине II тыс. до н. э. погребальный комплекс сумбарской культуры можно считать практически сформировавшимся: налицо катакомба с одиночным захоронением, а крупные керамические сосуды имели черты как развитой бронзы, так и поздней, что жестко связывало их.

В одном из таких промежуточных, предсумбарских погребений был обнаружен редкий набор предметов, в который входили: мраморное пряслице идеальной усеченно-конической формы, линзообразное каменное пряслице более архаического облика, два каменных шарика около 50 мм в диаметре с коническими отверстиями, доходящими только до центра предмета; а главное, там было изделие из бронзы в виде стержня 130—135 мм длины с утолщением на одном конце и с поперечным полулунным лезвием на другом (рис. 5; 6, *1*). По ассоциации с погребениями ковровщиц из Сумбарских могильников, этот набор был определен как инструменты для обработки шерсти и для работы с ней. Погребенная там женщина старше 50 лет имела в сопровождающем инвентаре ковровый нож более ранней конструкции — цельнометаллический с поперечным лезвием [9, с. 59—61]. Такой предмет был найден в том же могильнике Пархай II еще в 1979 г. (рис. 6, *2*), но тогда его назначение не было понято.

Несколько таких предметов давно известны из раскопок поселения Шах-тепе на северной подгорной равнине Эльбурса (рис. 6, *3*—*5*) [10, с. 301]. Т. Арне интерпретировал их как «жезлы», справедливо отрицая возможность их использования в качестве булавок. Там же было найдено самое крупное орудие такой формы — оно 20 см в длину, расстояние между концами ножа по прямой равно 8 см. Такой же нож (18 см в длину) найден в верхнем строительном горизонте поселения Алтын-депе у Меана в юго-восточной части подгорной равнины Ко-

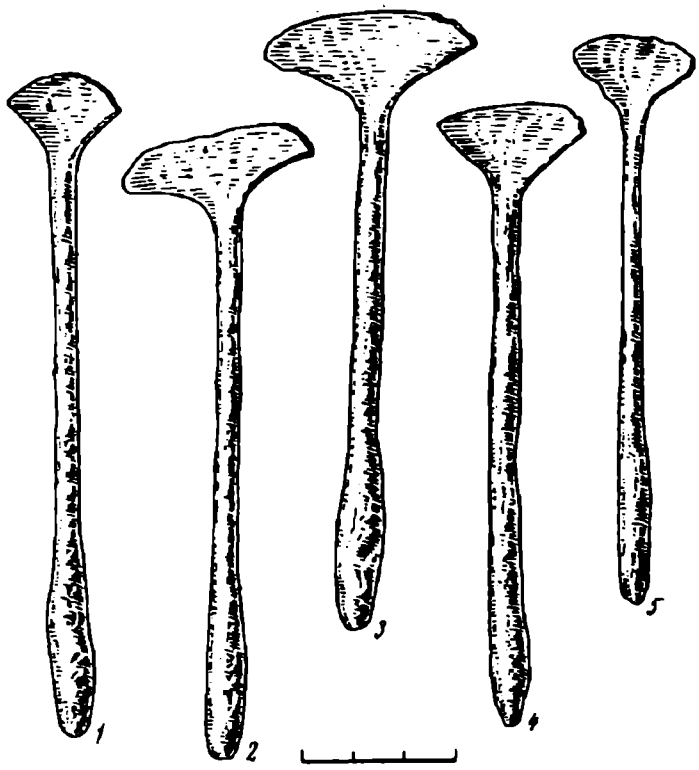


Рис. 6. Цельнометаллические ковровые ножи эпохи бронзы из Юго-Восточного Прикаспия первой половины II тыс. до н. э. (*1*, *2* — могильник Пархай II; *3*—*5* — поселение Шах-тепе)

петдага в 1959 г. [11, с. 218]. Он явно привозной из Юго-Восточного Прикаспия. Из-за величины и массивности эти предметы трудно отнести к ковровым ножам, тем более к булавкам [12, с. 82, 92, табл. XVI, *35*]; скорее всего это ножи для скорняжных или кожевенных работ, какие были в обиходе в Древнем Египте [13, с. 218].

Современные ковровщицы во время работы держат ковровый нож в правой руке, прижимая его к ладони тремя пальцами — большой и указательный остаются свободными. Левой рукой и этими пальцами правой они завязывают узел вокруг нитей основы и опускают его на сотканную часть изделия. В момент соприкосновения узла с этой частью нить перерезается ножом, который по инерции продолжает двигаться вниз вместе с рукой. После ряда узлов пропускается нить утка, а затем плотно прибивается специальным тяжелым гребнем — бердо.

Если сравнить производительность цельнометаллических и составных ковровых ножей, то видно явное преимущество вторых. Для того чтобы перерезать ворсовую нить ножом раннего типа, ковровщица должна была каждый раз поворачивать кисть правой руки в запястье не менее чем на 120°, а затем возвращать ее в исходное положение. Это утомляло руку и замедляло работу. При использовании ножа позднего типа кисть правой руки оставалась неподвижной, так как обрезание нити происходило за счет работы только локтевого сустава. При замене ножей исключалось лишнее движение, что повысило производительность труда.

Новые археологические находки позволяют полностью пересмотреть вопрос об истоках и истории туркменского ковроделия, до сих пор изрядно запутанный. Первой действительно научной работой, посвященной коврам Средней Азии, была большая статья С. М. Дудина, в которой он рассмотрел эти изделия во всех аспектах на уровне научных концепций своего времени [14]. Происхождение ковров он объяснял с позиций господствовавшей тогда теории об изначальности кочевого быта у народов Средней Азии. Согласно ей оседлые народы появились вследствие оседания кочевников на землю и в новом для них земледельческом

хозяйстве надолго сохранили многие черты кочевого быта. Вот что он писал: «Уже одно то обстоятельство, что ковровые изделия — явление, общее для всех стран так называемого мусульманского Востока, границы которых совершенно совпадают с местами расселения кочевников-пастухов в настоящем и не очень отдаленном прошлом, говорит в пользу предположения, что *ковры — продукт именно кочевого пастушеского быта*» (курсив мой.— *И. Х.*). Затем он перечислял все преимущества ковровой ткани, воздавая ей должное, и заканчивал так: «В быту оседлого населения Средней Азии и соседних с нею стран с мусульманским населением ковры... пользуются тем же почетом и любовью, как и у кочевников,... так как здесь (т. е. у оседлого населения.— *И. Х.*) *остаются и по сей день все домашние навыки изжитого кочевого быта*» [14, с. 76, 77].

Однако теоретические рассуждения С. М. Дудина противоречат им же собранному материалу. «По степени распространенности,— писал он,— первое место в обиходе кочевников Средней Азии бесспорно принадлежит войлочным коврам (кошмам), второе — безворсовым тканям, и только третье место — ковровым изделиям с ворсом» [14, с. 78]. Ареалы ворсовых ковров не совпадают с ареалами кочевого населения — они большей частью приняты в быту оседлого населения Южного Туркменистана, которому в то же время незнакомы узорчатые кошмы. Последние концентрируются восточнее, в Киргизии и Восточном Туркестане. Как можно видеть, исследователь старался быть вровень с современными ему историческими концепциями на развитие народов Средней Азии. Сейчас теория оседания кочевников на землю и их превращения в земледельцев уходит в область истории науки [15, с. 217—224].

Несмотря на это через 40 лет после статьи С. М. Дудина старую традиционную точку зрения на происхождение туркменских ковров разделяла известный знаток искусства народов Средней Азии Г. А. Пугаченкова. «Создание туркменского ковра,— писала она,— связано не с земледельческой, а с кочевой или полуоседлой скотоводческой средой» [16, с. 177]. Однако аргументация этого положения представляется нам легковесной. Одновременно Г. А. Пугаченкова отметила сходство ряда узоров на коврах с системой керамической орнаментации из слоев поселений эпохи позднего энеолита и бронзового века Южного Туркменистана, но не смогла объяснить это наблюдение [16, с. 22—24].

Были и иные мнения. В 1977 г. этнограф А. С. Давыдов, основываясь на этнографических наблюдениях, писал о начале изготовления ворсовых ковров оседлым населением Средней Азии, которое почему-то назвал таджиками и их предками [17, с. 161—163]. Однако время возникновения этого ремесла им не было определено. Нет ответа на этот вопрос и в исчерпывающем труде В. Г. Мошковой [18], который с полным основанием можно считать энциклопедией среднеазиатского ковроделия.

Как можно видеть, сейчас накоплены материалы, которые уже не позволяют рассматривать вопрос об истоках туркменского ковроделия со старых позиций. Вопрос должен быть поставлен заново на основании двух групп объективных фактов: инструментов, которые могут быть связаны только с изготовлением ворсовых ковров, и орнаментального комплекса энеолита и бронзового века, сохранившегося на керамике того времени.

На поселениях эпохи бронзы подгорных равнин Копетдага и Гиндукуша, а также Среднеазиатского междуречья за многие десятилетия археологических раскопок не найдено ни одного бронзового предмета, который можно было бы определить как ковровый нож. Известно, что значительная часть населения долины Сумбара ушла на северную подгорную равнину Копетдага в эпоху ранней бронзы, во второй половине III тыс. до н. э. Серая керамика пришельцев найдена там в изобилии, медные биспиральные головные булавки тоже, но ковровых ножей там нет; в это время их нет и в месте исхода. Это объясняется тем, что во время массового исхода населения из долины Сумбара там еще не умели делать ворсовые ковры. Следовательно, ковроделие в Юго-Западном Туркменистане возникло уже после ликвидации относительного перенаселения и его первые шаги можно датировать не ранее конца III тыс. до н. э., а скорее всего — началом

II тыс. до н. э. Похоже на то, что производство ворсовых ковров стало таким же «секретным» промыслом местного населения, каким долгие столетия было изготовление посуды серо-черного цвета.

Несколько странным выглядит несовпадение ареалов ковровых ножей и керамической орнаментации «коврового» стиля, характерной для памятников ранней бронзы северной подгорной равнины Копетдага. Эти узоры настолько разнообразны и оригинальны, что можно говорить о сложении в то время основных канонов древней иранской геометрической орнаментации. Все это многообразие узоров возникло и развилось на месте. Отсутствие керамики с такой орнаментацией в Юго-Восточном Прикаспии еще не означает отсутствие орнаментации вообще. Можно предположить, что в Юго-Восточном Прикаспии ковровые узоры наносили на бытовые предметы из органических материалов; эти предметы не сохранились, а традиция орнаментации продолжалась. Так оригинальные ковродельческие инструменты совместились во времени и в пространстве с системой керамической орнаментации, что раньше не представлялось возможным проследить. Выяснилось и фактическое отсутствие разрыва между орнаментацией древней керамики и современных туркменских ковров.

Поскольку кардинальной смены населения в Южном Туркменистане не наблюдается, надо считать, что искусство ворсового ковроделия было донесено до этнографической современности предками того населения, которое и доныне обитает в Юго-Восточном Прикаспии, т. е. оседлыми туркменскими племенами. Последние являются потомками древних иранцев, конкретнее — гирканцев, которые в I тыс. н. э. были тюркизированы в языковом отношении и исламизированы в религиозном. Следовательно, отнюдь не все туркменские племена следует считать пришедшими с востока; многие из них — потомки первоначального иранского этноса и его культуры. Можно сказать, что древние ковровые ножи помогли новой постановке вопроса важной этногенетической проблемы происхождения туркменского народа.

Причислив изготовление ворсовых ковров к традиционным отраслям домашнего производства оседлого земледельческого населения юго-западных областей Средней Азии, мы не хотим лишить кочевое население этих мест уменья изготовлять из шерсти другие термоизолирующие материалы. Именно у кочевников возникло, развилось и частично проникло в земледельческий быт прекрасное ремесло — изготовление валяных шерстяных кошм. В исконных кочевых областях Средней Азии и Казахстана есть много разновидностей валяных ковров красивой и яркой расцветки, отмечается разная степень сложности их производства. Все это указывает на местные корни искусства владения исходным материалом и техникой его обработки. Ворсовый ковер на специальном станке изготовляется несколько месяцев, а кошма — в течение одного дня. Для этого нужны лишь ровная утрамбованная площадка не более 20—25 м^2, специальная тростниковая циновка и длинные волосяные веревки. Следует добавить, что кошма является продуктом коллективного труда — в ее изготовлении принимают участие не только женщины данной семьи, но и соседки. Интересно отметить, что в Южном Туркменистане, в области первоначального ковроделия, производство кошм самое простое: там известен всего один технологический цикл без всяких вариантов. Это со всей определенностью доказывает, что впредь надо разделять ныне существующие разновидности шерстяных ковров по их происхождению: оседлый земледельческий быт породил ворсовый ковер, а кочевой и полукочевой скотоводческий — валяную кошму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фирдоуси А.* Шахнаме. Т. I. М., 1957. (пер. Ц. Б. Бану-Лахути).
2. Книга Марко Поло. Пер. И. П. Минаева. М., 1956.
3. *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
4. *Руденко С. И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968.
5. *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.

6. *Хлопин И. Н.* Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы//КСИА. 1980. Вып. 161.
7. *Khlopin I. N.* The Manufacture of Pile Carpets in Bronze Age Central Asia//Hali. 1982. V. 5. № 2.
8. *Галибин В. А.* Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников//Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Приложение 2. Л., 1983.
9. *Хлопин И. Н.* Еще раз о древности туркменского ковроделия//Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. докл. СПб., 1992.
10. *Arne T. J.* Excavations at Shah-tépé, Iran. Stockholm, 1945.
11. *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Депе//СА. 1967. № 4.
12. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии//САИ. 1966. Вып. 4—9.
13. *Лурье И. М.* История техники Древнего Египта//Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940.
14. *Дудин С. М.* Ковровые изделия Средней Азии/Сб. МАЭ. 1928. Т. VII.
15. *Хлопин И. Н.* Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
16. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана. М., 1967.
17. *Давыдов А. С.* О прохождении ковроделия в Средней Азии//Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Душанбе, 1977.
18. *Мошкова В. Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Ташкент: ФАН, 1990.

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

I. N. KHLOPIN

THE MOST ANCIENT TOOLS USED IN THE TURKMEN CARPET MAKING

Summary

The article deals with the place and time of the earliest appearance of the Turkmen wollen piled carpets manufacture. Investigations of the developed and Late Bronze Age settlements in Sumbar valley shew that the modern shape of a compound carpet knife had already existed in the second half of the 2nd millennium B. C. (fig. 1—3). This shape had been preceded by a whole metal carpet knife in the shape of a bronze bar with a transverse half-moon-shaped blade at one of the ends (fig. 6). Both shapes were known before but the explanation has been found recently. The author draws a conclusion that the piled carpet manufacture began among the Iranian agricultural tribes in the south-west of the Middle Asia at the end of the 3rd — beginning of the 2nd millennium B. C. This handicraft has survived changeless among the Turkmens till nowadays. This fact proves the local origin of some Turkmen tribes.

Е. В. АНТОНОВА

ЗНАКИ ПРЕСТИЖА И ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ АРХАИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

(на материале могильника Сумбар I)

Банально звучит признание трудностей выявления социально выдвинутых лиц в обществах поздней первобытности, которые в нашей литературе все шире (вслед за западными исследователями) именуют вождествами. Эти трудности — следствие незавершенности в таких обществах процессов общественной дифференциации, сохранения признаков эгалитарности, относительно низкого уровня материального богатства, еще не концентрирующегося в руках лидеров. Трудно поэтому выделяются вещественные признаки высокого общественного статуса, которые могли бы сопровождать умершего. Тем не менее такие вещи явно есть — это встречающиеся в небольшом количестве в погребальном инвентаре предметы вооружения или украшения, элементы костюма. В настоящей заметке мы имеем целью показать, что исследование особенностей набора таких вещей проливает свет на некоторые характеристики лидеров и понимание современниками их функций. Материалом послужили находки в могильнике на юге Туркмении Сумбар I, расположенном в долине речки того же названия, притока Атрека [1].

Могильник относится к эпохе поздней бронзы, он синхронен периоду Намазга VI анауской культуры. Всесторонний анализ инвентаря, наличие антропологических определений, достаточно полная публикация данных — все это делает материалы раскопок И. Н. Хлопина открытыми для других исследователей — случай не такой уже частый в нашей науке. Стимулом к работе в интересующем нас направлении служат и разнообразные историко-культурные реконструкции, предложенные автором. В инвентаре погребений могильника И. Н. Хлопин выделил группу особых вещей, к которым отнес каменные навершия, лентообразные металлические «диадемы» и широкие браслеты — «наручи». Нас заинтересовали навершия, небольшое число которых, их принадлежность выделяющимся по разным признакам погребениям, наконец, особый статус этих вещей в древней Передней Азии, где они были знаком престижа или власти,— все заставляет обратить на них внимание [2, с. 70—72].

Навершй найдено всего 12, из них 1 — вне погребения. Они отнесены к трем группам по форме и цвету: сферические серо-белые (4 экз.), грушевидные белые (5 экз.), с выделенной шейкой черные (3 экз.). Автор публикации счел возможным разделить эти внешне сходные вещи на две группы — навершия предметов типа посохов и навершия булав. К первым отнесены навершия, превышающие вес средневековых булав и имеющие относительно небольшой диаметр отверстия, что, по мнению И. Н. Хлопина, препятствовало их использованию в качестве оружия. Расположение предполагаемых булав в непотревоженных погребениях позволяет предположить, что их носили на коротком (40—50 см) древке у пояса (таких погребений четыре) [1, с. 24]. Положение же белых грушевидных наверший как будто указывает на то, что они венчали длинные палки, хотя основанием для такого заключения служит всего один случай: в погр. 115 такое навершие находилось перед лицом погребенного [1, с. 149].

И. Н. Хлопин считает знаками престижа лишь навершия посохов (белого и черного цвета, 7 экз.), относя навершия булав к оружию [1, с. 24]. Нам кажется, что имеющиеся данные пока не позволяют предполагать это с полной уверен-

© Е. В. Антонова, 1994 г.

Таблица

Находки	Погребения		
	мужские с навершиями (9)	мужские без наверший (27)	женские (40)
«Диадема»	1	2	1
«Наруч»	2	2	—
Височные кольца	1	—	12
Серьги трехбусинные	1	—	1
Серьги-кольца	—	6	6
Бляхи	2	4	12
Пронизки на головном уборе	1	—	1
«Бусы-амулеты» каменные	2	5	9
Бусы бронзовые	1	2	5
Пуговицы костяные	1	1	—
Панцирь черепахи	1	—	12
Альчики	1	15	21
Кости бараньи	2	3	9

ностью. В то же время есть основания подходить к вещам двух предположительно выделенных категорий как к единой группе наверший — предметов близкой или одной функции — и как к одному социальному знаку. Основания для этого излагаются в ходе анализа.

Во всех погребениях с навершиями, где сохранились костяки, они принадлежали мужчинам, возраст которых определен в одном случае как взрослый, в остальных — 21—23, 30—35, 40—45, 50—60 и лишь в одном случае — 12—14 лет. В публикации содержатся сведения о 36 мужских погребениях; общее их количество — 80 [1, рис. 21]. Обратимся к инвентарю погребений с навершиями, начав с предметов вооружения.

Из 9 погребений с навершиями предметы вооружения отсутствовали в 6; в 2 найдены наконечники стрел, в 2 — наконечники копий, в 2 — дротиков. В остальных 27 погребениях мужчин могильника Сумбар I оружия не было в 14; в 13 найдено: в 5 — наконечники стрел, в 1 — наконечник копья, в 2 — наконечники дротиков и в 1 — кинжал. Таким образом, выявляется тенденция: в погребениях с навершиями предметы вооружения встречаются реже, чем в прочих погребениях мужчин: в первых они отсутствуют в $^{2}/_{3}$, во вторых — в половине случаев. В то же время в погр. 115 (с белым навершием перед лицом) найдены наконечник стрелы, наконечник копья и нож [1, с. 79].

Не менее примечательны результаты наблюдений за распределением украшений, амулетов и некоторых других предметов инвентаря в погребениях с навершиями, в прочих мужских погребениях и в погребениях женщин (см. таблицу).

«Диадемы» — бронзовые лентообразные головные украшения с пуансонным орнаментом — по преимуществу принадлежность погребений мужчин с навершиями (в 1 из 9, в то время как в других погребениях мужчин они в 2 из 27, в женских же — в 1 из 40). Только в погребениях первой группы и в женских найдены пронизки, украшавшие головной убор. Только мужчины носили широкие бронзовые браслеты-«наручи», при этом в погребениях с навершиями они встречаются чаще. Только в погребениях мужчин с навершиями и женщин найдены височные кольца, трехбусинные серьги и панцири черепах. Близка у этих двух групп и встречаемость бронзовых бус и костей баранов, более редких в погребениях мужчин. В то же время мужчины с навершиями как будто не носили кольцеобразных серег, распространенных у остальных мужчин и женщин.

Погребения с навершиями расположены разбросанно по всей раскопанной площади. Рядом находились лишь два: № 84 — подростка 12—14 лет и № 87 — мужчины 30—35 лет [1, с. 145]. Они сходны по особенностям конструкции могилы и положению костяка. В погребении мужчины черное навершие находилось перед лицом, «наруч» на правой руке, были 2 трехбусинные серьги, 5 каменных бус и 10 сосудов, но нет оружия. Положение навершия белого цвета в погребении подростка позволяет предположить, что оно венчало предмет, находившийся у пояса. В погребении также найдены две каменные бусины и не менее семи сосудов. Кроме того, в погребении подростка в отличие от погребения мужчины найден панцирь черепахи и кости барана. Несколько различаются в этих двух погребениях наборы сосудов. Особое место этих погребений и общность многих признаков позволяют предполагать, что они могли принадлежать членам одной семьи в отличие от других погребений с навершиями, разбросанных по всей территории некрополя.

При всей ограниченности имеющихся данных, как нам кажется, выявляется определенная тенденция в наборе инвентаря мужчин, погребенных с навершиями. В них относительно мало предметов вооружения, но среди имеющихся относительно много наконечников копий и дротиков. Мужчины с навершиями чаще прочих носили «диадемы», широкие браслеты. Наконец, у них есть исключительно женские украшения, что отметивший эту особенность И. Н. Хлопин считает случайностью [1, с. 82]. Мы склонны думать иначе. Сочетание трех признаков — наличия наверший, относительно небольшого числа предметов вооружения и наличия «женского» инвентаря симптоматично: оно указывает на некоторые характеристики и функции этих социально выдвинутых лиц. Примечательно, что «женские» украшения не найдены в погребении подростка, что не позволяет интерпретировать их как знаки младшей возрастной категории мужской половины общества.

Сочетание в погребениях мужчин с навершиями признаков как мужского, так и женского инвентаря, показывает, что эти люди, вероятные лидеры, считались носителями как мужского, так и женского начала. Это явление хорошо известно этнографам и религиеведам. Л. Я. Штернберг посвятил ему специальную работу [3]. Шаманы Сибири и Дальнего Востока у некоторых народов могли обнаруживать в костюме и поведении признаки противоположного пола — это было следствием того, что их духи-покровители принадлежали к нему. Так, у якутов шаман обычно носил девичью куртку, а на халате — железные круги, изображающие груди, он мог заплетать волосы по-женски. Аналогичные особенности наблюдались у самоедов и гольдов. Смысл этого, согласно Л. Я. Штернбергу, в том, что дух противоположного пола вселяется в своего избранника, поэтому тот приобретает его черты. В крайних случаях, если дух вселялся навсегда, была возможна даже перемена пола [3, с. 159].

Такой религиозный травестизм обнаруживается у древних народов Востока, где существовали жрецы-травестисты, служители женских божеств. Идея сексуального избранничества лежит в основе индийского шактизма: сверхъестественная сила может быть приобретена лишь путем общения с особыми женскими существами — шакти, творческими элементами космоса. Шакти бога Вишну — Лакшми, Шивы — Парвати и т. д. Главное назначение этих шакти — борьба со злыми духами, как и шаманских духов [3, с. 160, 161].

Можно также вспомнить энареев — «женоподобных мужчин» у скифов, гадателей и прорицателей, которые, по их словам, донесенным Геродотом, были обязаны своим даром Афродите (Herod. IV, 67).

Духи в архаических обществах находили избранников, позднее их стали искать целенаправленно. Один из путей нахождения таких покровителей — совершение обряда «священного брака», известного у многих народов древности; его, в частности, совершали вожди, а затем цари государств Месопотамии.

Таким образом, предполагаемые лидеры, останки которых найдены в могильнике Сумбар I, могли быть не только руководителями в повседневной жизни,

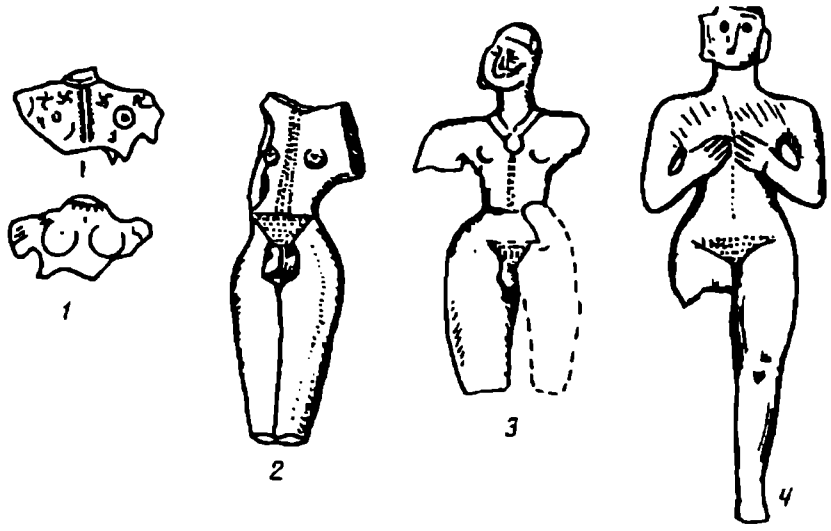


Рис. 1. Антропоморфные статуэтки. *1—3* — фигурки с признаками женского и мужского пола; *4* — женская фигурка (*1* — Тали-Бакун; *2* — Гоч-депе, Южная Туркмения; *3*, *4* — Тюренг-Тепе)

но и обрядовыми предводителями, обладавшими духами-покровительницами. Это наделяло их особой творческой энергией, способностью воздействовать на природу, поскольку они были носителями двух начал. Можно предполагать, что навершие было не столько предметом вооружения, сколько знаком социального статуса, при этом его символика могла содержать и фаллические ассоциации.

О том, что обитатели Южной Туркмении и их соседи в энеолитическое время и в эпоху бронзы представляли себе своих мифологических покровителей в виде двуполых существ, свидетельствуют антропоморфные статуэтки (рис. 1) [4, с. 63, 66, 76, 77; 5; 6, табл. XV]. Правда, такие статуэтки не известны у носителей культуры, оставивших некрополь Сумбар I, которые, судя по всему, их практически не изготавливали. Отсутствие этих статуэток не может, однако, служить основанием для отрицания охарактеризованных выше представлений, тем более что двуполые фигурки известны в культурах соседнего Ирана. Как проявление женской стороны натуры мифологических покровителей можно рассматривать и женоподобный облик статуэток анауской культуры эпохи бронзы. Женские признаки отмечали и у статуэток минойской культуры [7, с. 261].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хлопин И. Н.* Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983.
2. *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. P., 1984.
3. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
4. *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977.
5. *Ляпин А. А., Масимов И. С.* Обследование памятников ранней бронзы//АО-1973. М.: Наука, 1974.
6. *Wulsin F. R.* Excavations at Tureng Tepe near Asterabad//Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology. 1932. V. 2.
7. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

Институт востоковедения РАН,
Москва

E. V. ANTONOVA

PRESTIGE SYMBOLS AND ONE OF THE ARCHAIC LEADERS SIGNS

(materials from Sumbar I burial ground)

Summary

The author tries to reconstruct some signs of a public leader lived in the Late Bronze Age. The reconstruction is based on the materials found in Sumbar I burial ground in the Southern Turkmenistan. Some artifacts typical for the female burials were found in the male graves belonging to the people of a high social position which is proved by presence of maces and staves. Presence of both „male" and „female" artifacts in the graves of possible leaders testifies that they were considered to be not only of male but also of female origin. The author connects it with the beliefs in people chosen by a spirit or a god belonging to an opposite sex. Such kind of beliefs were widely spread in the ancient and traditional societies and often connected with social leaders. It's also remarkable that the anthropomorphous male statuettes spread widely in the Middle Asia and outside it contains evident female features.

Публикации

В. М. КЛЕПИКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ У ХУТОРА ШЛЯХОВСКИЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В 1989 г. археологическая экспедиция Волгоградского государственного университета исследовала курганы на территории Фроловского района Волгоградской обл., северо-западнее хут. Шляховский (рис. 1, *1*). В курганной группе Шляховский II, расположенной на возвышенности недалеко от километрового столба 113 км трассы Волгоград — Москва, под насыпью кургана 3 обнаружены два погребения энеолитического времени. Курган имел небольшую, сильно распаханную насыпь диаметром 20 м, высотой 0,68 м. Всего в кургане исследовано четыре погребения: два энеолитических (№ 3 и 4) и два впускных безынвентарных (костяки — в положении скорченно на боку), видимо, эпохи бронзы (№ 1, 2) (рис. 1, *2*).

Погребение 3 было обнаружено на расстоянии 3 км к юго-западу от центрального репера. Могильная яма имела подпрямоугольную форму и длинной осью была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Углы сильно закруглены, особенно в юго-западной части ямы. Длина 1,94 м, ширина 1,1 м, глубина от уровня древней поверхности — 0,58 м. Яма засыпана мешаной землей с большой примесью материковой глины, поэтому очертания могилы четко фиксировались лишь при отбивке стенок. На дне ямы лежал скелет мужчины 35—40 лет на спине с подогнутыми ногами, головой ориентированный на северо-восток. Череп был раздавлен землей, руки вытянуты вдоль тела, ноги согнуты в коленях и, вероятно, были подняты вверх, а затем завалились вправо. Берцовые кости расщеплены. Весь скелет обильно посыпан охрой (рис. 1, *4*).

Над правым плечом погребенного лежал кремневый топор вытянутой треугольной формы. Боковые грани оформлены отжимной ретушью, рабочий край отшлифован с обеих сторон. Длина топора 14,3 см, ширина рабочего края 7 см, толщина 1,5 см, сечение линзовидное (рис. 2, *1*).

Вместе с кремневым топором находилось аргиллитовое тесло вытянутой формы. Поверхность тщательно отшлифована. Боковые края округлые. Тесло треугольной формы. Рабочий край отшлифован с обеих сторон. Длина 10,2 см, ширина рабочего края 5,4, толщина 1,6 см (рис. 2, *2*).

Под правой лопаткой погребенного лежал кусок охры. Еще один, больших размеров, найден между бедренной и берцовой костями левой ноги погребенного. Рядом со вторым куском охры, частично под ним, за левой ногой покойника обнаружено навершие из диорита, известное в литературе как «скипетр». Поверхность отполирована. Боковые поверхности орнаментированы по краю двумя валиками, пересеченными таким же валиком, опоясывающим навершие в наиболее широкой передней части. Обушок увенчан выступом (цапфой). Обушная часть не заполирована, поверхность в этом месте стерта, как стерты и боковые поверхности цапфы. Длина навершия 16,4 см, наибольшая ширина передней части 6 см, толщина 2,8 см (рис. 2, *3*).

© В. М. Клепиков, 1994 г.

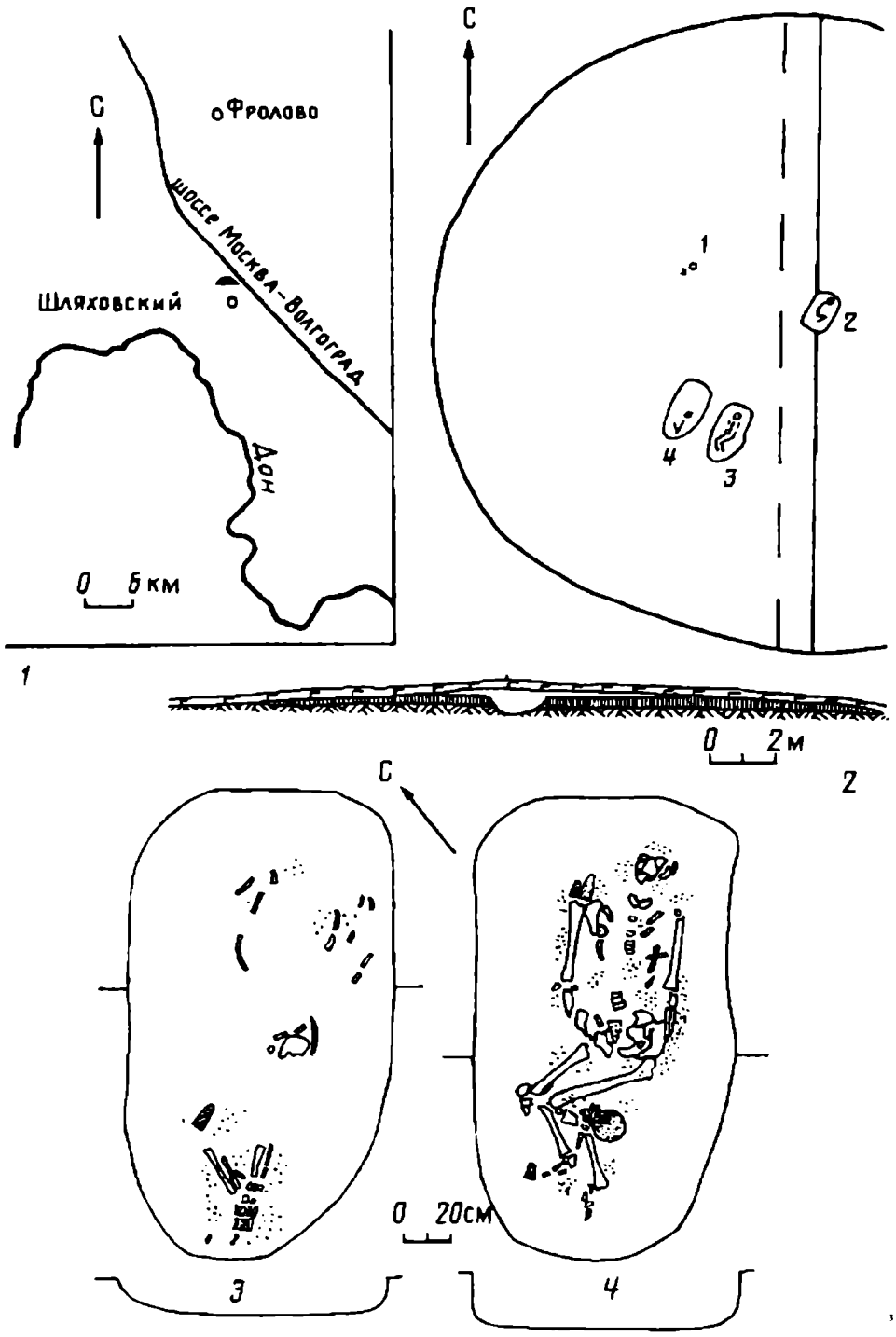


Рис. 1. Погребения у хут. Шляховский. *1* — схема расположения могильника Шляховский II; *2* — план и профиль кургана 3; *3* — план погребения 4; *4* — план погребения 3

Возле «скипетра» лежали три кремневых отщепа, два из которых выполнены в виде концевых скребков с рабочими концами, обработанными мелкой отжимной ретушью. Третий отщеп представлял собой заготовку для концевого скребка (рис. 3, *1*).

Под скипетром обнаружен двусторонний кремневый наконечник дротика треугольной формы. Основание и боковые грани обработаны мелкой ретушью. Длина наконечника 6,7 см, ширина основания 4,7, толщина — 0,7 см (рис. 3, *2*).

У локтя правой руки лежал обломок острия ножевидной кремневой пластины,

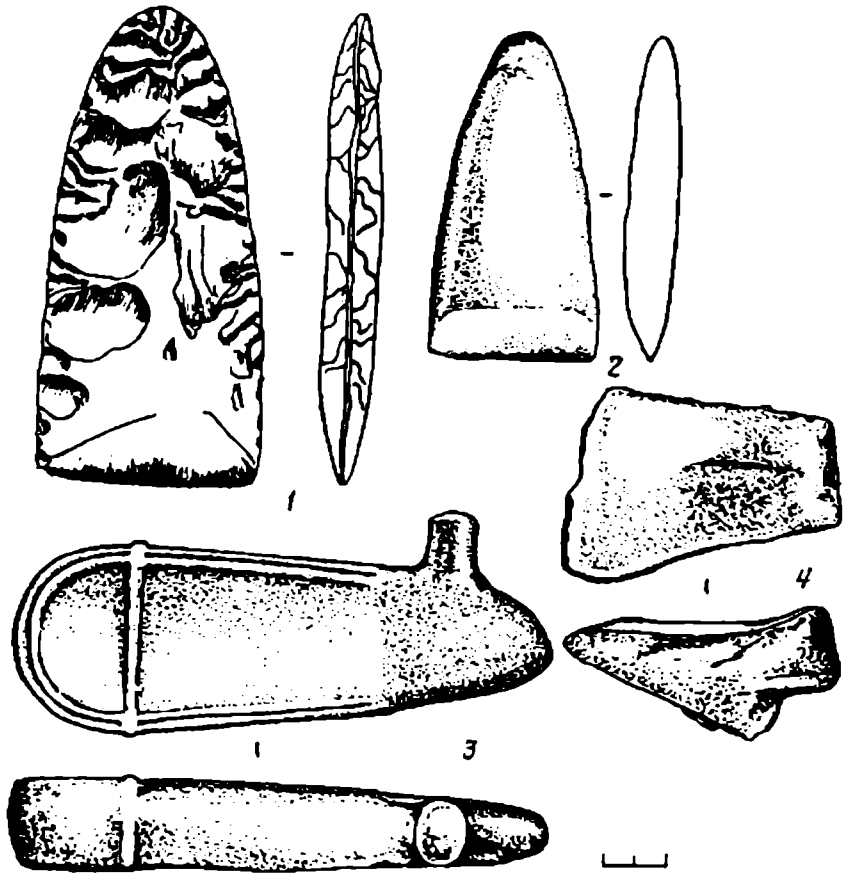


Рис. 2. Инвентарь погребения 3. *1* — кремневый топор; *2* — аргиллитовое тесло; *3* — диоритовое навершие; *4* — абразив

треугольной в сечении. Рабочие края оформлены мелкой ретушью. Остальная часть кремневого ножа обнаружена в соседнем погребении 4 (рис. 3, *3*).

Рядом с пальцами правой ноги погребенного был обнаружен точильный камень. Это неправильной формы кусок песчаника с ровной, слабо вогнутой рабочей поверхностью, на которой сохранились желобки от заточки (рис. 2, *4*).

Погребение 4 обнаружено в 0,35 м к северо-западу от погребения 3 и располагалось параллельно ему. Подпрямоугольная яма с сильно закругленными в юго-западной части углами имела длину 1,98 м, ширину 1,1 м, глубину от уровня древней поверхности — 0,49 м. Могильная яма была засыпана землей с сильной примесью материковой глины и интенсивно перекапывалась грызунами. На дне ямы находились остатки скелета взрослого человека. Череп отсутствовал, кости рук плохой сохранности найдены в беспорядке в засыпи могилы. На дне разрозненно лежали ребра и фаланги пальцев рук. Непотревоженно сохранились левое крыло таза и берцовые кости ног с костями плюсны. Судя по костным остаткам, погребенный лежал на спине головой на северо-восток. Ноги погребенного были разведены в коленях и сведены пятками. Дно ямы и кости покойника обильно посыпаны охрой (рис. 1, *3*).

У тазовой кости найдена вторая часть ножевидной пластины, острие которой было обнаружено в погребении 3. Вместе части пластины составили кремневый нож с острым концом и острыми боковыми краями, обработанными мелкой ретушью. Нож был выполнен из треугольной в сечении пластины и заужен в черешковой части. Длина ножа 22,1 см, ширина — 3,3, толщина — 0,65 см (рис. 3, *3*).

В области предполагаемого колена правой ноги найден кремневый топор вытянутой треугольной формы, чрезвычайно близкий по форме, материалу, технике обработки и размерам кремневому топору из погребения 3. Длина топора 13,9 см, ширина рабочего края 7 см, толщина 1,4 см, сечение линзовидное (рис. 3, *4*).

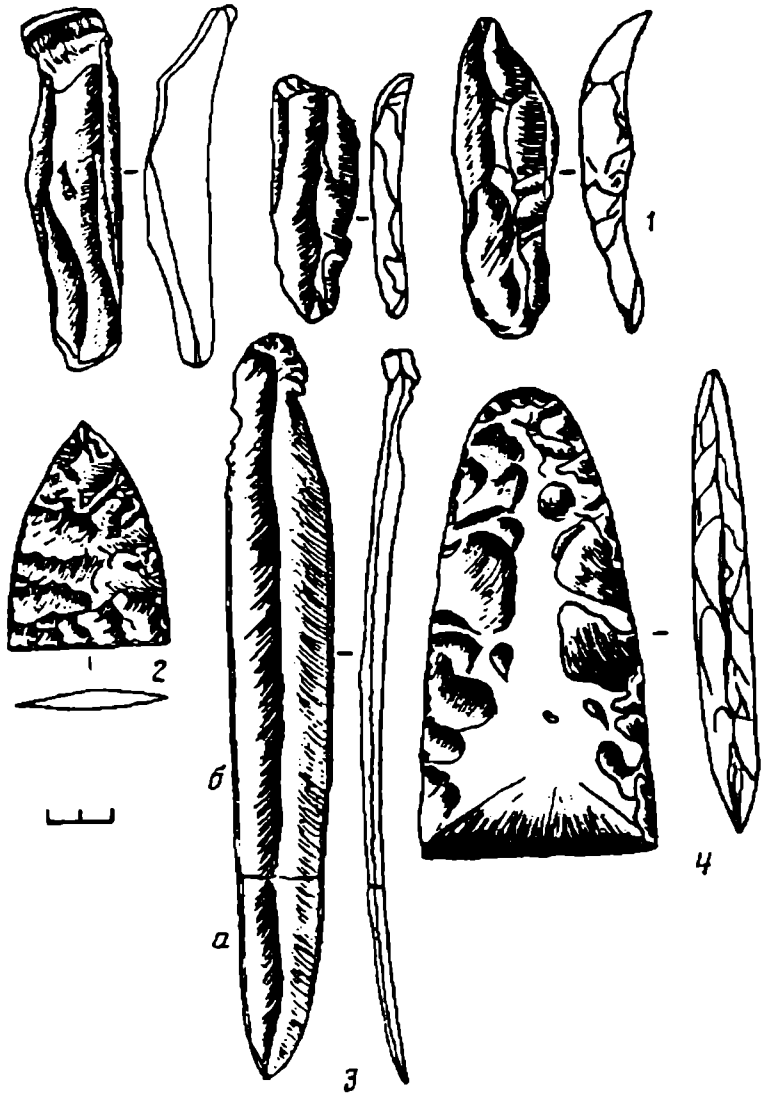


Рис. 3. Инвентарь погребений 3 и 4. *1* — кремневые концевые скребки из погребения 3; *2* — кремневый наконечник дротика из погребения 3; *3* — кремневый нож из погребения 3 (*а*) и погребения 4 (*б*); *4* — кремневый топор из погребения 4

Погребения 3 и 4 были сооружены одновременно, о чем свидетельствуют две смыкающиеся части кремневого ножа, брошенные в обе ямы, видимо, в процессе исполнения погребального обряда.

Описанные выше погребения пополняют немногочисленный ряд древнейших подкурганных памятников эпохи позднего энеолита в степной зоне Волго-Донского междуречья. Погребальный обряд и сопутствующий инвентарь: могильные ямы подпрямоугольно-округлой формы, положение умерших на спине с подогнутыми ногами, северо-восточная ориентировка, обильная посыпка охрой, топоры, тесло, нож, наконечник дротика, концевые скребки, абразив, навершие — все это имеет прямые аналогии в материалах хвалынской и среднестоговской культур.

Зооморфный «скипетр» из погребения 3 относится ко второму, схематичному типу наверший по классификации В. Н. Даниленко [1, с. 94—96]. «Скипетры» достаточно широко представлены в степной и лесостепной зоне от Волги до Балкан. Причем для западных территорий характерно преобладание реалистических, первого типа, изображений, а восточная зона дает преимущественно схематичный тип. Навершие из хут. Шляховский подтверждает такое разделение.

Хронологически первый тип наверший является более ранним, что неоднократно отмечалось исследователями [2, с. 196, 197; 3, с. 145, 146].

Не вызывает возражений и мысль В. Я. Киященко о развитии образа, воплощенного в «скипетрах», от конкретного к абстрактному, от реалистического изображения к схематическому [3, с. 145]. Все это позволяет говорить о распространении «скипетров» с запада на восток. В то же время следует уточнить, что идея «скипетра», пришедшая с запада, реализовывалась скорее всего на месте. Косвенным подтверждением этого может служить группа наверший, традиционно трактуемых как схематичные изображения головы взнузданного коня, из Куйбышева [4, с. 69—71], Хлопковского могильника [5, с. 189, 190], Архары [6, с. 93, 94], Джангра [2, с. 196], Владикавказа [7, с. 7, рис. 2, *5*], в которую входит и публикуемый нами экземпляр из хут. Шляховский. Навершия чрезвычайно близки друг другу по форме, манере исполнения, подчеркнутому изображению конской узды, размерам и, вероятно, несли сходную смысловую нагрузку. Все навершия найдены в степной зоне Волго-Донского междуречья, причем самая северная находка фиксируется на границе степи и лесостепи (юг Куйбышевской или север Саратовской обл.), а самая южная — в Предкавказье.

Все это позволяет поддержать предположение Е. В. Цуцкина и Т. Н. Лиджиевой о возможности их серийного изготовления в одном центре [4, с. 71]. Вполне можно допустить одновременность бытования этой группы наверший, что позволяет говорить о синхронности поздних энеолитических грунтовых погребений (Хлопковский могильник, погр. 21 и Джангр, погр. 3, впущенное в холм) и первых подкурганных захоронений (Архара, кург. 27, погр. 1 и Шляховский II, кург. 3, погр. 3 и 4).

Сопутствующий инвентарь из погребений у хут. Шляховский имеет разрозненные аналогии в материалах грунтовых могильников Хвалынской культуры. Но как комплекс вещей, в который входят шлифованные кремневые топоры, длинный кремневый нож, кремневые скребки, треугольный наконечник дротика, тесло из сланца и абразив, он гораздо ближе инвентарю среднестоговских погребений из Ямского могильника [8, с. 11, 12], могильника у с. Петро-Свистуново [9, с. 117—124] и Ворошиловградской гробницы [10, с. 21—27]. Следует отметить, что комплекс вещей из Джангра В. А. Сафронов также связывает с новоданиловским типом Среднего Стога II [2, с. 196]. Это подтверждает уже высказанные в литературе предположения об участии среднестоговского субстрата в формировании древнеямной культуры Поволжья [2, с. 193] и о роли среднестоговской общности как проводника культурных влияний в зоны Поволжья и Кавказа [3, с. 146].

Хвалынская культура, синхронная раннему этапу среднестоговской культуры, датируется второй половиной IV тыс. до н. э. [11, с. 7]. По мнению И. Б. Васильева, в конце этого этапа появляются первые подкурганные захоронения [12, с. 62]. Второй период среднестоговской культуры, куда включаются погребения из Ямского могильника, Петро-Свистуново и Ворошиловграда, Д. Я. Телегин относит к концу IV — середине III тыс. до н. э. [13, с. 123]. В. А. Сафронов помещает погребения из Архары и Джангра в интервале Триполье B1 — Триполье B2/C1 [2, с. 196, 197].

Таким образом, энеолитические погребения 3 и 4 из кургана 3 курганной группы Шляховский II датируются концом IV — началом III тыс. до н. э., занимают промежуточное место между хвалынско-среднестоговскими и классическими ямными памятниками и включаются в круг древнейших подкурганных захоронений формирующейся ямной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
2. *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989.
3. *Киященко В. Я.* Энеолитические скипетры из Ростовского областного музея краеведения//Изв. Ростов. обл. музея краеведения. 1988. Вып. 16.
4. *Цуцкин Е. В., Лиджиева Т. Н.* «Скипетр» из Куйбышевского музея//Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979.

5. *Малов Н. М.* Раскопки поселений на Волге//АО-1985. М., 1987.
6. *Синицын И. В., Эрднев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.)//Тр. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории, Калмыцкого республиканского музея. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. Вып. 2.
7. *Даниленко В. М., Шмаглій М. М.* Про один поворотный момент в історії енеолітичного населения Південної Европи//Археологія. 1972. № 6.
8. *Телегін Д. Я.* Основні риси та хронологія середньостогівської культури//Археологія. 1970. Т. XXIII.
9. *Бродянський О. В.* Енеолітичний могильник біля с. Петро-Свистунове//Археологія. 1968. Т. XXI.
10. *Писларий И. А., Кротова А. А., Клочко Т. Н.* Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
11. *Шапошникова О. Г.* Эпоха раннего металла в степной полосе Украины//Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
12. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
13. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

Волгоградский государственный
университет

V. M. KLEPIKOV

ENEOLITHIC BURIALS NEAR SHLYAKHOVSKY FARM IN VOLGOGRAD REGION

Summary

The archaeological expedition of Volgograd university investigated the barrows in Frolovsk district of Volgograd region in 1989. Two Eneolithic graves were discovered in the barrow 3 belonging to Shlyakhovsky 2 barrow group. According to the analysis of a burial custom and the grave goods (fig. 1—3) they can be dated to the end of the 4th — beginning of the 3rd millennium B. C. It was established that they had been an intermediate stage between Khvalynsk-Sredny Stog and the classical pit-grave cultures sites, and can be included into the group of the most ancient under-barrow graves of the forming pit-grave culture.

Д. А. КРАЙНОВ, Е. Л. КОСТЫЛЕВА, А. В. УТКИН

ВОЛОСОВСКАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ФИГУРКА СО СТОЯНКИ САХТЫШ IIА

Среди археологических памятников Центральной России, давших серию предметов искусства эпохи неолита — энеолита, особое место занимает комплекс древних поселений возле оз. Сахтыш (Тейковский район Ивановской обл.). В процессе многолетних раскопок здесь собрана большая коллекция разнообразных и надежно документированных произведений мелкой пластики из камня, кости, керамики и дерева. Особенно представительно собрание кремневых и костяных фигурок, изображающих человека, животных, птиц и рыб. Некоторые из них поражают выразительностью образа и лаконизмом в передаче деталей [1, 2]. В 1991 г. коллекция пополнилась новой, не менее уникальной находкой антропоморфной фигурки со стоянки Сахтыш IIА.

Эта стоянка была открыта Д. А. Крайновым и Е. Л. Костылевой в 1986 г. [3], а с 1987 г. она ежегодно исследуется Верхневолжской экспедицией ИА РАН. За шесть полевых сезонов (1987—1992 гг.) единым раскопом на ней вскрыто 690 м². Памятник многослойный, культурные отложения относятся к различным периодам неолита, бронзовому и раннежелезному векам. Кроме того, на территории поселения обнаружены остатки двух волосовских ритуальных комплексов, условно названных нами «святилищами», и два могильника — льяловский и волосовский, погребения которых четко разделяются как стратиграфически, так и по специфике погребального обряда.

Фигурка была найдена в захоронении 58 возле шейных позвонков, с правой стороны (рис. 1, 3). Погребение одиночное, находилось в культурном слое на глубине 20—29 см от современной поверхности, очертания могильной ямы не прослежены. Костяк, принадлежавший женщине 40—45 лет (по определению В. Н. Федосовой) [1], имел относительно хорошую сохранность, лежал на спине вытянуто головой на юго-запад. Правая рука была положена вдоль туловища, левая — слегка согнута в локте, а кисти заведены под таз. Длинные кости ног сломаны и частично смещены. В целом скелет сохранял анатомический порядок. Исключение составляли лишь некоторые мелкие косточки (спинной позвонок, фаланги и пр.), перемещенные из первоначального положения грызунами (рис. 1, *3*).

Сахтышская фигурка изготовлена из тонкой (2 мм), тщательно отшлифованной костяной пластины и представляет собой изображение человека в рост и в фас (рис. 1, *1*, *2*). Изображение схематичное, выполнено в технике плоской резьбы с применением гравировки. Поза статична, признаки пола отсутствуют. Высота скульптурки составляет 45 мм, сохранившаяся ширина — 19 мм, первоначальная же не превышала 25 мм. Голова фигурки имеет яйцевидную форму с заостренной макушкой (островерхой шапкой?). Шея короткая. Плечи широкие и покатые, переходящие в дугообразные руки (одна из них утрачена в древности, но реконструируется достаточно точно; рис. 1, *2*). Руки отделены от прямоугольного туловища овальными отверстиями и упираются в бедра. Ноги короткие, широко разведены, кончики обломаны. Моделировка лица проста и вместе с тем очень

[1] Выражаем искреннюю признательность В. Н. Федосовой за половозрастные определения погребения.

© Д. А. Крайнов, Е. Л. Костылева, А. В. Уткин, 1994 г.

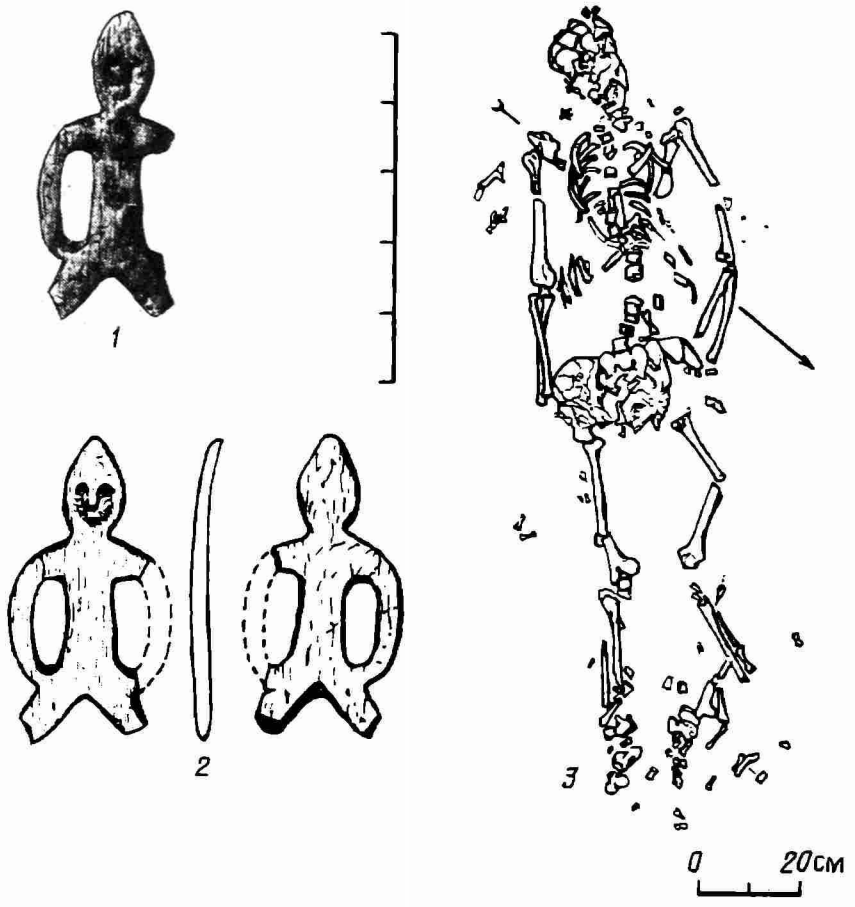


Рис. 1. Стоянка Сахтыш IIA. Антропоморфная фигурка (*1*, *2*) и погр. 58 (*3*)

выразительна: короткий нос выделен контурной гравировкой, глаза показаны глубоко просверленными ямками, а рот — процарапанным дугообразным углублением, создающим впечатление улыбки.

Функционально фигурка являлась декоративным украшением и, судя по местоположению ее в захоронении, украшала шею погребенной. Крепилась же она по принципу псевдопряжки на ленту шириной до 10 мм, которая пропускалась через овальные отверстия между туловищем и руками. Об этом свидетельствуют заглаженные до блеска внутренние края отверстия.

Погр. 58 относится к волосовскому могильнику. Оно находилось в северо-западном ряду плотно расположенных друг к другу захоронений. Некоторые из них перекрывали остатки наземной постройки над первой ямой-«святилищем», которая прекратила свое существование около 2480 ± 250 г. до н. э. (ГИН 6555) [2],— так датирован уголь из засыпки ямы. То есть указанный ряд волосовских погребений начал формироваться где-то во второй половине III тыс. до н. э., а завершился, предположительно, на рубеже III—II тыс. до н. э. На эту дату косвенно указывают находки фатьяновской керамики в верхнем ярусе заполнения второй ямы-«святилища». Последняя была синхронна северо-западной части волосовского некрополя, и к моменту поселения здесь фатьяновцев котлован ямы оставался еще не полностью оплывшим. Другими словами, антропоморфную фигурку можно уверенно относить к позднему волосову.

[2] Дата была получена в лаборатории Геологического института РАН под руководством Л. Д. Сулержицкого, которому мы выражаем искреннюю признательность.

Аналогий нашей скульптурке среди волосовских древностей на сегодняшний день нет. Но подобные изображения — назовем их Ф-образные — хорошо известны в поздненеолитических культурах с пористой керамикой в странах Балтии. Три костяные фигурки найдены на стоянке Тамула [4], две из рога происходят с поселения Абора I [5, с. 110, 111, рис. 76, табл. L1, *1, 5*], и еще одна роговая скульптурка обнаружена на северо-западе России, в Усвятах IV [6]. Все они неоднократно публиковались в литературе как порознь, так и вместе [7, рис. 3, *1—5, 9*], поэтому мы не будем еще раз повторять их описание и интерпретацию, а лишь отметим, что прибалтийские фигурки одновременны сахтышской и имеют, несмотря на яркую индивидуальность каждой, единую композиционную схему, устойчивый набор признаков и достаточно канонизированную форму в передаче сути образа. Стилистически близки им и янтарные украшения в виде плоских человеческих фигурок из Швеции [8, рис. 687] и со стоянки Шварцорт (более известной как Иодкранте) на Куршской косе [9, табл. IX, X, *1—3*].

Таким образом, находка антропоморфной скульптурки на Сахтыше IIA значительно расширяет территорию распространения Ф-образных изображений человека, что лишний раз свидетельствует об общих закономерностях и сходстве моделей развития культур с пористой керамикой в лесной зоне Восточной Европы на рубеже неолита — энеолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптурки из стоянок Верхнего Поволжья//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
2. *Крайнов Д. А.* О религиозных представлениях племен волосовской культуры//Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988.
3. *Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Травкин П. Н., Уткин А. В.* Исследования Верхневолжской экспедиции//АО-1986. М., 1988.
4. *Jaanits L.* Noorem kiviaeg//Eesti esiajalugn. Tallinn, 1982.
5. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.
6. *Микляев А. М.* Идол из Усвятского торфяника//СА. 1967. № 4.
7. *Студзинская С. В.* Изображения человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР//Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60.
8. *Montelius O.* Minnen fran var forntig: Stenaldern och bronsaldern. Stockholm, 1917.
9. *Klebs R.* Der Bernsteinschmuk der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitaten Preussens//Beiträge zur Naturkunde Preussens. Königsberg, 1882. Bd V.

Институт археологии РАН, Москва

Государственный университет, Иваново

Комитет по культуре и искусству, Иваново

D. A. KRAINOV, E. L. KOSTYLEVA, A. V. UTKIN

VOLOSOVO CULTURE ANTHROPOMORPHOUS FIGURINE FROM SAKHTYSH IIA SITE

Summary

Two Volosovo culture ritual complexes and a burial ground were discovered on the site's territory. The figurine was found in the burial 58. It looked like a full-length human statuette en face (fig. 1, *1, 2*) and was made of a thin, carefully grinded bone plate. Judging by its position in the burial it decorated the neck of the buried woman. It is dated to the Late Volosovo culture time and has no analogies among the other Volosovo artifacts. But the images simular to the figurine from Sakhtysh are well known in the Late Neolithic cultures with the porous ceramics in the Baltic countries.

В. Б. БАХШАЛИЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ ОГЛАНКАЛА

Археологические памятники эпохи раннего железа на территории Нахичевани изучены очень слабо, в частности, это относится к периоду первой половины I тысячелетия до н. э. Материалы, обнаруженные при раскопках поселения Огланкала в 1988—1989 гг., в определенной степени помогают восполнить пробел, существующий в изучении памятников этого периода, а также уточнить некоторые противоречивые мнения, имеющиеся в литературе об этом поселении [1, с. 10].

Поселение расположено на вершине г. Каратепе вблизи сел. Огланкала Шарурского (б. Ильичевского) района Нахичеванской АР. Раскопки проводились в южной части цитадели поселения на площади 280 м^2 (рис. 1). В результате раскопок выявлены четыре строительных периода. При этом следует отметить, что на площади 150 м^2 раскопки доведены до скалы, на которой были возведены крепостные стены. На этом участке мощность культурного слоя в зависимости от рельефа колеблется от 2,5 до 4,5 м.

К *IV строительному периоду* относится большая каменная стена и остатки нескольких помещений (рис. 2). Этот горизонт выявлен на глубине 3 м. Стена, примыкающая с южной стороны к оборонительной ограде цитадели, существовала в течение трех строительных периодов (от IV до II включительно). Она построена из больших необтесанных камней на глиняном растворе. Длина обнаруженной части стены 22 м, высота в зависимости от рельефа местности разная. На уровне IV строительного периода она колеблется от 1 до 2,7 м. Ширина стены не установлена. На верхней части ее сохранился проем шириной 1 м (рис. 3).

Помещение 1 примыкает к каменной стене. Другие стены помещения выглядят глинобитными, однако в некоторых местах прослеживаются остатки сырцовых кирпичей, а также следы рубленой соломы. Установить точные размеры кирпичей нам не удалось. Дверной проем расположен в северо-восточной части помещения. Около двери на скале находится лестница. Ширина дверного проема 1 м. Рядом с ним имеется сводчатая ниша. Пол и стенки ниши обмазаны глиняным раствором, следы нагара здесь отсутствовали. В то же время ниша была наполнена серой золой с многочисленными остеологическими остатками [1], определение которых показало, что они в основном состоят из костей мелкого рогатого скота, в частности коз. На остеологических остатках следы нагара также не отмечены. Около ниши обнаружены обломки обожженной глины. Как внутри ниши, так и около нее находились обломки керамических изделий красного и серого цвета. Напротив сводчатой ниши в середине помещения размещен круглый очаг диаметром 0,5 м, вокруг которого отмечены следы циновки. Она была коричневого цвета, сохранилась плохо. В юго-восточной части помещения внутри стены отмечено овальное очажное устройство. Очаг наполнен черной золой, обгорелыми остатками пшеницы, ячменя и виноградными косточками. Пол и стенки очага под действием огня обгорели и имели коричневый цвет. Рядом с очагом обнаружена уплотненная площадка и скопление проса. Внутри очага находился цилиндровидный камень с двумя выступами. В середине основания есть неглубокое

[1] Остеологические остатки определены чл.-корр. АН Азербайджана Д. Р. Гаджиевым.

© В. Б. Бахшалиев, 1994 г.

Рис. 1. Участок раскопа на уровне IV горизонта

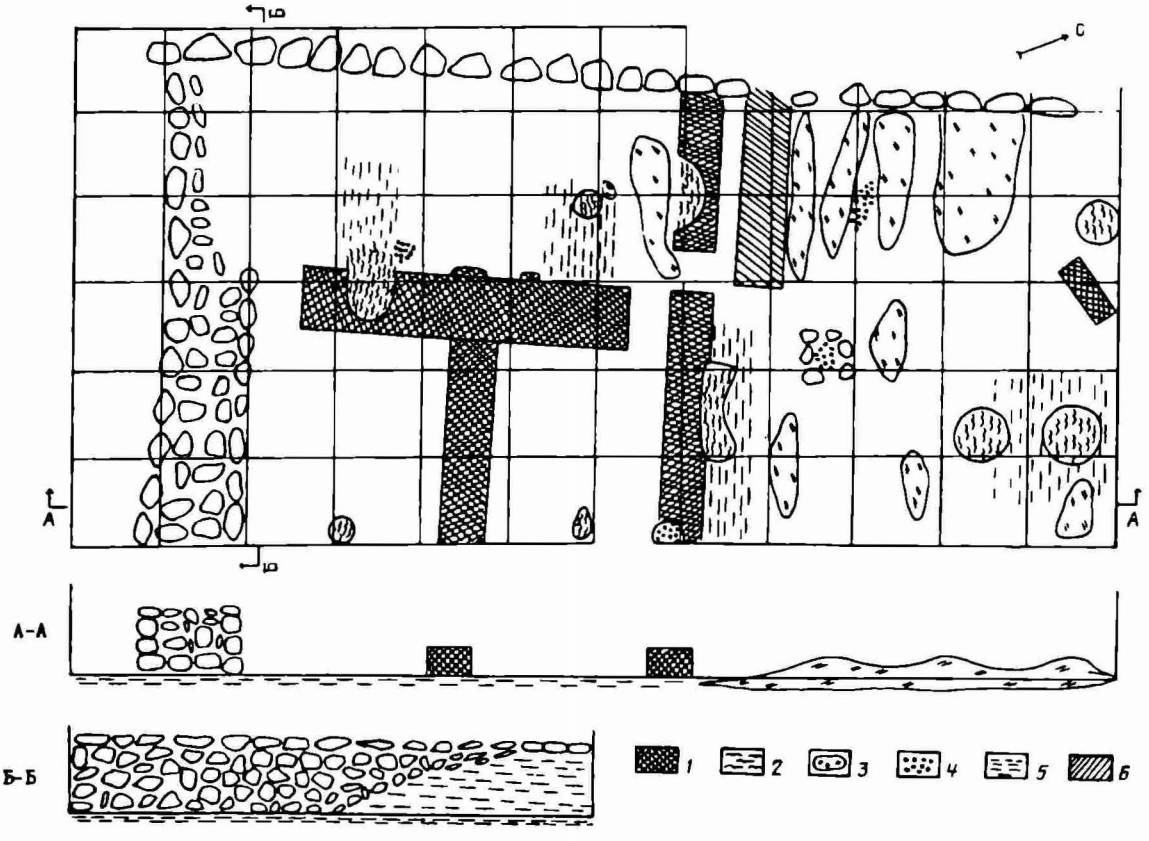


Рис. 2. План и разрезы IV строительного периода. *1* — остатки глинобитных стен; *2* — зола; *3* — скала; *4* — зерна проса; *5* — уплотненная глина; *6* — нераскопанный участок

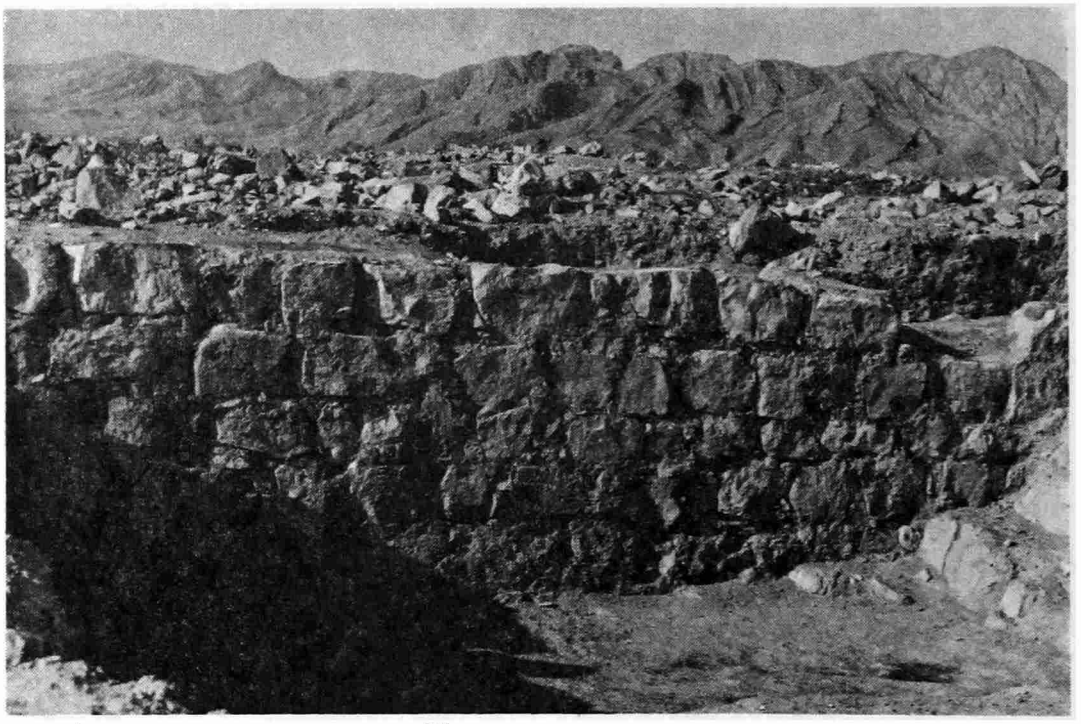


Рис. 3. Каменная стена на уровне IV строительного периода

четырехугольное углубление. Подобные предметы исследователями истолкованы как база колонн [2, с. 255, 256]. По-видимому, она обрушилась в очаг из верхнего горизонта.

Во время раскопок выяснено, что пол помещения вымощен сырцовыми кирпичами, причем в два слоя, которые отделялись друг от друга остатками циновки и соломой проса. Размеры кирпичей, использованные для вымостки пола, 43 × × 27 × 17 см.

Помещение 2 на северо-западе сообщается с первым. Стены его из сырцового кирпича. В восточном углу помещения расположена хозяйственная яма, большая часть которой остается за пределами раскопа. Она была заполнена остатками проса. Напротив ямы — овальный очаг, вокруг которого была рассыпана серая зола, найдены обломки обожженной глины. Рядом с очагом отмечены потревоженные останки ребенка плохой сохранности. Здесь же находились обломки красноглиняных и сероглиняных сосудов.

Помещение 3 на юго-западе сообщается с первым. В юго-восточной части помещения выявлен круглый очаг, около которого были рассыпаны зерна проса, древесный уголь, обломки очажного сооружения. Внутри помещения находились обломки сероглиняных сосудов, а также остеологические остатки.

Помещения 1 и 3 с юго-запада ограничиваются недостроенной каменной стеной. В кладке стены заметна небрежность. Можно думать, что эта стена к первоначальной планировке помещений отношения не имела, и хотя была построена в IV периоде, но позднее, что, вероятно, вызвано военными обстоятельствами и разрушением крепостных стен. Наблюдаются следы позднего ремонта стены, например, использование обломков баз колонн.

Стена с внешней стороны имеет дугообразную форму. Ширина ее посередине 2,3 м, а по краям 2,6 м.

В северо-восточной части раскопа строительные остатки четко не прослеживаются. Здесь выявлены три круглых очага и один очаг изогнуто-овальной формы. Вблизи находились фрагменты бытовых и хозяйственных сосудов, а также кости собаки (щенка). При очистке круглых очагов были найдены обломки горшков и мисок, покрытых нагаром.

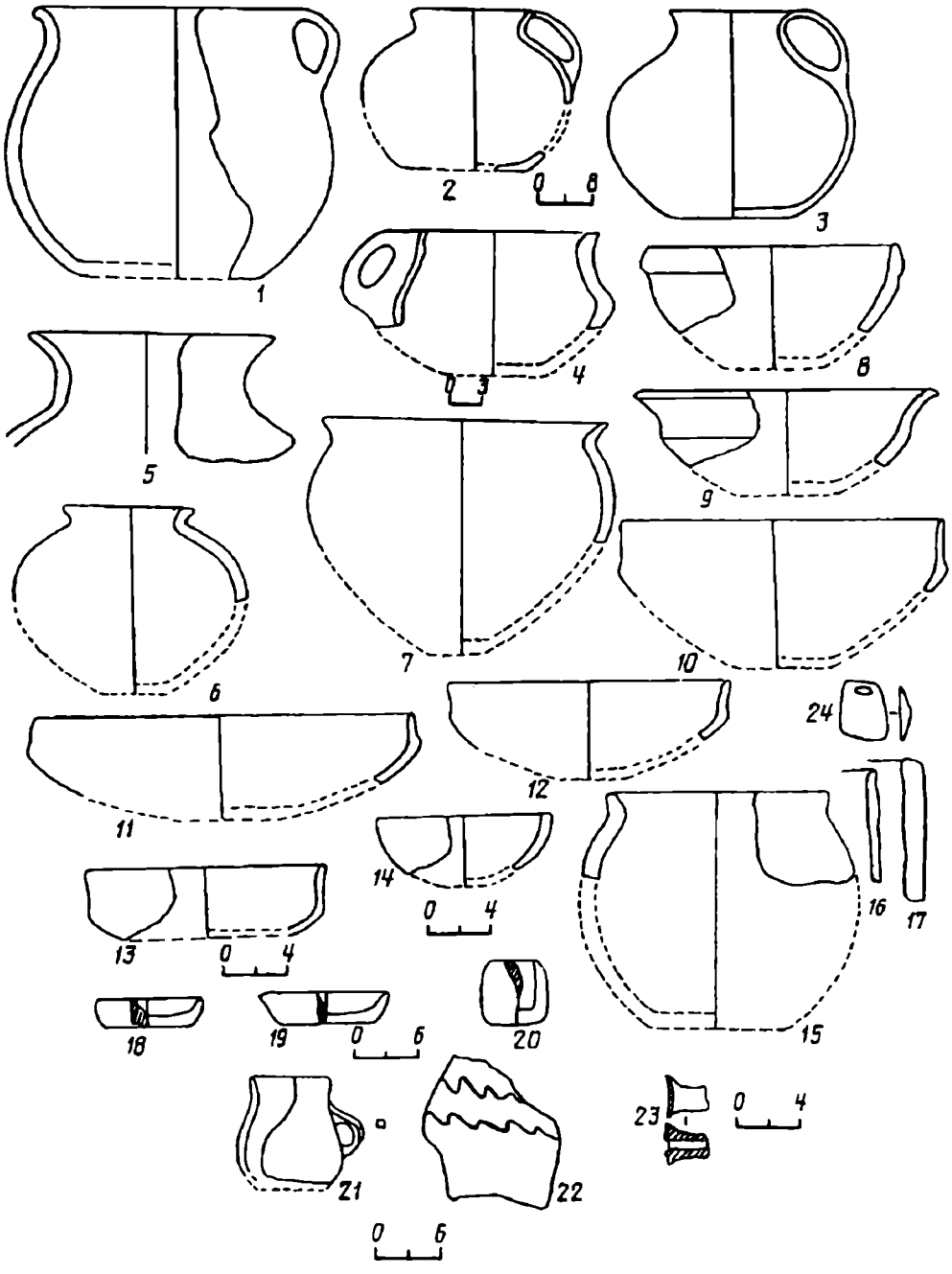


Рис. 4. Сероглиняная керамика из IV горизонта

Напротив помещения 2 отмечено скопление камней, между которыми обнаружены остатки зерна проса. На глубине 2,5 м площадь этой части раскопа подстилает скала. На уровне скалы сохранились остатки проса. Возможно, в IV строительном периоде здесь был хозяйственный двор. Об этом говорит и нахождение костей собаки.

Керамику из этого горизонта можно разделить на серо- и красноглиняную [2].

Сероглиняная керамика по составу глины и обжига различна. В зависимости от степени обжига цвет варьирует от серого до черного. На поверхности сосудов встречаются темно-коричневые, а иногда розоватые пятна. В некоторых черепках прослеживаются коричневые прослойки. Сероглиняная керамика представлена обломками горшков, банок, кувшинов, мисок, чаш и кружек.

[2] Фрагменты керамических изделий реконструированы нами и художником нашей лаборатории Т. С. Дунямалыевой.

Различные по форме горшки можно разделить на три типа. К первому относятся горшки с округлым корпусом и отогнутым венчиком, на краю которого имеется вогнутая в середине лентовидная ручка. Снаружи они хорошо сглажены и покрыты копотью (рис. 4, *1*, *2*). Сюда же относятся безручные горшки с овальным или же яйцевидным туловом (рис. 4, *7*, *15*). На черепках горшков часто встречалась розовая подкладка.

Горшки второго типа чашевидные. Они имеют биконическую форму. Верхняя часть их корпуса вогнута внутрь, а нижняя — несколько выступает. Венчики их слегка выступают наружу. На краю венчика имеется лентовидная ручка. Поверхность покрыта копотью (рис. 4, *4*).

Третий тип — это кувшиновидные горшки. Они имеют отогнутый венчик, коническое горло и шаровидный корпус, плоскую ручку, крепящуюся к краю венчика. Поверхность их покрыта нагаром (рис. 4, *3*).

Кружка имеет грушевидную форму, венчик — скругленный. В середине корпуса четырехгранная в сечении ручка. Поверхность сосуда слегка залощена (рис. 4, *21*).

Банки цилиндрической формы. Одни из них с закругленным прямым венчиком, другие со сплющенным (рис. 4, *16*, *17*). Некоторые черепки с розовой подкладкой.

Кувшины можно разделить на два типа. К первому относятся кувшины, обожженные неравномерно — в промежутке стенок заметна необожженная прослойка. Венчик у них раскрытый, горло цилиндрическое, тулово выпуклое (рис. 4, *5*). У некоторых кувшинов подобного типа с хорошим обжигом венчик отогнут наружу, а тулово выпукло-вытянутое. Поверхность их хорошо сглажена, на ней сохранились следы копоти.

Второй тип объединяет кувшины с отогнутым наружу венчиком, край которого сплющен. Тулово у них шаровидное, хорошо сглажено, имеются следы копоти (рис. 4, *6*).

Миски, различные по форме, делятся на четыре типа. Первый тип мисок с выпукло-коническим корпусом. По краю венчика проходит рельефная полоска. Поверхность с обеих сторон хорошо сглажена (рис. 4, *8*).

Второй тип мисок с коническим корпусом, верхняя часть которого вогнута внутрь. У одних мисок край венчика с внутренней стороны охвачен бороздкой, у других венчики слегка выступают наружу, у третьих косо срезаны. Поверхность с обеих сторон тщательно залощена (рис. 4, *9*).

Третий тип — это миски с цилиндроконическим корпусом. Нижняя часть корпуса под тупым углом выступает наружу. С обеих сторон поверхность хорошо сглажена (рис. 4, *10*).

Четвертый тип мисок имеет аналогичную, однако несколько измененную форму. По краю венчика некоторых из них с внутренней стороны проходит бороздка. Наружная поверхность хорошо залощена (рис. 4, *11*, *12*).

Чаши представлены двумя типами. К первому относятся чаши с цилиндроконическим корпусом. Нижняя часть корпуса несколько выступает наружу, венчики прямые, поверхность хорошо заглажена (рис. 4, *13*). Второй тип чаш — с прямым венчиком и выпуклым корпусом, суживающимся к дну (рис. 4, *14*).

Светильник, представленный одним экземпляром, изготовлен из глины с примесью крупного песка, обожжен неравномерно и обработан очень грубо. Светильник конической формы с выступающим сливом и плоским дном (рис. 4, *19*). На сливе и в некоторых местах корпуса сохранились следы копоти.

К числу сероглиняной керамики относятся также фрагменты нескольких миниатюрных сосудов. Одни из них имеют чашевидную (рис. 4, *18*), другие банкообразную форму (рис. 4, *20*). Они изготовлены очень грубо, поверхность их шероховатая. На поверхности сохранились следы копоти. В составе глины подобных сосудов встречалась растительная примесь.

Среди сероглиняной керамики имеется единственный обломок трубчатого носика сосуда. Поверхность его хорошо сглажена (рис. 4, *23*). Найдена также каменная подвеска четырехугольной призматической формы, окрашенная красной охрой (рис. 4, *24*). Кроме того, имеются черепки сероглиняных сосудов неоп-

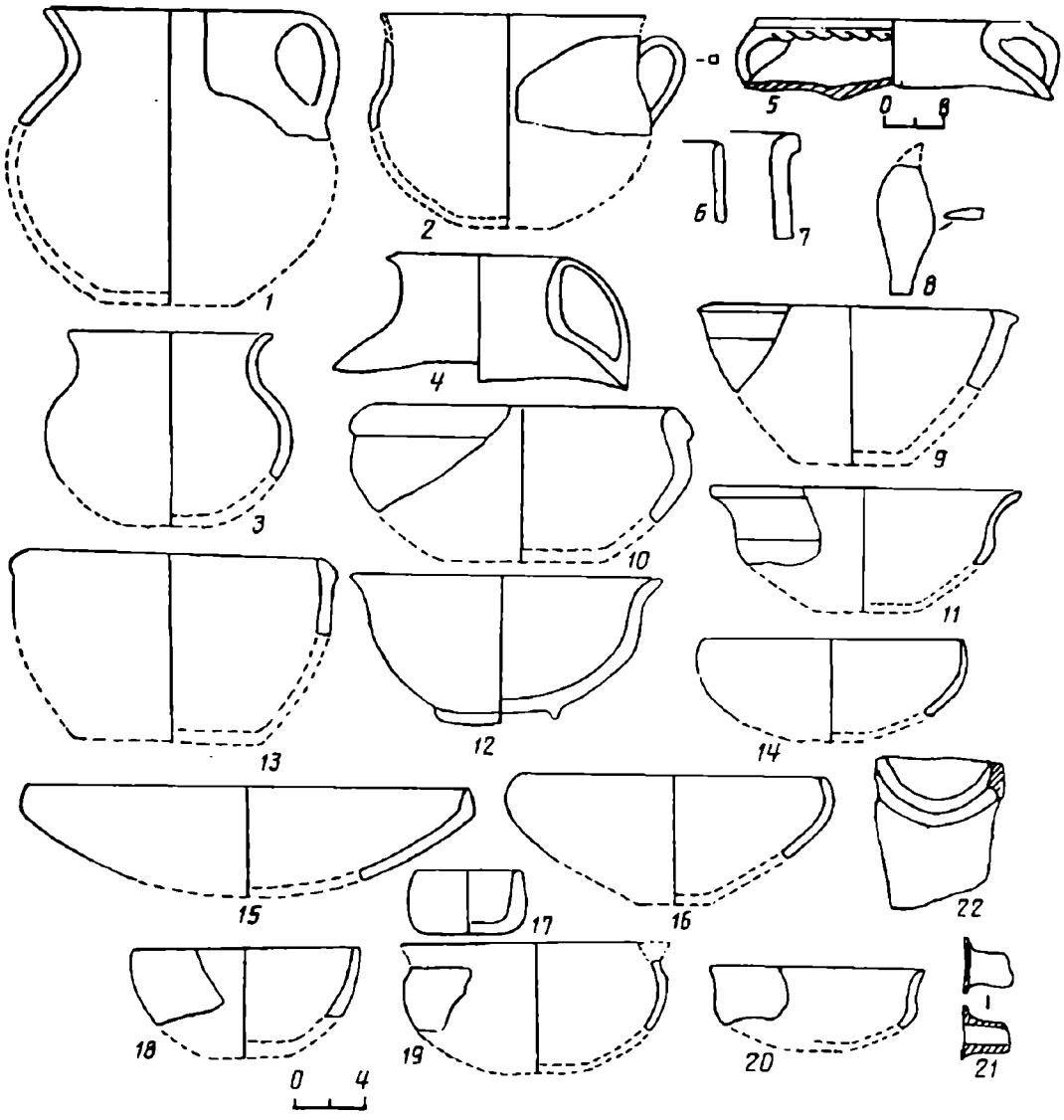


Рис. 5. Красноглиняная керамика из IV горизонта

ределенной формы. Некоторые из них украшены геометрическим орнаментом (рис. 4, *22*).

Красноглиняная посуда изготовлена из глины с примесью мелкозернистого песка. При изготовлении некоторых сосудов применен гончарный круг. Обжиг сосудов различный. Эта группа посуды представлена черепками горшков, банок, кувшинов, мисок и чаш.

Горшки представлены двумя типами. Первый тип горшков кувшиновидный. У них отогнутый наружу венчик, цилиндрическое горло, выпуклый корпус. Одни из них обожжены равномерно, другие неравномерно. На поверхности сохранились следы красной краски. По форме венчика горшки несколько отличаются друг от друга (рис. 5, *3*).

Второй тип горшков представлен одним экземпляром. Он имеет цилиндрошаровидную форму, суживающуюся к дну. Венчик не сохранился. На верхней части корпуса прикреплена четырехгранная в сечении ручка. Поверхность сосуда окрашена в красный цвет и хорошо залощена (сохранились вертикальные следы лощила) (рис. 5, *2*).

Два экземпляра банок имеют цилиндрическую форму. У одной из них венчик прямой, скругленный. Край венчика и тулово окрашены в красный цвет и слегка

залощены (рис. 5, 6). У второй банки край венчика выступает наружу. Поверхность его хорошо сглажена (рис. 5, 7).

Кувшины имеют отогнутый наружу венчик, цилиндрическое или коническое горло, выпуклый корпус. Венчики их различны. У одних они имеют ступенчатую, у других скругленную форму. Некоторые кувшины имеют вогнутую посередине лентовидную ручку, которая прикреплена к венчику и верхней части тулова. Поверхность кувшинов хорошо заглажена (рис. 5, 4).

Один из кувшинов с раскрытым венчиком, шаровидным туловом и ручкой плоского сечения. Поверхность хорошо сглажена. На верхней части ручки сохранились следы копоти (рис. 5, 1).

Найден также один толстостенный кувшин, возможно, имевший хозяйственное значение. Он изготовлен из глины с примесью мелкозернистого песка, хорошо обожжен. Этот кувшин с широким краем венчика и двумя зооморфными ручками, каждая из которых имела два роговидных выступа и три пуговицеобразных надепа. Под венчиком имеется окаймление завитками. Поверхность сосуда хорошо сглажена (рис. 5, 5).

Миски по форме корпуса разделяются на семь типов. К первому относятся миски со сплющенным краем венчика. Корпус их конический, под венчиком проходит широкая вогнутая полоска. Поверхность окрашена в желтый цвет и хорошо сглажена (рис. 5, 9).

Второй тип мисок с закругленным краем венчика, биконическим корпусом. Поверхность тоже хорошо сглажена (рис. 5, 10).

У третьего типа мисок — несколько суженный и закругленный венчик, выпуклый корпус. Поверхность некоторых покрыта копотью (рис. 5, 16).

Четвертый тип мисок имеет раскрытый венчик и конический корпус. Поверхность с обеих сторон окрашена в красный цвет и хорошо сглажена (рис. 5, 11).

Пятый тип — миски с закругленным венчиком и выпуклым корпусом, резко суживающимся ко дну. Край венчика с обеих сторон окрашен в красный цвет (рис. 5, 13).

К шестому типу относятся миски с цилиндроконическим корпусом. С обеих сторон они окрашены в красный цвет и хорошо залощены. На поверхности сохранились концентрические полоски от гончарного круга (рис. 5, 15).

Седьмой тип мисок с закругленным краем венчика и выпуклым корпусом окрашен в красный цвет и хорошо залощен. На поверхности сохранились следы от работы гончарного круга в виде узких концентрических полос. Этот тип является наиболее распространенным (рис. 5, 14). Некоторые миски имеют кольцевидный поддон (рис. 5, 12).

Чаши представлены двумя типами. Первый тип — чаши с прямым венчиком, выпуклым корпусом и плоским дном, с обеих сторон окрашены в красный цвет и хорошо залощены. На поверхности сохранились концентрические полоски от гончарного круга (рис. 5, 18).

Второй тип — сосуды с раскрытым венчиком, выпуклым корпусом и плоским дном. Поверхность с обеих сторон окрашена красной краской и хорошо сглажена (рис. 5, 20). Одна из чаш отличается плотным составом глины, более качественным обжигом, блестящим лощением (рис. 5, 19).

Обнаружены многочисленные фрагменты красноглиняной керамики неопределенной формы. Некоторые из них украшены рельефным орнаментом (рис. 5, 22). Найден трубчатый носик сосуда хорошего обжига, на поверхности сохранились следы копоти (рис. 5, 21). Среди находок помимо керамики имеется железный предмет с сегментовидным лезвием, кончик которого утрачен (рис. 5, 8).

III строительный горизонт выявлен на глубине 1,6 м. Строительные остатки незначительны. В юго-западной части раскопа выявлены две параллельно идущие стены, выложенные из обтесанных камней в один ряд. Длина одной стены 3,8 м, ширина 0,3 м, высота 0,35 м. Длина второй стены 2,35 м, расстояние между стенами 1—1,2 м. Промежутки между ними были заполнены землей, переме-

Рис. 6. База колонн из III строительного периода

шанной с золой. В южной части первой стены на площади 2 м² расположена утрамбованная площадка, которая в виде узкой полоски охватывала восточную часть стен, где находилась крупная зернотерка. Около зернотерки выявлен овальный очаг, заполненный черной золой. Во время чистки очага были обнаружены зерна пшеницы, ячменя и проса, а также косточки винограда.

Другая стена выявлена в северной части раскопа. Она выложена из грубо обтесанных камней в один ряд. Большая часть стены осталась за пределами раскопа. Длина выявленной части стены 1,3 м, высота 0,3 м. У стены находился круглый очаг, заполненный золой. Очаг был обмазан глиняным раствором. Возле очага находились черепки сероглиняных сосудов, кости мелкого и крупного рогатого скота, тут же найдена часть нижней челюсти человека.

К III строительному периоду относятся также базы колонн (рис. 6). Они находились близко друг от друга. Одна из них с двумя выступами имеет цилиндрическую форму. Основание ее хорошо обтесано, а поверхность шероховатая. В середине основания имеется четырехугольное углубление. Выявлены и обломки нескольких баз колонн. Следует отметить, что базы колонн находились на разных уровнях, По-видимому, они использовались также и во II горизонте. Основываясь на расположении баз колонн, можно заключить, что на уровне III горизонта здесь находился дворец, разделенный колоннадой.

В этом горизонте обнаружены черепки серо- и красноглиняных сосудов.

Сероглиняная керамика состоит из фрагментов равномерно обожженных кувшинов, изготовленных из глины с примесью песка. Кувшины по форме различны. Одни из них с отогнутым наружу кососрезанным венчиком, цилиндрическим горлом (рис. 7, *1*), другие — с раскрытым венчиком, выпукло-вытянутым туловом (рис. 7, *3*), а третьи — с отогнутым венчиком, низким горлом и выпуклым корпусом (рис. 7, *2*). Поверхность кувшинов окрашена в черный цвет и хорошо залощена.

Миски представлены двумя экземплярами. В составе их глины наблюдается примесь крупнозернистого песка. Они имеют биконическую форму с раскрытым венчиком. Обожжены неравномерно. Поверхность покрыта копотью (рис. 7, *10*).

К красноглиняной керамике относятся фрагменты кувшинов, мисок, котлов, банок и бокалов.

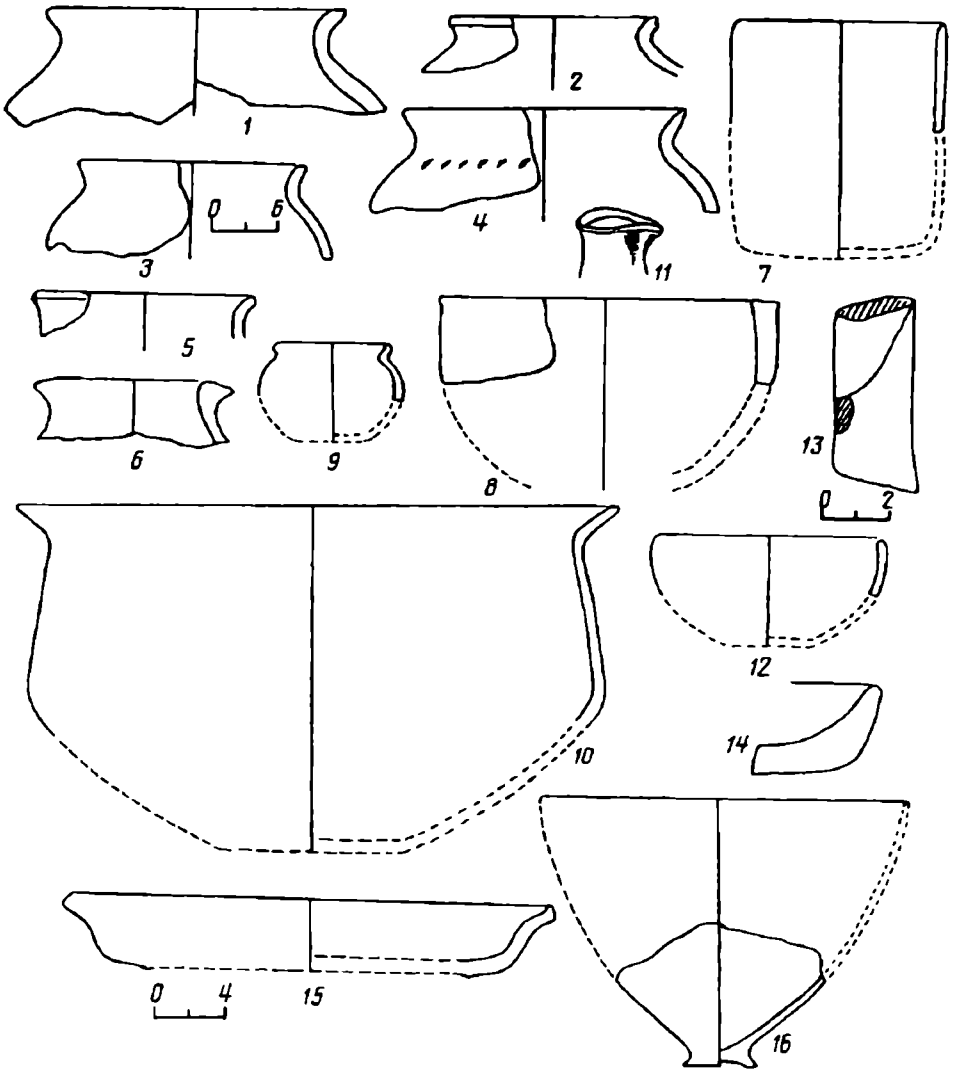


Рис. 7. Красноглиняная и сероглиняная керамика из III горизонта

Кувшины имеют различную форму. Первый тип кувшинов — с раскрытым венчиком и выпуклым туловом. Поверхность хорошо сглажена. Верхняя часть корпуса украшена насечками (рис. 7, *4*). Второй тип — с коническим горлом, ступенчатым краем венчика. Кувшины хорошо обожжены. Один из них имеет четырехгранную в сечении ручку (рис. 7, *6*).

Некоторые кувшины обожжены неравномерно. Венчик их отогнут, горло цилиндрическое, корпус выпуклый. Поверхность с обеих сторон хорошо сглажена и покрыта копотью.

Носик кувшинообразного сосуда имеет цилиндрическую форму. Венчик оформлен в виде трилистника. Поверхность покрыта оранжевой краской и слегка сглажена (рис. 7, *11*).

Миски из этого горизонта малочисленны — двух типов. Первый тип — миски с выпуклым корпусом, суженным к венчику (рис. 7, *12*). Две из них с обеих сторон окрашены в красный цвет. Внутри третьей миски сохранились следы белой массы.

Ко второму типу относится одна миска. У нее ступенчатый венчик и выпуклый корпус. С обеих сторон окрашена в красный цвет и хорошо залощена (рис. 7, *9*).

Блюдо имеет конически изогнутый корпус и низкий кольцевидный поддон. Обжиг неравномерный. Поверхность с обеих сторон окрашена в красный цвет и хорошо сглажена (рис. 7, *15*).

Котел представлен одним экземпляром. Обжиг сосуда равномерный, поверхность покрыта копотью, корпус шарообразный, венчик прямой (рис. 7, *8*).

Бокал имеет конусообразное тулово, низкий поддон. Обжиг равномерный. Поверхность покрыта красной краской. Наружная сторона хорошо сглажена, внутренняя слегка залощена, прослеживаются концентрические полоски от гончарного круга (рис. 7, *16*).

Банка представляет собой сосуд с цилиндрическим корпусом и прямым венчиком. Поверхность хорошо заглажена (рис. 7, *7*).

Выявлен также один миниатюрный сосуд чашевидной формы. Корпус у него конический, дно плоское, венчик округлый. На поверхности сохранились следы копоти (рис. 7, *14*).

Ножка терракоты повреждена. Обожжена до коричневого цвета. В составе глины прослеживается примесь крупнозернистого песка и растений. На изломе черенка в центре прослеживается необожженная серая прослойка (рис. 7, *13*).

II строительный горизонт выявлен на глубине 1,2 м. Строительные остатки сохранились плохо. Выявлены остатки двух стен, выложенных необтесанными камнями. В этом строительном горизонте обнаружены следы двух очагов, которые были углублены в землю и имели овальную форму. Очаги обложены необтесанными камнями небольшого размера. В очаге найдены зерна пшеницы, ячменя проса и косточки винограда.

Керамику из этого горизонта можно разделить на серо- и красноглиняную. Сероглиняная керамика состоит из фрагментов горшков, кувшинов и мисок.

Горшки представлены двумя типами. У горшков первого типа — отогнутый венчик, выпуклый корпус, к краю венчика прикреплена лентовидная ручка. Один из сосудов — с розовой подкладкой (рис. 8, *15*). Второй тип горшков имеет прямой венчик и выпуклый корпус. Поверхность покрыта копотью (рис. 8, *2*).

Кувшины изготовлены из глины с примесью мелкого песка. Иногда в составе наблюдается также крупный песок. Венчик отогнут наружу, горло цилиндрическое, тулово выпуклое. Поверхность хорошо заглажена, покрыта копотью (рис. 8, *1*).

Миски делятся на два типа. К первому типу относятся сосуды с отогнутым венчиком, выпуклым корпусом. Поверхность некоторых мисок слегка залощена, иногда покрыта копотью (рис. 8, *6*).

Второй тип мисок — с цилиндроконическим корпусом. Край венчика с внутренней стороны охвачен вдавленной бороздкой. Поверхность слегка залощена (рис. 8, *8*).

Красноглиняная керамика представлена черепками кувшинов, банок, мисок и чаш.

Кувшины по форме различны. Они обожжены неравномерно. Одни из них с хорошим обжигом, прямым венчиком и коническим горлом, другие с раскрытым венчиком. Поверхность хорошо заглажена (рис. 8, *7*).

Банки изготовлены из глины с примесью мелкозернистого песка, обожжены хорошо. Корпус — цилиндрический, край венчика у одних сплющен, у других скруглен. Поверхность хорошо залощена (рис. 8, *3, 4*).

Фрагмент бокала представлен в одном экземпляре. Он имеет отогнутый венчик и выпуклый корпус. Овальная в сечении ручка прикреплена к верхней части корпуса. Поверхность сосуда хорошо заглажена (рис. 8, *12*).

Миски по форме разные. Первый тип — с отогнутым венчиком и суженным корпусом, хорошо обожжены. Одна из мисок внутри окрашена в красный цвет, а наружная сторона — в коричневый (рис. 8, *11*).

Второй тип мисок — с выпуклым корпусом, суживающимся к венчику. Сосуды с обоих сторон окрашены в красный цвет и залощены. На поверхности сохранились узкие полоски от гончарного круга (рис. 8, *13*).

Третий тип мисок — с цилиндроконическим корпусом, с обеих сторон они окрашены в красный цвет и хорошо залощены (рис. 8, *14*).

Одна из мисок изготовлена из глины с примесью песка. Венчик раскрытый, тулово шаровидное, с внутренней стороны вокруг венчика бороздка. Обжиг

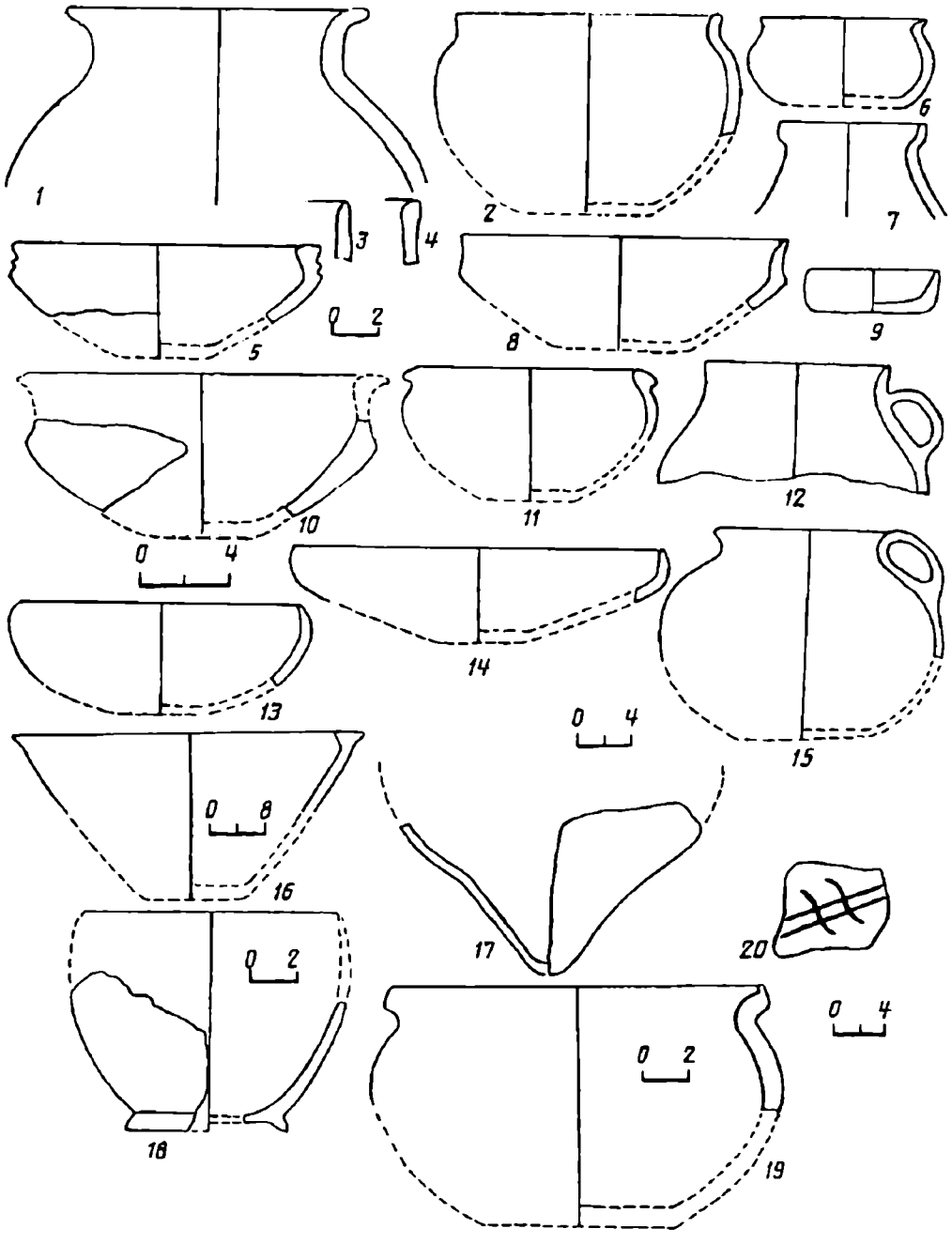


Рис. 8. Сероглиняная и красноглиняная керамика из II горизонта

неравномерный. Поверхность с обеих сторон слегка залощена (рис. 8, *19*). Имеются также миски с коническим корпусом и загнутым внутрь венчиком (рис. 8, *16*).

Чаши представлены тремя экземплярами. Одна из них на низком поддоне. Тулово шарообразно расширяется кверху. Поверхность с обеих сторон окрашена в красный цвет, с наружной стороны хорошо заглажена. С внутренней стороны сохранились концентрические полоски от гончарного круга (рис. 8, *18*).

Вторая чаша хорошо обожжена. Состав глины плотный. Поверхность окрашена в красный цвет и залощена до блеска. У чаши цилиндроконический корпус, прямой венчик, под которым имеются две бороздки (рис. 8, *5*).

Третья чаша также с плотным составом глины. Поверхность окрашена в красный цвет и хорошо залощена. Корпус — цилиндроконический, под венчиком широкий вогнутый поясок (рис. 8, *10*).

Остродонные сосуды представлены двумя экземплярами. Черепки их имеют хороший обжиг. Поверхность хорошо заглажена. Один из сосудов окрашен оранжевой краской (рис 8, *17*).

I строительный горизонт выявлен на глубине 0,5 м. Часть строений этого периода выходила на поверхность. К этому строительному периоду относятся остатки четырех смежных помещений, имеющих прямоугольную форму. Стены их выложены из двух рядов необтесанных камней на глиняном растворе.

На некоторых участках этого горизонта встречались смешанные прослойки, где попадались материалы эпохи средневековья. Так, например, в помещении 1 обнаружена мусорная яма, заполненная остатками средневекового и более поздних периодов. Мы же будем рассматривать материалы железного века.

Находки в основном состоят из серо- и красноглиняных керамических изделий.

Сероглиняная керамика представлена кувшинами, мисками, горшками и банками.

Горшок имеет отогнутый венчик, выпуклый корпус, суживающийся к венчику. Обжиг неравномерный, поверхность окрашена черной краской и покрыта копотью (рис. 9, *7*).

Кувшины относятся к двум типам. Сосуды первого типа изготовлены из глины с примесью мелкого и крупного песка, обожжены хорошо, поверхность их слегка залощена. Все они с раскрытым венчиком, выпукло-удлиненным корпусом (рис. 9, *1*).

Второй тип — сосуды с коническим горлом и отогнутым венчиком. Поверхность их хорошо заглажена и покрыта копотью. Встречаются также кувшины с цилиндрическим горлом (рис. 9, *2*).

Миски представлены тремя экземплярами. Они изготовлены из глины с примесью мелкозернистого песка, обожжены хорошо. Первая из них с цилиндроконическим корпусом, верхняя часть которого вогнута внутрь. Поверхность с обеих сторон хорошо заглажена, внутренняя сторона слегка залощена (рис. 9, *6*).

Вторая миска имеет прямой венчик, выпуклый корпус, суживающийся ко дну, характерную розовую подкладку. Поверхность с обеих сторон слегка залощена. На поверхности сохранились бурые пятна (рис. 9, *4*).

Фрагмент банки найден в одном экземпляре. Сосуд изготовлен из глины с примесью песка, обжиг хороший. Поверхность окрашена в черный цвет (рис. 9, *5*).

Интересен черепок поддона сероглиняной курильницы. Она имеет коническую форму, на ее внутренней части сохранились следы копоти.

Красноглиняная керамика представлена черепками кувшинов, котлов, мисок и чаш, изготовленных из глины с примесью мелкого песка.

Кувшины можно разделить на два типа. Первый тип — сосуды с отогнутым венчиком, поверхность хорошо заглажена и слегка залощена. В некоторых местах на стенках сохранились следы копоти. На поверхности некоторых из них имеются следы красной краски (рис. 9, *8*).

Ко второму типу относятся кувшины с коническим горлом и отогнутым венчиком. Венчики некоторых из них ступенчатые. Они обожжены неравномерно. В некоторых местах на поверхности сохранились следы копоти (рис. 9, *3*).

Котел представлен одним экземпляром. В составе его глины встречаются крупные зерна песка. Обожжен хорошо. Поверхность окрашена в красный цвет и слегка залощена. Венчик сосуда двускатный, корпус выпуклый (рис. 9, *14*).

Миски делятся на три типа. К первому относятся миски с вогнутым внутрь венчиком. Поверхность их хорошо заглажена. Один из сосудов обожжен до серого цвета, однако затем с обеих сторон окрашен в красный цвет (рис. 9, *9*).

Миски второго типа — с выпуклым корпусом и рельефной полоской по краю венчика. Поверхность хорошо заглажена (рис. 9, *12*).

Миски третьего типа имеют кольцевидный поддон. Поверхность с обеих сторон окрашена в красный цвет и слегка залощена (рис. 9, *17*). Имеются также миски с выступающими внутрь венчиками (рис. 9, *16*).

Чаши представлены двумя типами. У одних из них венчик вогнут внутрь, у других он украшен рельефной полоской по краю (рис. 9, *10*, *13*).

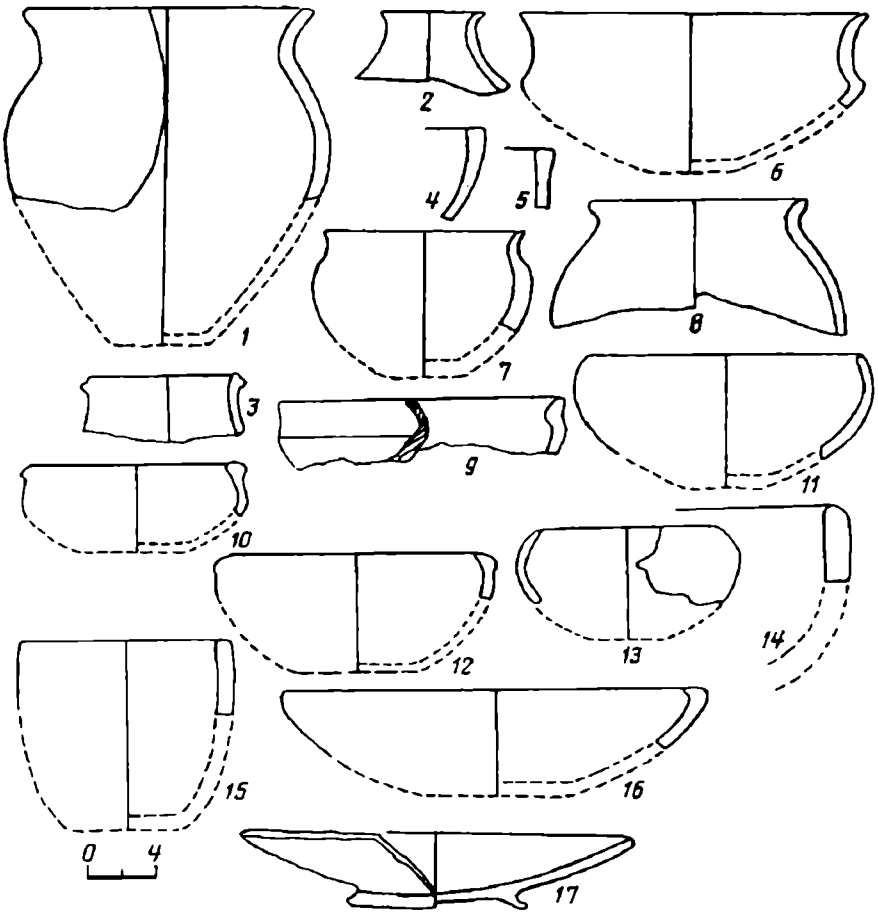


Рис. 9. Сероглиняная и красноглиняная керамика из I горизонта

Имеются также банки хорошего обжига, изготовленные из глины с примесью песка. Венчик у них прямой, корпус — выпуклый (рис. 9, *15*).

Рассмотренные керамические комплексы имеют определяющее значение при установлении культурной принадлежности и датировки памятника. При этом следует отметить, что как по форме, так и по технике изготовления керамические изделия из поселения Огланкала продолжают традиции предшествующих периодов. Так, в составе глины определенных групп сосудов присутствует растительная примесь, что встречается и на энеолитической керамике Закавказья [3]. Сероглиняные сосуды, особенно горшки, а также некоторые виды банок и кувшинов характеризуются розовой подкладкой. Подобная керамика является характерной для куро-аракской культуры [4, с. 161]. Среди сероглиняной керамики часто встречаются окрашенные в черный цвет и хорошо лощеные сосуды. Эта техника тоже характерна для куро-аракской культуры, особенно ее позднего периода.

Красноглиняные залощенные сосуды в памятниках Закавказья широко распространяются в эпоху средней бронзы и продолжают бытовать в памятниках раннего железа, в частности в памятниках железного века Нахичевани [5, с. 179—186].

Однако сероглиняные и красноглиняные горшки из IV горизонта близкие аналогии находят в памятниках Закавказья [5, с. 179—186] и Ирана [6, с. 89], которые датируются IX—VIII вв. до н. э.

Немаловажное значение имеют находки трубчатых носиков сосудов. Р. Гиршман сосуды с такими носиками считает характерными для ахеменидской культуры [7, с. 62]. Следует, однако, отметить, что сосуды с трубчатыми носиками наряду с так называемыми «чайниками», хорошо известны в памятниках Нахичевани конца II — начала I тысячелетия до н. э. Поэтому мы считаем, что

сосуды с трубчатыми носиками отражают не ахеменидское влияние, а являются чисто местным элементом.

Кувшины с шаровидным туловом, миски и чаши с профилированными бортиками хорошо известны из памятников урартского периода. Представляет интерес чаша с плотным составом глины и блестящим лощением. Б. Б. Пиотровский подобную керамику считает свойственной южным областям Урарту [8, с. 35]. Мы же считаем, что большинство керамических изделий относятся к местному производству. К ним можно отнести сероглиняные и красноглиняные горшки, кувшины разной формы, миски и чаши с цилиндроконическим корпусом, хотя некоторые из них изготовлены в подражание урартским экземплярам.

Железный изогнутый нож из IV горизонта имеет близкие аналоги в памятниках урартского периода. В памятниках Закавказья они встречаются с бронзовыми удилами, широко распространенными в Северной Месопотамии в IX—VIII вв. до н. э. [9, с. 213].

Исходя из вышеописанного, IV строительный период можно датировать IX—VIII вв. до н. э.

Керамические изделия III горизонта не имеют точных хронологических признаков. Учитывая, что в этом горизонте были обнаружены базы колонн, можно допустить, что он является процветающим в жизни поселения. Этот период мы относим к VIII—VII вв. до н. э.

Из II горизонта известны блестяще залощенные чаши урартского типа. С урартскими сходны также кувшины с удлиненными туловами и цилиндрической шейкой. Миски с отогнутыми венчиками из этого горизонта распространены в памятниках IX—VI вв. до н. э. Из этого горизонта известны два экземпляра остродонных сосудов, которые для памятников данного периода являются редкой находкой. Подобные сосуды в III—II тысячелетиях до н. э. широко были распространены в памятниках Передней Азии, особенно в Палестине. В конце II тысячелетия они появляются в Энкоми, Тарсусе и Рас-Шамре [10, с. 34—39]. Они также известны в урартских памятниках [11, рис. 14]. Е. Шмидт полагает, что они были предназначены для хранения жидких веществ [12, с. 96]. Несомненно, подобные сосуды на территории Закавказья распространились из стран Передней Азии через Урарту. Этот период мы датируем VII—VI вв. до н. э.

Материалы из I горизонта явно позднего характера. Для этого периода характерны кувшины с сильно раскрытыми и миски с вогнутыми внутрь венчиками. Миски, характерные для VIII—VII вв. до н. э., в этом горизонте отсутствуют. Миски на кольцевом поддоне и банки находят аналогии в памятниках Ирана, которые датируются VI—IV вв. до н. э. [13, с. 18—20]. Следует отметить, что миски на кольцевом поддоне встречаются во всех периодах поселения Огланкала и характерны только для красноглиняной керамики.

Приведенные доказательства, несомненно, позволяют отнести основной период бытования памятника к IX—IV вв. до н. э. При этом мы не исключаем продолжение жизни на нем и в последующие периоды, о чем говорят материальные остатки. Можно заключить, что керамика поселения Огланкалы развивалась на местной основе, хотя и подвергалась влиянию урартской культуры, что является весьма закономерным, так как поселение располагалось на границе Урартского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиев В. Г.* Культура расписной керамики эпохи бронзы в Азербайджане. Баку: Элм, 1977.
2. *Алекперов А. К.* Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство//СА. 1937. № 4.
3. *Абибуллаев О. А.* Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку: Изд-во АН АзССР, 1959.
4. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
5. *Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982.
6. *Crawford V. E.* Hasanlu 1960//Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. 1961. V. XX. № 3.
7. *Girshman R.* Villag perse-achemenid. P.: Presses universitaires de France, 1954.
8. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур I. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950.
9. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964.

10. *Schaeffer C.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. L.: Oxford Univ. Press, 1948.
11. *Мартиросян А. А.* Арчиштихинли. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974.
12. *Schmidt E. F.* Persopolis. 2. Chicago, 1957.
13. *Ghirshman R.* Village perse-achemenid. P.: Presses universitaires de France, 1954.

Нахичеваньский научный центр

V. B. BAKHSHALIEV

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF OGLANCALA SETTLEMENT

Summary

The article deals with the artifacts found during the excavations of Oglancala settlement in 1988-89 which can help to compensate the poor investigation of the Early Iron Age sites in Nakhichevan. The excavations marked out four periods of building in the history of the settlement. Ceramics forms the lardest part of the artifacts, and belongs to two groups: grey- and red-clay ceramics. The number of artifacts is equal in both groups, but each of them has its own peculiarities in clay, firing degree, quality and shape. The grey-clay vessels of different types are the most interesting. Polished black and red vessels can be also of great importance. The investigation proves the local origin of Oglancala ceramics manufacture with some traces of the Urartu culture influence. The main period of the settlement can be dated to the 9th-4th centuries B. C.

С. И. БЕРЕСТНЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ ТАРАНЦЕВО И ВОПРОС О НАСЕЛЕНИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В НАЧАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Памятники эпохи бронзы и начала раннего железного века в лесостепи Левобережной Украины до сих пор изучены недостаточно полно, что затрудняет разработку проблем культурного и этнического состава населения этого региона в позднейшее предскифское время. Открытым пока остается вопрос об истоках формирования земледельческих лесостепных культур скифского периода и о возможности участия автохтонных компонентов в этом процессе. Принятая в настоящее время схема, согласно которой финал бронзового века в Левобережной лесостепи представлен памятниками лебедовской и бондарихинской культур, выглядит упрощенной и нуждается в некоторой корректировке [1, с. 66; 2, с. 118]. Поэтому введение в научный оборот материалов нового лесостепного поселения, исследованного на большой площади, представляется своевременным и оправданным.

Поселение находится на мысу большой песчаной возвышенности в пойме левого берега р. Мжи — притока Северского Донца, в 1 км к югу от с. Тимченки Змиевского р-на Харьковской обл., в урочище Таранцево. Мыс образован двумя заболоченными низинами, вклинивающимися в площадь возвышенности; в промежутке между ними расположено небольшое озерцо, что позволяет предположить наличие здесь старицы реки, русло которой и сейчас в этих местах весьма извилистое. Высота мыса над уровнем поймы 1,0—1,2 м. Поверхность его неровная — небольшие возвышения наблюдаются в западной, центральной и северо-восточной частях. Юго-западная оконечность мыса низинная и в сырые годы заболачивается.

Поселение исследовано на площади 3200 м^2. Значительные размеры раскопов и их расположение на территории поселения позволили выяснить основные вопросы вертикальной и горизонтальной стратиграфии памятника. Материальные остатки залегали в слое черного гумусированного песка мощностью 0,5—0,7 м, перекрытого пластом светло-серого наносного песка и подстилаемого белым материковым песком повышенной влажности. Характер и особенности полученного материала свидетельствуют о том, что поселение на части своей территории двухслойное, с отложениями эпохи бронзы и начала раннего железного века[1]. Послойно статистический учет находок на этих участках показал, что на глубине до 0,5—0,6 м от уровня дневной поверхности абсолютно преобладают материалы раннего железного века, образующие верхний стратиграфический горизонт; ниже доминируют отложения раннего периода срубной общности. Стерильные прослойки между стратиграфическими горизонтами, как правило, отсутствуют. В то же время на западной оконечности мыса (западные фланги раскопов I и III), при некотором уменьшении мощности культурного слоя, по всей его толще зафиксировано преобладание раннесрубного материала. В центральной части мыса (раскоп II) встречены в основном находки начала раннего железного века, а в его северо-восточной части (раскоп IV) отмечена крайне слабая насыщенность культурного слоя, свидетельствующая о незаселенности этого участка (рис. 1, *1*).

[1] В центральной части раскопа I в небольшом количестве встречены материалы I тыс. н. э., в раскопе III найдены фрагменты неолитической керамики.

© С. И. Берестнев, 1994 г.

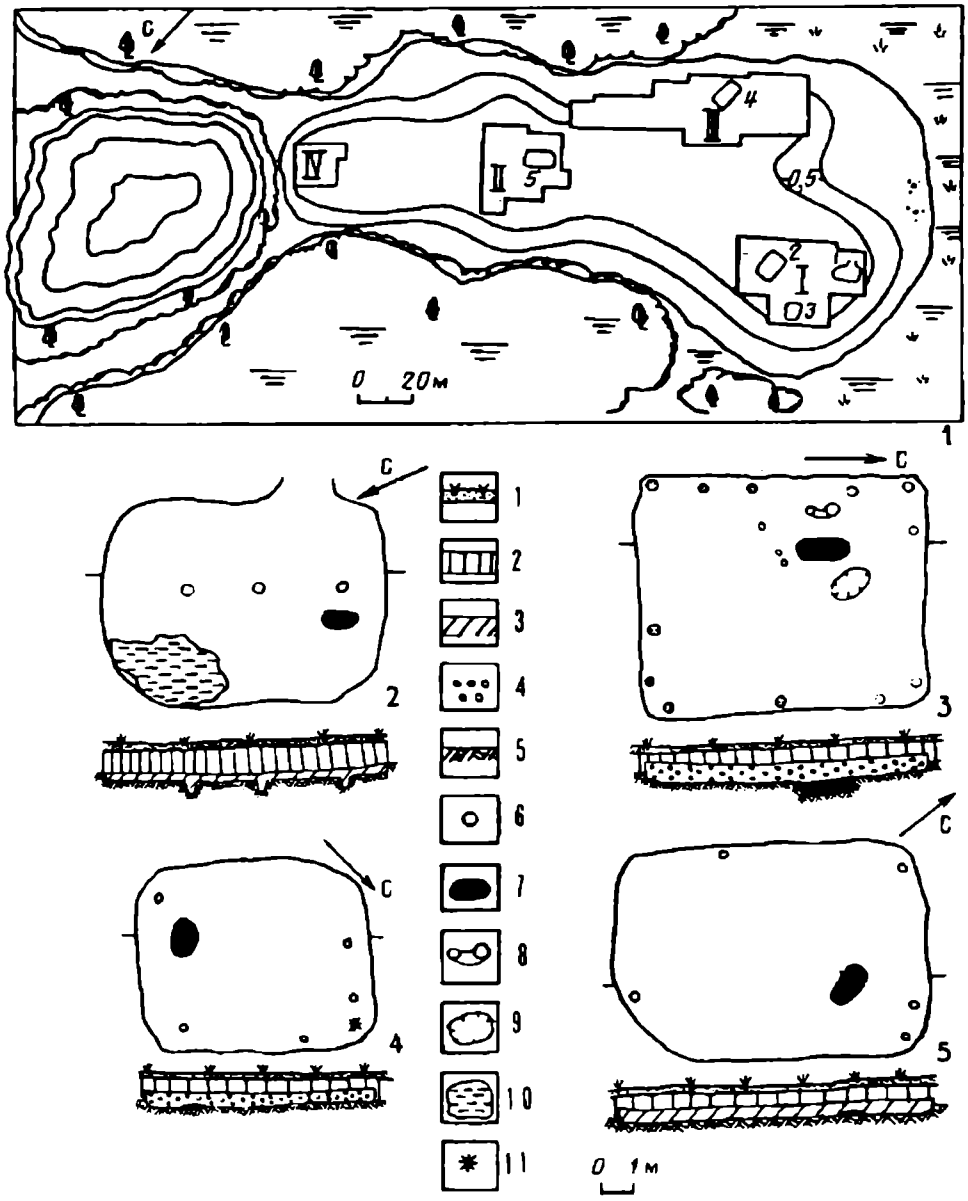


Рис. 1. План поселения. Планы и разрезы жилищ. *1* — серый задернованный сверху песок; *2* — черный гумусированный песок; *3* — золистый песок; *4* — мешаный грунт заполнения котлованов жилищ; *5* — материк; *6* — столбовые ямки; *7* — очаг; *8* — культовое сооружение; *9* — углубление в полу жилища; *10* — глиняная обмазка пола; *11* — железная руда (римскими цифрами обозначены номера раскопов, арабскими — жилищ)

Стратиграфические и планиграфические наблюдения подтверждаются наличием закрытых комплексов, относящихся к каждому из периодов функционирования поселка. Всего на исследованной площади выявлено 5 жилищ и 16 хозяйственных ям, планиграфически тяготеющих к жилищам.

Жилище 1 исследовано на западном фланге раскопа I, на однослойном раннесрубном участке. Постройка имела прямоугольную форму, с округленными углами, размеры 9,0×7,1 м, продольными сторонами ориентирована с юго-запада на северо-восток. Пол впущен на 0,2—0,3 м в материковый песок; в северном углу сохранились остатки обмазки пола в виде слоя обожженной глины толщиной 1—2 см. В центральной части жилища выявлены три столбовые ямки, расположенные на одной линии, соответствующей центральной оси постройки. Рядом с южной стенкой расчищен открытый очаг овальной формы (0,80×0,45 м) с остатками бортиков из кусков прокаленного песчаника. Вход в жилище, в виде покатого спуска шириной 1,75 м, обнаружен в восточной стенке (рис. 1, *2*).

Жилище 2 выявлено в восточной части раскопа I, на двухслойном участке. Контуры жилища определились на глубине 0,5—0,55 м по красновато-бурому цвету грунта заполнения котлована, содержавшего помимо песка комки глины и древесные угли. Постройка имела правильную прямоугольную форму, размеры 9,3×8,0 м, была ориентирована по линии север — юг. Пол впущен в материковый песок на 0,20—0,25 м. По периметру помещения прослежено 12 столбовых ямок. В северо-западной части жилища обнаружено очажное углубление овальной формы (1,5×0,7×0,3 м), заполненное плотной золистой массой. Между очагом и западной стенкой расчищены две неглубокие ямки, соединенные полукруглым в сечении желобком. В их заполнении встречены древесные угли и крошки красной охры, что позволяет трактовать этот комплекс как культовый. К югу от очага прослежено три столбовые ямки небольшого диаметра. Они как бы отделяли «кухонную» половину жилища от остального помещения (рис. 1, *3*).

Жилище 3 находилось в северной части раскопа I, на двухслойном участке. Как и жилище 2, относилось к верхнему стратиграфическому горизонту. Постройка имела подпрямоугольную форму, размеры 7,35×6,5 м, длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Расположение жилища на склоне возвышенности обусловило то обстоятельство, что пол его был спланирован по горизонтали — в южной части он был углублен в материк на 0,2 м, в северной части находился на уровне начала материкового песка. По периметру жилища прослежено пять столбовых ямок. В южной половине постройки выявлен открытый очаг округлой формы, диаметром около 0,55 м. Вход в жилище, вероятно, находился в западной стенке и был обращен к пойме (рис. 1, *4*).

Жилище 4 исследовано в южной части раскопа III, на участке с отложениями раннесрубного времени. В ходе зачистки на материке было выявлено шесть столбовых ямок, образующих прямоугольник 3,25×2,55 м, ориентированный продольной осью с севера на юг. Трактовке этого сооружения как наземного жилища на столбовой основе соответствует значительная концентрация материальных остатков в прилегающих квадратах и наличие вблизи хозяйственных ям.

Жилище 5 в раскопе II; оно имело прямоугольную форму, размеры 10×7,5 м, продольными сторонами ориентировано с юго-запада на северо-восток. Пол постройки углублен в материк на 0,20—0,25 м, по его периметру расчищено пять столбовых ямок. В восточной части жилища находился открытый очаг овальной формы (1,1×0,75 м) с остатками невысоких бортиков из кусков обожженного песчаника (рис. 1, *5*). На основании находок на полу жилых построек можно датировать две из них (1 и 4) раннесрубным временем, три (2, 3, 5) отнести к периоду существования поселка раннего железного века.

Подавляющее количество находок на поселении составляют фрагменты глиняной посуды. Наличие однослойных участков и закрытых комплексов позволяет достаточно надежно выделить керамические наборы каждого из хронологических горизонтов.

В раннесрубное время посуда изготавливалась из глины с отощающими примесями песка и шамота, иногда дресвы. Обжиг поверхностный — черепок в изломе чаще трехслойный. Цвет внешней поверхности бурый или серый, внутренней — черный. Видовой состав посуды довольно разнообразен и включает банки, остроребериые сосуды, горшки, миски, стаканы. В посудном наборе всецело преобладают сосуды баночной формы (в закрытых комплексах они составляют 82—86%). К банкам отнесены сосуды простейшей конфигурации тулова, характеризующиеся отсутствием важного показателя профилированности — выделенной шейки. Представлены три основных типа банок.

Тип I — банки с прямыми или слабовыпуклыми стенками, поднимающимися под тупым углом от плоскости дна. Наибольший диаметр по тулову приходится на край венчика, чаще уплощенного или округленного (рис. 2, *1—4*).

Тип II — банки с прямыми или слабовыпуклыми стенками, в верхней части имеющими наклон внутрь, вследствие чего образуются более или менее выраженные плечики, на которые приходится максимальный диаметр по тулову.

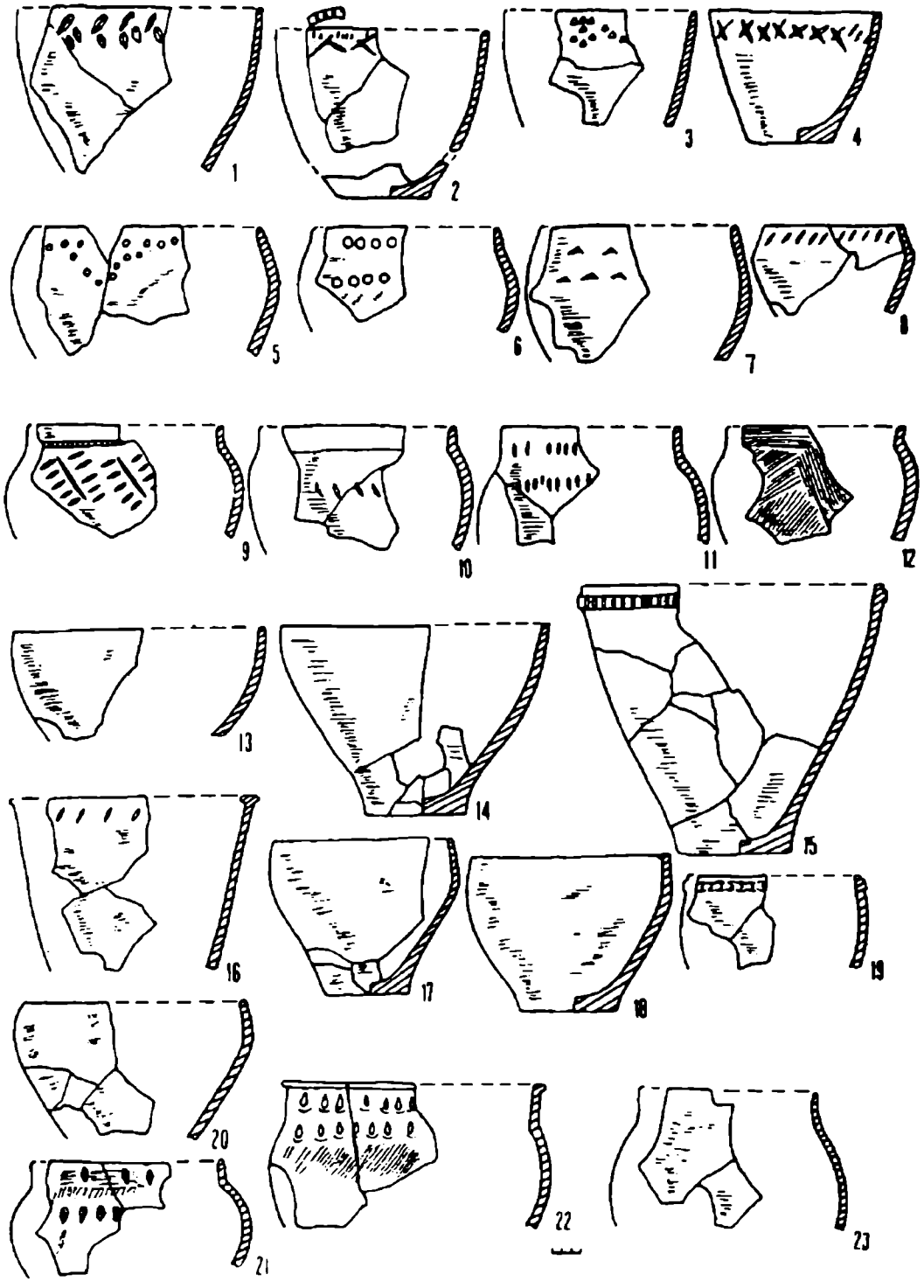


Рис. 2. Баночные сосуды (*1—12, 14—23*), миска (*13*). *1—13* — нижний стратиграфический горизонт (*2, 8, 12, 13* — жилище 1); *14—23* — верхний стратиграфический горизонт (*14, 22* — жилище 2; *21* — жилище *5*)

Край венчика уплощен или округлен. Внутри типа возможно выделение двух вариантов: 1 — банки с резко очерченными плечиками — остроребериые (рис. 2, *8*); 2 — банки с мягкими очертаниями перегиба стенок — округлоплечие (рис. 2, *5—7*). Остроребериые банки немногочисленны.

Тип III — банки с невысоким вертикально поставленным венчиком, образующим цилиндрическое устье, и выделенными плечиками в последней трети высоты. Край венчика округлен или уплощен, иногда приострен. В некоторых

случаях венчик слегка отогнут наружу, что объективно приближает такие банки к горшкам (рис. 2, *9—12*).

Две трети всех банок орнаментировано. Орнамент, простой по технике исполнения и композиции, наносился в верхней половине тулова одним, реже двумя поясами. К числу наиболее распространенных мотивов относятся вертикальные, наклонные или крестообразные палочные насечки (рис. 2, *2, 4, 8, 10, 11*), оттиски плоского штампа, подтреугольные вдавления (рис. 2, *1, 7*). В единичных случаях встречены отпечатки зубчатого или веревочного штампов (рис. 2, *9*), вдавления торцом круглой палочки (рис. 2, *5*), наколы острием шила сердцевидные отпечатки, произведенные срезанной наискось полой косточкой (рис. 2, *3*), оттиски пальца (рис. 2, *6*). Нередко орнаментировался срез венчика (рис. 2, *2*). Декоративное значение могло иметь и заглаживание поверхности зубчатым штампом или гребенкой — различное направление движения орудия создавало орнаментальные зоны, придававшие поверхности нарядный вид (рис. 2, *12*).

Остроребериые сосуды составляют в среднем около 8% посудного набора. Они, как правило, приземистых пропорций, с диаметром венчика, превосходящим высоту сосуда, хотя встречаются экземпляры и более стройных очертаний. Хорошо выраженные плечики находятся в верхней половине тулова. Край венчика обычно уплощен, реже округлен, в единичных случаях косо срезан наружу. Внешняя поверхность тщательно заглажена. Орнамент в большинстве случаев наносился в верхней половине тулова. Он выполнялся оттисками веревочки, гребенки, зубчатых штампов, врезными линиями. Основные элементы орнамента — равнобедренные или прямоугольные треугольники, ромбы, нередко с вписанными в них различными фигурами, зигзаги, направленные в одну сторону углы (рис. 3, *1—3, 7—8, 10*). Часто основные орнаментальные композиции дополнялись палочными насечками или подтреугольными вдавлениями (рис. 3, *10*). Почти непременным атрибутом орнамента являются параллельные горизонтальные линии, нанесенные по ребру и под его венчиком. Они как бы ограничивают верхний орнаментальный фриз и подчеркивают ребро. В двух случаях встречен несвойственный для собственно срубного гончарства спиральный орнамент, выполненный оттисками веревочки (рис. 3, *4, 5*). В целом композиции, выполненные отпечатками веревочки, наиболее распространены на остроребериых сосудах.

Небольшим количеством экземпляров представлены горшки (в среднем 4—5%). Некоторые из них, очевидно, восходят к остроребериым формам, отличаясь от последних более округленным ребром и мягко отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *9, 15*). Другие, по-видимому, генетически связаны с банками, но их отличает наличие слабопрофилированной шейки (рис. 3, *11—14*). Эта близость подтверждается и орнаментацией горшков, повторяющей сюжеты, распространенные на баночных и остроребериых сосудах.

Надежно засвидетельствовано присутствие в нижнем стратиграфическом горизонте мисок. На полу жилища 1 найдены фрагменты глубокой миски со слабовыпуклыми стенками и вертикально поставленными бортиками (рис. 2, *13*).

Частью посудного набора раннесрубного времени являются стаканы — небольшие, высотой 6—11 см, сосуды, повторяющие формы банок I—II типов (рис. 4, *1—4*). Как правило, они неорнаментированы, внешняя поверхность хорошо заглажена. В одном случае встречен налепной, подтреугольный в сечении валик (рис. 4, *2*).

Керамический комплекс верхнего стратиграфического горизонта отличается более богатым видовым составом, приемами орнаментации и некоторыми технологическими особенностями. Посуда изготавливалась из плотной глины с примесью песка и мелкой шамотной крошки. Зафиксировано также применение в качестве отощающих примесей дробленого известняка и измельченных костей. Черепок в изломе трех- или двухслойный, нередко встречается и более качественный обжиг. Цвет внешней поверхности в диапазоне от желтого до темно-серого, внутренней — от коричневого до черного.

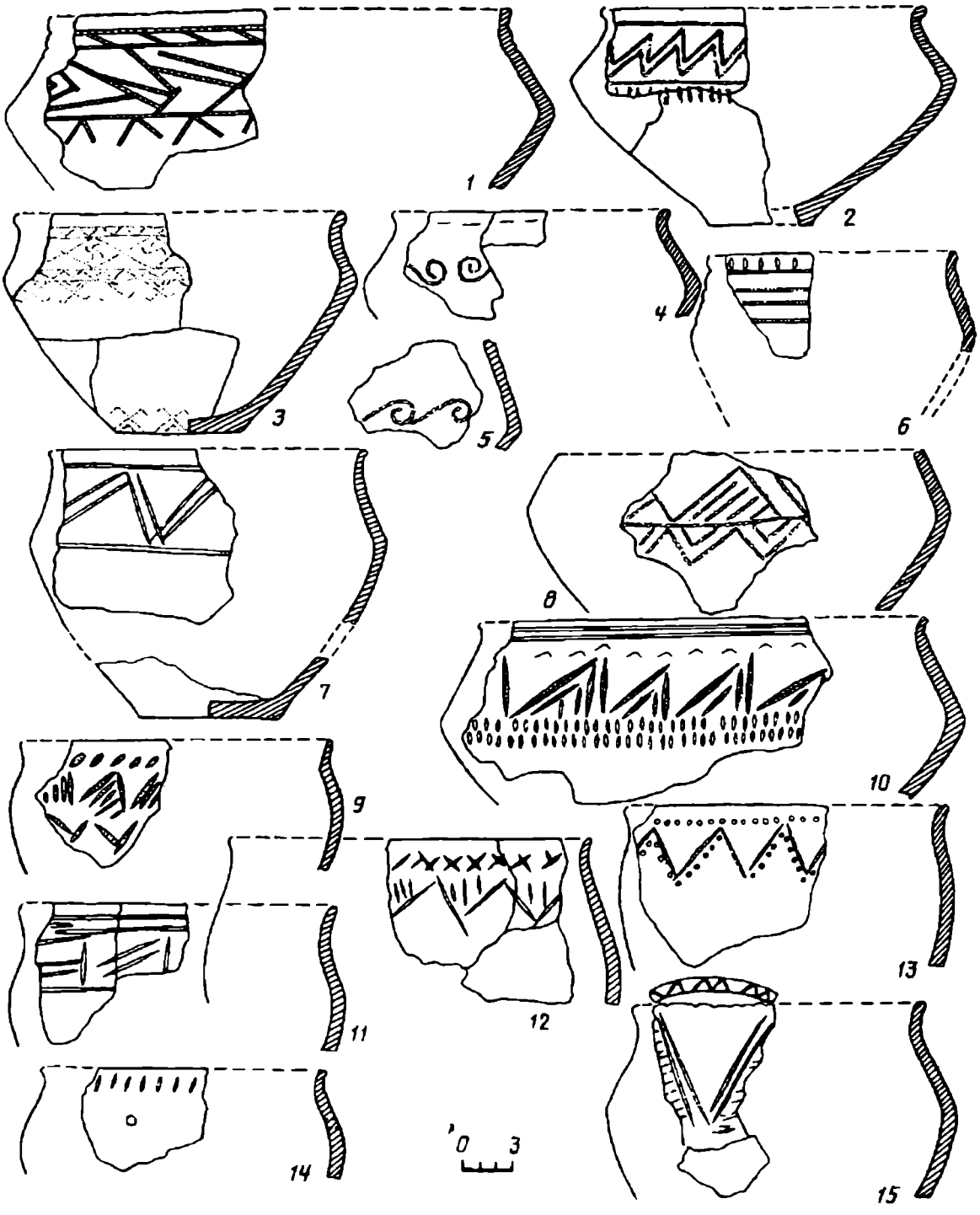


Рис. 3. Остроребериые сосуды и горшки из нижнего стратиграфического горизонта. (*1, 10, 13, 15* — жилище 1)

Наиболее распространенным видом посуды остаются банки. В закрытых комплексах они составляют 50—55% всех форм. Продолжают существовать баночные сосуды трех охарактеризованных выше типов. Важно отметить, что в целом несколько уменьшается количество банок II типа и практически не встречены остроребериые банки. Банки III типа часто приобретают более выразительную профилировку. Край венчика у баночных сосудов в большинстве случаев уплощен, иногда наблюдается «козырек» в одну или обе стороны (рис. 2, *16, 18, 22*). Наряду с сохранением традиции заглаживания поверхности зубчатым штампом,

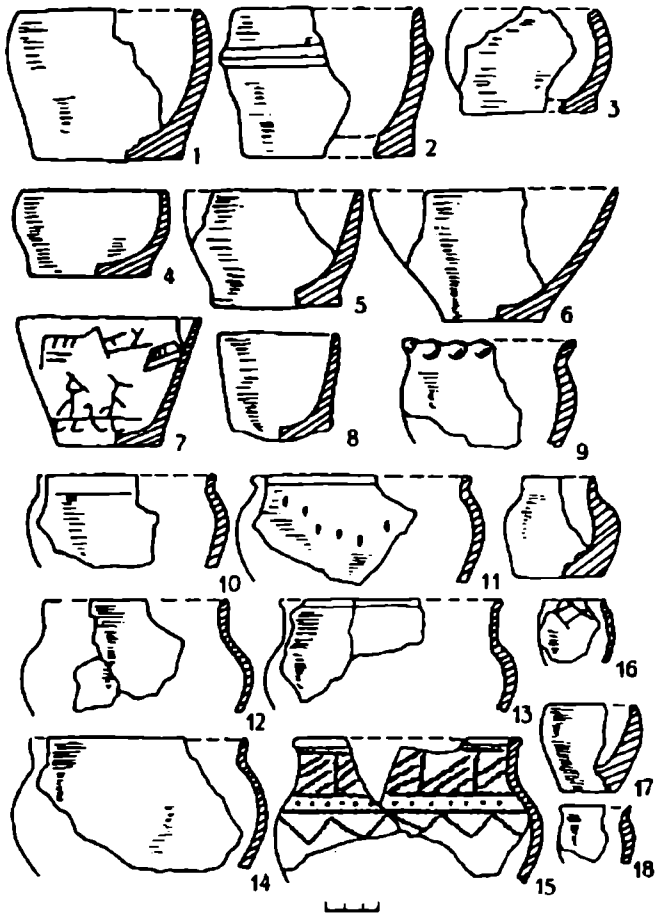


Рис. 4. Стаканы, кубки, культовые сосуды. *1—4, 19* — нижний стратиграфический горизонт (*3* — жилище 1); *5—18* — верхний стратиграфический горизонт (*13* — жилище 2)

особенно стойкой на банках, появляются экземпляры со старательно затертой поверхностью. Орнаментировано около трети баночных сосудов. Орнамент значительно упрощается и фактически сводится к одному-двум пояскам палочных насечек под венчиком (рис, 2, *16, 21, 22*). Редко и только на банках I и II типов встречается налепной валик, расчлененный, как правило, палочными насечками, в нескольких случаях деформированный пальцевыми вдавлениями (рис. 2, *15, 19*).

Горшки составляют 30—35% всей посуды. Особенности профилировки позволяют выделить четыре основных типа горшков.

Тип I — горшки стройных пропорций, с более или менее выразительно отогнутым наружу венчиком, слабовыраженной короткой шейкой и пологими слабовыпуклыми плечиками (рис. 5, *1—10*). Край венчика обычно округлен или приострен. Иногда на внешней поверхности заметны следы «расчесов». Почти все горшки этого типа орнаментированы: на единичных экземплярах орнамент отсутствует, но их отличает старательно заглаженная поверхность. Преобладают углубленные композиции: прочерченные по плечикам параллельные линии, пространство между которыми заполнено наклонными или крестообразными насечками (рис. 5, *2*), горизонтальная «елочка» (рис. 5, *5*), наклонные насечки и подтреугольные вдавления (рис. 5, *6*). Часть горшков украшена слаборельефными налепными валиками, расположенными в верхней части плечиков. Валики всегда расчленены палочными насечками, вдавлениями зубчатого или гребенчатого штампов (рис. 5, *1, 3—4, 8*). В нескольких случаях встречены горшки с незамкнутыми и плавно опущенными книзу окончаниями валиков (рис. 5, *4, 7*). Нередко рельефная (валик) орнаментация сочетается с углубленными компози-

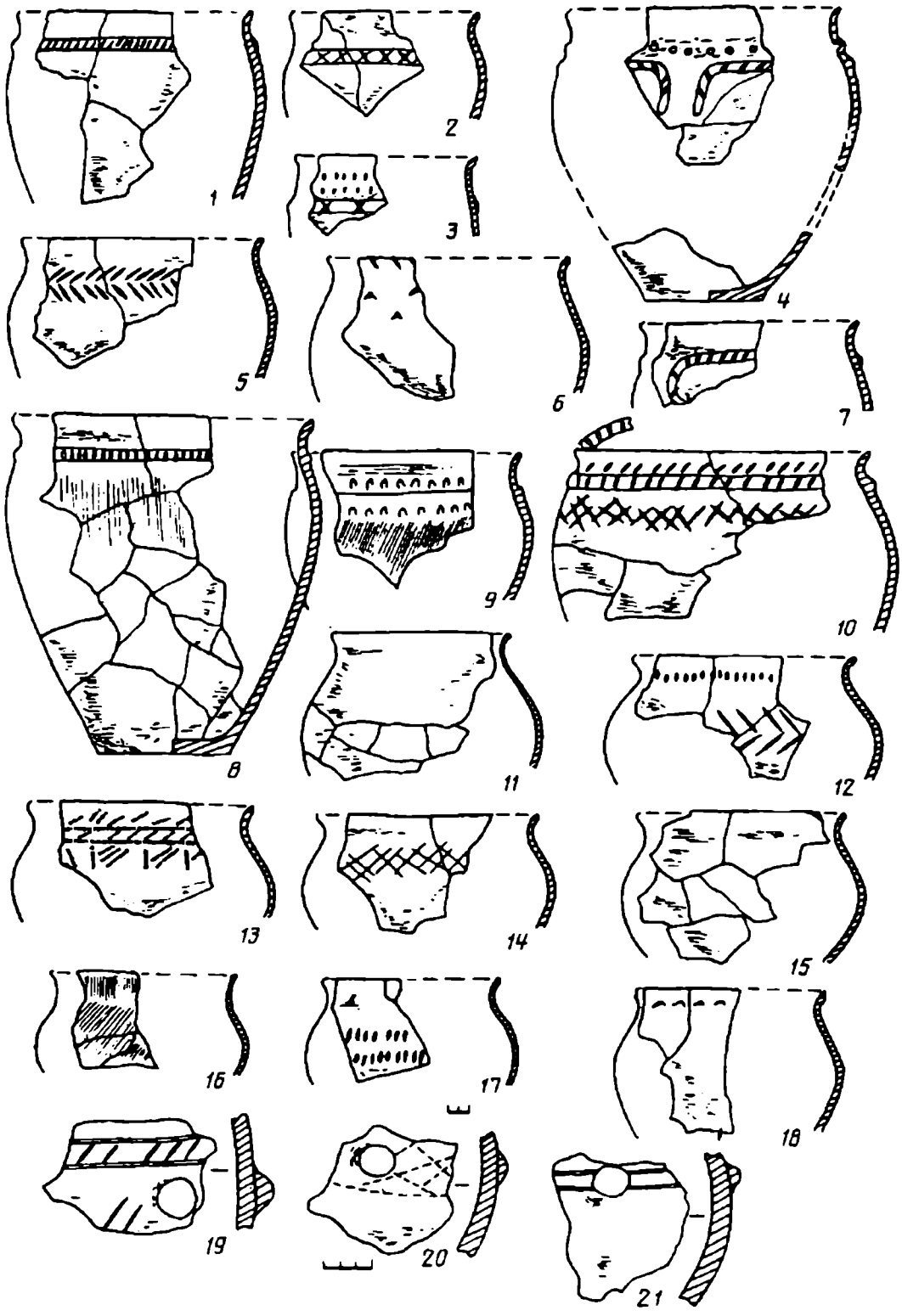


Рис. 5. Горшки из верхнего стратиграфического горизонта. (*2, 6, 8, 14* — жилище 2; *5, 16* — жилище 3)

циями (рис. 5, *3, 10*). К рельефной орнаментации могут быть отнесены налепы-шишечки (рис. 5, *19—21*). Только на горшках I типа встречена «жемчужная» орнаментация, дополняющая углубленные композиции (рис. 5, *4*). Особо следует отметить фрагмент горшка с рельефным носиком для слива.

Тип II — горшки с невысоким, отогнутым наружу венчиком, короткой, хорошо

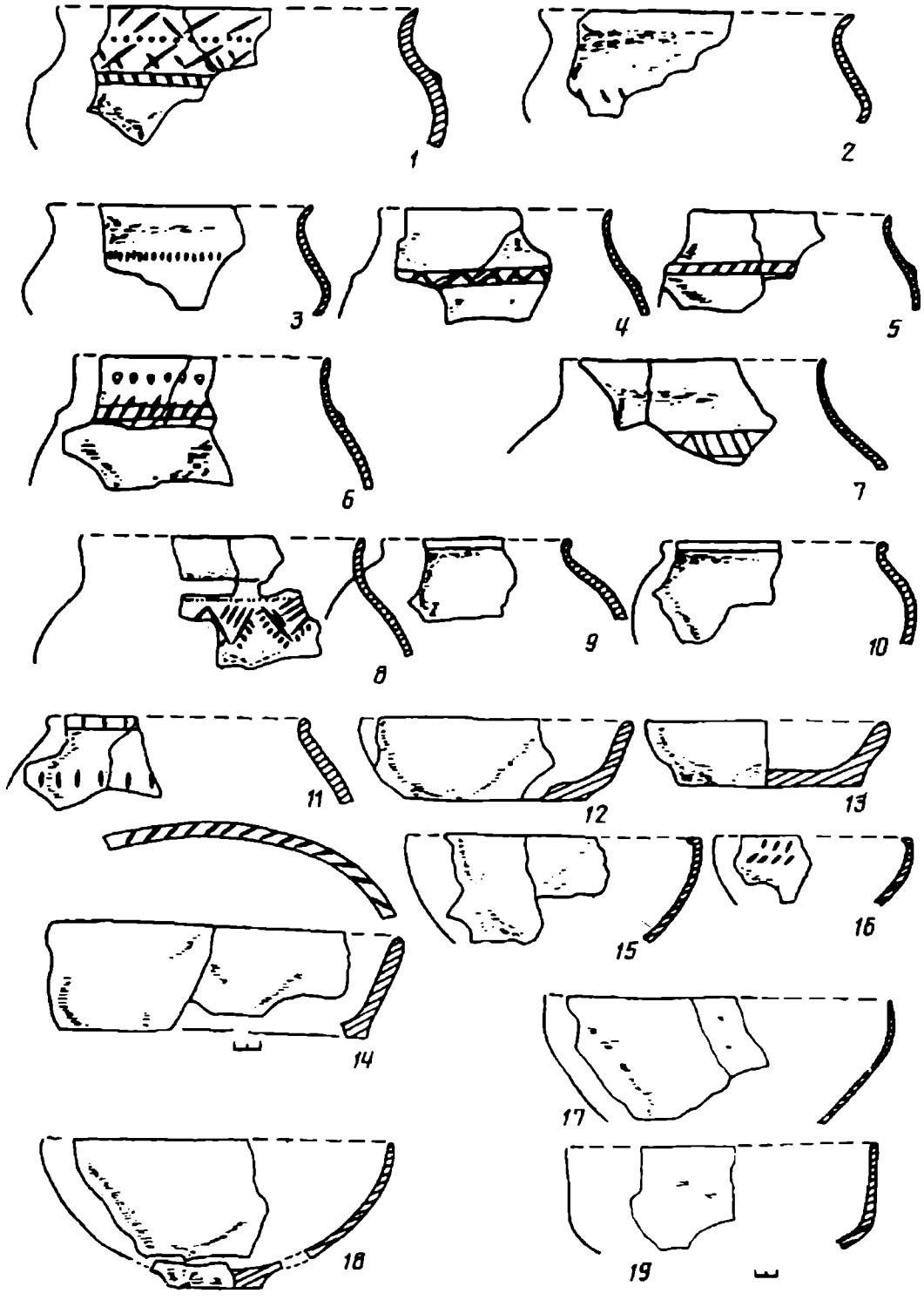


Рис. 6. Горшки, жаровни и миски из верхнего стратиграфического горизонта. (*6, 11, 17* — жилище 2; *3, 16* — жилище 5)

выраженной шейкой и округлым или слаборебристым туловом с максимальным расширением примерно на середине высоты (рис. *5, 11—18*). Горшки этого типа отличаются старательно заглаженной, в единичных случаях подлощенной внешней поверхностью. Край венчика обычно округлен или приострен. Большая часть горшков орнаментирована; налепной валик не встречен ни разу. Сюжеты углубленного орнамента несложны — палочные насечки на шейке или плечиках, крестообразные нарезы, подтреугольные вдавления, горизонтальная «елочка» (рис. *5, 12, 14, 15, 17, 18*). В нескольких случаях встречены более сложные композиции,

выполненные оттисками мелкозубчатого штампа или гребенки (рис. 5, *13*). На одном из горшков зафиксированы орнаментальные «расчесы» (рис. 5, *16*).

Тип III — горшки с отогнутым наружу венчиком, короткой, хорошо выраженной шейкой и выпуклыми плечиками, круто переходящими к придонной части (рис. 6, *1—3*). Край венчика обычно округлен или приострен. Орнаментировано около половины таких горшков. Чаще всего это пояски палочных насечек по плечикам. Налепной валик встречен в нескольких случаях. Он расположен в верхней части плечиков и дополняется композициями из насечек, отпечатков зубчатого штампа или вдавлений торцом незамкнутой трубочки.

Тип IV — горшки со сравнительно высоким, поставленным вертикально или слабо отогнутым наружу, венчиком, плавно переходящим в округлое или шаровидное тулово (рис. 6, *4—8*). Край венчика чаще округлен, иногда примят пальцевыми вдавлениями. Все горшки орнаментированы. В орнаментации преобладает слаборельефный налепной валик, расположенный на плечиках и всегда расчлененный наклонными или крестообразными насечками (рис. 6, *4—6*). Углубленные виды орнаментации представлены прочерченными композициями или сюжетами, выполненными отпечатками зубчатого штампа (рис. 6, *7, 8*).

В особый вид тарной посуды могут быть выделены большие сосуды, изготовленные из комковатой глины с добавками крупных зерен шамота, с небрежно обработанной поверхностью. Они имеют короткий, массивный, вертикально поставленный венчик, переходящий в выпуклые плечики. В нескольких случаях есть свидетельства шаровидности корпуса (рис. 6, *9—11*).

В посудный набор верхнего стратиграфического горизонта входят также миски. Хорошо представлены глубокие миски с плавно изогнутыми стенками и небольшим плоским дном (рис. 6, *17, 18*). Часто встречается козырек, направленный внутрь (рис. 6, *15, 16*). Внешняя поверхность мисок, как правило, хорошо заглажена, иногда заметны «расчесы». Единственным экземпляром представлена глубокая миска «шлемовидного» профиля (рис. 6, *19*). Наряду с мисками существуют жаровни двух основных типов: круглые в плане, с поставленными под тупым углом довольно массивными бортиками (рис. 6, *12, 13*); овальные в плане, с более высокими и тонкими бортиками (рис. 6, *14*).

Значительной серией находок представлены стаканы, воспроизводящие формы банок I—III типов (рис. 4, *5—8, 10, 11*). Один из подобных сосудов отличается отогнутым венчиком, примятым пальцевыми вдавлениями, и выраженной шейкой (рис. 4, *9*).

В четырех случаях встречены фрагменты нелощеных кубков. Один из них имеет невысокий прямой, под небольшим углом отогнутый наружу венчик, резко переходящий в шаровидное тулово (рис. 4, *14*). Три других кубка отличаются сравнительно высоким вертикально поставленным венчиком, в двух случаях с небольшим козырьком наружу, и округлым туловом. Один из них орнаментирован оттисками веревочки, образующими довольно сложный сюжет, дополняющийся наколами острием шила (рис. 4, *12, 13, 15*). С двухслойных участков поселения происходит небольшая коллекция вотивных сосудиков (рис. 4, *16—19*).

Многочисленны глиняные пряслица. В плане они все круглой формы, со сквозным отверстием в центральной части. В вертикальном сечении выделяются пряслица шаровидной (рис. 7, *1, 6*), «гофрированной» (рис. 7, *2*), прямоугольной (рис. 7, *3, 10*), трапециевидной (рис. 7, *4*), полусферической (рис. 7, *5*), грушевидной (рис. 7, *7*), биконической (рис. 7, *8*) и усеченно-конической формы (рис. 7, *9*). Находки в закрытых комплексах и на однослойных участках позволяют отнести к раннесрубному времени пряслица «гофрированной», прямоугольной и трапециевидной формы, к началу раннего железного века — пряслица биконической и усеченно-конической формы. Остальные типы пряслиц встречены в обоих стратиграфических горизонтах. Иное функциональное назначение имели изделия в виде плоских дисков большого диаметра со сквозным центральным отверстием, иногда окаймленным рельефным ободком (рис. 7, *11—13*). Стратиграфически они связаны с верхним горизонтом.

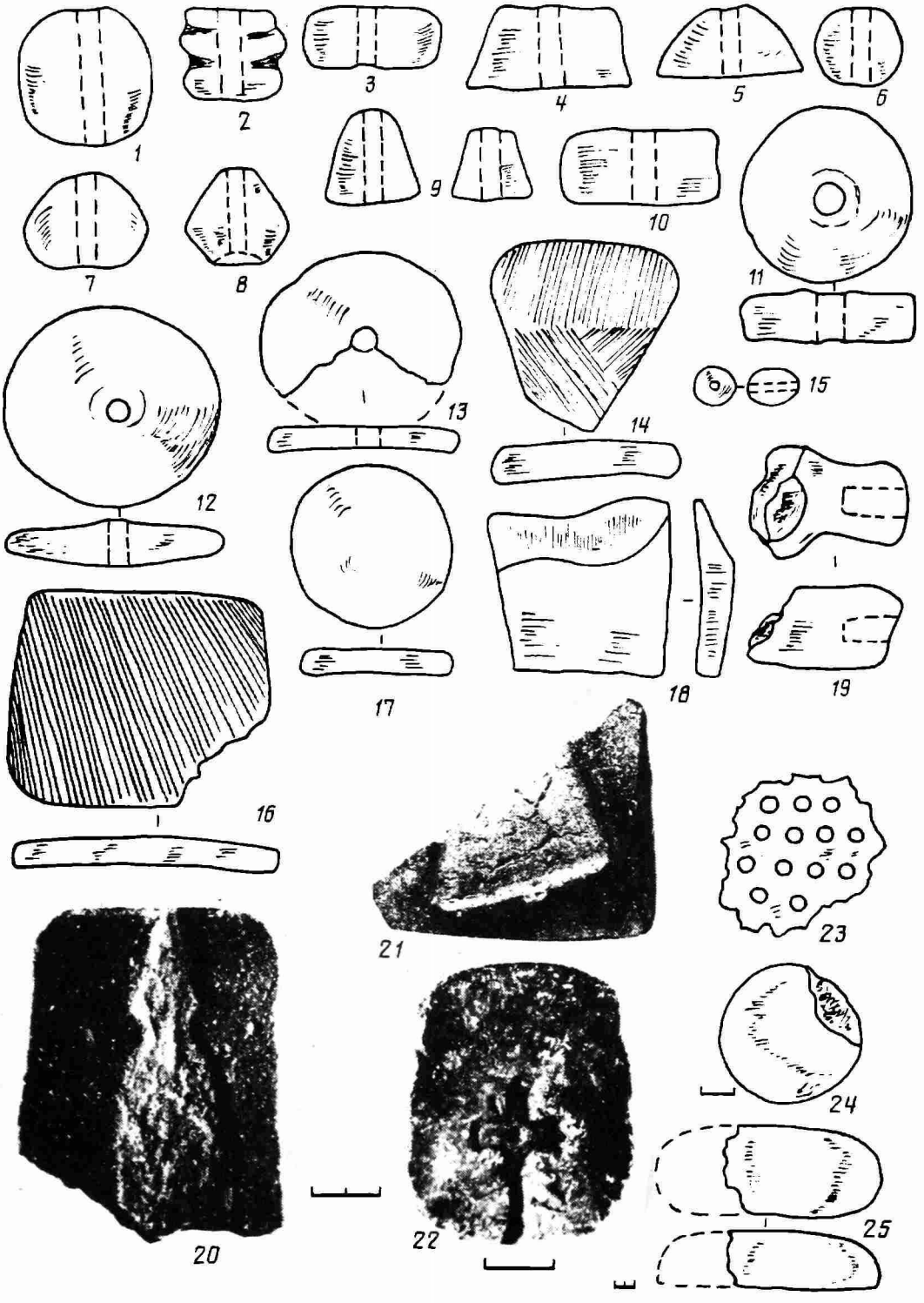


Рис. 7. Изделия из глины. *1—5, 10* — нижний стратиграфический горизонт; *6—9, 11—25* — верхний стратиграфический горизонт. (*2* — жилище 4, *9, 11, 14, 15* — жилище 2, *18* — жилище *5*; *22* — яма 13)

Следует отметить поделки из стенок разбитых сосудов. Они имеют в плане округлую, подтреугольную, четырехугольную, овальную, сегментовидную форму (рис. 7, *14, 16, 17*). Края их обточены, на поверхности нередко заметны следы «расчесов». В жилище 5 найдено изделие из стенки лепного сосуда со сточенным под острым углом краем; на рабочей поверхности хорошо различаются микроцарапины в продольном направлении (рис. 7, *18*). Не исключено, что это орудие

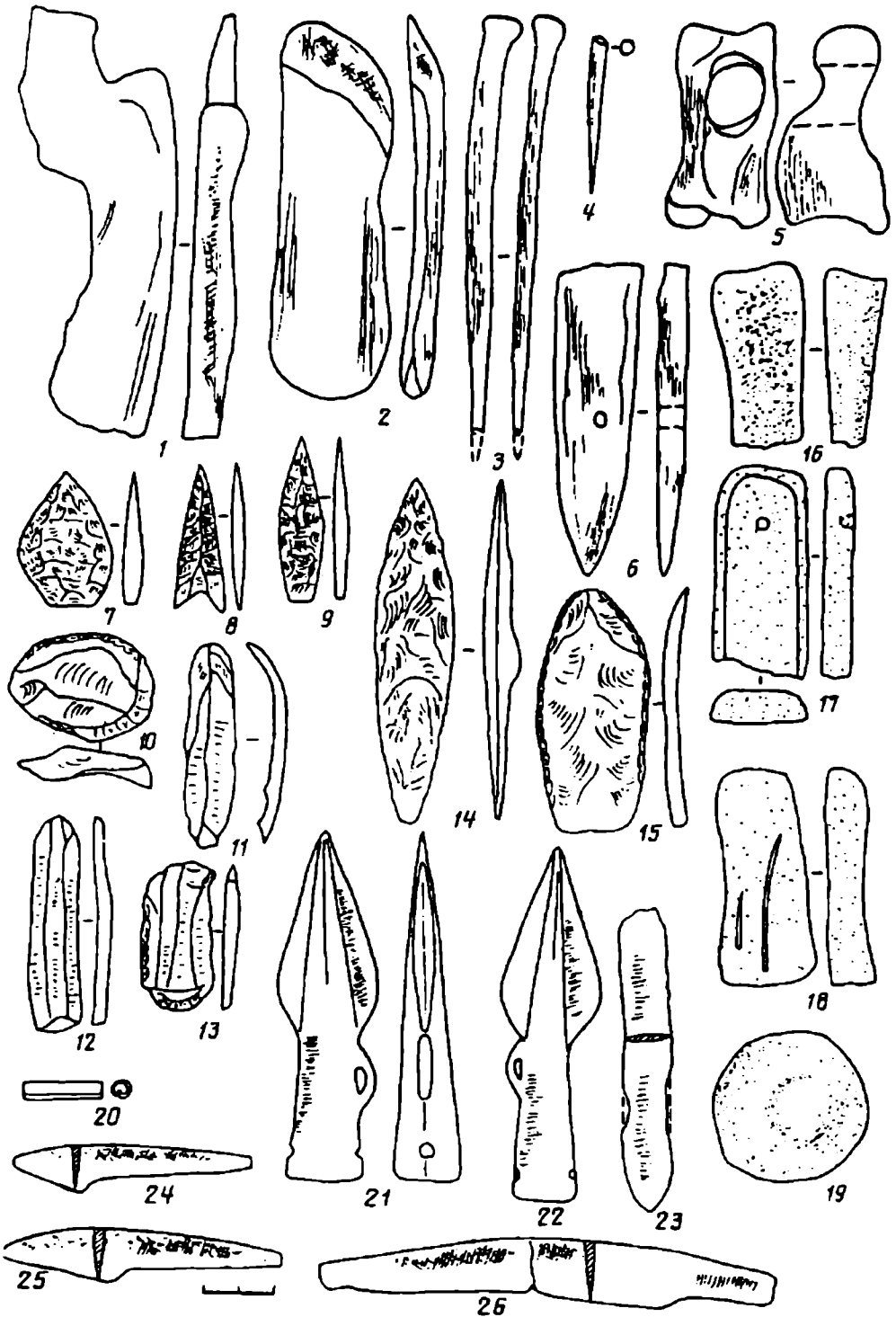


Рис. 8. Изделия из кости (*1—6*), кремня (*7—15*), камня (*16—19*), бронзы (*20—23*) и железа (*24—26*). *6—8, 10, 11, 13, 15, 18, 21* — нижний стратиграфический горизонт; *1—5, 9, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 23—26* — верхний горизонт. (*1—4* — жилище 2)

использовалось в керамическом производстве. Из жилища 2 происходит глиняная бусина (рис. 7, *15*).

Серия керамических изделий связана с бронзолитейным производством. Это прежде всего литейные формы. Одна из них представляет обломок половинки двухсоставной матрицы с негативом лезвийной части топора, судя по наклону лезвия, вислообушного (рис. 7, *21*). Вторая — обломок формы с негативом верхней части ножа с плоским ромбическим перекрестьем (рис. 7, *20*). Третья, проис-

ходящая из закрытого комплекса (яма 13), — половинка двухсоставной матрицы с негативом маленького крестовидного украшения (рис. 7, *22*). К этой же категории изделий может быть отнесен обломок глиняной льячки с отверстием для деревянной рукояти в торцевой части (рис. 7, *19*).

В культурном слое поселения неоднократно встречались обломки глиняных «вальков» овальной или булковидной формы, размерами в среднем 14×9×6 см (рис. 7, *25*). Найдено также пращевое ядро из обожженной глины диаметром 4,2 см (рис. 7, *24*). К верхнему стратиграфическому горизонту относятся обломки глиняных «цедилок» — вида посуды, несвойственного собственно срубному гончарству (рис. 7, *23*).

Изделия из кости в материалах поселения немногочисленны. Найдены проколки из расколотых вдоль трубчатых костей (рис. 8, *3*), тупик со стертой до губчатой основы рабочей поверхностью (рис. 8, *1*), скребок (рис. 8, *2*), молоточковидное орудие из астрагала (рис. 8, *5*), обломок кочедыковидного орудия (рис. 8, *6*). Из жилища 2 происходит обломок рогового шила (рис. 8, *4*).

Довольно разнообразен набор изделий из кремня. Преобладают отщепы самых разных очертаний и размеров. Найдены скребки (рис. 8, *10, 15*), ножевидные пластины (рис. 8, *11, 12*), резец (рис. 8, *13*). Часть изделий может быть отнесена к предметам вооружения. Это — изящный наконечник дротика длиной 13 см, с выступом-упором на одной из сторон (рис. 8, *14*) и наконечники стрел: листовидный со следами обломанного черенка (рис. 8, *7*), вытянуто-треугольной формы с выемкой в основании (рис. 8, *8*) и иволистной формы (рис. 8, *9*).

Изделия из камня представлены точильными брусками, на одном из которых имеются глубокие бороздки от заточки шильев (рис. 8, *16, 18*), обломком оселка с неоконченной сверлиной в верхней части (рис. 8, *17*), пращевым ядром диаметром 4,3 см (рис. 8, *19*).

С однослойного раннесрубного участка происходит бронзовый литой наконечник дротика длиной 9,8 см. Перо листовидной формы, с максимальным (2,9 см) расширением в нижней части. Втулка в виде подромбического в сечении стержня продолжается до конца острия; в верхней ее части имеется небольшое ушко, в нижней — симметрично расположенные на боковых поверхностях два отверстия (рис. 8, *21*). Аналогичный по размерам и пропорциям наконечник найден у пос. Соколово, в 8—10 км от поселения (рис. 8, *22*). Таранцевский наконечник изготовлен из металла восточного происхождения (Волго-Камская — Волго-Уральская группы) [2].

Из оловянистой бронзы (Волго-Уральская группа) было изготовлено лезвие обоюдоострого ножа [3]. Один конец его заострен, другой обломан, сечение линзовидное. Длина сохранившейся части 8,6, ширина 1,4 см (рис. 8, *23*). К украшениям может быть отнесена пронизка из согнутой в один оборот латунной пластины (рис. 8, *20*) [4].

С верхним стратиграфическим горизонтом связаны находки железных ножей. Один из них характеризуется слабовыгнутой спинкой, прямым лезвием и коротким широким черенком, отделенным от лезвия небольшим уступом (рис. 8, *26*). Два других ножа однотипны. Они имеют небольшое, подтреугольной формы лезвие и удлиненный, сужающийся к концу черенок (рис. 8, *24, 25*).

Керамический комплекс нижнего стратиграфического горизонта поселения в целом типичен для раннего периода срубной общности и находит параллели в памятниках Поволжья, Подонья и Левобережной Украины [3; 4, с. 43, рис. 11, 12, 13; 5, с. 63—66, рис. 3; 6, с. 86—89, табл. I; 7, с. 253, 234]. Хронологическим показателем может служить присутствие в материалах раннесрубного горизонта, в том числе и в закрытых комплексах, небольшого количества фрагментов

---

[2] Анализы произведены в спектральной лаборатории ХГУ Л. П. Грубник-Буйновой. Ан. № 2532; Sn—3,35, Pl—0,04, Bi—0,013, Ag—0,0035, Sb—0,029, As—0,323, Fe—0,074, Ni—0,02, Co—0,006.

[3] Ан. № 2484; As—0,126, Fe—0,095, Ni—0,027, Mn—0,007.

[4] Ан. № 1300; Sn—0,77, Pl—1,76, Zn—26,7, Bi—0,063, Ag—0,03, Sb—0,017, As—0,776, Fe—0,58, Ni—0,13, Mn—0,01, Co—0,007, Au—0,0003.

сосудов с характерной многоваликовой орнаментацией. По составу глиняной массы, технике обработки поверхности, общим пропорциям они заметно отличаются от срубной керамики. Показательна также находка фрагмента абашевского горшка, характеризующегося колоколовидностью профиля и примесью толченой ракушки в глине. Эти обстоятельства трудно трактовать иначе, как свидетельство хронологического контакта трех культур — абашевской, многоваликовой и срубной. Культуру многоваликовой керамики С. Н. Братченко датирует XVI—XIV вв. до н. э., с ограничением XV в. до н. э. для бассейна Северского Донца [8, с. 31]. С. С. Березанская определяет время существования культуры второй половиной XVII—XVI в. до н. э., с возможным заходом в XV в. до н. э. В то же время она допускает, что на Левобережье Украины культура многоваликовой керамики могла сосуществовать со срубной [9, с. 28, 39]. Для этого же времени на археологическом материале фиксируется проникновение в области Левобережья каких-то групп абашевского населения [10, с. 26, 27]. Видимо, этот процесс мог происходить не позднее XV в. до н. э., поскольку в XIV в. до н. э. территория Среднего Дона, откуда происходила миграция абашевцев, оказалась освоенной мощной группировкой срубных племен [11, с. 64—66].

Для определения абсолютной хронологии раннесрубного поселка существенное значение имеет ряд моментов. 1. Зафиксированная на ряде остроребериых сосудов орнаментация в «микенском» стиле — в виде закрученных в противоположные стороны спиралей и «бегущей волны» (рис. 3, *4, 5*). Керамика с подобной орнаментацией происходит также из погребений курганного могильника у с. Кириковка на р. Ворскле и раннесрубного поселения у г. Купянска на р. Осколе [12, с. 680, 681, рис. 125; 13]. Следует учитывать также костяную бляху с резным грибовидным орнаментом с Ильического поселения на Северском Донце [14, с. 169, рис. 5] и бронзовые перстни с закрученными в противоположно направленные спирали окончаниями, известные в погребениях культуры многоваликовой керамики и раннесрубных [15, с. 11, рис. 5, *4—7*; 16, с. 23]. Указанные обстоятельства позволяют ставить раннесрубные памятники Левобережья в одну хронологическую плоскость с Бородинским кладом и в целом с периодом так называемых «микенских» влияний, охвативших Юго-Восточную и Центральную Европу в XVI—XV вв. до н. э. [17, с. 154, 155; 18, с. 39—64]. 2. Обломок литейной формы с негативом ножа с плоским ромбическим перекрестьем (рис. 7, *20*). Ножи этого типа хорошо известны в раннесрубных и раннеалакульских комплексах и обычно датируются в пределах XV—XIV вв. до н. э. [7, с. 235, 236; 19, с. 280]. 3. Бронзовый наконечник дротика с ушком на втулке (рис. 8, *21*). Матрицы для отливки подобных наконечников входят в состав мастерских литейщиков из Малых Копаней и Головурова. А. М. Лесков, первоначально отстаивавший досабатиновский возраст малокопаневской мастерской, впоследствии отнес ее вместе с головуровской к раннесабатиновскому периоду — XIII в. до н. э. [20, с. 163, 164; 21, с. 24—26]. Признание большинством исследователей памятников сабатиновского типа особым культурным явлением сняло необходимость согласования хронологии раннесрубного и сабатиновского этапов. Поэтому принятая сейчас датировка сабатиновской культуры XIV—XII вв. до н. э. [22, с. 146; 23, с. 116] не без оснований пересматривается в сторону удревнения, отнесения начального этапа культуры к XV в. до н. э. [24, с. 142—159; 25, с. 99, 103]. В. И. Клочко датировал малокопаневскую и головуровскую мастерские XVI—XV вв. до н. э. [26, с. 10, 11]. В этом отношении показательна находка наконечника дротика с ушком на втулке в одном комплексе с кинжалом сейминского типа [27, с. 290, 291, рис. 2]. Хронология сейминско-турбинских памятников сейчас определяется XVII—XV вв. до н. э. [28, с. 259—261]. Вместе с тем прямые аналогии подобным наконечникам дротиков в сейминско-турбинских материалах отсутствуют, что заставляет искать иной район их появления, несомненно под влиянием сейминской металлургической традиции. Не исключено, что таким районом могла быть Северная Украина, где локализуется большинство находок наконечников этого типа и где в первой половине II тыс. до н. э. существовали

близкие по размерам и основным пропорциям бронзовые наконечники среднеднепровской культуры [29, с. 34, рис. 19, *3*, рис. 20, *1, 2*].

В целом, с учетом приведенных данных представляется возможным ограничить время существования раннесрубного поселка у урочища Таранцево XV в. до н. э.

Абсолютная хронология верхнего стратиграфического горизонта поселения определяется рядом находок. Лезвие обоюдоострого бронзового ножа (рис. 8, *23*) по формальным признакам может быть сопоставлено с классическими белозерскими кинжальчиками, но от последних его отличает меньшая массивность и отсутствие осевого утолщения клинка. Близкие аналогии этому ножу в памятниках белозерского типа пока не известны, что позволяет отнести его к постбелозерскому времени, к IX в. до н. э. Следует заметить, что фрагментированность находки делает любые сопоставления в какой-то мере условными.

Надежным хронологическим репером представляется крестовидное украшение, отливавшееся в керамической формочке, происходящей из закрытого комплекса — ямы 13, примыкающей к жилищу 2 (рис. 7, *22*). Материал из заполнения ямы — фрагменты баночных сосудов с характерным гребенчатым заглаживанием поверхности — позволяет надежно связывать яму 13 с верхним стратиграфическим горизонтом поселения. Областью максимального распространения и, по-видимому, зарождения этого вида украшений является Центральный Кавказ, где они существовали в нескольких вариантах. Наиболее часто встречаются крестовидные подвески с отверстием в центре и дисковидными окончаниями лопастей [30, табл. XXIX, *28*; 31, с. 69, табл. XXX, *8*, табл. XXXIX, *22*]. В почти неизменном виде они бытуют с XIV—XIII вв. до н. э. до VII в. до н. э. [32, с. 167; 33, с. 236; 34, с. 135, 136, рис. 14, *1*; 35, с. 30, 31, рис. 1, *8*]. Известны они и в скифское время [36, с. 212, 213].

Крестовидные подвески с сильно расширенными концами лопастей и конической выпуклостью в центре В. И. Козенкова датирует VIII—VII вв. до н. э. [37, с. 54, 55, рис. 1, *5, 15*]. Аналогичные украшения входят в состав клада из Штильфрида в Нижней Австрии, относимого к VIII в. до н. э. [38, табл. 2, 21—30]. Рамками VIII—VII вв. до н. э. определяется время бытования подвесок с дисковидными окончаниями лопастей и плоским медальоном в центре [37, с. 54, 55, рис. 1, *6, 12*]. Наиболее близкой аналогией таранцевской подвеске являются крестовидные украшения со слегка утолщенными концами лопастей и конической выпуклостью в центре, содержащиеся в кладе из района Липтово в Словакии, который З. Быковский датирует VIII — первой половиной VII в. до н. э. [39, с. 90, табл. XII, *22—27*].

Появление украшений кавказских типов в Средней Европе есть все основания связывать с походами киммерийцев [37, с. 70].

Ближайшие аналогии железному ножу со слабовыгнутой спинкой (рис. 8, *26*) происходят из памятников второй ступени чернолесской культуры [40, рис. 99, *4*]. В одной из последних работ А. И. Тереножкин датировал позднее чернолесье IX—VIII вв. до н. э. [41, с. 186—215]. Эта позиция получила подтверждение в хронологических разработках Г. И. Смирновой [42].

Довольно редкий тип железных ножей представляют ножи с небольшим подтреугольным лезвием и удлиненным черенком (рис. 8, *24, 25*). Аналогичные орудия известны в раннеананьинских комплексах Среднего Поволжья [43, с. 31, рис. 7, *4*]. Подобные ножи встречены в составе инвентаря некоторых захоронений позднейшего предскифского периода в лесостепном Левобережье, датированных VIII — началом VII в. до н. э. [44, с. 102, 103, рис. 1, *15*]. Следует отметить, что ножи этого типа использовались населением лесостепи и в скифское время [45, с. 26, 27, рис. 2, *13—16*].

Приведенные данные позволяют датировать верхний хронологический горизонт поселения в широких пределах — IX—VIII вв. до н. э.

Керамический комплекс верхнего горизонта выглядит достаточно своеобразно и прямых аналогий на сопредельных территориях не находит, что заставляет осторожно подходить к его культурной атрибутации. Отнесение поселения к

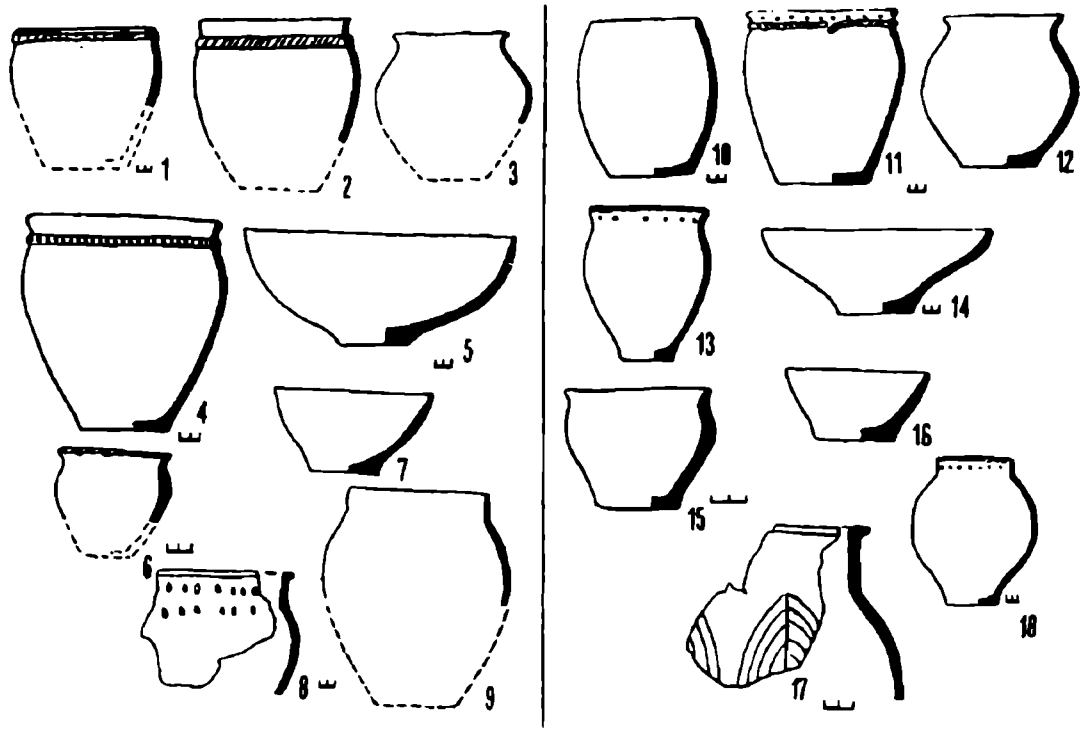


Рис. 9. Сравнительная таблица керамики из верхнего горизонта Таранцево и раннескифского времени (по Б. А. Шрамко). *1—9* — верхний стратиграфический горизонт Таранцево; *10—18* — керамика из архаических комплексов Восточного укрепления Бельского городища

белозерской культуре представляется необоснованным [46, с. 124]. Сопоставление с белозерским керамическим комплексом показывает наличие как общего сходства, так и существенных различий. Культурообразующими типами белозерской посуды признаются горшки, банки, сковороды, кубки, чаши, черпаки и корчаги, причем банки к концу белозерского периода практически выходят из употребления [46, с. 135, 136]. Последние четыре типа сосудов относятся к разряду столовой лощеной керамики, которая, по мнению ряда исследователей, формируется под сильным влиянием со стороны культур фракийского гальштата [47, с. 55, 56; 48, с. 123—137]. В комплексе верхнего горизонта Таранцево банки играют ведущую роль, при удельном весе горшков около 35% и практически полном отсутствии лощеной посуды, в том числе таких характерных белозерских форм, как чаши, черпаки и корчаги. В то же время не имеют близких аналогий в белозерских материалах горшки II, IV типов, миски и стаканы. Основным украшением белозерской посуды служил треугольный в сечении гладкий валик [46, с. 135]. Валик на таранцевских сосудах полуовальный в сечении, всегда украшенный насечками или оттисками зубчатого или гребенчатого штампа. Следует также отметить распространенность углубленных видов орнаментации, нехарактерных для белозерской посуды. Поэтому говорить о родстве памятников типа верхнего горизонта Таранцево и белозерской культуры можно только в плане наличия у них единой подосновы в виде срубной культурно-исторической общности. В таранцевской керамике генетическая связь с предшествующей лесостепной срубной культурой проявляется более наглядно и в видовом составе посуды, и в переживании традиционных для срубного гончарства приемов ее орнаментации. Лесостепные памятники конца II — начала I тыс. до н. э. — поселения Шоссейное [49], Васищево [50, с. 64], Поляны, Любовка [51] и верхний горизонт Таранцево — отражают местную линию развития позднесрубного населения, происходившего параллельно с эволюцией степных племен Северного Причерноморья. Заключительная его стадия совпадает с киммерийским периодом юга Восточной Европы.

Особого внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях с бондарихинской культурой. В последние столетия II тыс. до н. э. численность позднесрубного населения в лесостепи заметно сокращается, о чем свидетельствует уменьшение количества памятников этого времени. Есть основания связывать этот процесс с природно-климатическими факторами — периодом относительного усыхания лесостепи и созданием более благоприятной экологической обстановки в степной зоне [52, с. 53]. Именно в этот период на освободившиеся территории проникают бондарихинские племена, не обладавшие достаточным экономическим и военным потенциалом для силового вытеснения срубников. Во всяком случае, в конце XIII в. до н. э. памятники малобудковского типа фиксируются уже в южных районах Левобережной лесостепи [53, с. 31]. Период сосуществования отразился в материальной культуре как срубных, так и бондарихинских племен. Именно наличие двух разных этнокультурных групп населения обусловило своеобразие обстановки в Левобережной лесостепи в первые века I тыс. до н. э. и неоднозначность процесса формирования местных скифских культур [54, с. 153—163]. Показательно, что многие виды посуды верхнего горизонта Таранцево имеют аналоги в керамических комплексах скифской архаики (рис. 9) [55, с. 73—92]. Поэтому памятники типа верхнего горизонта Таранцево следует рассматривать как последнее звено в развитии позднесрубного населения лесостепи. Следующим этапом было формирование лесостепных скифских культур, в котором приняли участие и потомки срубных племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
2. *Артеменко И. И.* Бондарихинская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
3. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА СССР. 1955. № 46.
4. *Пряхин А. Д.* Древнее население Песчанки. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973.
5. *Митрофанова В. И.* Янохинское поселение срубной культуры на р. Оскол//КСИА АН УССР. 1960. Вып. 9.
6. *Березанская С. С.* Поселение срубной культуры на р. Оскол//КСИА АН УССР. 1958. Вып. 8.
7. *Чередниченко Н. Н.* Поселение срубной культуры на Луганщине//СА. 1970. № 1.
8. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
9. *Березанская С. С.* Культура многоваликовой керамики//Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
10. *Березанская С. С.* Абашевская культура на территории Украины//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
11. *Пряхин А. Д., Тихонов Б. Г.* Донская лесостепная срубная культура//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов научной конференции. Донецк, 1979.
12. *Мельник Е.* Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 гг.//Тр. XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905.
13. Разведки Д. Я. Телегина, В. К. Михеева и Е. В. Пузакова в зоне строительства Краснооскольского водохранилища в 1955 году. Материал не опубликован, хранится в Археологическом музее ХГУ.
14. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
15. *Ковалева И. Ф., Марина З. П. и др.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хащевое//Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
16. *Литвиненко Р. А.* Новый памятник раннесрубного времени на Донеччине//Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. Перевальск, 1988.
17. *Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада//Проблемы археологии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
18. *Muller-Karpe H.* Zur altbronzezeitlichen Geschichte Europas//JIVUE. 1977.
19. *Потемкина Т. М.* Степное Притоболье в эпоху бронзы. М.: Наука, 1985.
20. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы//Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
21. *Бочкарев В. С., Лесков А. М.* О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом//Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. Т. 221. Куйбышев, 1978.
22. *Черняков И. Т.* Северо-западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
23. *Шарафутдинова И. Н.* Сабатиновская культура//Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.

24. *Гершкович Я. П., Клочко В. И., Евдокимов Г. Л.* Новокиевская литейная мастерская//СА. 1987. № 2.
25. *Березанская С. С.* Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наук. думка, 1989.
26. *Клочко В. И.* Вооружение племен позднего бронзового века на территории Украины: Автореф. ... канд. истор. наук. Киев, 1988.
27. *Падин В. А.* Курган эпохи бронзы около Трубчевска//СА. 1963. № 1.
28. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
29. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967.
30. *Chantre E.* Recherches antropologiques dans le Caucase. T. 2. Atlas: Paris; Lion, 1886.
31. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа//МАК. 1900. Вып. VIII.
32. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
33. *Биджиев Х. Х., Козенкова В. И.* Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия)//СА. 1980. № 3.
34. *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды//МИА. 1961. № 23.
35. *Черняков И. Т.* Киммерийские курганы близ устья Дуная//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
36. *Капошина С. И.* Погребение скифского типа в Ольвии//СА. 1950. Т. XIII.
37. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели)//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
38. *Gabroves S.* Der beginn der Halstattcultur und der Osten//Die Halstattcultur. Lins, 1980.
39. *Bukovski Z.* Elementy wschodnie w kulturze fyzyckiej u schyłku epoki Szazu. Wroclaw; Warszawa; Krakow, Gdansk, 1976.
40. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
41. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
42. *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР//СА. 1985. № 4.
43. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII — VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
44. *Берестнев С. И.* О погребениях предскифского периода в Левобережной лесостепи Украины//Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 2. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1985.
45. *Радзієвська В. Э.* Обробка кістки та рогу у лісостеповій Скифії//Археологія. 1982. Вип. 41.
46. *Отрощенко В. В.* Белозерская культура//Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
47. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
48. *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наук. думка, 1990.
49. *Смирнов А. С., Сорокин А. П.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца//СА. 1984. № 4.
50. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы// МИА. 1955. № 46.
51. *Радзієвська В. Э., Шрамко Б. О.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині//Археологія. 1978. Вып. 33.
52. *Раунер Ю. Л., Золотокрылин А. Н., Попова В. В.* Колебания влажности климата на Европейской части СССР за 4000 лет//Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983. № 1.
53. *Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С.* Опыт периодизации памятников бондарихинской культуры методами многомерного статистического анализа//Проблемы історії та археології давнього населения Української РСР. Тези доповідей. Київ: Наук. думка, 1989.
54. *Шрамко Б. О.* Похождения племен раннього залізного віку на территорії лісостепового Лівобережжя України//Питання історії народів СРСР. Вип. 14. Харків: Вища школа, 1972.
55. *Шрамко Б. А.* Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей//АСГЭ. 1983. Вып. 23.

Харьковский государственный
университет

S. L. BERESTNEV

TARANTSEVO SETTLEMENT AND THE POPULATION OF THE FOREST-STEPPE LEFT-BANK DNIEPER REGION IN THE EARLY IRON AGE

Summary

The finds from Tarantsevo settlement in Kharkov region are described in the article. According to the stratigraphic data two chronological levels can be marked out in the cultural layers of the settlement: the early timber-grave culture period, and the Early Iron Age. The first one is represented by pottery fragments, flint artifacts, moulds for axes, knifes with flat rhombic guards, and a bronze socket loop dart-head. The half-pit- and ground-dwellings also belong to this period. The early timber-grave culture settlement can be dated to the 15th century B. C. The ceramics complex of the upper stratigraphic layer includes pots of several types, bowls, braziers, and pot-shaped vessels which prevailed over the other types of pottery. A bronze knife fragment, iron knifes of two types, a clay mould for a cross-shaped decoration, and a casting-spoon were also found there. Houses are represented by three half-pit type dwellings. Certain finds date the upper layers to the 9th-8th centuries B. C. The author draws a conclusion that Tarantsevo type sites were a special cultural phenomenon formed on the base of the forest-steppe timber-grave culture of the 2nd half of the 2nd millennium B. C.

Ю. В. БОЛТРИК, Е. Е. ФИАЛКО, Н. Н. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

БЕРДЯНСКИЙ КУРГАН

В реконструкциях этнографической карты Скифии северное побережье Азовского моря большинством исследователей признается как земля скифов царских. В то же время археологический фон для иллюстрации этого вывода пока достаточно ограничен. Количество раскопанных здесь скифских курганов ненамного превышает число песчаных кос Азовского моря и, вероятно, это не случайно. Все известные курганы располагаются у берегов рек, образовавших эти косы: Двугорбая Могила у Кальмиуса, Бердянский курган у Берды, Ногайские курганы у Обиточной, Мелитопольский курган и курган Кара-Тюбе у Молочной. В то же время мы склонны считать, что все эти курганы были сооружены у древнего сухопутного тракта, идущего вдоль северного берега Азовского моря к устью Дона [1, с. 34, 35]. Безусловно, наиболее ярким и богатым из них является Бердянский курган.

Бердянский курган (ногайское название — Мизарли-Тубе) находился на южной окраине с. Нововасильевка Бердянского р-на Запорожской обл. Он занимал мыс на высоком правом берегу р. Берды (отсюда и название кургана), в 9 км северо-западнее ее устья. Сенсационные находки из Гаймановой Могилы 1969 г. и из Толстой Могилы 1971 г. стимулировали краеведа А. Я. Огульчанского из г. Бердянска в конце лета 1971 г. предпринять попытку раскопать некогда десятиметровую насыпь кургана. Попытка эта окончилась неудачей, так как глубина центральной могилы (15 м) оказалась рекордной не только для скифских, но и для всех древних погребальных памятников пояса Евразийских степей. Курган удалось исследовать в 1977—1978 гг. экспедиции Института археологии Академии наук Украины под руководством Н. Н. Чередниченко, затратив на это немногим более года [2, с. 419—421; 3; 4, с. 172—180; 5, с. 78, 79; 6, с. 21, 22].

Высота насыпи Бердянского кургана 8,4 м [1], первоначальный диаметр (по внешнему краю крепиды) 51 м. К моменту раскопок оплывшая насыпь была сильно нарушена, а местами снесена. Она была сложена из вальков — прямоугольных блоков, вырезанных из верхнего слоя чернозема с дерном, округлых в сечении, длиной 30—35 см, толщиной 10—15 см, находившихся в горизонтальном положении. Рва вокруг кургана не было. Об этом можно говорить уверенно, так как значительная площадь вокруг насыпи была исследована при раскопках ногайского грунтового могильника. Под насыпью находились три могилы, представляющих единый погребальный комплекс (рис. 1, 2).

Стратиграфическая картина, полученная по уцелевшей части насыпи (профили высотой от 0,5 до 3 м) позволяет в общих чертах реконструировать технику возведения кургана и предположить, что этот процесс занял достаточно много времени, возможно, как раз те 40 дней, о которых говорит Геродот (IV, 73).

На начальной стадии сооружения кургана, после разметки центральной части подкурганного пространства камнями, зафиксированными в разрезах, была возведена первоначальная обваловка места захоронения преимущественно из привозного материала — вальков. На внутренние склоны этой обваловки лег глиняный выкид из центральной и южной могил (последняя сооружалась одновременно с центральной и была закончена раньше в силу меньшего объема, предназначалась

[1] По данным топографической карты 1932 г.

© Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фиалко, Н. Н. Чередниченко, 1994 г.

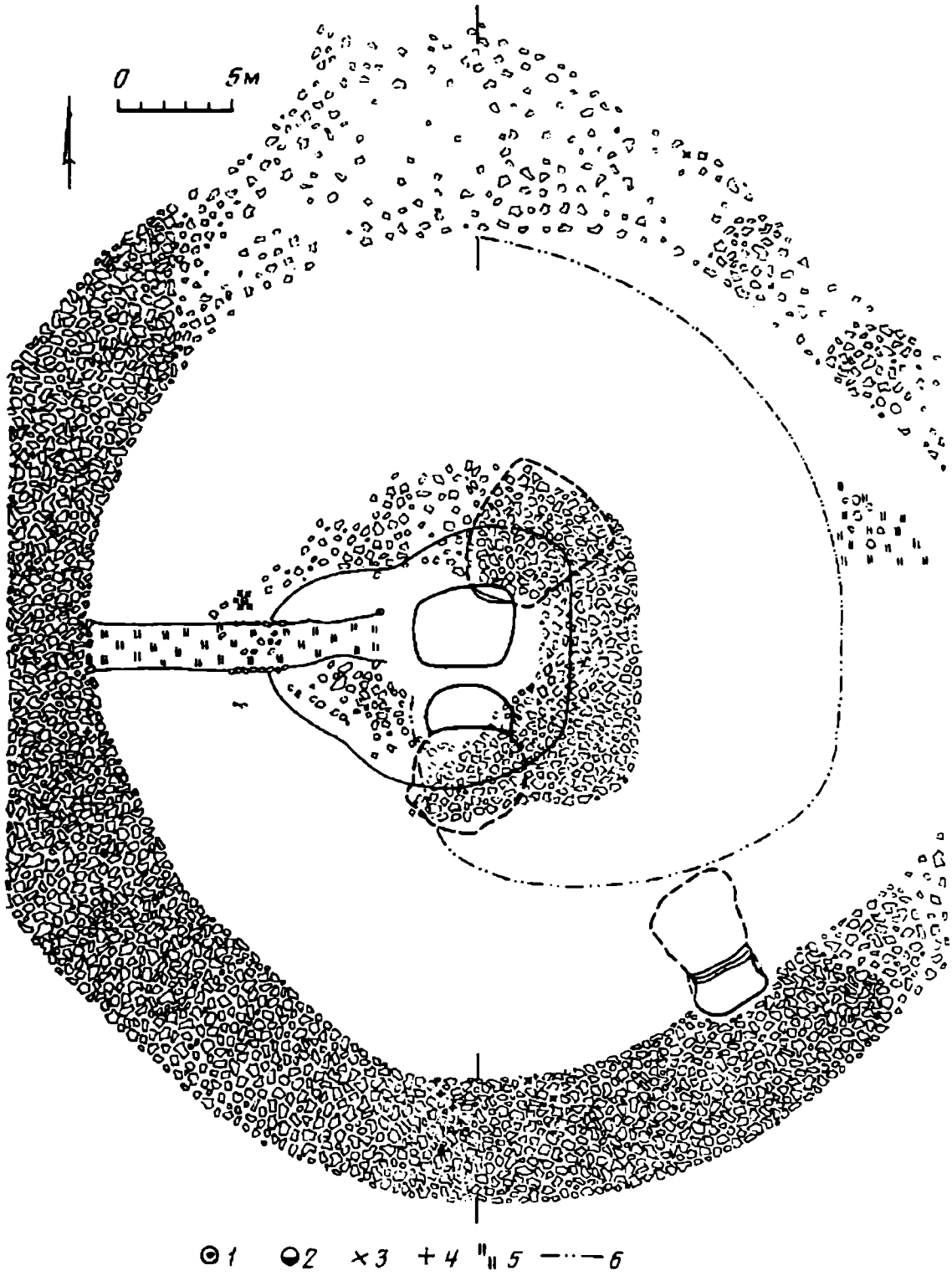


Рис. 1. Общий план кургана.
1 — место находки удил и бляхи от сбруи; *2* — золотая бляшка; *3* — аморфный бой; *4* — кости животных; *5* — камка; *6* — граница материкового выкида

она для вспомогательных функций — помещения хозяйственной утвари и, вероятно, местоположения зависимого лица). На первой фазе обваловка представляла собой две несомкнутые дуги, сложенные из плит дерна и охватывающие с севера и юга место будущего захоронения. На западе и на востоке оставались проходы шириной 7—8 м. Основываясь на данных о быте кочевых казахов [7, с. 54, 55] и многократных собственных наблюдениях, уместно предположить, что по этим

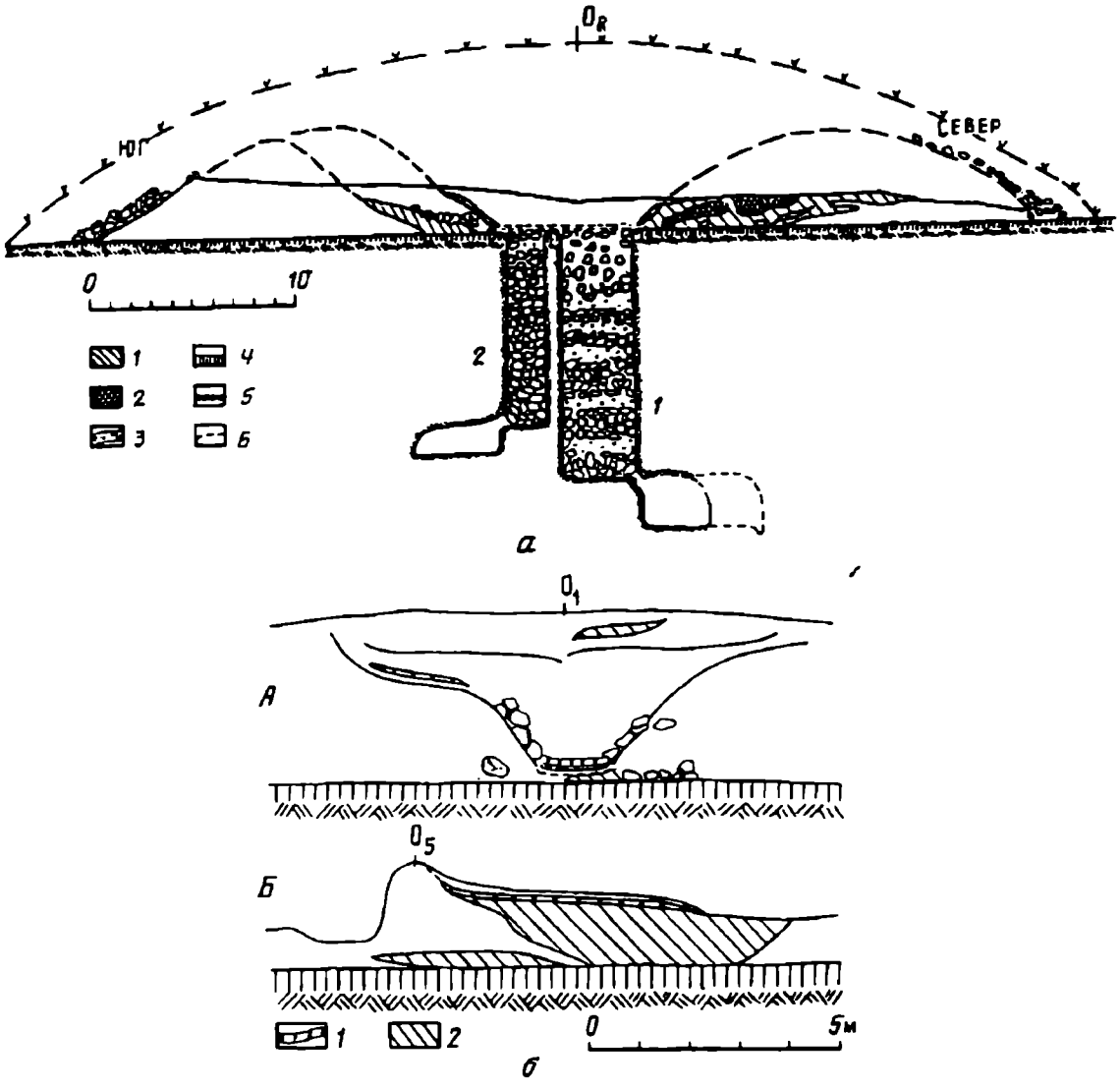


Рис. 2. *а* — разрез центральной части кургана, вид с востока.
1 — светлый материковый выкид; *2* — темный материковый выкид; *3* — слой камки; *4* — погребенный чернозем; *5* — граница материка; *6* — линия реконструкции.
б — участки разрезов бровок с попавшими в них проемами-дорожками. *А* — разрез западного проема-дорожки, по которому пронесли погребенного к могиле; *Б* — разрез восточного технологического проема-дорожки (ко времени похорон заполненного выкидом и обложенного камкой)

проходам перемещались тягловые животные (кони или, вероятнее всего, волы) и при помощи деревянного блока над могильной ямой и кожаного крученого ремня (аркана) поднимали кожаные мешки или ведра (кауга) с грунтом. Проходимый ими путь равнялся соответственно глубине могильной ямы и увеличивался по мере ее углубления. Поскольку процесс наращивания обваловки происходил синхронно с устройством подземной части погребального комплекса, эти проходы-дорожки в теле будущей насыпи сузились до 2—3 м. Свободное пространство внутри обваловки (размером 16×14 м) по древнему горизонту было выложено гранитными камнями в один слой и лишь у внутренних склонов камни были уложены в 2—3 слоя и уходили в северной и южной частях на склон до высоты 1—1,5 м.

Следует заметить, что каменная вымостка на одних участках находилась на линзах глиняного выкида, вероятно, из входной ямы Южной могилы, а в восточной части перекрывалась слоями глины разного цвета (в зависимости от глубины, с которой она происходила). Каменная вымостка на определенном

этапе (до перекрытия глиной) создавала явное неудобство строителям кургана, но в силу обрядовой традиции они вынуждены были с этим мириться. Подобная каменная вымостка внутри обваловки зафиксирована под насыпью кургана Тащенак у г. Мелитополя [8, с. 7—9].

Вероятно, к моменту захоронения на кургане была оставлена лишь западная проем-дорожка длиной 15 м, шириной около 2 м, ведущая от подножия насыпи к входной яме центральной могилы. Края корытообразной проема-дорожки были обложены камнями. Вначале дорожка была устлана продольно уложенными прутьями, перекрытыми слоем камки (zostera) [2]. Дорожка выстилалась камкой трижды — по мере затаптывания ее черноземом, последний мощный слой (5 см) был уложен непосредственно перед шествием погребальной процессии. Общая толщина всех выстилок 30 см. После завершения погребальной церемонии входные ямы центральной и южной могил были завалены крупными гранитными камнями, перемежавшимися со слоями камки мощностью до 0,4—0,5 м. Затем входные ямы перекрыли слоем камней, заполнив недостающую часть прямоугольника, и все пространство, включая погребальную дорожку, заложили вальками. После этого насыпь досыпали до необходимой высоты и обложили гранитными камнями в два-три слоя на высоту более 2 м, шириной по склону 4,5—5 м, завершив, таким образом, строительство кургана.

Все три погребения ограблены еще в древности. Видимо, грабители были достаточно хорошо осведомлены об устройстве могил, так как несмотря на значительную глубину, обилие камня во входных ямах и коварные каолиновые глины, в которых были вырыты могилы, им удалось вынести значительную часть вещей и сильно разрушить останки погребенных.

Центральная могила (рис. 3). Входная яма прямоугольной формы размерами 4,7×3,6 м, глубиной 12,5 м от уровня древнего горизонта была забита крупными камнями и слоями камки мощностью до 0,5 м. В северо-восточном ее углу находился вход в камеру высотой до 1 м, шириной 0,9 м, заложенный, очевидно, деревянным перекрытием. В заполнении верхней части входной ямы при неудачных раскопках 1971 г. были найдены бронзовые детали от четырех уздечных комплектов (?), о наличии следов конских захоронений при них ничего не известно. Эти находки со времени обнаружения хранятся в Бердянском краеведческом музее.

Трапециевидная в плане камера, ориентированная по линии запад — восток, была длиной 5,8 м, шириной у входа 3,4 м, у западной стенки 5,6 м; восстанавливаемая высота свода камеры достигала примерно 2 м, дно находилось на глубине 15 м от уровня древнего горизонта. Вдоль задней стенки камеры был вырыт прямой ровик глубиной 0,35 м, шириной 0,25—0,4 м. Схемой своей планировки Центральная могила напоминает катакомбу VI типа (1-й вариант) по классификации В. С. Ольховского, но ее циклопические размеры, значительный перепад между уровнем дна входной ямы и полом камеры в 2,5 м, наличие ровика под задней стенкой, напоминающего ровики-канавки вдоль стен могил в курганах Посулья [10, с. 81, 82], позволяют отнести это погребальное сооружение к разряду уникальных и не имеющих прямых аналогий.

Основное место в камере, ближе к западной стенке, занимал деревянный решетчатый настил прямоугольной формы (2,6×1,3 м), на котором лежал главный погребенный. После ограбления на настиле сохранились лишь кости ног с остатками бронзовых поножей на них, фаланги кисти правой руки и несколько золотых нашивных бляшек от одежды. Учитывая положение костей на настиле, можно говорить, что погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. У входа в камеру, в грабительском ходе, находились остатки костей еще двух погребенных — стража и виночерпия (?).

По всему периметру в стенках камеры на высоте 1,1 м от ее дна было вбито свыше 14 железных крючьев (7 зафиксировано in situ), на которых некогда

[2] Об использовании камки в насыпи см. монографию В. С. Ольховского [9, с. 120].

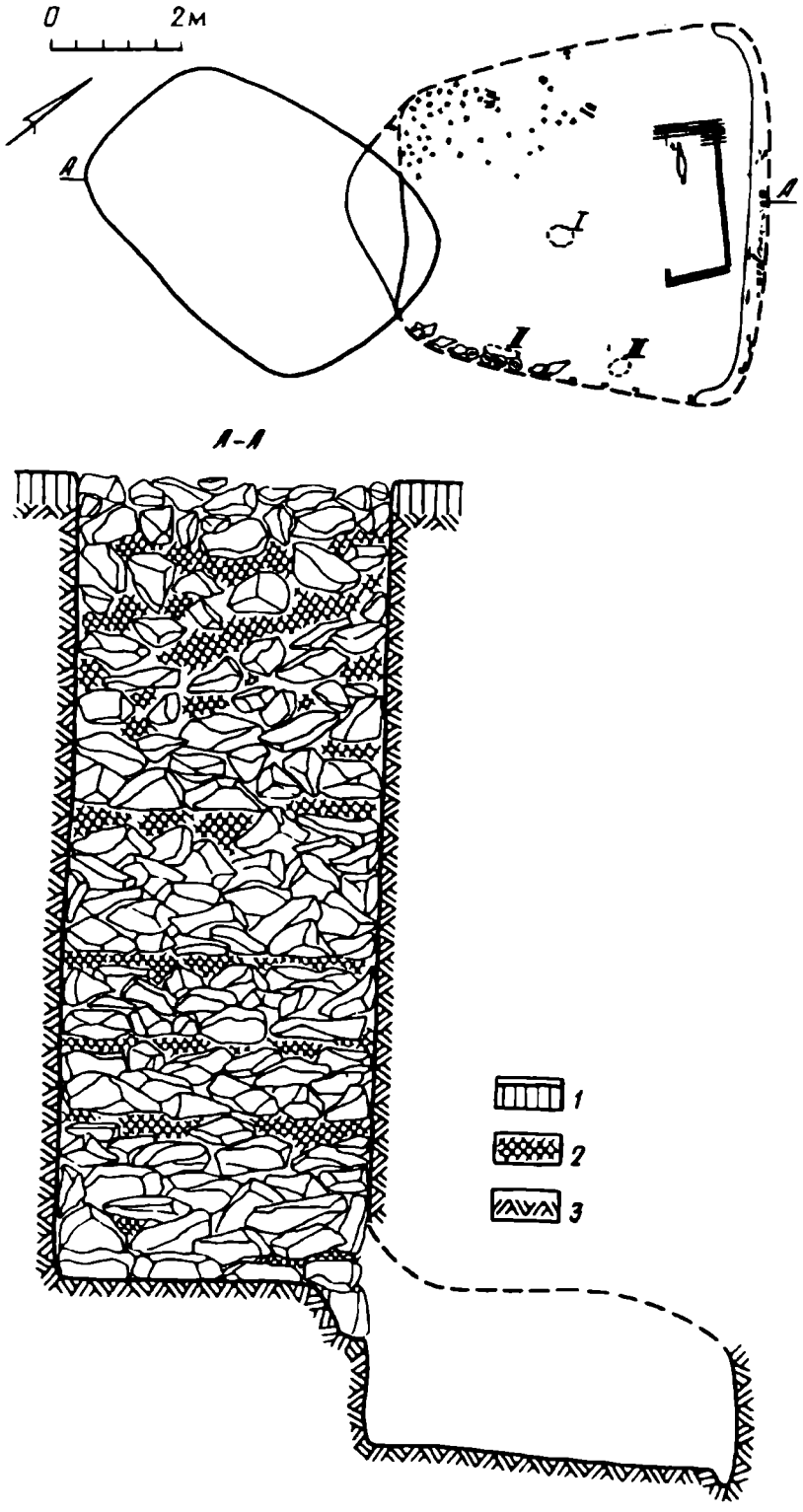


Рис. 3. Центральная могила. План и разрез. *I* — скопление золотых бляшек; *II* — конская узда; *III* — развал кратера.
1 — погребенный чернозем; *2* — камка; *3* — материк

висели вещи, сопровождающие погребенного и упавшие на дно вместе с крючьями при обвале свода. Поскольку северная половина камеры была полностью разграблена, на ее стенах прослежены лишь следы крючьев. Нетронутой осталась лишь часть камеры вдоль ее южной стенки. У входа, вдоль этой стенки, в два ряда (один над другим) стояло 20 амфор, наполненных вином, о чем свидетель-

Рис. 4. Центральная могила. Набор краснофигурной посуды

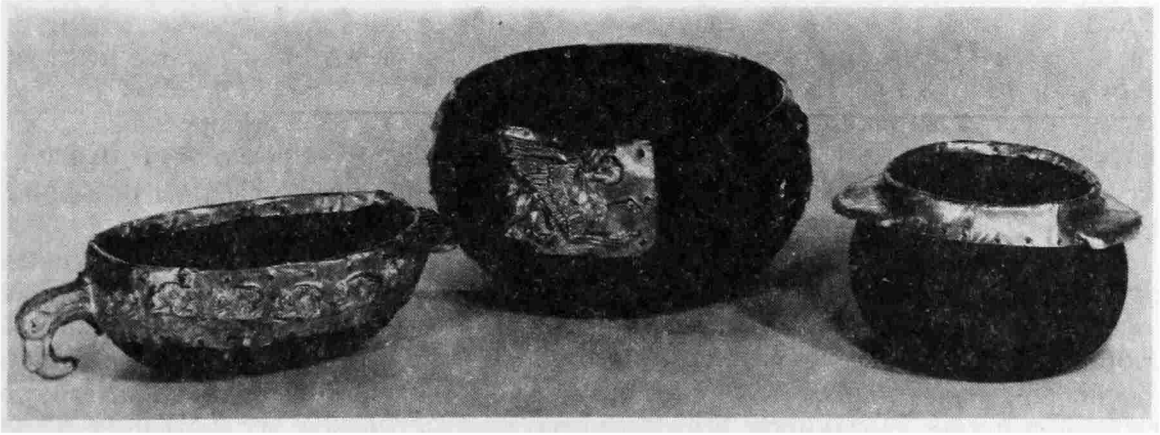


Рис. 5. Центральная могила. Деревянные чаши с золотыми обивками (реконструкция)

ствовало наличие в них винного камня. Здесь же лежали упавшие с крючьев два уздечных набора (железные удила и бронзовые псалии, бронзовые варварки и круглые бляхи с ушком, покрытые золотом, золотой литой наносник, пластинчатый налобник и три сохранившихся нащечника) и конское нагрудное украшение из бронзовых подвесок, крепившихся железными цепочками. Среди украшений коней несомненный интерес представляет пластинчатый налобник из золотого листа, набитого на деревянную основу, украшенный в скифском зверином стиле сценами терзания: крылатый грифон и лев терзают двух оленей, рядом

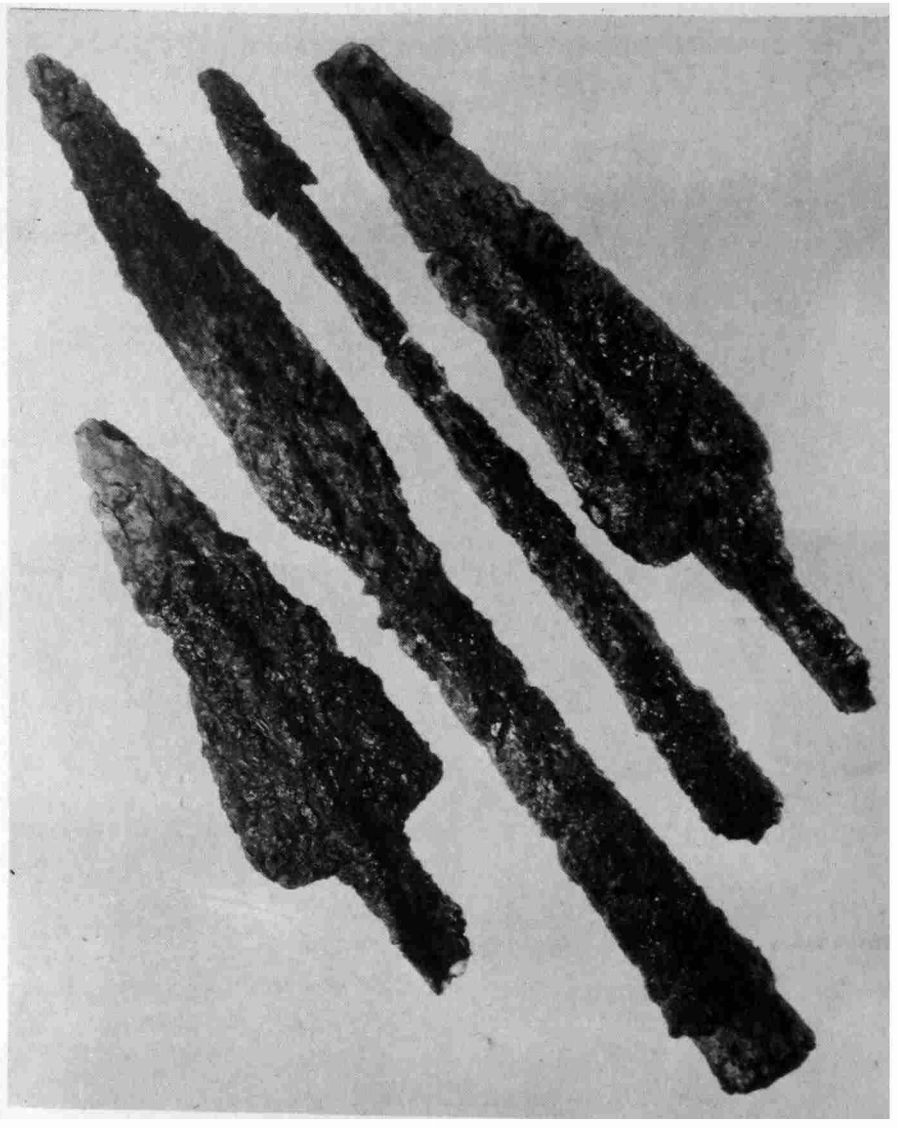


Рис. 6. Центральная могила. Железные наконечники копьев и дротика

фигура пятнистого хищника кошачьей породы. Изображения переданы рельефно, длина налобника 43 см, толщина 0,5 мм.

В той же части камеры, недалеко от амфор, был обнаружен краснофигурный кратер (рис. 4). Роспись его композиционно разделена на две части: с одной стороны изображены три женские и две мужские фигуры — скорее всего здесь изображена сцена праздника в честь греческого бога виноделия Диониса, с другой стороны — фигуры трех эфебов в гиматиях. По определению сотрудника античного отдела Эрмитажа Г. Уткиной этот сосуд датируется первой четвертью IV в. до н. э. Рядом с кратером стояли пять краснофигурных и чернолаковых скифосов, составляя парадный сервиз для вина. Здесь же находились три деревянные чаши с золотыми обивками (рис. 5), одна из которых крепилась к бронзовому наборному поясу при помощи кожаного шнурка (пояс находился в 10 см от чаш). Цельная золотая чаша с боковой петлей, вероятно, для крепления к поясу найдена в тайнике Братолюбовского кургана [11, с. 66]. Две чаши полусферической формы, одна украшена по венчику гладкими пластинами, вторая — пластинами с изображением крылатых грифонов. Третья чаша наиболее оригинальна — это стилизованное изображение хищной птицы (орла) — овальной в плане формы с двумя ручками, одна из которых оформлена в виде головы птицы с загнутым клювом, вторая ребристая в форме хвоста.

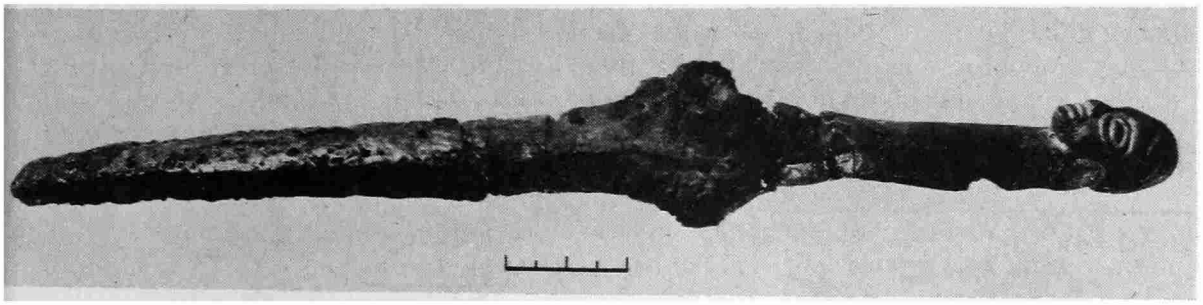


Рис. 7. Центральные могилы. Биметаллический клевец

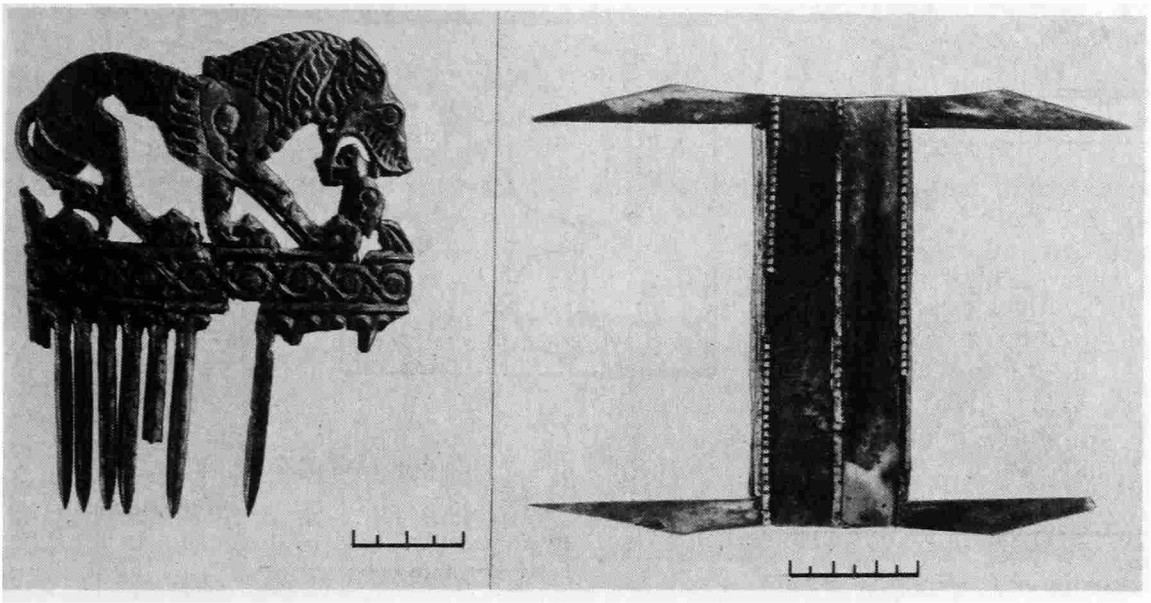


Рис. 8. Костяные гребни из Центральной могилы

Практически все оружие, найденное в камере центральной могилы, висело на железных крючьях. На стенах были развешаны девять колчанов со стрелами, в восьми — стрелы с бронзовыми наконечниками, в одном — только с костяными, от 120 до 180 наконечников в каждом. Подвешены были и бронзовые пластинчатые пояса, к которым крепились пять из упомянутых выше колчанов, одна из деревянных чаш, железный меч в деревянных ножнах, еще один меч с плакированной золотом рукоятью, оселок с золотым наконечником, украшенным зернью и сканью. На двух крючьях над ровиком висели копья и дротики с железными наконечниками и втоками, перевязанные железной проволокой (рис. 6), древки их были выкрашены в красный цвет; судя по остаткам ткани, верхняя часть копий находилась в матерчатом чехле. На одном из крючьев восточной стены висели пять железных клевцов — один из них биметаллический с железным четырехгранным в сечении бойком и бронзовым обушком, оформленным в виде человеческой головки с круглым безбородым лицом и зачесанными назад прямыми волосами (рис. 7).

В юго-восточном углу камеры, судя по сохранившимся in situ золотым бляшкам, была сложена парадная одежда. Верхняя плечевая одежда реконструируется как короткий кафтан, расшитый золотыми бляшками треугольной и крестовидной формы. Два остроконечных головных убора, украшенных золотыми бляшками в виде женской головы, прямоугольника с изображением кошачьего хищника и треугольников. Один убор по нижнему краю украшали амфоровидные подвески

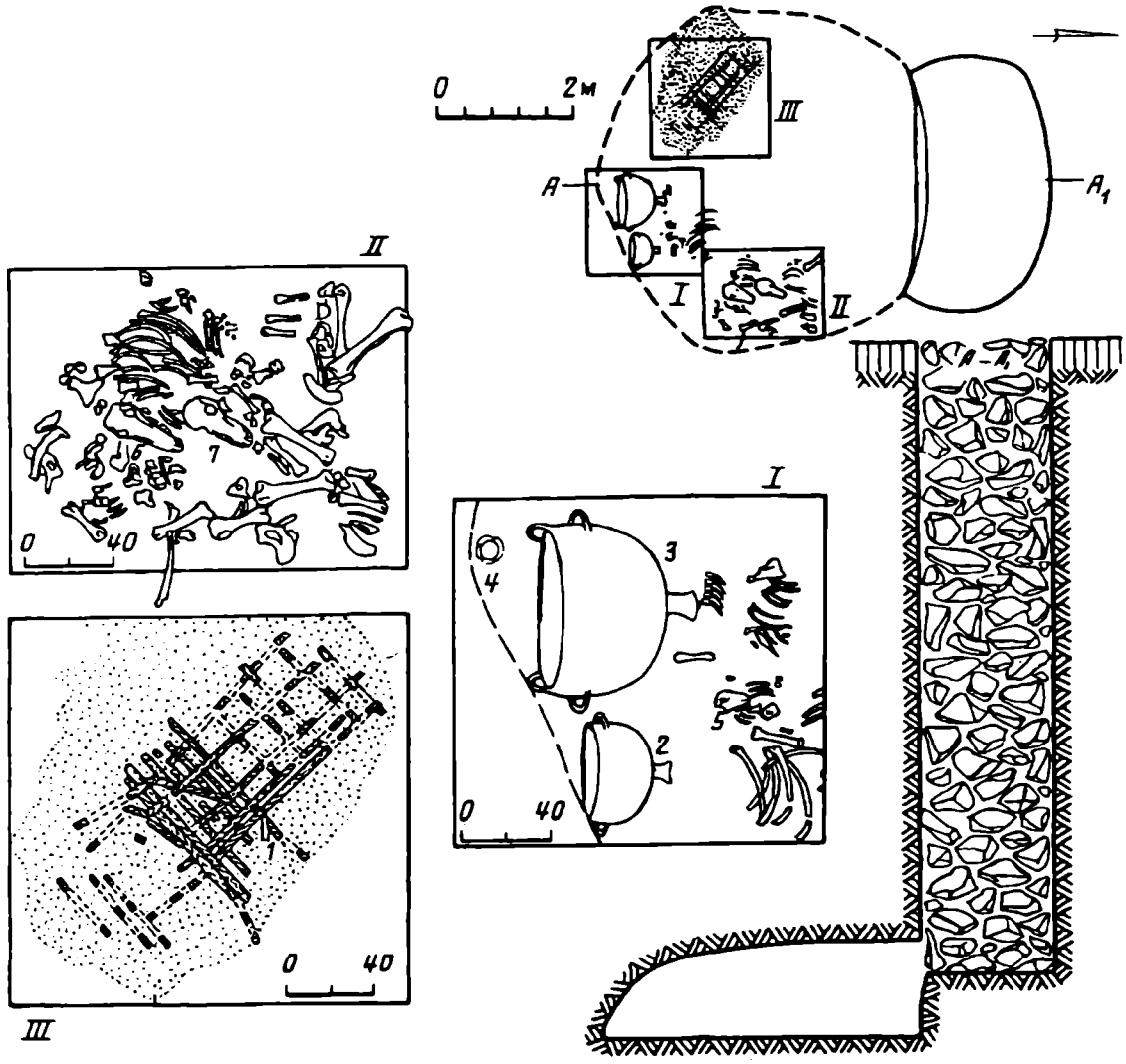


Рис. 9. Южная могила. План и разрез. *1* — костяное украшение нагайки; *2*, *3* — бронзовые котлы; *4* — железный киаф; *5*—*7* — челюсти и черепа животных

на витых цепочках. Второй дополняла накидка, расшитая квадратными бляшками с изображением сцены братания двух скифов [12, с. 95]. Тут же лежали нагрудное сетчатое украшение из золотых трубчатых пронизей и репейчатых подвесок и истлевшая кожаная сумка с двумя костяными гребнями, один из них венчало изображение льва с головой оленя в пасти (рис. 8). Все эти вещи были накрыты покрывалом, от которого остался тлен красного цвета, расшитым крупными прямоугольными золотыми бляшками с изображением крылатого грифона или льва. Сохранилась лишь часть этого покрывала размером 2×1,8 м.

Кроме того, в грабительском ходе и на полу камеры были обнаружены: части поврежденного железного пластинчатого панциря, фрагменты амфор и красно-фигурных сосудов, бронзовые варварки, бронзовый наносник, золотые нашивные бляшки и бляшки-пуговки.

Южная могила (рис. 9) располагалась немного южнее центральной (отсюда и ее название), она была сооружена с уровня погребенного чернозема одновременно с центральной и составляла с ней единый комплекс. Расстояние между входными ямами двух погребений составляло 0,8 м. Входная яма прямоугольной формы, ориентированная по линии запад — восток, размерами 3,9×1,9 м с дном на глубине 9,7 м от уровня погребенного чернозема, заполнена камнями и черноземом. В южной стенке входной ямы был устроен вход в камеру длиной 3,5 м, высотой около 1 м. Овальная в плане камера, размерами 5,3×4,8 м, ориентирована по

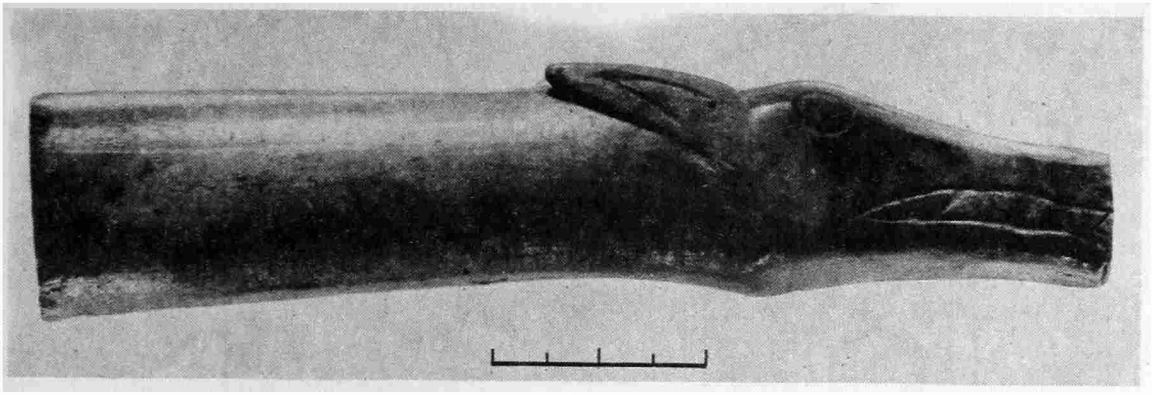


Рис. 10. Костяное украшение кнутовища нагайки из Южной могилы

линии запад — восток, дно на глубине 10,7 м. Свод камеры рухнул, стены сохранились на высоту 1,1 м. По типологии В. С. Ольховского, это сооружение можно отнести к типу I, вариант 1.

Ближе к юго-западному углу на дне камеры лежал деревянный решетчатый настил прямоугольной формы размером 1,6×1 м. У восточной стенки на дне находился еще один настил из прутьев (размером 1,8×1,3 м), на который были положены туши коня, быка и овцы — в качестве напутственной пищи. На дне камеры, ближе к торцовой стенке и восточному настилу, разбросано большое количество костей животных, преимущественно бараньих. Из погребального инвентаря после ограбления в могиле сохранились лишь костяной наконечник, лежавший на решетчатом настиле, и два бронзовых котла с железным черпаком (киафом) под южной стенкой. Костяной наконечник из трубчатой кости животного, один конец которой прямо срезан, второй оформлен в виде головы волка (рис. 10). Аналогичный наконечник из второго Башадарского кургана на Алтае позволяет уверенно интерпретировать этот предмет как украшение кнутовища нагайки [13, табл. 1, *3*]. Два бронзовых котла лежали на боку, почти доверху заполненные костями животных; рядом с большим котлом лежал черпак в виде чашечки полусферической формы с длинной круглой в сечении ручкой, конец которой загнут крючком. Большой бронзовый котел — с двумя вертикальными и двумя горизонтальными петельчатыми ручками, диаметром 48 м, высотой 40 см. Меньший котел — с двумя горизонтальными ручками, диаметром 41 см, высотой 33 см. На внешней поверхности котлов сохранились следы сажи. Никаких следов погребенного, за исключением деревянного настила для него, в могиле не обнаружено.

В восточном секторе насыпи с уровня древнего горизонта была сооружена боковая (синхронная) *Восточная могила.* Погребальное сооружение — катакомба подбойного типа (или I тип, 1-й вариант, по В. С. Ольховскому) (рис. 11). Входная яма подпрямоугольной в плане формы (3,1×2 м) ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, яма до самого дна (дно на глубине 5,9 м от уровня древнего горизонта) забита гранитными камнями. В юго-восточной стенке входной ямы вырыты три ступеньки, ведущие к входу в камеру, шириной соответственно 0,2, 1,5 и 0,2 м, глубиной 3, 4,2 и 5,6 м от уровня древнего горизонта. На второй ступеньке сохранились остатки двух деревянных колес с железными шинами.

В юго-западной стенке устроена небольшая ниша шириной 0,45 м и высотой 0,65 м, в которой сохранились два фрагментированных лепных сосуда и четыре бронзовых наконечника стрел.

Вход в камеру, устроенный в северо-западной стенке входной ямы, вероятно, перекрывали деревянные детали погребальной повозки, закрытые со стороны входной ямы большим гранитным валуном (размером 1,4×0,4 м). Камера под-

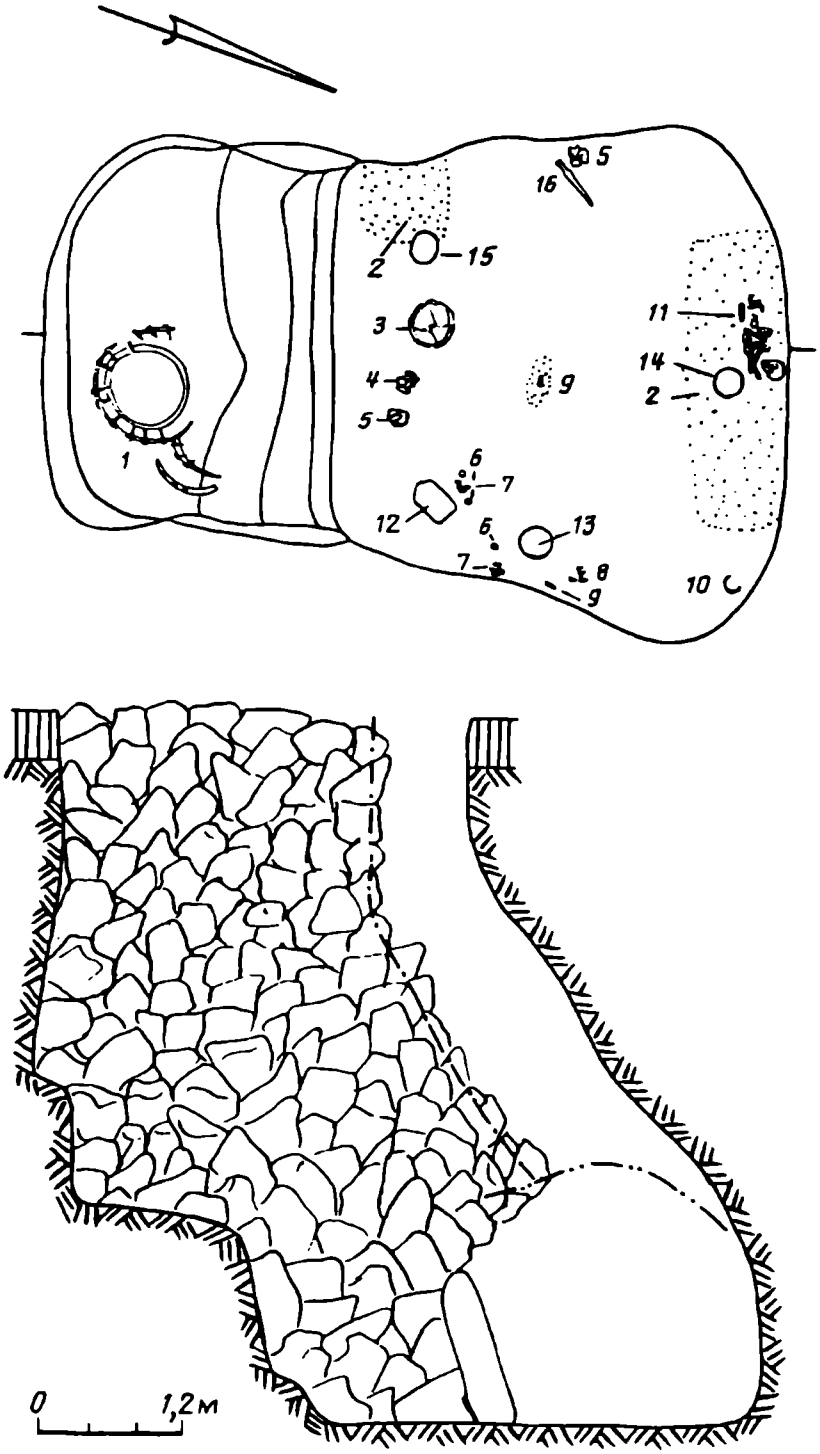


Рис. 11. Восточная могила. План и разрез.
1 — фрагменты колес; *2* — меловая подсыпка; *3* — бронзовый лутерий; *4* — бронзовая ойнохоя; *5* — развалы лепных сосудов; *6* — камни; *7* — астрагалы; *8* — бронзовые наконечники стрел; *9* — железные стержни; *10* — отпечаток ножки котла; *11* — кости скелета; *12* — тайник № 1; *13* — тайник № 2; *14* — тайник № 3; *15* — тайник № 4; *16* — наконечник копья

трапециевидной в плане формы (4,4×3,3 м) широким основанием обращена на север, длинная ось ориентирована так же, как и входная яма, площадь около 14 м^2, дно на глубине 5,9 м. В центре камеры, под северной стенкой, на меловой подсыпке (размером 2,6×0,9 м) лежали сдвинутые грабителями в кучу кости и череп женщины старческого возраста. Позвонки и ребра скелета полностью срослись, патологические разрастания на костях конечностей свидетельствуют о том, что

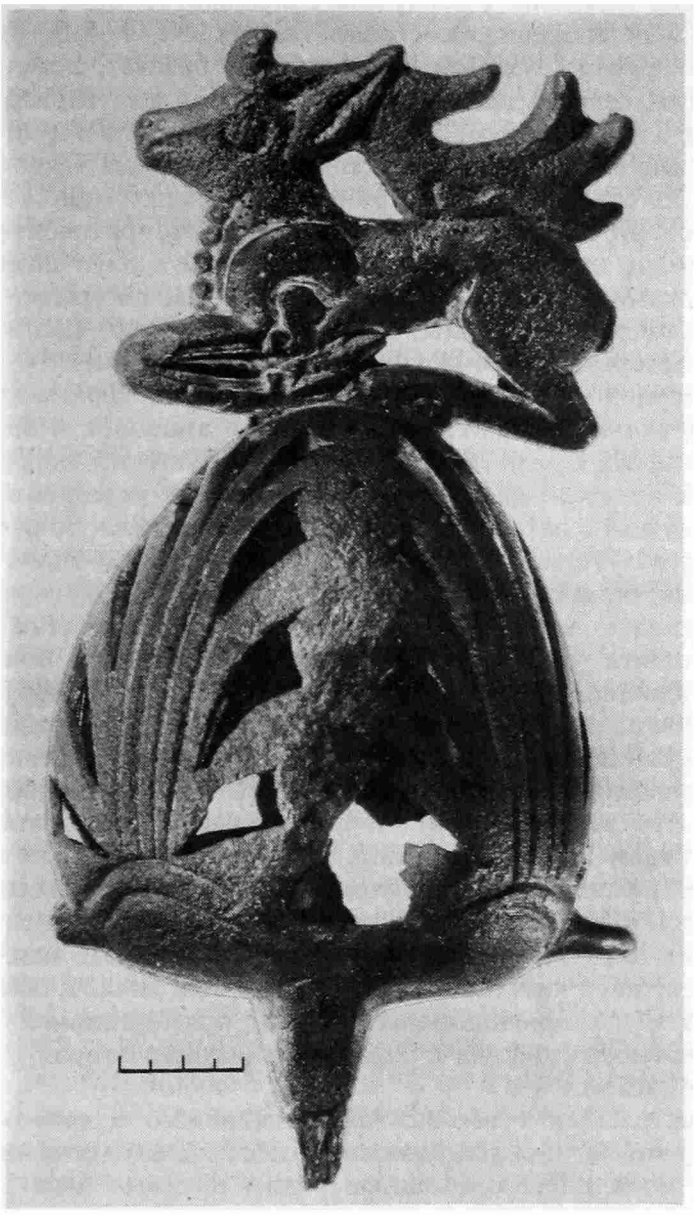


Рис. 12. Восточная могила. Бронзовое навершие

погребенная страдала тяжелым артритом и была практически неподвижна[3]. Здесь же сохранились следы голубой, малиновой и красной красок с отпечатками ткани простого плетения — возможно, от подстилки или покрывала. У входа, в юго-западном углу, тоже на меловой подсыпке лежали кости скелета мальчика-стража 11—13 лет и железный наконечник копья рядом.

Наиболее интересный элемент этой могилы — четыре тайника в виде округлых ямок в полу камеры. Два из них — № 4 (близ юго-западного угла) и № 3 (в центре под северо-западной стенкой) диаметром 0,22 м и глубиной соответственно 0,14 и 0,17 м оказались полностью ограбленными (в тайнике № 3 сохранились лишь три нашивные бляшки-треугольники). Два других тайника — № 2 (под северо-восточной стенкой, диаметром 0,23 м, глубиной 0,11 м) и № 1 (близ юго-восточного угла, размером 0,4×0,45 м, глубиной 0,18 м) уцелели от ограбления. В тайнике № 2 находились: железный нож с костяной рукоятью, железный

[3] Антропологические определения произведены сотрудниками сектора антропологии ИА АН Украины С. И. Круц и Л. В. Литвиновой.

вток копья, железный стержень с загнутым спиралью концом, 6 костяных и 191 бронзовый трехгранный наконечник стрел. Тайник № 1 был буквально забит вещами. В их числе: смятый золотой пластинчатый браслет, детали и украшения конского оголовья (железные удила и псалии, 6 бронзовых варварок, 32 круглые выпуклые бронзовые бляхи с петлей, 5 бронзовых нащечников и фрагментированные бронзовые и железный пластинчатый налобник), 4 ажурных бронзовых навершия яйцевидной формы с объемной фигуркой оленя наверху (рис. 12), украшения нагрудника (202 пронизи с обоймами, 20 колокольчиков, фрагментированные лунницы), кожаный ремень шириной 4,2 см, украшенный с двух сторон бронзовыми ромбовидными бляшками, пришитыми тонким кожаным шнурком.

На дне и в заполнении могилы найдено множество фрагментов посуды, происходящей из мастерских аттических вазописцев: фрагменты стенок и ручки краснофигурных сосудов с растительным орнаментом, фрагменты венчика и крышки леканы с деталью изображения двух голов амазонок и фигуры грифона, краснофигурный скифос. Среди металлической посуды из погребения следует отметить бронзовый лутерий со свисающим венчиком, украшенным рельефным орнаментом из жемчужин и ов; литую пластинчатую подвижную ручку, возможно, от второго бронзового лутерия, с рельефным изображением голов двух баранов, столкнувшихся лбами; бронзовую ойнохою с фигурной ручкой; серебряный килик, от которого сохранилась лишь фрагментированная петельчатая ручка. Кроме того, в северо-восточном углу камеры прослежен отпечаток ножки бронзового котла, который, очевидно, вынесли грабители. Здесь же обнаружена и узкая золотая лента-плетенка, из чего следует заключить, что в могиле находилась и деревянная чаша (принадлежавшая, несомненно, юноше-охраннику).

Среди прочего инвентаря в могиле находились: костяное наборное веретено, семь бронзовых и три костяных наконечника стрел, два фрагментированных лепных сосуда, костяной шарнир — деталь ларчика, стеклянный литик с оттиснутым вглубь изображением головы бородатого мужчины в шлеме, переданной в профиль; два железных ножа с костяными ручками; золотая петельчатая серьга; 13 небольших округлых «пращевых» камней; золотые нашивные бляшки в виде треугольников, пяти крестообразно соединенных дисков, женской головки, кошачьего хищника и две оригинальные бляшки прямоугольной формы — одна с изображением крылатого грифона с бараньими рогами, вторая с изображением сфинкса с женским лицом.

Одной из замечательных особенностей Бердянского кургана являются его подкурганные сооружения, представляющие собой единовременный комплекс, состоящий из трех могил. Расположенные рядом входные ямы Центральной и Южной могил составляли единое целое, что следует из планировки и стратиграфической картины, зафиксированной в разрезах насыпи. С другой стороны, устройство Центральной могилы Солохи [14], где северная часть погребальная, а южная хозяйственная — вместилище погребальной утвари, аналогично Бердянскому кургану. Подобное расположение могил (основной и конской в катакомбе) отмечено в кургане Тащенак под г. Мелитополем и Казенной Могиле под г. Днепрорудным [15].

Восточная могила, несмотря на удаленность от центра, также была одновременна Центральной могиле, поскольку она впущена с уровня древнего горизонта на начальной стадии сооружения кургана. Обилие и разнообразие дорогого инвентаря Восточной могилы, сходство и логическая взаимосвязь определенных вещей из этой и Центральной могил свидетельствует о единстве всего комплекса кургана. Подобная синхронность подкурганных сооружений отмечается и в Двугорбой Могиле под г. Мариуполем [16, с. 151]. Вероятно, это является характерной чертой приазовских погребальных памятников. Совпадение в схемах организации подкурганного пространства объясняется хронологической близостью перечисленных памятников.

Южная и Восточная могилы представляют собой камерные сооружения подбойного типа, где камера примыкает к длинной стенке входной ямы и параллельна

ей. Этот тип могил наиболее характерен для V — первой половины IV в. до н. э. [17, с. 23]. В. С. Ольховский отмечает широкое бытование катакомб I типа (или подбоев) в период с VI до III в. до н. э. [9, с. 35], однако на Нижнем Днепре, по нашим наблюдениям, они наиболее характерны для указанного выше хронологического диапазона. Центральная могила сооружена по схеме, получившей развитие в IV в. до н. э.,— принцип сооружения камеры под углом входной ямы использован в Большой Цимбалке, Козле, Чертомлыке, Мордвиновском и ряде других курганов.

Погребальный обряд как этнографическая категория — это снаряжение покойного в дорогу, подготовка его к переправе в потусторонний мир. Преодолевали эту дорогу у скифов мужчины и женщины по-разному — с мужскими погребениями коррелируют верховые кони, с женскими — повозки или их детали. Бердянский курган подтвердил это наблюдение С. С. Бессоновой [18, с. 102—106] — в Центральной (мужской) могиле оказались два золотых уздечных убора, бронзовые детали конских уздечек были обнаружены бердянскими краеведами в 1971 г. в камке, заполнявшей входную яму этой же могилы. В то же время в Восточной (женской) могиле оказались остатки колес и бортов повозки у входа в погребальную камеру, а четыре навершия, детали узды и убранства погребального катафалка оказались упрятанными в тайник в дне камеры.

От двух колес, находившихся на ступеньке входной ямы погребения, сохранились практически лишь железные их детали — обломки шин и скреп (реконструкцию колеса см. [24, рис. 2]). Кроме Бердянского кургана известны три случая находки колес с железными шинами — в Александропольском, Краснокутском курганах и Гайматовой Могиле. Колеса Бердянского кургана в отличие от ранее известных имеют сплошную железную окантовку внутренней части обода, диаметр средних размеров (90 см). Судя по всему, они принадлежат не рабочей, а скорее парадной повозке. Наличие в комплексе погребального инвентаря бронзовых наверший из тайника № 1 позволяет предполагать культовый характер этой повозки. Прямых аналогий навершиям нет. Наиболее близки им по форме и манере исполнения навершия из Толстой Могилы, которые Б. Н. Мозолевский относит к наиболее ранним в степной группе и датирует первой половиной IV в. до н. э. [19, с. 192]. Навершия из Бердянского кургана близки к XI типу по типологии Е. В. Переводчиковой [20, с. 41], но вполне вероятно, что со временем подобные экземпляры выделятся в самостоятельный тип, который станет связующим звеном между кубанской и приднепровской линиями развития наверший, заполнив существовавшую на момент создания типологии приазовскую лакуну. Бердянские навершия, которые сочетают в себе характерные черты ранних наверший (прорезной объемный бубенец, рельефное исполнение лопатки и бедра задней ноги, в близкой манере исполнена фигурка келермесской пантеры) с поздним признаком (петлями в нижней части бубенца) можно датировать первой половиной IV в. до н. э. Изображение оленя на навершиях относится к широко распространенному образу, украшающему изделия подобного типа. Вероятно, все четыре навершия крепились на древках по углам повозки.

Е. В. Переводчикова и Д. С. Раевский предполагают связь наверший с ритуалом шаманского типа и настаивают на поливариантном назначении этих предметов [21, с. 51]. В. А. Ильинская связывает скифские навершия с культом верховного божества и плодородия [22, с. 55]. С. С. Бессонова и Д. С. Кирилин связывают обряд положения повозки в погребение с культом женского божества [23, с. 128 и сл.].

В Восточной могиле Бердянского кургана была погребена жрица великой богини вместе со своим возничим [24, с. 149]. Входивший в состав погребального реквизита наряду с колесницей комплекс вышеупомянутых вещей позволяет рассматривать эту могилу как дополнительное сооружение, призванное усилить значение главного погребенного в Центральной могиле.

В уздечных уборах Центральной могилы ключевой деталью является золотой пластинчатый налобник, крепившийся на деревянную основу. Небольшая серия

уздечных наборов с пластинчатыми налобниками из скифских погребальных комплексов делится на две группы. Первая — это налобники с изображением рыбы (Таранова Могила [4], Солоха — 2 экз. и Волковцы), вторая — налобники с зооморфными и полуантропоморфными божествами (Бердянский курган, Цимбалка — 2 экз. Толстая Могила, Волковцы). В наборы с пластинчатыми налобниками, как правило, входят «крылатые» нащечники и круглые гладкие бронзовые бляхи, плакированные золотом, присутствующие и в Бердянском кургане.

Сцена терзания оленей грифоном и львом, мифический рогатый кошачий хищник, изображенные на Бердянском налобнике, перекликаются с налобником пятого коня из Большой Цимбалки, где изображены два рогатых грифона в геральдической позе. Другой, более известный налобник второго коня из Большой Цимбалки с изображением змееногой богини и аналогичный налобник из Толстой Могилы как бы завершают эволюционный ряд пластинчатых налобников [25, с. 17—19].

Основная масса оружия происходит из камеры Центрального погребения. Арсенал наступательного вооружения представлен более ярко, чем защитного,— это 11 железных копий с подтоками, связанных в пучок железной проволокой, 4 железных и один биметаллический клевец с железным бойком и бронзовым обушком в виде головы человека; кроме двух мечей (простого железного и второго с плакированной золотом ручкой), обнаруженных в ровике, очевидно, еще один меч должен был находиться возле главного погребенного; 9 колчанных наборов, на окончания древков стрел красной краской были нанесены одинарные и двойные полосы. Защитное вооружение было непосредственно на погребенных и значительно пострадало при ограблении. Оно представлено бронзовыми кнемидами, четырьмя боевыми портупейными поясами и фрагментированным железным панцирем. Оружие из Бердянского кургана датируется в пределах последней четверти V — первой трети IV в. до н. э. [26, с. 75—77].

Импортная керамика представлена целыми и фрагментированными краснофигурными и чернолаковыми сосудами — кратером, скифосами, леканой и другими формами, которые происходят из мастерских аттических вазописцев конца V — первой четверти IV в. до н. э. Находки кратеров в скифских погребальных памятниках довольно редки. В Приазовье еще один такой сосуд происходит из боковой могилы кургана Тащенак, находки остальных концентрируются в Поросье в районе г. Канева. Примечательно, что эта категория находок происходит из периферийных частей Скифии V—IV вв. до н. э.

Партия фасосских биконических амфор практически одной величины, средним объемом 11 л, насчитывает 20 экз. На 16 из них нанесены дипинти, 9 амфор имеют клейма — в семи случаях на ручках и в двух на горле под венчиком. Предложенная недавно И. Гарланом дата комплекса клейм Бердянских амфор — 375—365 гг. до н. э. [27, с. 21] омолаживает сложившуюся датировку кургана, но на текущий момент это наиболее точная дата.

Заслуживает внимания костяной гребень из Центральной могилы с изображением льва, терзающего голову оленя. Близкие изображения известны на золотых ножнах меча и бляшках из Солохи и золотой бляшке с изображением грифона, держащего в клюве голову оленя, происходящей из кургана Тащенак. Своей схемой (ажурное изображение, орнаментальный фриз под ним, длинные ромбовидные в сечении зубья) он напоминает золотой гребень из Солохи. Близок ему и гребень из Северной гробницы Гайматовой Могилы с процарапанным изображением волка. Подборка скифских парадных гребней приведена в работе Р. Ролле [28, с. 126, рис. 6, *7*]. Наиболее близки стилистически три костяных гребня с изображениями оленей из Гойтинских курганов V в. до н. э. (Чечено-Ингушетия) [29, рис. 7, *1—3*].

Сходство вещевого комплекса Бердянского кургана и Солохи (боковой могилы) не ограничивается гребнями и конскими уборами. Среди сходных вещей можно

[4] Раскопана В. Н. Фоменко и В. Ф. Елисеевым в 1989 г. у с. Ингуло-Каменка Новгородковского р-на Кировоградской обл.

назвать золотые браслеты и нагрудные сетчатые украшения, нашивные бляшки со сценой братания скифов и со сценой терзания, деревянные чаши с золотыми украшениями. Столь разительное сходство двух памятников можно объяснить лишь их хронологической и социальной близостью, на что обратил внимание и А. Ю. Алексеев, который предложил ограничить хронологический горизонт Бердянского кургана, Двугорбой Могилы и впускного погребения Солохи 425—374 гг. до н. э. [30, с. 148, 163].

В заключение следует заметить, что Бердянский курган принадлежал, по всей видимости, скифу — властелину Северного Приазовья, умершему в период, непосредственно предшествовавший установлению сильной центральной власти в Скифии, что нашло отражение в возведении в районе Каменко-Никопольской переправы на Днепре трех курганов-гигантов второй половины IV в. до н. э.— Чертомлыка, Огуза, Александрополя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болтрик Ю. В.* Сухопутные коммуникации Скифии//СА. 1990. № 4.
2. *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., Ковалев Н. В. и др.* Раскопки большого скифского кургана в Приазовье//АО — 1978. М., 1979.
3. *Череватенко Л.* У глиб землі — у глиб віків//Ранок. 1981. № 1.
4. *Череватенко Л.* Продовження буде//Отчий край' 85. Історико-літературний збірник. Киев, 1985.
5. *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е.* Охранные раскопки скифского царского кургана в Приазовье//Тез. докл. обл. науч.-практ. семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1987.
6. *Чередниченко М., Фіалко О., Ковальов М.* Пам'ятка скіфів царських//Пам'ятки України. 1991. № 3.
7. *Мурзалиев Г. Д.* Как построить шахтный колодец. Алма-Ата, 1951.
8. *Болтрик Ю. В., Фіалко О. С.* Дослідження скіфського «царського» кургану Тащенак//Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Киев, 1991.
9. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991.
10. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев., 1968.
11. *Кубышев А. И.* Скифский курган V в. до н. э. у с. Братолюбовка на Херсонщине//Първи международен симпозиум «Севтополис» «Надгробните могили в югоизточна Европа». Казанлик, 1993.
12. *Клочко Л. С.* Реконструкция элементов скифского костюма из Бердянского кургана//Археологические исследования на Украине в 1978—79 гг. Тез. докл. науч. конф. Днепропетровск, 1980.
13. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960.
14. *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987.
15. *Бидзиля В. И.* Скифский курган «Казенная могила»//Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Ч. II. Киев, 1975.
16. *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая Могила//Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
17. *Болтрик Ю. В.* О хронологии камерных погребальных сооружений степной Скифии//Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986.
18. *Бессонова С. С.* О скифских повозках//Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
19. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
20. *Переводчикова Е. В.* Типология и эволюция скифских наверший//СА. 1980. № 2.
21. *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший//Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
22. *Іллінська В. А.*, Скіфськи навершники//Археологія. 1963. Вип. 15.
23. *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
24. *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е.* Погребение жрицы из Бердянского кургана//СА. 1988. № 2.
25. *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.* Скифские уздечки с пластинчатыми налобниками//Киммерийцы и скифы. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвященной памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
26. *Фиалко Е. Е.* Оружие Бердянского кургана//Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Ч. II. Кировоград, 1987.
27. *Полин С. В., Чередниченко Н. Н., Ковалев Н. В.* Амфоры Бердянского кургана//Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1992.
28. *Rolle R.* Haar — und Barttracht der Skythen//Gold der Steppe Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.
29. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
30. *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992.

Институт археологии АН Украины,
Киев

U. V. BOLTRIK, E. E. FIALKO, N. N. TCHEREDNITCHENKO

BERDYANSK BARROW

Summary

The article deals with the most notable Scythian barrow in the Northern Azov sea region situated in the nort-eastern part of Novovasiljevka village and excavated by the expedition of the Archaeological Institute of the Ukraine Academy of Sciences. It contained three burials forming a single burial complex covered by a 8.4 m high mound. A ritual path leading to the central burial was covered by sea-grass. The huge 15 m deep burial chamber suffered from the ancient robbery contained nineteen amphorae, a red-figured crater, three wooden cups with golden details, sets of golden plates, fragments of rich clothes, a lot of arms, bridles, and many other artifacts. A 10.7 m deep catacomb situated to the south from the burial was made for a large number of foodstuffs which is proved by a presence of two bronze coppers and animals remains left on a wooden platform. One more 5.9 m deep catacomb was situated in the southeastern part of the barrow and contained a female, perharps priestess, burial and a young servant burial. The burial chamber contained catafalque fragments, bronze table-ware, and the other things. The barrow was a grave of a region's ruler and can be dated to the 1st third of the 4th century B. C.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА, Л. С. РОЗАНОВА, Н. Н. ТЕРЕХОВА

ГОРГИППИЯ: ПРОДУКЦИЯ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО И ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕГО РЕМЕСЛА

На основании античных источников и археологических данных известно, что получение и обработка железа представляли одну из ведущих отраслей ремесленного производства в античном мире. Различным проблемам железообрабатывающего и железоделательного ремесла в античное время посвящена обширная литература, включающая и монографические исследования [1, там же см. библиографию; 2—5]. Однако эти проблемы в отношении античных центров Северного Причерноморья, к сожалению, не находят достаточно полного освещения. Как правило, вопросы черной металлургии в Северном Причерноморье рассматриваются лишь в общем контексте проблем ремесленного производства или при публикации отдельных памятников [6; 7, с. 62, 63; 8, с. 160—173; 9, с. 75].

Единственной специальной публикацией, посвященной железоделательному производству в Северном Причерноморье, является работа Д. Б. Шелова, в которой суммируются накопленные данные по этому вопросу [10, с. 2—9]. Наименее разработана тема, касающаяся техники и технологии. К сожалению, методы металлографического анализа, которые позволяют реконструировать технико-технологические процессы изготовления изделий, оказались малоэффективными в применении к материалам из античных памятников Северного Причерноморья. Причина этому — плохая сохранность железных предметов. Так, например, из коллекции железных изделий из Пантикапея, любезно предоставленных нам автором раскопок И. Д. Марченко, не удалось отобрать ни одного предмета. Аналогичная ситуация может быть отмечена и в отношении коллекции античных железных предметов, хранящихся в Одесском археологическом музее: из 200 предметов пригодными для металлографического анализа оказались только 3. Публикации результатов исследования их была посвящена небольшая заметка [11, с. 27—31]. Еще 20 предметов из античных памятников близ Новороссийска, подвергнутых металлографическому анализу, были опубликованы нами [12, с. 28—33]. Этим на сегодняшний день исчерпывается литература, посвященная технологической характеристике кузнечных изделий из античных центров Северного Причерноморья.

В несколько лучшем положении в смысле сохранности металла оказалась коллекция железного инвентаря из Горгиппии — одного из крупных городов Боспорского царства (локализуется на месте современной Анапы).

Археологические исследования курганов в окрестностях Анапы были начаты еще в середине XIX в. Систематические раскопки города ведутся с 1960 г. по сей день (сначала под руководством И. Т. Кругликовой, с 1973 г.— Е. М. Алексеевой). Получены многоплановые данные для реконструкции истории Горгиппии, в том числе и различных ремесел [13, с. 82].

Греческий полис на берегу Анапской бухты возник в последней четверти VI в. до н. э.; есть основания считать, что он назывался Синдом. В Горгиппию полис был переименован не ранее второй четверти IV в. до н. э. Город погиб около 240 г. н. э., просуществовав не менее восьми веков. За это время он пережил несколько периодов расцвета и катастроф. Его гибель в огне связана с передвижением больших групп кочевых племен, что совпало с сильными разрушениями и гибелью многих античных городов Северного Причерноморья.

© Е. М. Алексеева, Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова, 1994 г.

Рис. 1. Железные предметы из подвала 73 горгиппийского дома 5, погибшего в 240 г. н. э. *1—2* — штыри с кольцами; *3* — части удил; *4* — топор; *5—7* — мотыга; *8—10* — гвозди; *11* — жаровня

Город обладал кормившей его хорой с четко распланированными земельными угодьями. Радиус хоры достигал 25 км на равнинных участках и 15—20 км в предгорьях. Контактная зона полиса с местным населением была значительно шире, рынок Горгиппии снабжал привезенными из Средиземноморья товарами

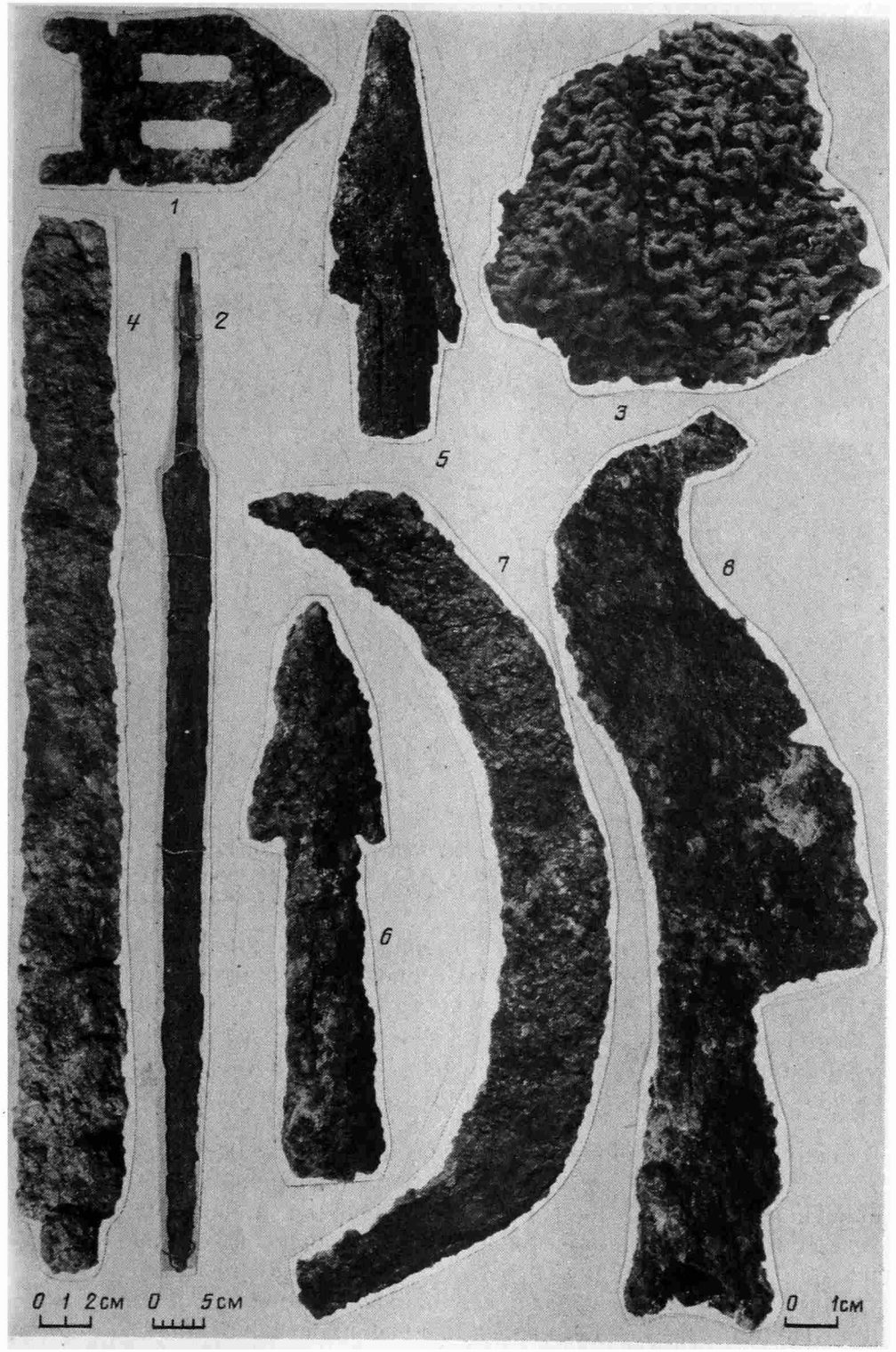


Рис. 2. Железные предметы из горгиппийских комплексов II—III вв. н. э. *1—2* — пряжка и меч из склепа (раскопки 1975 г.); *3* — часть кольчуги из помещения 58; *4* — меч из помещения 59; *5—8* — дротики, серп и нож для срезки кистей винограда из помещения 69 (дом 6)

обширные территории Прикубанья. В государстве Горгиппия занимала особое положение, являясь одновременно крупным портом, пограничным городом и центром широких плодородных земель, использовавшихся для выращивания зерна, винограда и прочих сельскохозяйственных культур. Надпись второй половины II — начала III в. н. э. (КБН, № 1134) свидетельствует о вывозе из горгиппийского порта огромного количества пшеницы. Ввиду особой важности

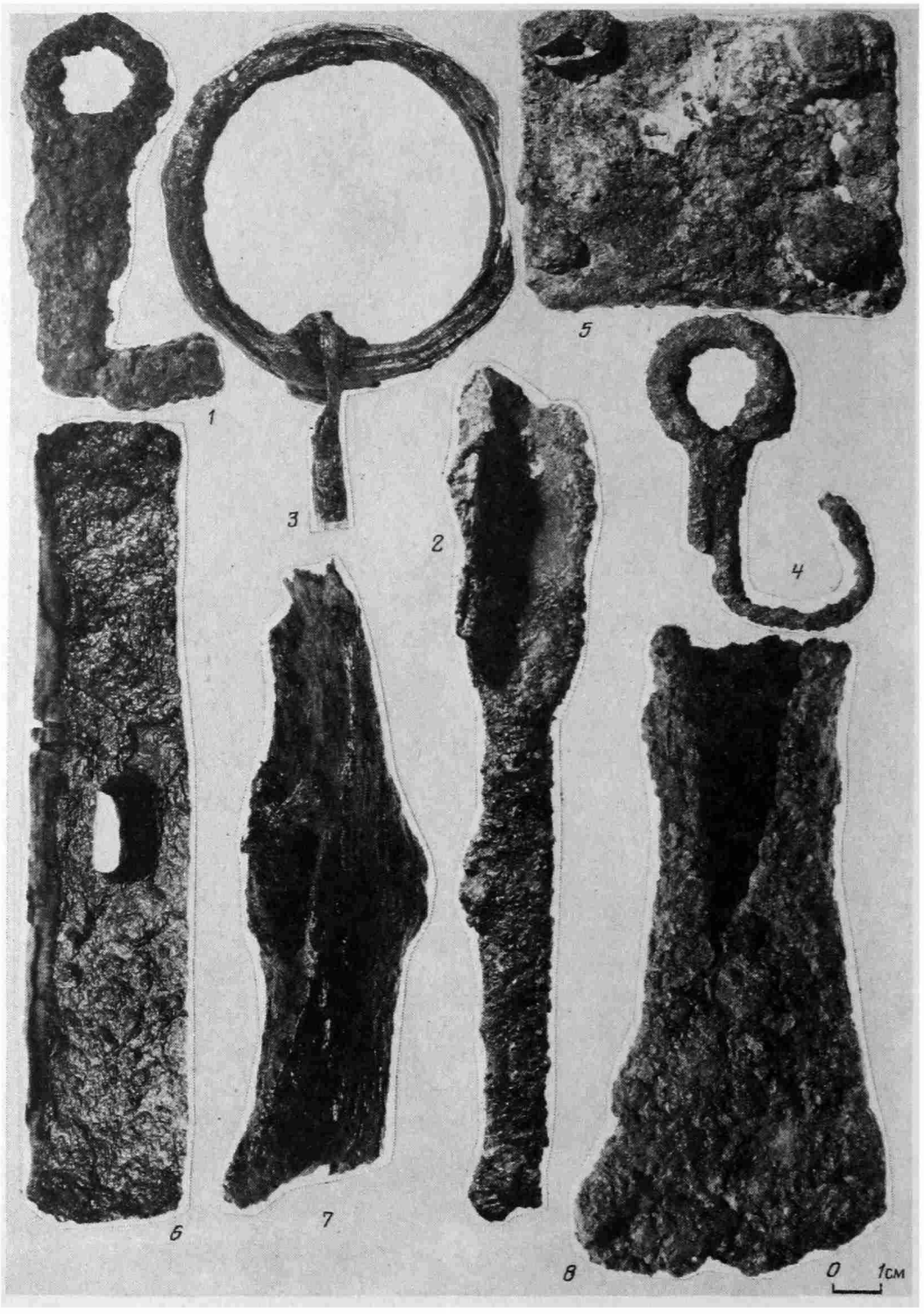


Рис. 3. Железные предметы из горгиппийских домов, сгоревших в 240 г. н. э. *1* — ключ из помещения 73 дома 5; *2* — стригиль из помещения 57; *3—4* — дверное кольцо и уключина из помещения 59; *5* — замковая пластина; *6—8* — топоры из помещения 69 (дом 6)

для государства этот город управлялся наместником, специально назначавшимся царем. Ктист города Горгипп был братом царя Левкона, его соправителем в Синдике; полис на берегу Анапской бухты являлся, видимо, его резиденцией. Есть данные, позволяющие видеть в Горгиппии резиденцию и соуправителей поздних Спартакидов. Особая роль Горгиппии в государстве неоднократно подчеркивалась и предоставлением ей права собственного монетного чекана.

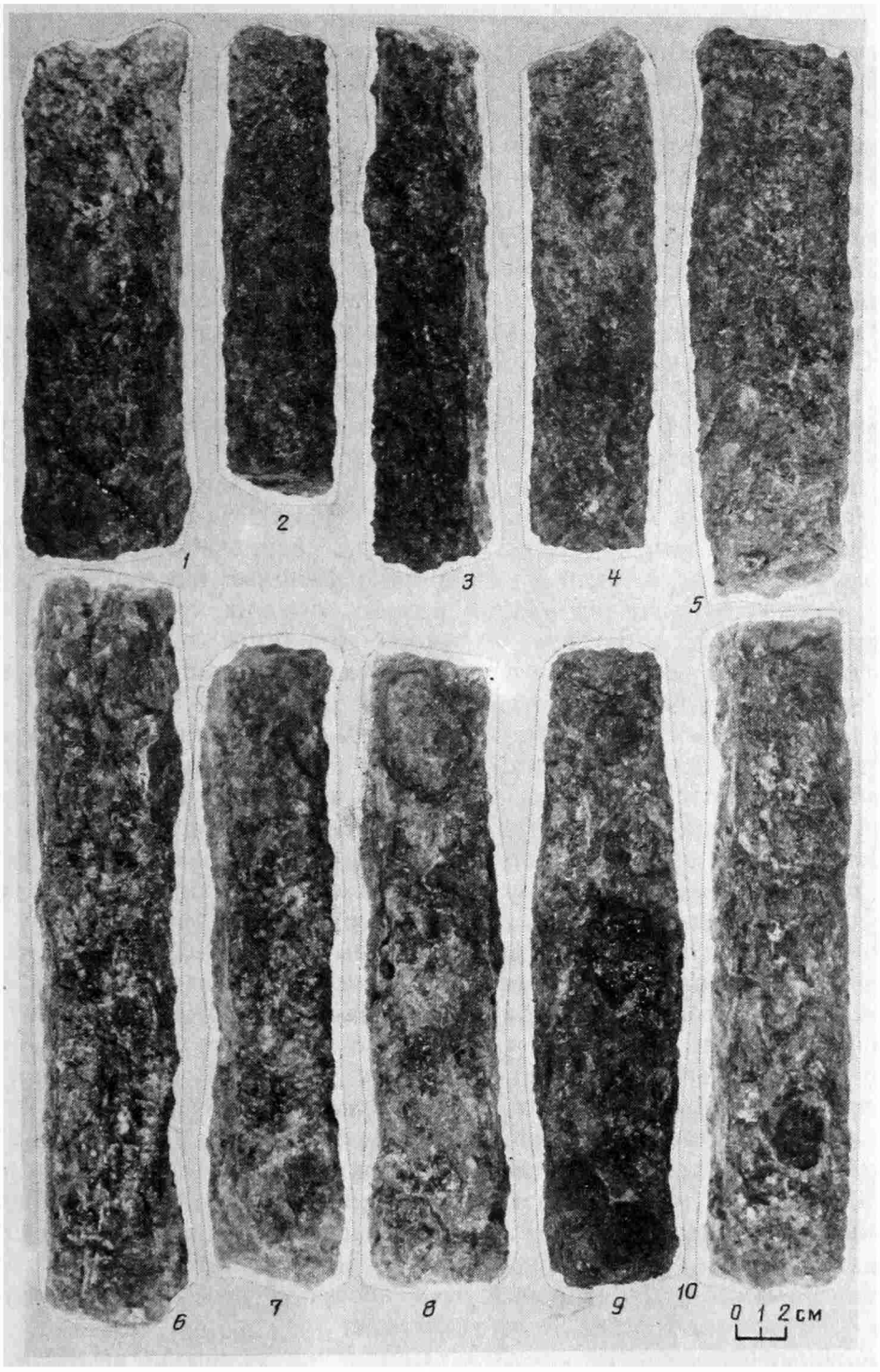


Рис. 4. Железные бруски-полуфабрикаты из подвала 73 горгиппийского дома 5

История Горгиппии тесно связана с многовековой историей обширного региона южнорусских степей в скифскую и сарматскую эпохи. Город располагался в азиатской части Боспорского царства среди земель меотских племен, между владениями синдов, включенными в состав Боспора в начале IV в. до н. э., и их южных соседей, которых древние авторы называют то торетами, то керкетами, или ахеями (со временем часть и этих земель также вошла в состав Боспора). Скифы, проходившие через Северный Кавказ и переправлявшиеся через Керченский пролив на ранних этапах существования греческих полисов; сарматы, пересекавшие границы Боспора с III—II вв. до н. э., а впоследствии давшие

этому государству династию царей, правившую около трех столетий; аорсы, привлекавшиеся боспорским царем Котисом в междоусобной борьбе I в. н. э., развернувшейся на азиатской стороне Боспора; меоты, составлявшие коренной массив оседлоземледельческих племен,— все эти народы оставили тот или иной след на земле Горгиппии. Отметим также, что в I в. до н. э. город вместе с Боспором входил в состав обширной Понтийской державы Митридата VI Евпатора, объединявшей земли Малой Азии, Кавказа и Северного Причерноморья. В первые века новой эры он вместе со всем государством находился в зависимости от Рима и при этом был втянут в тесные контакты с обширной Римской империей, ее малоазийскими, рейнскими, североиталийскими, галльскими провинциями, Египтом. Сказанное объясняет пестрый синкретизм культуры античной Горгиппии и обилие находок в городе разнообразных предметов, привезенных из разных мест широчайшей территории, охваченной влияниями античной цивилизации.

Как всякий крупный город, Горгиппия не могла обойтись без продукции разнообразных ремесел, в частности, жизненно необходимого железообрабатывающего. В домах всех хронологических периодов при раскопках мы находим топоры, тесла, ножи, мотыги, серпы, ножи для срезки винограда, скрепы, уключины, кольца хозяйственного назначения, различные накладки от сундуков, жаровни в виде колосников на низких ножках, оружие, стригили. В погибших домах сохраняется масса гвоздей различной величины, скреплявших балки и доски сгоревших перекрытий. В горгиппийских домах найдены части широкой железной чаши весов, использовавшейся при винодельне III в. н. э., и куски свернутых кольчуг того же времени. Железными скрепами соединены архитектурные детали, строительные камни, крышки с ящиками саркофагов (рис. 1—3).

Железные предметы встречаются также в могилах городского некрополя и некрополей сельских поселений в окрестностях Горгиппии: оружие и части конской сбруи (удила, псалии, ременные пряжки), ножи, стригили и некоторые украшения (перстни, пряжки, иногда браслеты). Особенно обильны предметы из железа в городских домах последнего периода расцвета Горгиппии — II—III вв. н. э. К этому же времени относятся находки орудий, связанных с металлопроизводством: шарнирные клещи, железная наковальня с квадратной рабочей плоскостью.

Огромный интерес представляют обнаруженные в одном из домов (дом 5), погибшем при пожаре около 240 г. н. э.[1], 16 железных брусков. Они имеют удлиненно-прямоугольную стандартную форму (рис. 4; 5, *1—6*). Ясно, что это какой-то промежуточный продукт железообрабатывающего производства (уже не бесформенная масса металла, но еще не готовое изделие). Подробно на анализе этих находок с точки зрения определения последовательности кузнечных операций в ходе превращения исходного сыродутного железа в конечный продукт мы остановимся ниже. Здесь же имеет смысл проанализировать возможность функционирования железопроизводства в пределах тех кварталов, откуда происходят упомянутые находки. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к планировке городского участка, о котором идет речь.

Многолетними раскопками северо-восточной части города выявлена и прослежена в длину на 150 м улица шириной 7—9 м. Мы полагаем, что эта улица (так называемая Широкая) являлась одной из центральных магистралей города. Она выходила за его пределы, превращаясь в главную дорогу, идущую к соседним

[1] Датировка основана на находках в одном из подвалов этого дома 106 бронзовых монет. Очевидно, они хранились в наземном помещении над подвалом в мешочке или шкатулке, рухнули при пожаре в подвал и рассыпались. Монеты этого «клада» охватывают период с 68 по 238 г. н. э. и представляют эмиссии 10 царей Боспора. Заметим, что монеты I в. были в ходу и в III в. Наиболее поздней монетой среди найденных является статер Ининфимея с датой ЕЛФ — 535 г. б. э. = 238 г. н. э. (определение Н. А. Фроловой). На полу в различных частях помещения найдено еще девять монет I—III вв., подобные монеты встречены на полу и в обмазках полов других помещений дома. В пожарищах горгиппийских домов, синхронных дому 5, наиболее поздними монетами всегда являются монеты Ининфимея, помеченные 238 г. Следовательно, вскоре после этого года и произошел общегородской пожар. После 238/239 гг. в связи с большими разрушениями в государстве был перерыв в боспорском чекане на несколько лет.

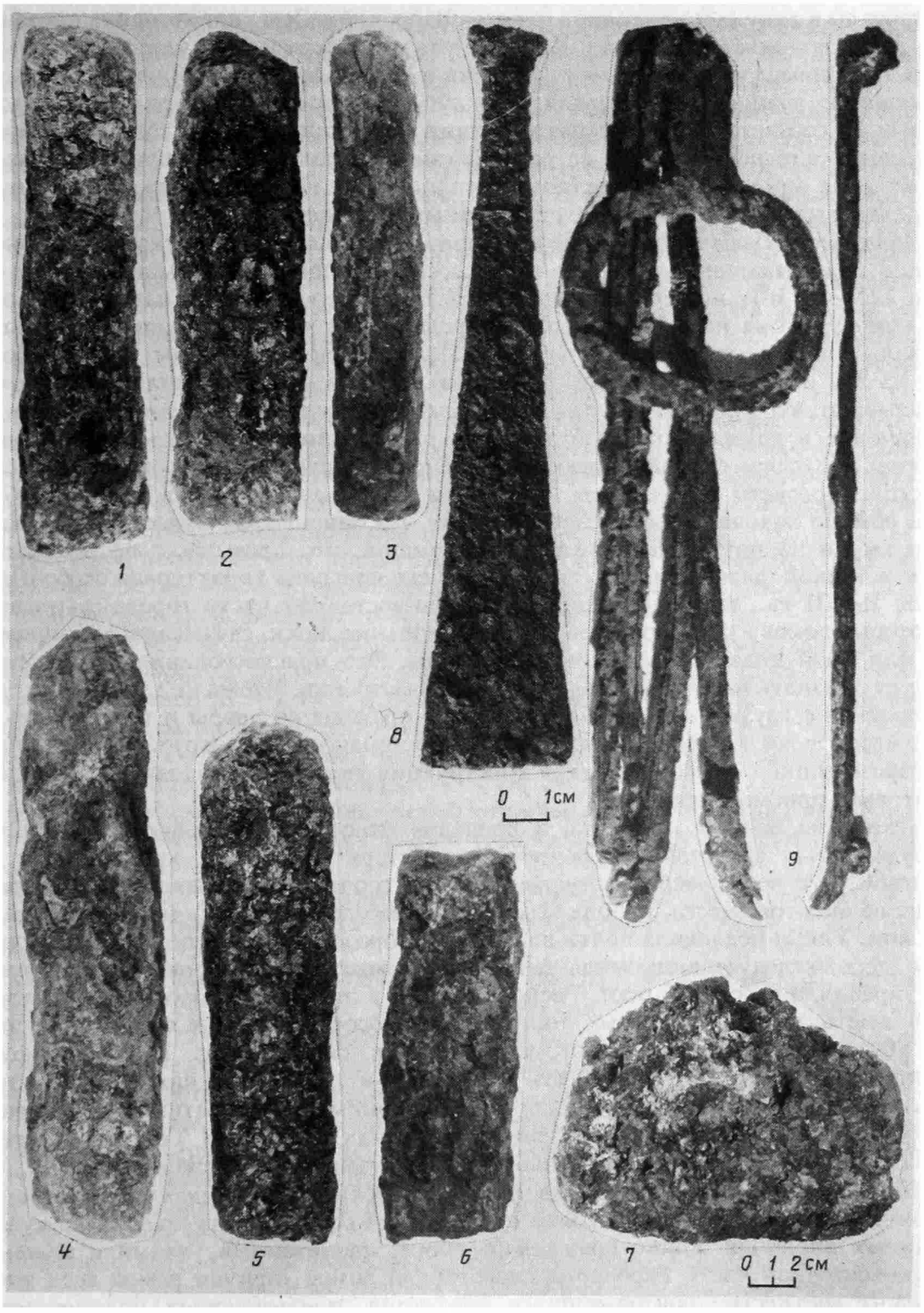


Рис. 5. Железные предметы из горгиппийских комплексов II—III вв. н. э. *1—7* — бруски-полуфабрикаты из подвала 73 дома 5; *8—9* — тесло (?) и складной стул из склепа (раскопки 1975 г.)

полисам и в земли соседних племен. В настоящее время на этом участке вскрыта площадь более 4000 м^2. Как показал анализ планировки раскопанной площади, эта часть города была занята крупными жилыми домами. Здесь выявлено не менее 14 домов, существовавших во II—III вв. н. э. Они занимали значительные участки (400—700 м^2 и более). Застройка была плотной. Дома группировались

в кварталы и тянулись вдоль двух улиц — Широкой и Северной (ширина последней 4 м), расходящихся радиально. Каждый дом имел скрытый от улицы внутренний двор, он занимал не более $^1/_5$—$^1/_{10}$ участка и сообщался с улицей узким проходом. Помещения зданий группировались вокруг внутреннего двора различными способами в соответствии с рекомендациями греческих архитекторов учитывать направления господствующих ветров и стороны наибольшей освещенности. Здания и дворы на описываемом участке вплетались друг в друга и перестраивались в пределах выделенных, видимо, стандартных участков.

Чаще всего Г-образное здание окружало внутренний двор, открытый южному солнцу, примыкавший к глухой стене соседнего дома. Маленький внутренний двор (25—50 м^2), мощеный плитами, частично перекрывался навесами. Почти все комнаты дома на данном участке города имели под собой большие глубокие подвалы (площадью иногда до 30 м^2). Подвалы были впущены в грунт более чем на 2 м и составляли целый подземный этаж из многих комнат. Наблюдения показывают, что в большинстве своем подвальные помещения имели хозяйственное назначение и служили разнообразными хранилищами. В них стояли огромные амфоры и пифосы с зерном, рыбой (заполнены чешуей), вином, иногда красной краской. Подсчеты показывают, что почти в каждом подвале в момент гибели дома обычно находилось не менее 40 амфор. На описываемом участке Горгиппии дома имели по пять — семь подвалов-хранилищ, что превышало потребности в запасах всякой, даже большой семьи. Отмечена еще одна характерная особенность домов II—III вв., исследовавшихся в северо-восточной части города: в подвалы некоторых домов с края мостовой вели специальные люки, связывавшие напрямую тот или иной подвал с поверхностью улицы. Это приспособление, несомненно, следует признать рациональным при тесноте застройки. Чтобы не тащить тяжелые и громоздкие грузы через узкие и длинные проходы во дворы и не спускать их вниз через люки в полах жилых комнат, придуман способ загружать хранилища непосредственно с мостовой. Такая конструкция являлась необходимой в зданиях с оптовым приемом товаров.

Исходя из обилия хранилищ в пределах одного дома, наличия специально оборудованных загрузочных люков и характера находок в хранилищах, мы полагаем, что весь северо-восточный участок города, примыкавший к Широкой улице вблизи того места, где она выходила за городские ворота, являлся торговым районом. Улица подходила почти вплотную к городскому некрополю. В последние годы здесь исследуется огромная цитадель, примыкавшая к морю. По-видимому, она укрепляла городской порт. Расположенные в этой части города дома должны были иметь лавки, в которых торговали разнообразными предметами. В этом нас убеждает характер находок, сделанных в помещениях. Уже отмечалось намного превышающее потребности одной семьи количество находимых в этих домах амфор. При пожаре вместе со сгоревшими перекрытиями в подвалы рухнула утварь, стоявшая в наземных комнатах зданий. В Горгиппии стены подвалов, являвшиеся одновременно фундаментами, складывали из камня, наземные же стены домов обычно возводили из широких плоских пористых саманных кирпичей. Слой гибели таких домов представляет собой массив крошки из кусков саманных кирпичей яркого оранжевого цвета, пронизанный углями и золой. В северо-восточной части Горгиппии слой гибели домов (причем домов всех эпох) содержит множество повторяющихся предметов, превышающих количественно разумные потребности одной семьи. Например, с одним зданием может быть связана находка до тысячи осколков кувшинов или куски десятков рыбных блюд. В этой связи отметим, что интересующий нас дом 5, его слой гибели, содержал огромное количество осколков однотипных стеклянных стаканчиков (судя по профилированным частям, разбито не менее 100 сосудов).

Обобщение наблюдений над планировкой рассмотренного городского участка и конструкцией домов приводит нас к выводу о том, что эта часть города была торговой, что здесь вблизи выводящей из города основной магистрали веками существовали лавки торговцев. Так, в подвалах дома 5 наряду с упомянутыми

находками брусков были обнаружены серии других предметов, предназначавшихся для продажи: несколько колесовидных удил с псалиями, серпы, очажные решетки, ключи, бронзовые кольца, стеклянные сосуды, большие амфоры.

Существует, однако, мнение, что на этом участке располагались кварталы ремесленников, связанных с гончарным [2], кузнечным и даже металлургическим производствами [9, с. 70—76]. В качестве аргументов в пользу последних приводятся сведения о находках кузнечных клещей, наковальни, бронзовых и свинцовых слитков, бесформенных кусков железа [9, с. 76]. В этой связи хотелось бы прежде всего отметить, что локализация производств, связанных с повышенной огнеопасностью, в густонаселенных кварталах не представляется достаточно убедительной. Что же касается находок наковальни и клещей, то, судя по их размерам (наковальня — высота 17,5 см, рабочая площадка 12×12 см; клещи — длина 16 см), они явно связаны с ювелирным делом и скорее всего наряду с другими предметами предназначались для продажи.

Относительно находок бесформенных бронзовых и свинцовых слитков, железных кусков можно заметить, что без специальных аналитических исследований интерпретировать их как отходы каких-либо производств некорректно, тем более, если учесть наличие мощного слоя пожарищ, в результате которых предметы могли быть сильно деформированы и оплавлены.

Итак, мы полагаем, что предметы, которые можно связывать с металлопроизводством, в том числе и упоминавшиеся железные бруски, являлись товаром, сконцентрированным в лавках торговцев.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что бруски имеют стандартную форму и близкие размеры: сечение квадратное (3,5×3,5 см; 4×4 см) или прямоугольное (3,5×4,5 см; 4,5×5,5 см); длина 20—21 см, 25—25,5 см (самый длинный — 29 см). Следует учитывать, что из-за деформации в связи с пребыванием в пожаре и образованием толстого слоя окалины первоначальные габариты их в какой-то степени изменились.

Большой интерес представляет технологическая характеристика этих изделий, поскольку позволяет определить, какую стадию обработки первичного сырья они отражают.

Четыре бруска мы подвергли металлографическому исследованию. С этой целью были отобраны образцы для микроскопического анализа с их полного поперечного сечения [3].

Как показал микроскопический анализ брусков (№ 5309—5312), структура металла неоднородная (рис. 6, *3—6*): в основном ферритная, но есть участки феррита и перлита с содержанием углерода от 0,1 до 0,8%. Шлаковые включения крупные и их довольно много (рис. 6, *6*). Фиксируются следы заваров пустот, пор (рис. 6, *5*). Микротвердость феррита 128, 151, 181 кг/мм, феррита с перлитом — 221, 236, 254 кг/мм. На основании металлографических данных можно заключить, что металл по характеру кузнечной обработки, хотя и не отличается высоким качеством (неоднородность, засоренность крупными шлаковыми включениями), был, однако, вполне пригоден для производства изделий, не требующих тщательной кузнечной проковки.

Подобные артефакты в археологической литературе называют как крицами, так и полуфабрикатами или заготовками. Между тем эти понятия отражают различные стадии обработки металла, и от правильной интерпретации их зависит достоверность реконструкции как самого металлургического производства, так и характера производственных связей.

Уточнить эти понятия помогают комплексные методы металлографии, под-

---

[2] Вывод И. Т. Кругликовой о существовании на данном участке гончарного производства основан на неправильной интерпретации мощного слоя пожарищ и соответственно прокаленности грунта в подвалах домов. Никаких признаков существования гончарных печей здесь не обнаружено.

[3] Металлографические исследования были проведены в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Москва). Номера анализов соответствуют номерам регистрационной книги лаборатории.

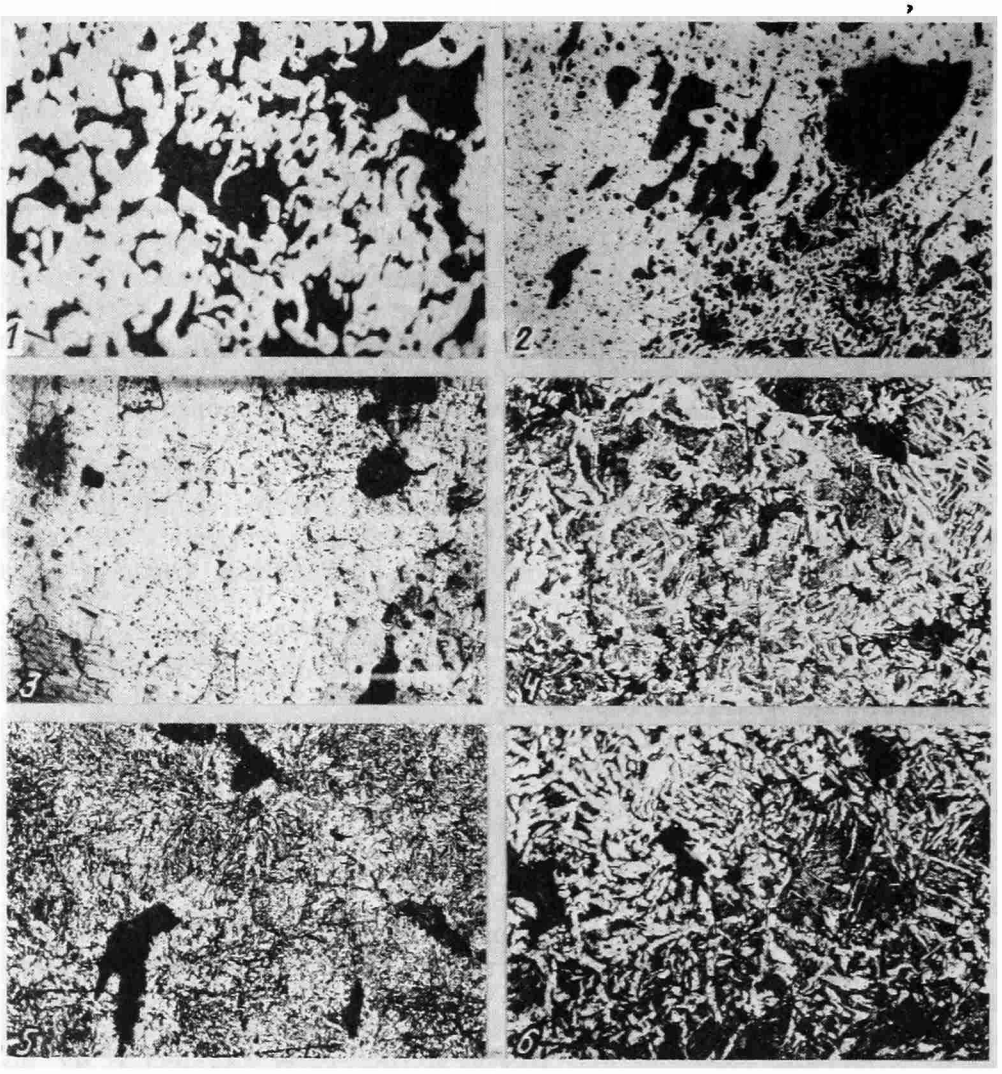


Рис. 6. Фотографии микроструктур железной крицы (*1*, *2*) и полуфабрикатов (*3*—*6*)

крепленные опытами по физическому моделированию. Нами был проведен ряд экспериментов [4] по обработке сырьевого материала от крицы до готового изделия, сопровождаемых металлографическим исследованием соответствующих образцов и сравнением их с археологическими артефактами.

Анализируя полученные данные, мы предлагаем следующие дефиниции для различных стадий производства и обработки черного металла в приложении к археологическому материалу: горновая крица, крица, товарная крица, полуфабрикат, заготовка.

Горнова крица — это непосредственный продукт металлургического сыродутного процесса, не подвергавшийся механическому воздействию. Представляет собой твердую губчатую массу железа, поры и полости которой заполнены шлаками. Вес может колебаться от нескольких граммов до нескольких килограммов.

Крица — это первичная стадия обработки горновой крицы, в результате чего лишь частично удалены шлаковые включения и в какой-то степени уплотнен металл. В тех случаях, когда крица имеет стандартную форму, размеры и вес, она может быть названа **товарной крицей**. Наиболее ярким примером могут

[4] Работы проводились на базе Художественно-промышленного училища г. Суздаля с помощью профессионального кузнеца В. Басова в стационарной кузнице.

служить находки из древнего Новгорода, где в слоях XIV в. при археологических исследованиях было обнаружено скопление криц стандартной лепешкообразной формы (диаметр 13—14 см, толщина 5—6 см, вес 2700—3000 г.). Однако товарная крица, даже такой стандартной формы, как новгородская, не была пригодна для непосредственного изготовления железного предмета, поскольку содержала большое количество раковин, пор, крупных шлаковых включений и даже включений кусочков древесного угля. Только интенсивная проковка ее при соблюдении определенных условий позволяет получить плотную монолитную массу — полуфабрикат.

Полуфабрикат — это заключительная стадия обработки горновой крицы, в результате чего получалась монолитная масса железа, пригодная для поковки заготовок. На этой стадии происходит заварка пустот, исчезновение крупных пор, в основном завершается процесс удаления шлаковых включений. Подобный артефакт и является той необходимой промежуточной стадией, которая позволяет перейти к формовке заготовки намеченного изделия.

Заготовка — это начальная стадия технологического процесса изготовления кузнечного изделия. В качестве формального признака заготовки можно рассматривать близость артефакта к конкретному, но не завершенному изделию. При металлографическом изучении археологической кузнечной продукции могут быть выделены и технологические признаки заготовки. Это относится к тем случаям, когда мы фиксируем технологию трехслойной или многослойной сварки с целенаправленным подбором полос из разных сортов металла. Микроскопическими признаками заготовки могут служить четкая ориентировка и значительная степень деформации неметаллических включений.

В нашем случае железные бруски из Горгиппии с полным основанием могут быть отнесены к разряду полуфабрикатов.

В том же помещении, где были найдены бруски-полуфабрикаты, можно выделить и находку крицы — лепешкообразный обломок, который как по форме, так и по характеру макроструктуры (пористой с крупными пустотами, рис. *5*, *7*), напоминает новгородскую крицу.

Учитывая, что наряду с другими предметами бруски-полуфабрикаты предназначались для продажи, а следовательно, торговец выступал посредником между металлургом — производителем металла — и кузнецом, производившим законченные изделия, возникает вопрос об источниках поступления металлургического сырья.

Проблема эта для античных центров Северного Причерноморья — одна из наиболее сложных и дискуссионных. Существуют крайние точки зрения. Одни исследователи считают, что железная руда была привозной, при этом называют различные источники: Малая Азия, Фракия, Приднепровская Скифия [5, с. 56, 57; 6, с. 117; 10, с. 4; 14, с. 53]. Местные истоки металлургии и ее широкое развитие на примере Пантикапея отстаивала И. Д. Марченко [8, с. 172, 173].

В основе дискуссии на эту тему лежит отношение к возможности использования местной керченской руды. Сторонники точки зрения, отрицающей использование местных рудных месторождений, основывались на том, что керченская руда по ряду свойств (рыхлость, пылеватость, низкий процент содержания железа, повышенное содержание фосфора) не была пригодна к эксплуатации в условиях металлургической техники античного времени [6, с. 117].

Действительно, пылеватость керченской руды требует специальной предварительной обработки — агломерации (спекания рудной мелочи) либо брикетирования (прессования с добавлением связующих масс) [15, с. 258]. Вопрос о возможности использования одного из этих методов (брикетирования) был решен на основании аналитического изучения руды, обнаруженной при раскопках Пантикапея в слоях римского времени. Было установлено, что связующей массой при брикетировании служила известь, о чем свидетельствует выявленное при оптическом исследовании руды присутствие карбонатов кальция, «заполняющих промежутки между пылеватыми рудными телами» [15, с. 258].

Оставался открытым вопрос, насколько рано мог быть освоен такой способ

обработки керченской руды. Раскопки архаического Торика (VI — середина V в. до н. э.) выявили материалы, связанные с ранним этапом металлургии и металлообработки в античных городах Северного Причерноморья [16]. Аналитические исследования образцов руды из городских слоев показали, что по химическому составу она близка к керченскому железорудному месторождению. Так же, как и в образцах из Пантикапея, здесь обнаружено присутствие карбонатов. Можно думать, что руда была обработана способом, аналогичным упомянутому выше.

Исследованные нами образцы шлака из Торика представляют собой типичный продукт сыродутного процесса (содержат большой процент железных компонентов — до 50—70) [17, с. 172, 173]. К сожалению, плохая сохранность самих предметов из Торика не позволила провести металлографические исследования.

Исходя из приведенных данных, можно полагать, что начало эксплуатации керченских руд совпадает с греческой колонизацией, чему способствовал богатый опыт античных металлургов, засвидетельствованный в источниках [5, с. 55—74; 8, с. 172]. Насколько широко использовалась местная руда, требующая трудоемкого способа обработки, сказать трудно. Для выявления достоверной картины необходим химический анализ предметов.

Одним из признаков, благодаря которому металлографически можно идентифицировать металл с исходной керченской рудой, является присутствие в металле фосфора. Если исходить из этого косвенного признака, то связывать какую-либо группу металла Горгиппии из числа исследованных нами предметов с местной рудой на сегодняшний день не представляется возможным. Можно указать лишь на три предмета из Горгиппии, в которых металлографически выявлено повышенное содержание фосфора: это два предмета неопределенного назначения (заготовки?) и топор-тесло (№ 5325). Металл всех остальных изделий из Горгиппии, исследованный нами, по металлографическим данным, находит полное соответствие с металлом брусков-полуфабрикатов, найденных в доме торговца.

Есть все основания полагать, что железообрабатывающее производство Северного Причермноморья в античную эпоху базировалось не столько на металле, получаемом из местных руд, сколько на поступавшем из разных центров в виде полуфабрикатов, готовых к переработке в необходимые изделия.

В римское время одним из крупнейших центров товарного производства железа был уманский (близ г. Умань на Украине), расположенный в лесостепной зоне Восточной Европы. Мы вполне разделяем точку зрения украинских исследователей о том, что рынком сбыта продукции этого центра были античные города Северного Причерноморья [18, с. 67]. Связи античных центров Северного Причерноморья с лесостепными племенами археологически документируются на протяжении всей скифской эпохи. В этом плане обращает на себя внимание большое сходство металла из памятников того же времени в Курском Посеймье. Общим признаком является сочетание повышенной мягкости феррита с присутствием в металле основной массы изделий (более 80%) включений нитридов железа [19, с. 30—36]. Можно полагать, что один из источников поступления металла в города Северного Причерноморья в ранний период существовал в лесостепи.

В заключение подчеркнем, что гипотеза о ввозе руды в степную зону для обеспечения в широких масштабах местной металлургии железом представляется нам маловероятной, если учесть отсутствие достаточных лесных массивов, необходимых для углежжения. Потребность в металле для железообрабатывающего производства в античных центрах Северного Причерноморья удовлетворялась, по нашему мнению, как за счет разработки местных руд в небольших объемах, так и за счет привозного металла, который мог поступать в разной форме: в виде товарных полуфабрикатов или товарной крицы.

Кузнечная продукция, судя по археологическим данным, широко использовалась в быту населением городов Северного Причерноморья. Коллекция железного инвентаря из Горгиппии и ее окрестностей дает достаточно полное пред-

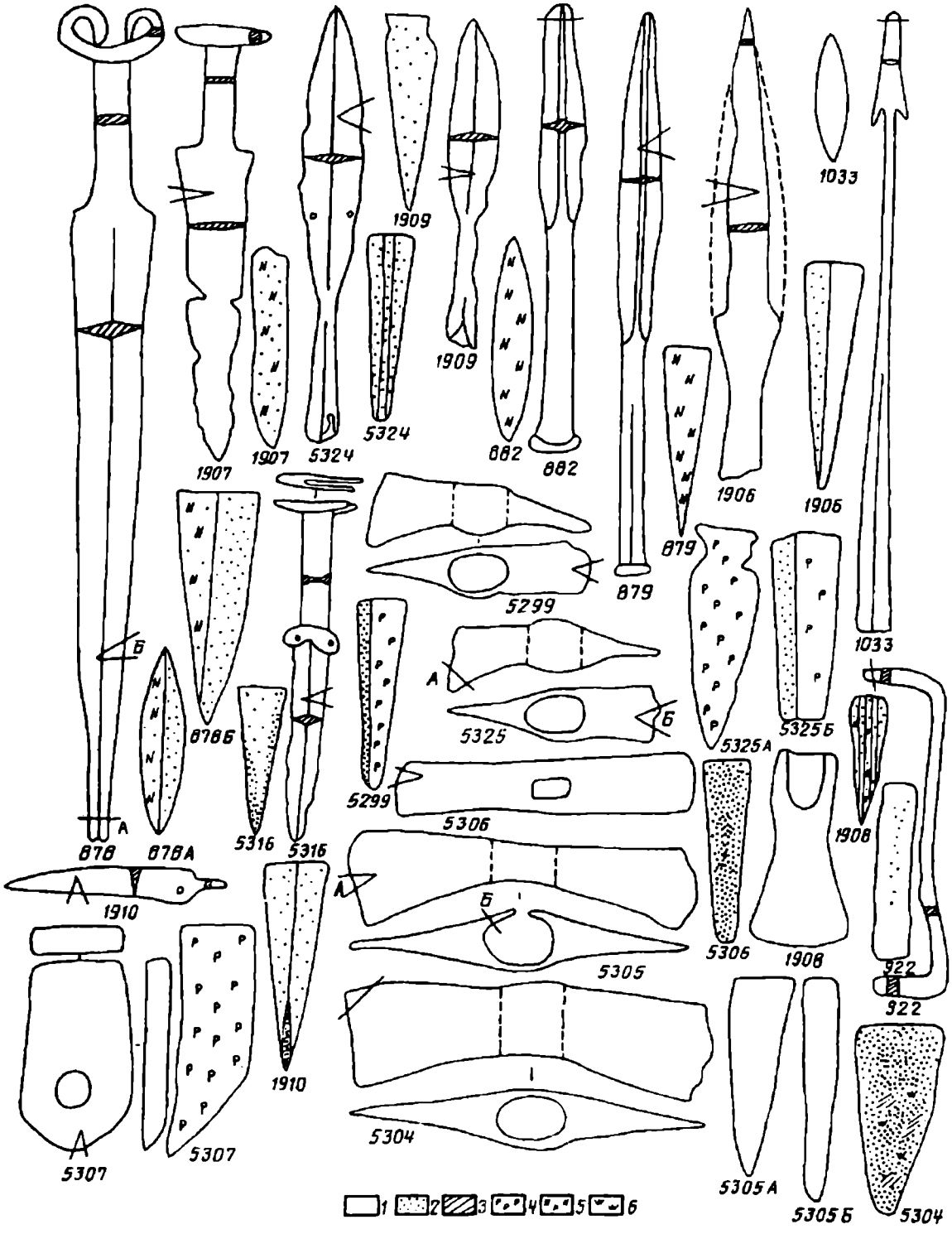


Рис. 7. Железные изделия из Горгиппии и окрестностей и их технологические схемы. *1* — железо; *2* — сталь; *3* — термически обработанная сталь; *4* — присутствие фосфора; *5* — включения нитридов железа; *6* — структура перегрева. Номера на рисунке соответствуют номеру анализа

ставление об ассортименте и типах изделий, бытовавших в период с VI в. до н. э. до середины III в. н. э.

Серия железных предметов, отражающая основные категории кузнечного инвентаря, была подвергнута нами металлографическому исследованию с целью реконструкции технологии производства.

Из городских слоев происходят 14 предметов, которые по условиям сохранности оказались пригодными для металлографического изучения.

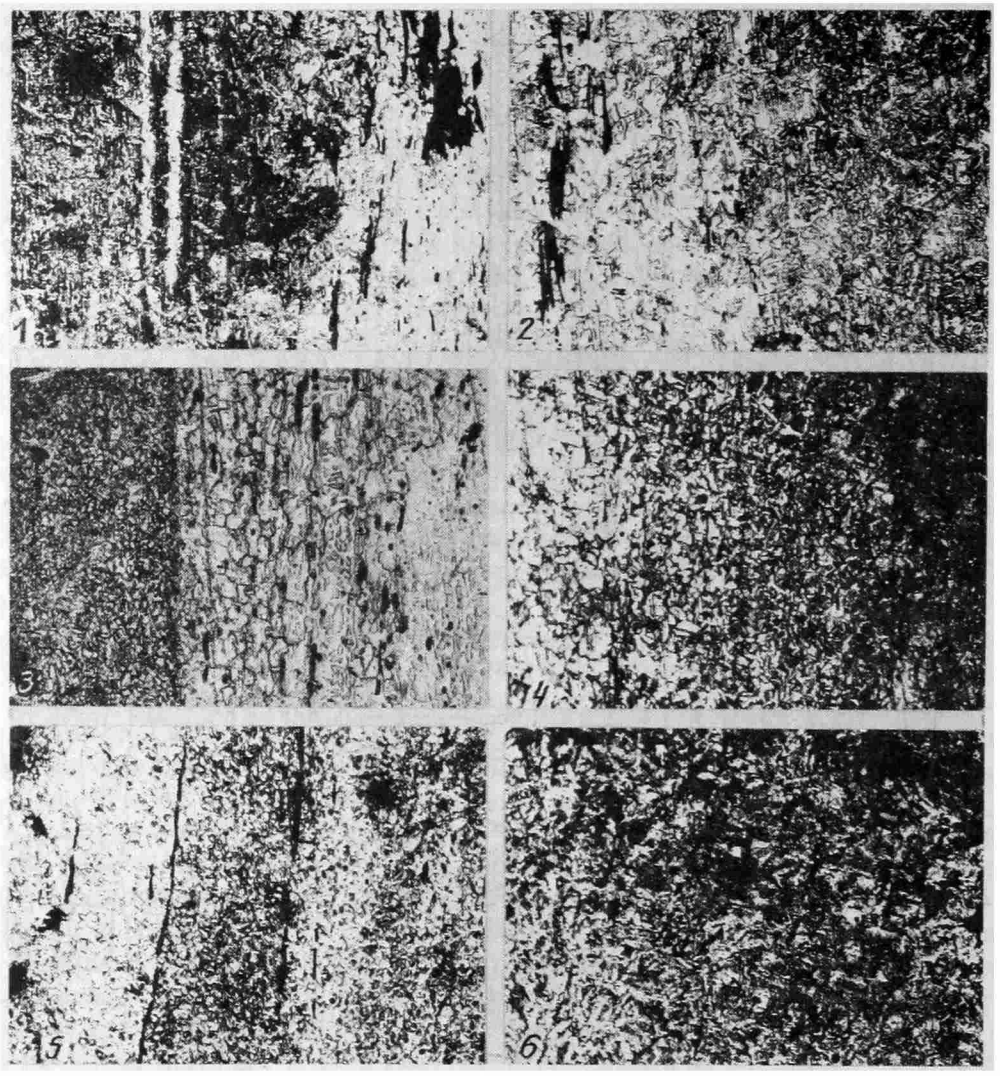


Рис. 8. Фотографии микроструктур железных изделий из Горгиппии (ув. 70). *1*, *2* — топор, № 5300; *3* — топор-тесло, № 5299; *4* — топор, № 5301; *5* — мотыжка, № 1908; *6* — полуфабрикат, № 5312

Исследован нож (№ 1910, рис. 7). Длина его 13,5 см, лезвие прямое (ширина 2 см), черешковая рукоять (длина 2 см, ширина 5 см) отделена от клинка с двух сторон четкими уступами. В тыльной части клинка у рукояти сохранилась железная заклепка (диаметр 5 мм), крепившая деревянную или костяную ручку.

Образец для металлографического исследования был взят с $^{2}/_{3}$ поперечного сечения клинка. На основании микроскопического изучения установлено, что клинок ножа изготовлен в технологии вварки полосы высокоуглеродистой стали в основу из мягкой стали. По характеру структуры вварной полосы можно полагать, что изделие подвергалось термообработке, но в результате пребывания в огне пожара первоначальная структура в основном стерта. Металл хорошо освобожден от шлаковых включений. Четкие и чистые сварочные швы свидетельствуют о высоком качестве сварки.

В исследованной коллекции представлены двулезвийные топоры-секирки — два целых экземпляра (№ 5304, 5305, рис. 7) и два в обломках (№ 5300, 5301, рис. 7). Целые экземпляры имеют длину 21—22 см, ширину лезвий 5—6 см, отверстие (4×3,5 см) находится в центре. Технология изготовления изделий оказалась разной. Одно из них (№ 5304) отковано из неравномерно науглероженной сырцовой стали (структура феррито-перлитная, содержание углерода от 0,2—0,3 до 0,5—0,6%, микротвердость 181—236 кг/мм, на отдельных участках

характер структуры видманштеттный). Изделие, видимо, подвергалось термообработке — следы ее в виде сорбитной структуры прослеживаются в центральной части шлифа, микротвердость 254—350 кг/мм.

Другой экземпляр (№ 5305, рис. 7) откован из железа (структура феррита крупнозернистая, микротвердость 116—151 кг/мм, 135—221 кг/мм). Третье изделие (№ 5300, рис. 7) отковано из пакетованной заготовки и подвергнуто двусторонней цементации, видимо, было термообработано (сохранились следы игольчатости в перлитной структуре) (рис. 8, *1*, *2*). Однако четкой картины нет ввиду пребывания предмета в огне (микротвердость феррита 151—221 кг/мм, феррито-перлитной структуры — 236, 254—332 кг/мм). И наконец, последнее изделие (№ 5301) отковано из железной заготовки (микротвердость феррита 122—143 кг/мм) и подвергнуто глубокой односторонней цементации (рис. 8, *4*). Видимо, изделие было термообработано (структура — сорбитообразный перлит, микротвердость 193—254 кг/мм).

Металлографически изучено 2 экз. топоров-тесел, происходящих из одного помещения (№ 69). Орудия одинаковые по форме и очень близки по размерам (№ 5299, 5325, рис. 7). Лезвия расположены в перпендикулярной по отношению друг к другу плоскости (общая длина 13,5 см, длина тесловидного лезвия 5 см, ширина 3 см; длина лезвия топора 5 см — № 5299 и 6 см — № 5325, ширина 4,5 см; размеры проушины-отверстия 3—3,5×2,3 см). Технология изготовления обоих экземпляров оказалась аналогичной (рис. 8, *3*). Изделия были откованы из железной заготовки, отличающейся высокой твердостью (микротвердость феррита — 181—236, 274—360 кг/мм). Тесловидное лезвие упрочнено стальной полоской, наваренной на железную основу (структура в стальной полосе феррито-перлитная, мелкодисперсная, содержание углерода 0,2—0,3%, микротвердость 193—206 кг/мм). В структуре стальной части заметны следы отжига — результат пребывания изделия в огне пожара.

Из того же помещения (№ 69) происходит двулезвийное тесло (№ 5306, рис. 7). Общая длина предмета 18,5 см, ширина лезвия 3,5 см, небольшая проушина (2×1 см) находится посредине. Металлографически исследовано одно из лезвий. Анализ показал, что оно было отковано из качественной высокоуглеродистой стали (структура феррито-перлитная, мелкодисперсная, содержание углерода 0,7—0,8%, микротвердость 254—297 кг/мм). Частичное обезуглероживание поверхности лезвия связано, по-видимому, с пребыванием предмета в пожаре.

Исследовано два сельскохозяйственных орудия: мотыжка и коса. Мотыжка (№ 1908, рис. 7) имеет втулку для закрепления рукояти (длина втулки 4 см) и трапециевидное лезвие (длина 7,5 см, наибольшая ширина 6 см, толщина лезвия ближе к втулке 1 см, у рабочей части — 0,5 см). К сожалению, рабочая часть лезвия оказалась плохой сохранности, образец для исследования удалось взять лишь на расстоянии 1,5 см от режущей кромки.

Анализ показал, что тело мотыжки отковано из пакетного металла (чередующихся полос железа и мягкой стали) (рис. 8, *5*), микротвердость ферритной и феррито-перлитной структур очень низкая — 116—135 кг/мм. На фоне зерен феррита наблюдаются включения нитридов железа.

Коса представлена в фрагментированном виде (длина сохранившейся части 25 см, ширина полотна 3 см, режущая кромка утрачена). Для исследования был взят образец с $^{2}/_{3}$ поперечного сечения полотна. На основании анализа можно заключить, что полотно было отковано из нескольких полос железа и стали. Основу полотна составляли стальные полосы с разным содержанием углерода (0,1—0,3, 0,4—0,5%, микротвердость 221—236, 254—274 кг/мм), выходившие, по-видимому, на режущую кромку. На стальные полосы с двух сторон были наварены пластины из железа (микротвердость феррита 128, 193 кг/мм). Структура стальных полос имеет отожженный характер — результат пребывания в огне пожара, об этом же свидетельствуют разросшиеся зерна феррита с признаками оплавленности.

Металлографическому изучению были подвергнуты два предмета, назначение которых неясно. Они близки по форме и размерам и представляют собой массивные пластины прямоугольной формы с одним слегка скругленным концом и отверстием близ него (№ 5307, 5308, рис. 7). Длина предметов 11 см, толщина 1,5—1,7 см, ширина 6,5—7 см, диаметр отверстия 2 см. Скругленный конец имеет небольшую скошенность с одной стороны, противоположный конец прямо срезан. Определить функциональное назначение этих предметов затруднительно. На первый взгляд они напоминают кузнечные зубила, однако асимметричный скос предполагаемой рабочей стороны, общая ее скругленность и близкое к ней расположение отверстия для рукояти исключают возможность использования предметов в этом качестве. Скорее всего, это заготовки.

Металлографический анализ (образец взят с предполагаемого рабочего конца) показал, что предметы откованы из высокотвердого железа (микротвердость феррита 181—221, 254—274 кг/мм). Травление реактивом Стэда обнаружило присутствие фосфора.

К строительным деталям относится исследованная нами скоба (№ 922, рис. 7). Она представляет собой плоскую пластину с загнутыми концами (общая длина 20 см, длина загнутых концов 3,5 и 4 см, толщина 0,7 см). Микроскопический анализ показал, что скоба откована из железа, имеющего следы случайной науглероженности, на отдельных участках значительной (содержание углерода до 0,4—0,5%), микротвердость феррита 128—143 кг/мм, феррито-перлитных участков — 206—254 кг/мм.

Любопытной находкой оказалась небольшая пластина (№ 5302) неопределенной формы (длина 10, ширина 9, толщина 0,6 см), происходящая из завала помещения 57. Металлографическим исследованием образца, взятого с поперечного сечения изделия, установлено, что пластина отлита из чугуна (структура так называемого половинчатого чугуна: наряду с включениями свободного графита присутствуют ледебуритные участки, микротвердость 383—514, 724—824 кг/мм).

Погребальный инвентарь из городского некрополя и некрополей сельских поселений представлен в основном оружием.

Нами исследован длинный меч из погребения, вскрытого на участке к востоку от города, где хоронили людей из привилегированных слоев общества [13, с. 83]. Меч (№ 880) плохой сохранности, поверхность сильно изъедена ржавчиной, происходит из склепа 2 (середина III в. н. э.), раскопанного в 1975 г. Сохранившаяся длина 72, ширина 7,5 см. Для исследования удалось отобрать образец с сохранившейся части в сердцевине клинка. Насколько можно судить по этому образцу, меч был откован из железной заготовки с последующей цементацией режущих кромок, о чем свидетельствует возрастающее содержание углерода в направлении режущих кромок до 0,8% (структура феррито-перлитная, перлит имеет видманштеттный характер). Железо отличается повышенной мягкостью (микротвердость феррита 110—122 кг/мм, на фоне зерен феррита хорошо прослеживаются включения нитридов железа в виде игл и точек).

Из того же склепа происходит и треножник. Металлографически исследованы два обломка (№ 5314, 5315). Установлено, что треножник был откован из неравномерно науглероженной стали (структура феррито-перлитная, содержание углерода 0,1—0,2, 0,5—0,7%, микротвердость 128—143, 236—274 кг/мм).

На территории Горгиппии выявлены грунтовые могилы более раннего времени (V в. до н. э.), перекрытие городскими постройками [13, с. 83; 20, с. 23]. Из материалов могильника нами были исследованы металлографически кинжал (№ 5316, рис. 7) и наконечник копья (№ 5324, рис. 7).

Кинжал скифского типа, клинок вытянуто-ромбического сечения, навершие представляет собой переходную форму между брусковидным и антенновидным, перекрестие в виде тонкой изогнутой пластины сохранилось с одной стороны, имеет два небольших отверстия по краям. Рукоять уплощенная с едва намечающимися валиками по краям. Общая длина изделия 21 см, длина клинка 12,5 см, длина навершия 5 см.

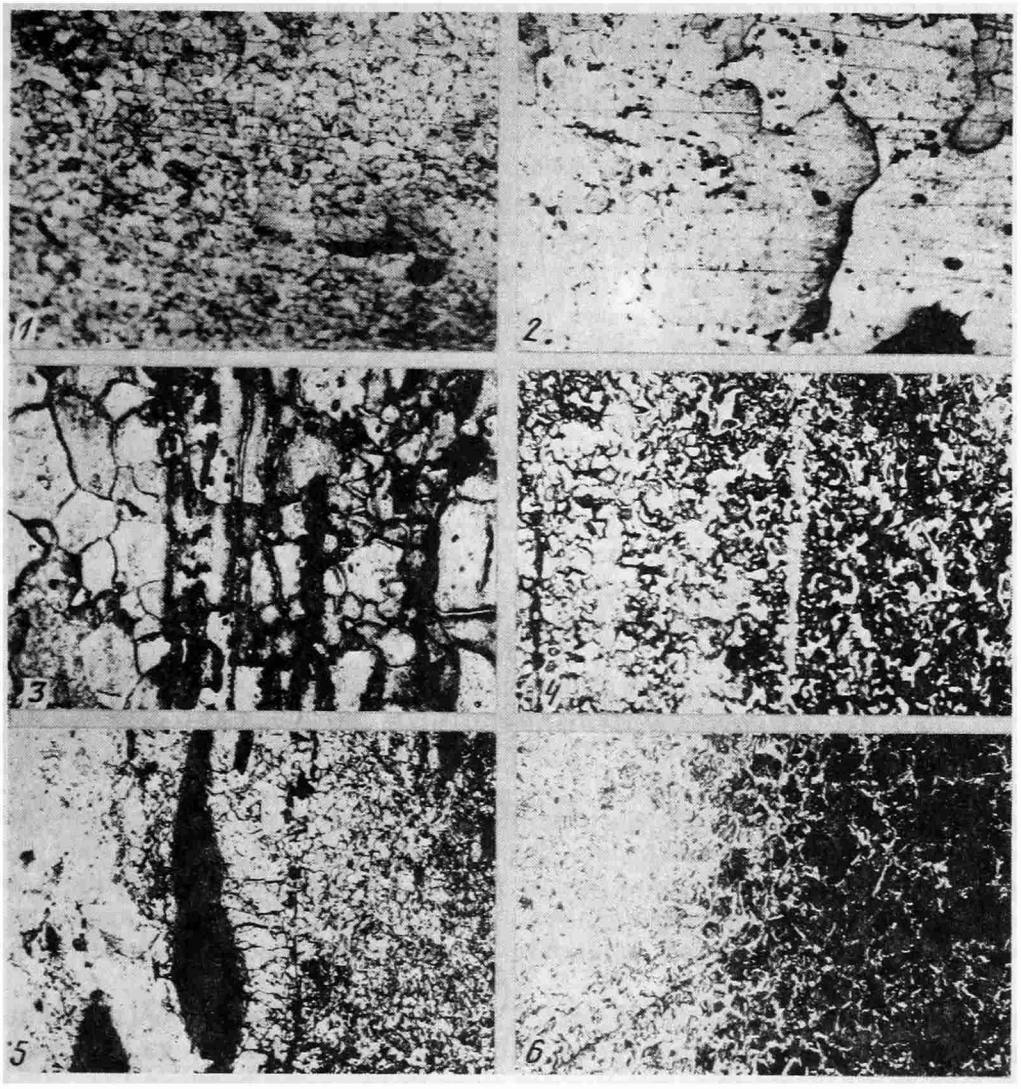


Рис. 9. Фотографии микроструктур железных изделий из окрестностей Горгиппии (ув. 70). *1*, *2* — наконечник копья, № 879; *3*, *4* — меч, № 878; *5* — наконечник копья, № 1906; *6* — кинжал, № 5316

Наконечник копья имеет перо лавролистной формы, вытянуто-ромбического сечения и сомкнутую втулку. На втулке и на пере ближе к втулке пробиты отверстия. Общая длина 27 см, длина пера 18,5, ширина 4, диаметр втулки 2 см.

Оба изделия, как показал микроскопический анализ, изготовлены из одинакового материала — неравномерно науглероженной сырцовой стали. Клинок кинжала откован из монолитного куска металла с использованием дополнительных приемов цементации по улучшению рабочих качеств лезвий (рис. 9, *6*), перо копья сварено из нескольких стальных пластин, лезвия доработаны с двух сторон ковкой вхолодную.

Из некрополей небольших сельских поселений V—IV вв. до н. э. в окрестностях Горгиппии металлографически исследованы несколько предметов вооружения: наконечники копий и дротика, кинжал, меч.

Наконечники копий (№ 879, 882, рис. 7) из погребений у хутора Красная Скала близки по форме. Имеют узкое листовидное перо овального сечения с ребром жесткости и сомкнутую втулку, укрепленную на конце кольцом. Общая длина 28 см (№ 882) и 35,5 см (№ 879), длина пера соответственно 14,5 и 21,5 см, ширина пера 2,5 см, диаметр втулки 1,5 и 2 см.

Оба наконечника копий, как показало микроскопическое исследование, откованы целиком из железной заготовки. Железо отличается повышенной мяг-

Данные спектрального анализа[5] наконечников копий

№ анализов	Sn	Pb	Ag	As	Ni	Co	Mn
879	3,0	0,5	0,002	0,2	0,007	0,004	0,02
882	0,5	0,04	0,0007	0,1	0,008	0,007	0,01
887	1,4	0,9	0,003	0,04	0,005	0,002	0,02

[5] Количественный спектральный анализ выполнен в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, Москва.

костью (микротвердость феррита 110—151 кг/мм, на фоне ферритных зерен — включения нитридов железа). Качество металла и ковки невысокое (крупные шлаковые включения, неоднородный размер зерна) (рис. 9, *1*, *2*).

Интересна конструктивная особенность копий: железное кольцо на конце втулки закреплено с помощью пайки. В качестве припоя использован сплав на медной основе с примесью олова и свинца (таблица). Аналогичный прием зафиксирован на наконечнике копья (№ 887) из могильника в Цемдолине (окрестности Новороссийска) [21, с. 30].

Два исследованных металлографически наконечника копья из могильника в долине Сукко (близ Новороссийска) имеют перо линзовидного сечения (№ 1906, 1909, рис. 7). Втулка сомкнута. Длина пера одного изделия 12 см, другого — 23,5 см.

Как показал анализ, одно из изделий (№ 1909) отковано целиком из малоуглеродистой стали (микротвердость феррито-перлита 128, 151 кг/мм), другое — из заготовки, сваренной из двух полос: железа и мягкой стали (микротвердость феррита 206 кг/мм, феррито-перлита — 151 кг/мм). Качество ковки и сварки низкое (большое количество шлаковых включений, расслоившийся сварочный шов) (рис. 9, *5*).

Наконечник дротика (№ 1033, рис. 7) из Красной Скалы (общая длина 39 см, длина пера 7,5 см, диаметр втулки 2 см) откован целиком из железа, сильно загрязненного шлаковыми включениями (микротвердость феррита 151, 206 кг/мм).

Меч из Красной Скалы (№ 878, рис. 7) вытянуто-ромбического сечения (сохранившаяся длина 51 см, наибольшая ширина у рукояти 5 см) имеет волютообразное навершие, насаженное на прямоугольную рукоять, составляющую одно целое с клинком.

Как показало металлографическое исследование поперечного сечения клинка, меч откован из заготовки, сваренной из двух полос — железа и неравномерно науглероженной стали (микротвердость феррита 110—143 кг/мм, феррито-перлитной структуры — 236 кг/мм, на фоне зерен феррита видны включения нитридов железа). Качество металла и ковки низкое (сварочный шов грубый, зерна феррита крупные) (рис. 9, *3*, *4*).

Кинжал из долины Сукко (№ 1907, рис. 7) имеет четко выраженные плечики и прямое навершие. Общая длина 27 см, наибольшая ширина клинка 5 см, ширина навершия 6 см. Металлографическое исследование образца с поперечного сечения клинка показало, что кинжал откован целиком из железа со следами случайной науглероженности (микротвердость феррита 122, 151 кг/мм, на фоне зерен феррита — включения нитридов железа).

Завершая технологическую характеристику железных изделий из Горгиппии и ее окрестностей, можно сделать следующие выводы.

Технология изготовления предметов вооружения из некрополей сельских поселений, принадлежащих местному населению, сводилась к простым операциям свободной кузнечной ковки железа или сырцовой стали. В редких случаях фиксируется сварка полос либо однородного металла, либо железа и малоуглеродистой стали. Вместе с тем необходимо отметить зафиксированный при ис-

следовании этих материалов прием пайки железа медью. Для технологии железообработки прием этот не характерен и редко встречается даже в материалах средневековья. В данном случае мы имеем дело с наиболее ранним свидетельством применения метода пайки в технике железообработки в Восточной Европе [21, с. 49—53]. Любопытно, что на наконечниках копий из скифских памятников, имеющих аналогичную конструкцию (железная обойма-кольцо укрепляет втулку), следов пайки не обнаружено. Применение техники пайки в обработке черных металлов, по всей видимости, следует связывать с традициями античных мастеров, широко использовавших этот метод в цветной металлообработке [8, с. 168; 22, с. 144—146].

Другими технологическими характеристиками отличается оружие, происходящее из городского некрополя и грунтового могильника, расположенного на территории Горгиппии — металлографически зафиксированы специальные приемы по улучшению рабочих свойств изделий.

Кузнечная продукция из городских слоев Горгиппии демонстрирует разнообразие технологических приемов. Рабочая часть изделий, как правило, стальная, дополнительно термообработана. Наряду с цементацией готовых изделий используются такие приемы, как наварка или вварка стальных полос в железную основу. Подобные прогрессивные технологии, как известно, получают широкое распространение лишь в эпоху средневековья. Технологические характеристики кузнечного инвентаря из городских слоев Горгиппии свидетельствуют о том, что закладываются определенные технологические стереотипы в отношении отдельных категорий изделий (например, мотыжки изготавливались в технологической схеме, предусматривавшей пакетование металла).

Технологическое изучение кузнечной продукции из Горгиппии и ее окрестностей позволяет сделать вывод о том, что наряду с кузнецами-универсалами, в практике которых был небольшой набор простых кузнечных операций, существовали высококвалифицированные, а возможно, специализированные мастера, способные разрабатывать новые технологические решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pleiner R.* Ironworking in Ancient Greece//NTM. Praha, 1969.
2. *Шмидт Р. В.* Металлическое производство в мифе и религии [illegible]ой Греции//Изв. ГАИМК. 1931. Т. IX. Вып. 8—10.
3. *Шмидт Р. В.* Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции//Известия ГАИМК. 1935. Вып. 108.
4. *Максимова М. И.* Сырьевая база. Обработка изделий//Эллинистическая техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
5. *Финогенова С. И.* Металлообрабатывающее производство в античном мире//Вестн. МГУ. 1968. № 4.
6. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л.; М., 1949.
7. *Штительман Ф. М.* Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии//КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.
8. *Марченко И. Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея//МИА. 1957. № 56.
9. *Кругликова И. Т.* Квартал ремесленников в Горгиппии//КСИА. 1985. № 182.
10. *Шелов Д. Б.* Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время//КСИА. 1979. № 159.
11. *Фомін Л. Д.* Техніка обробки зализа в Ольвії І Тірі//Археологія. 1974. № 13.
12. *Терехова Н. Н., Хомутова Л. С.* Технологическое исследование железных изделий из античных памятников близ Новороссийска//КСИА. 1985. № 182.
13. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1984.
14. *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходцами//МИА. 1954. № 33.
15. *Круг О. Ю., Рындина Н. В.* К вопросу о железной металлургии Пантикапея//МИА. 1962. № 103.
16. *Онайко Н. А.* Архаический Торик — античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.
17. *Терехова Н. Н., Хомутова Л. С.* Результаты минералогического изучения образцов железных руд и шлаков из раскопок Торика//Онайко Н. А. Архаический Торик — античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.
18. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1983.

19. *Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Технологическая характеристика железных изделий из памятников Курского Посеймья//КСИА. 1988. № 194.
20. *Алексеева Е. М.* Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н. э.)//КСИА. 1990. № 197.
21. *Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Химико-технологическая характеристика некоторых приемов древней железообработки (техника пайки)//Методы естественных наук в археологии. М.: Наука, 1987.
22. *Luder F.* Die Technik, Berlin, 1950. H. 3.

Институт археологии РАН,
Москва

E. M. ALEKSEEVA, L. S. ROZANOVA, N. N. TEREKHOVA

GORGIPPIA: FERROUS METALLURGY AND BLACKSMITH'S WORK

Summary

The article deals with the results of the investigation of different ferrous metal artifacts (blooms, half-finished products, and finished articles) found in Gorgippia and in the neighbour areas and dated to the 6th century B. C.— the middle of the 3rd century A. D. The authors carried out a metallographic analysis and reconstructed the ancient technological methods. The analysis results prove that Gorgippia's blacksmiths consisted of all-round craftsmen using a small number of simple operations, and skilled blacksmiths of a narrow specialisation using progressive technological methods.

Г. Е. ДУБРОВИН

НОВГОРОДСКИЕ ЛОДКИ-ОДНОДЕРЕВКИ

В воссоздании внешнего вида, конструктивных особенностей и технологии изготовления древних судов решающее значение, наряду с письменными и этнографическими источниками, принадлежит археологическому материалу. В Новгородской археологической коллекции представлена многочисленная группа находок, связанных в той или иной степени с лодками-однодеревками. Это шпангоуты-опруги, весла, лодочные скамьи, а также крупные фрагменты или развалы судов.

1. Лодочные шпангоуты. Равномерно распределенные по всем стратиграфическим ярусам, они имеют узкий типоразмерный ряд: ширина 80—100 см; высота дуги 30—40 см; сечение — круглое (диам. 6—7 см) или прямоугольное (5×7 см). В верхней части большинства из них имеется паз с полочкой, куда входил кламп внутренней стенки однодеревого корпуса (трубы). Иногда на внешней стороне шпангоута в средней части проходит паз для протока воды по дну лодки [1, с. 60, табл. 57, рис. 43]. Пазы под клампы имеются не у всех шпангоутов, а там, где они есть, их, как правило, не больше одного с каждой стороны.

2. Второй категорией находок, имеющей отношение к лодкам-однодеревкам, являются весла. Но здесь имеются большие трудности в выделении из общей массы весел не только весел от лодок-однодеревок, но и лодочных весел вообще [1, с. 58]. Может быть, целесообразным является рассмотрение гребков с Т-образной рукояткой, но их идентичность с кормовыми веслами также усложняет задачу. Поэтому, к сожалению, можно лишь констатировать, что среди большого количества весел из новгородской археологической коллекции безусловно есть экземпляры от однодеревок, но из-за отсутствия характерных конструктивных отличительных признаков они из общей массы выделены быть не могут.

3. Похожая картина наблюдается и с лодочными скамьями. Б. А. Колчин, исследуя эту категорию находок, дал их типоразмерный ряд (длина 60—110 см, ширина 10—25 см), отметив, что самые большие скамьи могут являться деталями малых и средних кораблей [1, с. 60]. Скамьи меньших размеров, таким образом, могут считаться лодочными, однако специфика этих деталей (так же как и весел) не дает возможности связывать их с какими-то определенными типами лодок, в частности с долбленками. За время, прошедшее после публикации работы Б. А. Колчина, коллекция скамей заметно пополнилась (в частности, были найдены довольно большие экземпляры, которые могут интерпретироваться как корабельные бимсы), однако никаких новых данных для решения указанной задачи получено не было.

4. Наиболее интересной и информативной категорией находок являются фрагменты или развалы корпусов однодеревых судов. Первой находкой такого рода явились остатки трех лодок, обнаруженные М. Х. Алешковским в шурфе у Владимирской башни Новгородского кремля в 1960 г. и датируемые первой половиной XI в. [2]. Исследователю удалось выявить конструктивные параметры одной из этих лодок. Она представляла собой судно длиной 6,75, шириной 0,9 и высотой 0,55 м [2, с. 266]. В однодеревой осиновой трубе на полустрингерах (клампах) было установлено 9 шпангоутов, которые привязывались к клампам лыковой веревкой-вицей через отверстия в последних. На каждый шпангоут

© Г. Е. Дубровин, 1994 г.

Рис. 1. Фрагмент первого судна in situ (фото здесь и далее С. А. Орлова и П. Г. Гайдукова)

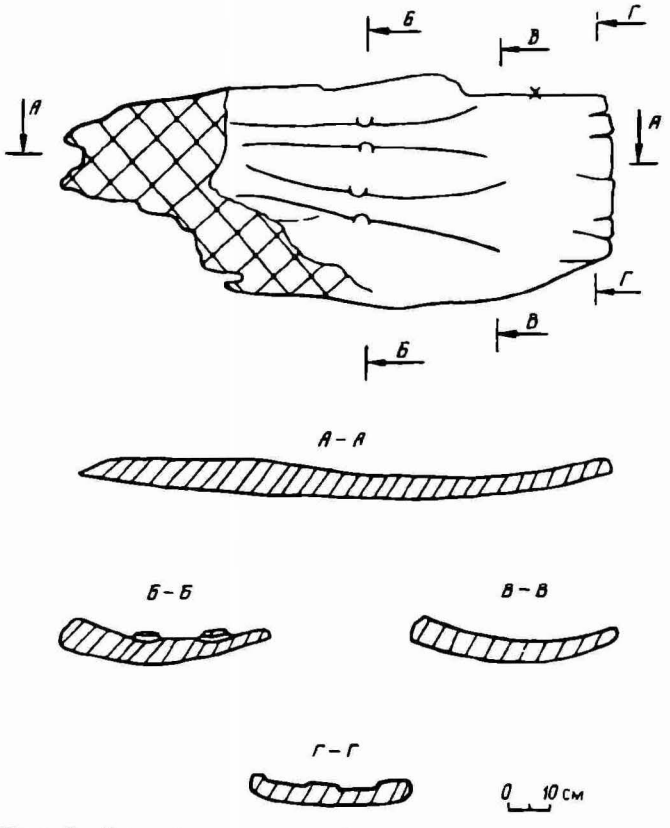


Рис. 2. Фрагмент первого судна

приходилось по 4—5 клампов (2—3 на борт). Толщина бортов трубы составляла 2—2,5 см, а днища 0,5—0,8 см. Лодка имела набойные борта, соединенные с трубой лыковой вицей, а также небольшую мачту [2, с. 267]. С наружной стороны верхней части набоя имелся планширный буртик [2, рис. 2; 5]. Интересной особенностью судна являлась двухслойная обшивка, причем ее второй слой, представлявший собой тонкие осиновые пластины, соединялся с основной осиновой трубой посредством мелких (0,2×0,3 см) дубовых нагелей и животного клея [2, с. 226—227].

В 1992 г. на Троицком X раскопе в Новгороде были обнаружены остатки двух лодок-однодеревок. Обе находки, во вторичном использовании являвшиеся дворовыми вымостками, относятся к 22-му стратиграфическому ярусу и могут быть датированы первой половиной XII в.

От первого судна сохранился фрагмент осиновой (?) долбленой трубы (рис. 1; 2). Он представляет собой обломок подпрямоугольной формы длиной 133 см и максимальной шириной 55 см. Фрагмент имеет заметный прогиб в продольной и поперечной плоскостях. С внешней (гладкой) стороны обломка сохранились остатки планширного буртика шириной 5,5 см и максимальной высотой 0,2—0,3 см. Толщина стенок трубы от планширного буртика к противоположному краю постепенно увеличивается от 2 до 6—7,5 см. В месте излома на планширном крае был обнаружен дубовый клинышек-«сторожок» длиной 2,5 см и максимальным диаметром 0,5 см, острие которого было направлено во внутреннюю часть трубы. Такие клинья, применявшиеся для регулирования толщины стенок корпуса лодки в процессе выдалбливания, хорошо известны из этнографических источников [3, с. 61]. С внешней (гладкой) стороны фрагмента имеются чуть заметные следы смоления.

С внутренней стороны трубы полностью сохранились два клампа одного ряда и частично еще два соседнего ряда (они как раз попали на то место, где труба была довольно ровно перерублена еще в древности). Клампы представляют собой оставленные при выдалбливании ствола прямоугольные выступы длиной до 60, шириной 6—7 и высотой до 2 см. В них (с частичным заходом в борт) были высверлены отверстия диаметром 2,8 см, служившие для привязывания к клампам шпангоутов. Расстояние между двумя соседними клампами одного ряда 11—12 см. Если предположить, что конструктивные размеры клампов двух соседних рядов были приблизительно одинаковыми, то можно гипотетически реконструировать расстояние между двумя соседними шпангоутами (шпацию). В нашем случае оно составит приблизительно 82—84 см.

Внутренняя сторона фрагмента около одного края трубы имеет грубый излом в продольной плоскости. Это признак в сочетании с отмеченным ранее прогибом обломка позволяет утверждать, что перед нами часть одной из оконечностей трубы — носовой или кормовой. Труба была расколота таким образом (не исключено, что преднамеренно), что рассматриваемый фрагмент оказался достаточно плоским для того, чтобы его можно было использовать в качестве дворовой вымостки.

Никаких следов набоев не обнаружено. Более того, планширный буртик говорит о том, что набоев, по крайней мере в носовой (или кормовой) части судна, не было.

Таким образом, найденный обломок позволяет сделать следующие выводы о конструкции судна (рис. 3, *А*).

Судно представляло собой лодку-однодеревку, изготовленную из осинового (?) ствола. Стенки корпуса имели переменную толщину. Ближе к верхней оконечности борта около планширного буртика она составляла 2 см, а в районе днища — не менее 6 см. Такая неравномерность толщины, возможно, в какой-то степени и оправданная конструктивно, создавала в местах наиболее значительной ее вариации очаги концентрации напряжений, что, очевидно, приводило к образованию трещин в корпусе судна. Вероятно, одна из таких трещин и явилась причиной разрушения лодки, а продольная плоскость излома связана непосредственно с ней.

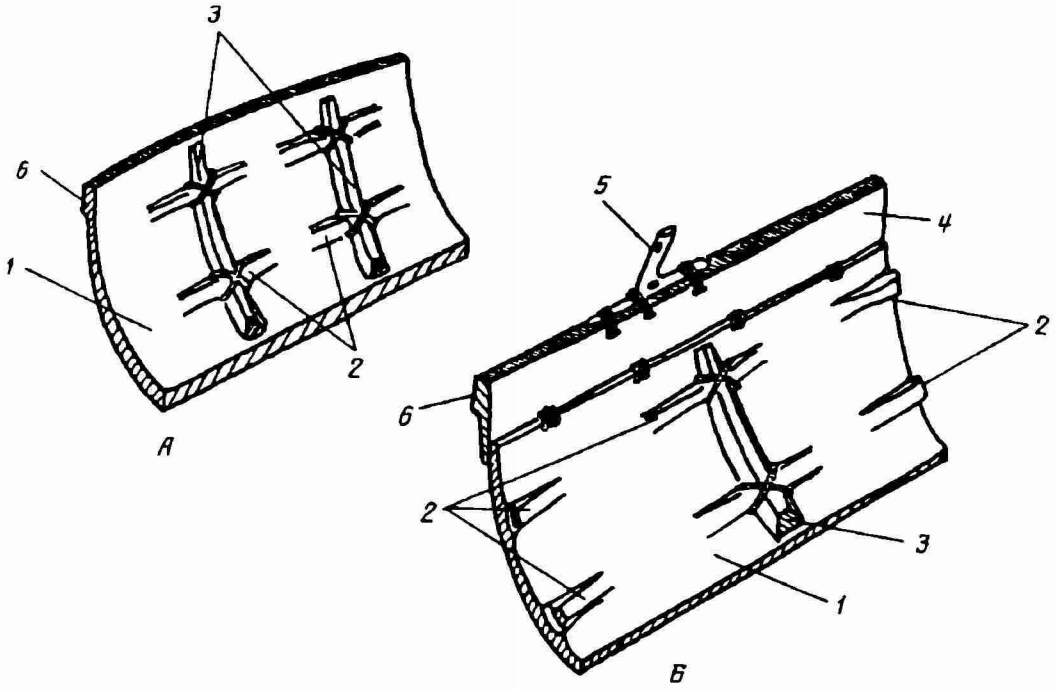


Рис. 3. Реконструкция бортов. *А* — первое судно; *Б* — второе судно. *1* — однодеревая «труба», *2* — клампы; *3* — шпангоуты; *4* — набойная доска; *5* — уключина; *6* — планширный буртик

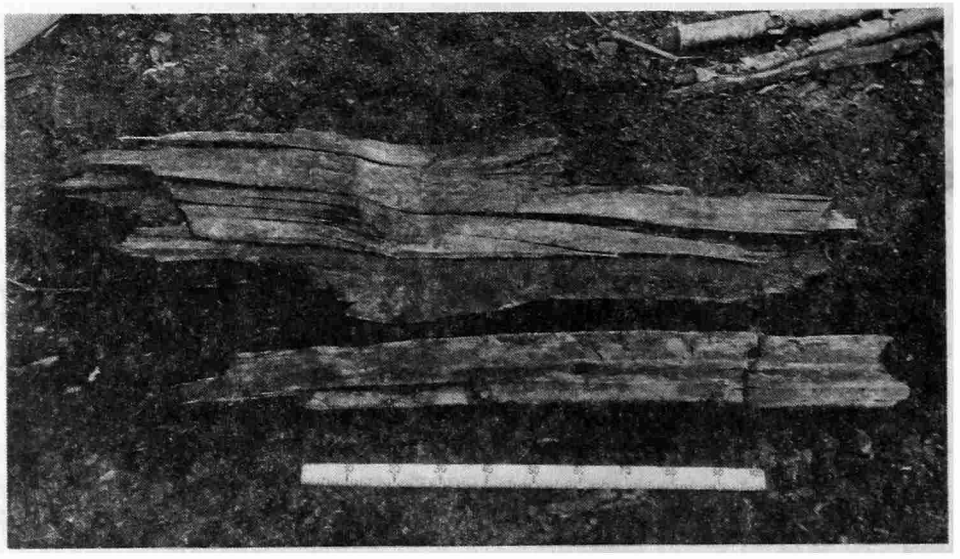


Рис. 4. Второе судно. Развал in situ

Судно обладало шпангоутами в виде гнутых опруг, устанавливаемых в процессе распаривания трубы. Шпангоуты помещались на клампы и привязывались к ним посредством каких-то гибких связей (ремней или вицы). Расстояние между шпангоутами (шпация) составляло 82—84 см (поскольку толщина шпангоутов неизвестна, здесь дается расстояние между крепежными отверстиями клампов).

Корпус судна смолился с внешней стороны.

Никаких данных для реконструкции длины судна у нас, к сожалению, нет.

Второе судно было представлено развалом средней части. Как уже говорилось, этот развал во вторичном использовании являлся дворовой вымосткой (рис. 4). Расчистка показала, что здесь представлены остатки днища и двух бортов однодеревой набойной ладьи. При разборке сначала были сняты остатки одного

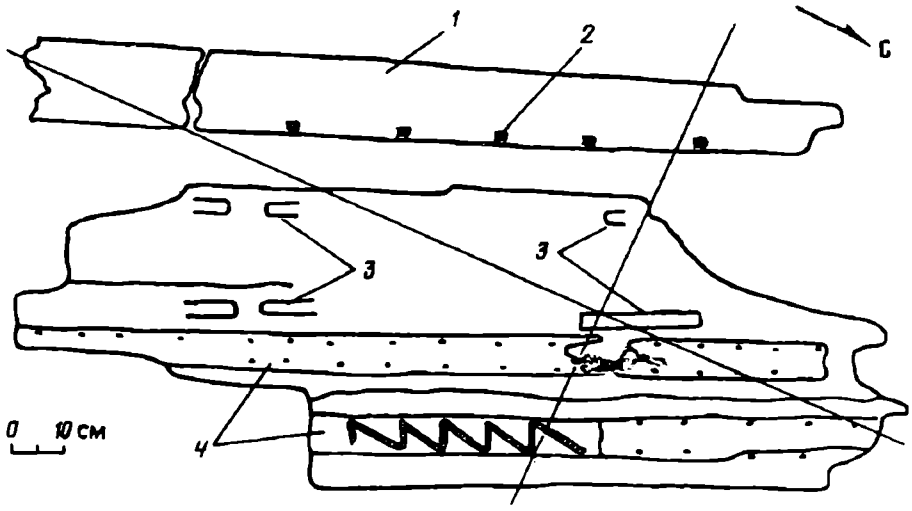


Рис. 5. Второе судно. Борт I in situ. *1* — набойная доска; *2* — остатки крепления; *3* — клампы; *4* — ремонтные швы

борта, лежащие сверху (в процессе изучения обозначенного как «борт II»), а остатки другого борта («борт I») с фрагментами днища были взяты с частью культурного слоя «монолитом» и в таком виде привезены с раскопа в лабораторные условия для дальнейшего изучения (рис. 5).

Значительная фрагментарность деталей судна в развале, а также посредственная сохранность дерева затрудняли работу по реконструкции. Кроме того, реконструкция проводилась в исключительно сжатые сроки с постоянным искусственным увлажнением древесины. Это связано с тем, что в основу реконструкции была положена изначальная кривизна найденных обломков (см. ниже) и поэтому необходимо было избежать деформаций в процессе высыхания дерева. Эти деформации в той или иной степени присутствуют и во время лабораторной стабилизации древесины, особенно когда речь идет об относительно крупных по размерам находках (более 0,5 м) [4, с. 67], что имело место в нашем случае. Поэтому и было принято решение о проведении реконструкции еще до лабораторной консервации фрагментов второго судна. Реконструкция проводилась поэтапно («побóртно»).

Борт I. Как уже говорилось, остатки этого борта вместе с элементами днища были доставлены в лабораторию «монолитом». Здесь при детальном рассмотрении остатков однодеревой трубы, в частности ремонтных заделок трещин, было обнаружено, что одна из трещин находится непосредственно в месте изгиба трубы, причем конфигурация самой трещины — точнее, ее краев — позволяет с определенной степенью точности восстановить форму корпуса судна в поперечном сечении. Для этой цели было решено подвести под остатки борта I проволочный каркас и на нем разместить фрагменты в соответствии с их изначальной кривизной, совместив при этом края указанной трещины по линии излома. Это позволило выявить кривую бортового обвода судна в поперечном сечении (рис. 6). Из прилагаемого рисунка видно, что высота борта (без учета набойной доски) была не менее 40 см.

Толщина стенок трубы довольно равномерная: как в донной, так и в бортовой части она составляет около 2 см. Наименьшая толщина (1,8 см) зафиксирована в верхней части борта, где к трубе присоединялась набойная доска. На изломе донной части обнаружен деревянный клинышек-«сторожок» длиной около 2 см.

В бортовой части трубы сохранились остатки четырех клампов. Клампы представляют собой четырехугольные выступы, оставленные при выдалбливании трубы, длиной 30—34, шириной 3,5—4 и высотой около 3 см. В клампах с незначительным углублением в стенку борта были высверлены отверстия для крепления шпангоутов диаметром 3,5—4 см. Прослежено два ряда клампов. Расстояние между клампами в одном ряду 17—19 см. Расстояние между кре-

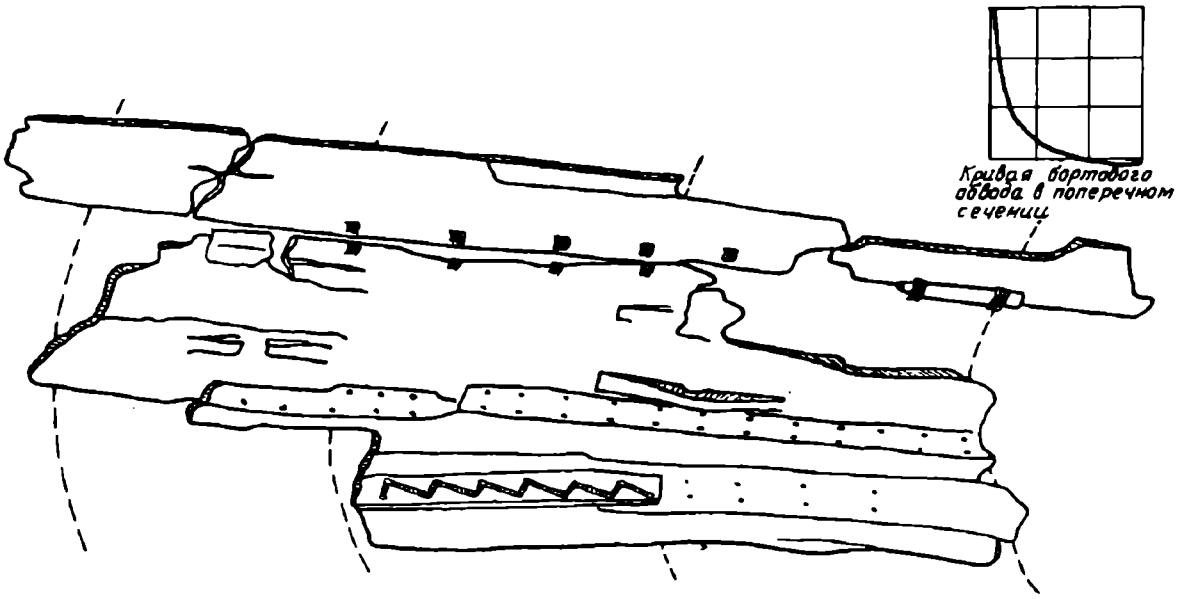


Рис. 6. Второе судно. Борт I. Реконструкция

пежными отверстиями в клампах соседних рядов (т. е. расстояние между осями соседних шпангоутов) составляет 86,5—75 см. На каждый шпангоут приходилось с одного борта по два клампа и, похоже, в донной части клампы отсутствовали.

Как уже говорилось, в днище судна имелись две заделанные трещины (рис. 5). Заделка трещин осуществлялась по уже известной схеме накладывания веревочных швов, которая была выявлена в шитике середины XIII в., обнаруженном на Троицком X раскопе в 1990 г. [5, с. 69—70]. В нашем случае для накладывания шва, так же как и там, высверливались парные отверстия на расстоянии 10—12 см друг от друга, через которые продевалась просмоленная веревка. Стежки с наружной стороны корпуса были утоплены в специально выбранных желобках и засмолены, а веревка в отверстиях фиксировалась деревянными клиньями длиной 2,5 см и диаметром 0,7—0,8 см в широкой части и 0,4—0,5 см — в узкой. Однако в упомянутом шитике таким способом соединялись между собой два слоя обшивки, в нашем же случае веревочным швом к трещине с внутренней стороны была притянута деревянная планка толщиной 0,5 и шириной 7 см, под которую был подложен слой просмоленной ткани. Просмоленной тканью частично была забита и сама трещина в корпусе. Видимо, такой способ, сосуществуя с известной ластовой заделкой трещин и швов, применявшейся для корабельных корпусов большой толщины [1, с. 62, рис. 50; 6 с. 69], использовался для ремонта судов с малой толщиной корпуса. Интересной особенностью рассмотренного ремонтного шва является использование здесь просмоленной ткани. Такая технология отмечена впервые. Теперь можно найти объяснение небольшим кусочкам ткани, обнаруженным на фрагментах упомянутого шитика. Видимо, и в шитике между двумя слоями обшивки, если и не по всей площади, то в некоторых местах (может быть, наиболее опасных с точки зрения течи) была проложена просмоленная ткань.

На краю борта трубы сохранились отверстия с остатками вицы в некоторых из них. Это следы крепления набойной доски. Этим же креплением обусловлено усиленное смоление по краю внешней стороны борта. Набойная доска в развале лежала рядом с краем борта I (рис. 4, *4*). В непосредственной близости от нее был обнаружен еще один ее фрагмент. Таким образом, сохранившаяся часть набойной доски имеет общую длину 223 см. Ширина доски 17,5, толщина — до 1,3 см. С внешней стороны проходил планширный буртик шириной 2,5 и толщиной до 0,8 см. Буртик шел не на всю длину доски. На расстоянии приблизительно 41 см от обломанного края он заканчивался, причем дальше, на расстоянии около 1 см от верхней кромки доски, было высверлено три

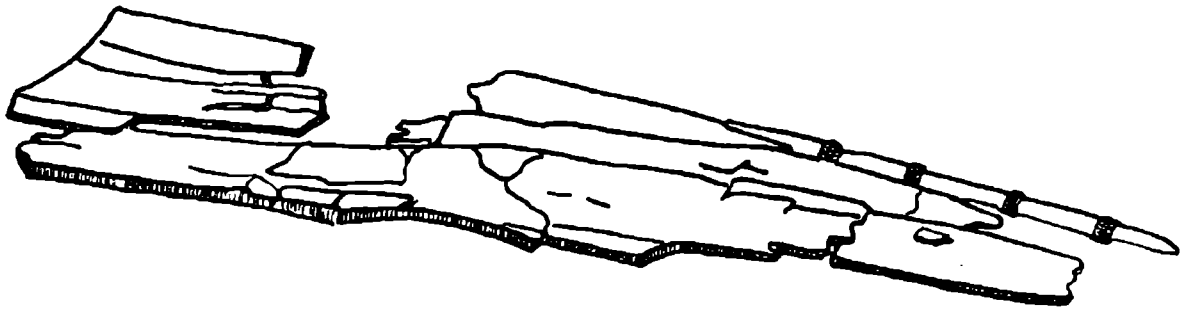


Рис. 7. Второе судно. Борт II. Реконструкция

отверстия диаметром 0,6 см на расстоянии 6,5, 25 и 39 см от края буртика. Не исключено, что это место было предназначено для крепления уключины: в отверстия набойной доски продевался ремень или веревка, посредством которых уключина привязывалась. Традиционные новгородские уключины обычно имеют 2 узла крепления к борту судна [1, с. 59, табл. XXXIV, табл. 54]. Однако известна уключина с Неревского раскопа (23—25—1537), датируемая 1055—1076 гг., у которой имелось три крепежных отверстия. Видимо, уключина такого типа могла быть использована в нашем случае. Длина ее должна была быть не менее 40 см, что в общем соответствует размерному ряду уключин, известных из раскопок в Новгороде [1, табл. XXXIV].

Набойная доска крепилась к однодеревой трубе внахлест, т. е. «кромка на кромку», с помощью вицы в виде разрезанных вдоль прутьев или древесных корней. На основной части доски сохранилось шесть таких узлов крепления (расстояние между «стежками» 19—21 см), а на фрагменте, найденном отдельно, сохранилась даже часть края трубы, присоединенная к доске. Для соединения доски с трубой в них просверливались как бы «строенные» отверстия, через которые пропускали три витка вицы. После этого край вицы заводился под один из витков и тем самым фиксировался. В месте перехлеста доска и труба обильно смолились. Следы смоления обнаружены также и на внешней стороне набойной доски. Перехлест по соединению составлял около 3 см. Таким образом, если взять теперь общую высоту борта судна с учетом ширины набойной доски, то она составит около 55 см. Общий вид реконструированной части судна представлен на рис. 6.

Борт II. Часть развала, обозначенная как «борт II», также была собрана из фрагментов и установлена на проволочном каркасе с учетом изначальной кривизны ее деталей (рис. 7). Однако элементы борта II не дали представления о корпусном обводе судна на достаточную высоту, так как в развале были представлены только фрагменты верхней части борта, примыкающие к месту крепления набойной доски.

Здесь, так же как и в борте I, сохранились остатки трех клампов, причем по типоразмерам они соответствуют своим аналогам на борте I. Ориентировочная величина шпации по борту II — 84—86 см, толщина трубы около 2 см.

Сохранился фрагмент набойной доски, соединенный с трубой четырьмя вицевыми узлами. Вид крепления и размеры соединения полностью совпадают с бортом I.

К сожалению, попытки объединения фрагментов, обозначенных как борт I и борт II, окончились безрезультатно, поскольку весьма важная часть трубы, видимо, просто не сохранилась. Поэтому получить представление о полном поперечном сечении судна, а также о некоторых его важных конструктивных параметрах (точные ширина и высота борта и т. д.) не представилось возможным. Внушают некоторую надежду несколько обломков из развала, которые во время проведенной экспресс-реконструкции не были увязаны ни с одним из бортов. Может быть, именно эти фрагменты во время дальнейшей работы (после проведения лабораторной консервации дерева) позволят связать между собой оба борта судна. Успех этой работы будет во многом зависеть от качества консервации и прямо связанной с ней степенью деформации первоначальной формы фрагментов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о конструкции второго судна с Троицкого X раскопа (рис. 3, *Б*).

Судно представляло собой набойную однодеревку, выдолбленную из ствола осины (?). При выдалбливании использовались «сторожки». После выдалбливания труба с толщиной стенок около 2 см была подвергнута распариванию и на ее кламповые узлы были установлены шпангоуты со шпацией 84—86 см. После установки шпангоуты были привязаны к клампам какими-то гибкими связями.

Высота бортов судна была не менее 55 см.

Набойные доски (по одной с каждого борта) соединялись с трубой посредством вицы в виде прутьев или древесных корней, разрезанных вдоль. Место соединения трубы с набойной доской и внешняя поверхность судна смолились. На набойных досках с помощью гибких связей, вероятно, крепились уключины, место крепления которых обрабатывалось соответствующим образом (снималась часть планширного буртика и высверливались крепежные отверстия).

При ремонте судна на трещины в корпусе судна были наложены специальные веревочные швы со смоленными тканевыми прокладками.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать несколько общих выводов, основанных на изучении новгородского археологического материала.

Лодки-однодеревки широко использовались на протяжении всего периода истории древнего Новгорода, представленного археологическими материалами (X—XV вв.). Найденные во время раскопок суда изготавливались по технологии выдалбливания с последующим распариванием. Трубы обычно выдалбливались из осины, причем при их изготовлении для контроля толщины стенок (1—3 см) использовались «сторожки».

Все найденные в Новгороде однодеревки имели крепление шпангоутов к трубе с помощью гибких связей (вицы) не менее чем на два клампа с каждого борта. Однодеревки могли иметь двухслойные корпуса, крепление внешних слоев которых осуществлялось с помощью животного клея и мелких нагелей. У некоторых лодок имелись набойные доски, которые к трубе крепились посредством гибких связей (вицы) в виде лыка или гибких корней и прутьев. К набойным доскам с помощью гибких связей могли присоединяться уключины. Корпуса лодок с внешней (а часто и с внутренней) стороны смолились. Некоторые однодеревки имели мачты с парусом.

Судов однодеревок, изготавливавшихся по более примитивной технологии — выдалбливанием без распаривания — в Новгороде обнаружено не было, хотя, скорее всего, здесь они также использовались. Перспективным в данном случае является изучение периодически находимых при раскопках долбленых корыт. Некоторые, самые крупные из них, могли являться частями таких известных из этнографических источников плавсредств, как, например, «баты» или «комяги» [7, с. 172—173; 8, с. 323].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. 1968. Е1—55.
2. *Алешковский М. Х.* Ладья XI века из Новгорода//СА. 1969. № 2.
3. *Поветкин В. И.* Звонкие струны древних новгородских гуслей//Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989.
4. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
5. *Дубровин Г. Е.* Шитик XIII века из Новгорода//Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород, 1992.
6. *Дубровин Г. Е.* Настилы из корабельных досок с Троицкого X раскопа//Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Вып. 3. Новгород, 1990.
7. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
8. *Лебедева А. А.* Транспорт, перевозка и переноска тяжестей//Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

Институт археологии РАН,
Москва

G. E. DUBROVIN

MEDIEVAL BOATS FROM NOVGOROD

Summary

The article deals with the artifacts of the 10th-15th centuries found since the beginning of the methodical excavations in Novgorod. The author pays special attention to the recent finds, particularly to two boats remains found in Troitskiy 10 excavation trench in 1992, and dated back to the 1st half of the 12th century. The author tries to reconstruct the technical characteristics and the building technology of the medieval Novgorod boats.

С. С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ

О МАЛОИЗВЕСТНОМ ТИПЕ ПАПЕРТЕЙ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI ВЕКА

Типологии каменных папертей при храмах и трапезных Московской Руси до сих пор не было посвящено специальной работы. Строительство таких папертей известно с конца XV в. В более позднем, широко известном «классическом» варианте паперти представляют протяженную открытую арочную галерею, охватывающую здание с одной, двух или чаще всего трех сторон, с такой же аркадой внизу, с отнесенными в сторону крыльцами. Яркими примерами этого типа могут служить паперти собора Спасо-Прилуцкого монастыря или церкви Спаса Преображения в Вяземах. Однако у наиболее ранних памятников этот тип в чистом виде обычно не встречается, а имеющиеся примеры довольно многообразны. В этом плане несомненный интерес представляет фрагментарно сохранившаяся паперть собора московского Новоспасского монастыря, единственная публикация которой, принадлежащая Н. Н. Померанцеву [1, с. 63—68], совершенно недостаточно раскрывает особенности этого памятника.

Напомню, что Спасский монастырь на Крутицах, иначе Спас на Новом, или Новоспасский, возник в конце XV в. в связи с перенесением из Кремля великокняжеского Спасо-Преображенского монастыря, главным храмом которого была древняя церковь Спаса на Бору. Само это перенесение имело целью освободить место для возведения каменного дворца Ивана III. Закладка нового каменного собора произошла весной 1491 г. [2, с. 221; 3, с. 229; 4, с. 274; 5, с. 356; 6, с. 188; 7, с. 208; 8, с. 290—291, 361; 9, с. 155], освящение — 18 сентября 1496 г. [2, с. 233; 3, с. 245; 5, с. 365; 6, с. 196; 10, с. 42; 11, с. 291]. В 1645 г. собор был разобран «до подошвы», и после этого возведен ныне существующий монументальный храм [12, с. 27]. Долгое время считалось, что от собора XV в. не сохранилось ничего. Правда, в середине 1870-х годов Л. В. Даль опубликовал рисунок древнего столба западной соборной паперти с ренессансной декорацией [13, с. 132—134, табл. 1; 2, № XIX] (рис. 1), но тогда из этого не было сделано необходимых выводов. Лишь в 1937 г. три столба, к тому времени скрытые под штукатуркой, были вновь обнаружены П. Д. Барановским, а десятью годами позже полностью раскрыты под руководством Н. Н. Померанцева. После публикации в 1951 г. его заметки факт сохранности остатков XV в. в пределах паперти XVII столетия был как бы принят к сведению, и с тех пор памятник лишь изредка вскользь упоминается в работах, посвященных архитектуре этого периода.

Однако в действительности исследования паперти были продолжены. В 1960-е годы Н. Н. Свешников провел дополнительные раскрытия, выявив остатки еще двух столбов, аналогичных известным ранее. К сожалению, эта работа не только не была завершена, но и не обнародована ни в письменной, ни в устной форме, а чертежи хранятся у автора. Это тем более досадно, что часть раскрытий была выполнена в очень трудно доступных местах и сейчас практически скрыта для осмотра. В 1975 г. открытая Н. Н. Померанцевым часть паперти была вновь обмерена А. М. и Л. Р. Александровыми. Тогда же, в связи с прокладкой подземных коммуникаций, было предпринято археологическое обследование примыкающей территории, также выявившее дополнительные данные [1]. В результате

[1] Материалы хранятся в архиве ЦНРПМ 161/705, 161/706.

© С. С. Подъяпольский, 1994 г.

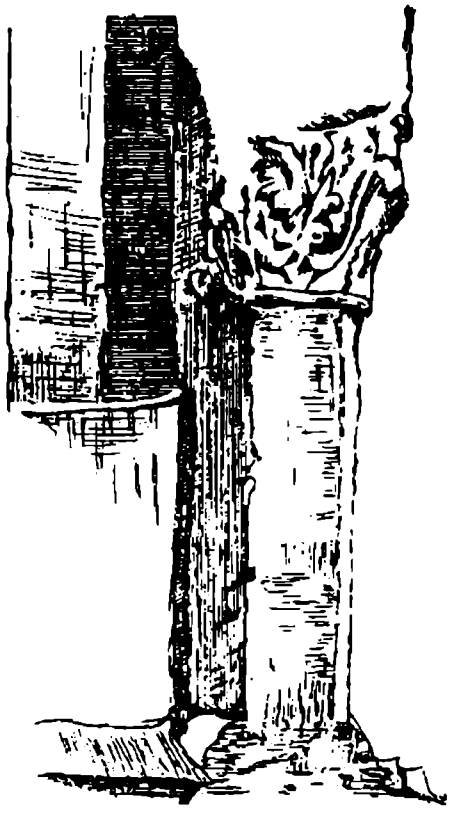


Рис. 1. Столб паперти собора Новоспасского монастыря. Рисунок Л. В. Даля

всех этих работ появилась возможность в значительной мере уточнить наши представления о памятнике, что, однако, до сих пор не было сделано.

Фасад паперти, ныне выходящий внутрь почти что замкнутого дворика, после многократных переделок едва ли не полностью утратил какую-либо художественную цельность. Окна уже после перестройки XVII в. были грубо растесаны, поверхность стены представляет собой на первый взгляд хаотическую мозаику разновременных кладок. Кладка XV в. выполнена из кирпича, имеющего размеры 5,5(6)×12 (12,5; 13)×25,5 (26) см. В нижней части лицевой слой на больших участках обвалился, в стене неряшливо пробит совершенно новый проем. Четко обозначен юго-западный угол паперти, к которому справа примыкает кладка из характерного маломерного кирпича XVI в., вероятно от более поздней южной паперти собора. Наверху хорошо читаются три наполовину замурованных поздней кладкой восьмигранных столба с белокаменными базами и капителями (рис. 2). Столбы сложены из огромных, полуметровой длины лекальных кирпичей, каждый из которых соответствует половине восьмигранного сечения. Базы не имеют классического характера: это массивные блоки, квадратные в основании, с переходом к восьмиграннику за счет угловых скосов. Капители сильно повреждены, но достаточно ясно прочитываются остатки их декорации: акантовые листья, пальметы, волюты. Над капителями прослеживаются остатки арочной кладки.

В статье Н. Н. Померанцева приведен чертеж этой части паперти, выполненный Д. П. Суховым [1, с. 64] (рис. 3). В тексте он назван то реконструкцией, то чертежом реставрации, что более похоже, поскольку показаны и соседние более поздние части. Столбам на чертеже приданы почему-то гораздо более вытянутые пропорции, чем на самом деле, но неточность не сводится только к этому. При всей важности опубликованного Н. Н. Померанцевым открытия следует признать, что имеющиеся остатки прочтены им неполно и во многом неверно.

Прежде всего то, что представлялось Померанцеву как фасад паперти XV в., в действительности вообще не является фасадом. Легко заметить, что на капители столбов оперты не гладкие арки, а своды, которые объединяли все три столба между собой и выступали вперед. Это подтверждается наклоном кладки (в

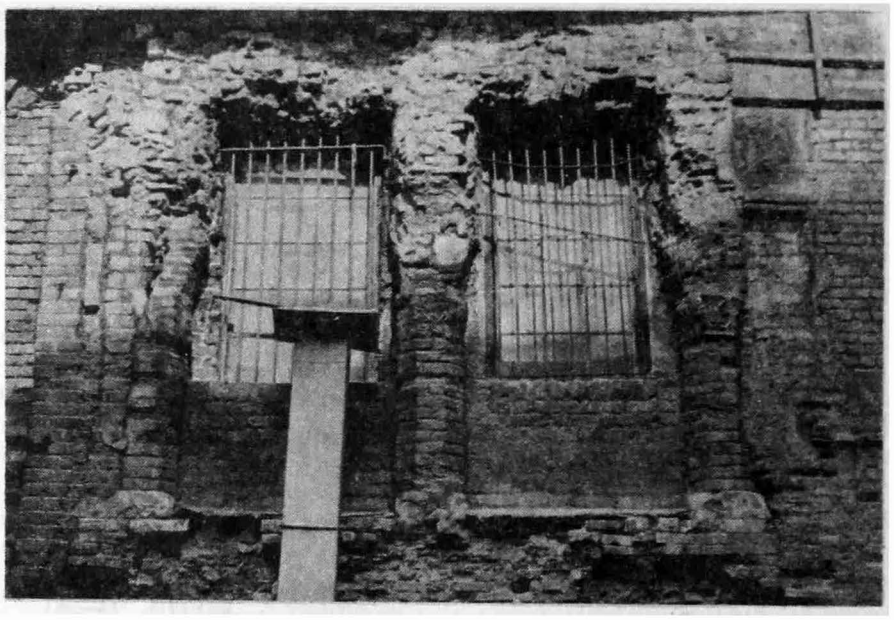


Рис. 2. Новоспасский монастырь. Общий вид столбов паперти

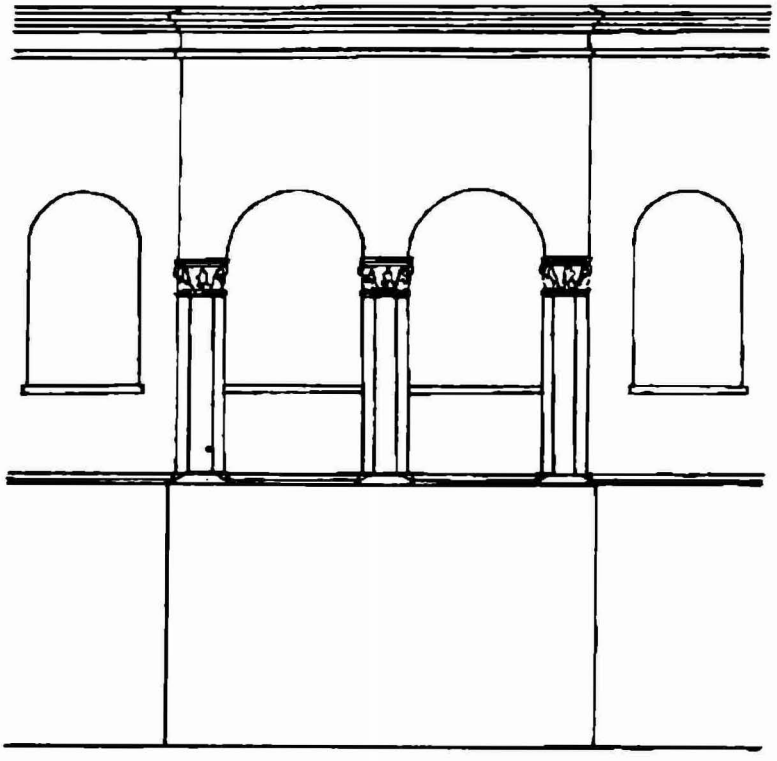


Рис. 3. Проект реставрации паперти Новоспасского монастыря. Чертеж Д. П. Сухова

сохранившейся пятовой части довольно слабым, но все же заметным) и соединением кирпичей в углах «на ус» (что встречается только в таком контексте), а также наличием расположенных на 25—30 см выше капителей обрубков металлических связей (рис. 4, *3*). Этот вывод подтвердило и археологическое обследование, вскрывшее сохранившиеся под землей остатки изначальной кирпичной кладки. Кладка эта состоит из расположенных перпендикулярно по отношению к основной стене глухих стенок, выложенных без регулярной перевязки с ней, но совершенно аналогичных по строительному материалу (рис. 5, *3*). Они

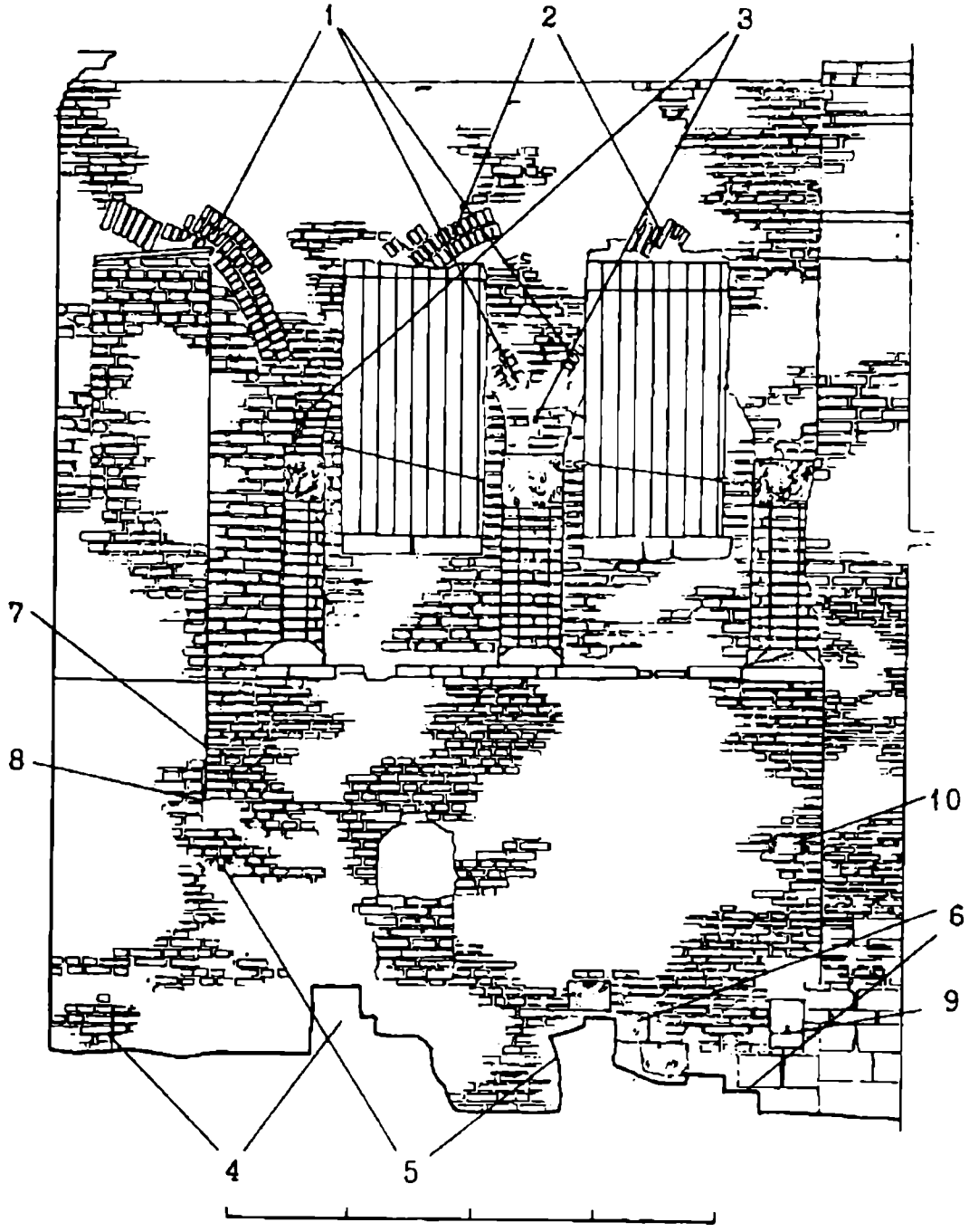


Рис. 4. Фасад южной части соборной паперти Новоспасского монастыря (по обмеру А. М. и Л. Р. Александровых). *1* — остатки сводов аркады; *2* — торец распалубки свода над папертью; *3* — обрубленные металлические связи; *4* — остатки опорных поперечных стенок лестницы; *5*— остатки сводов под лестницей; *6* — белокаменные блоки лестничных ступеней; *7* — край парапета; *8* — уровень пола верхней лестничной площадки; *9* — нижний металлический подстав; *10* — отпечаток в кладке от белого камня — опоры верхнего подстава

имели толщину в два кирпича и выступали вперед на 2,77 м. Лишь одна из них сохранилась на полную длину, другие повреждены в недавнее время при прокладке инженерных коммуникаций, но не приходится сомневаться, что все они имели одинаковый вынос. Пространство между стенками спереди ничем не замыкалось. С южной стороны вместо стенок выложен широкий массив, который слева сохранил пятовую часть низко расположенного свода, а справа ограничивается белокаменными ступенями (рис. 5, *1*, *2*). Две ступени читаются в объеме, но есть следы трех последующих, блоки которых были частично замурованы в

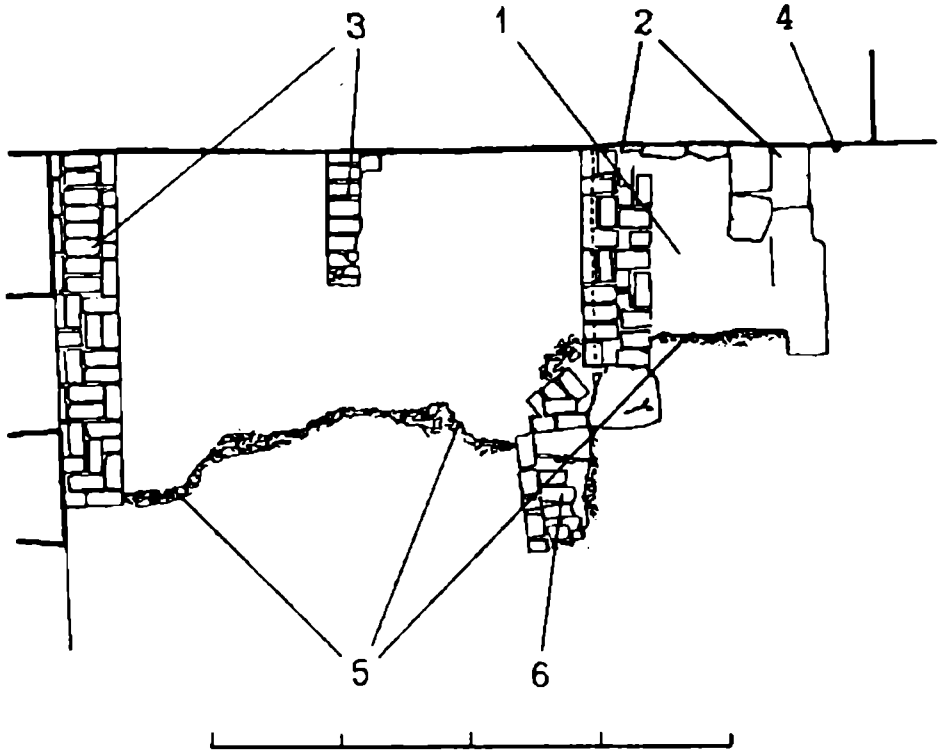


Рис. 5. План раскопок основания лестницы (по обмеру А. М. и Л. Р. Александровых). *1* — платформа под основание лестницы; *2* — белокаменные ступени; *3* — основание опорных стенок лестницы; *4* — металлический подстав; *5* — край поздней траншеи; *6* — смещенный блок кладки

кладку. Выше отпечатки лестницы теряются. Опорные стенки следующего, второго к северу пролета сохранились на незначительную высоту, но в кладке лицевой стены можно заметить отпечатки, а частично и остатки кирпичей примыкавшего к ней свода (рис. 4, *5*), из чего видно, что он располагался значительно выше, чем у соседнего пролета. Таким образом, выявляется отчетливая картина устройства сводиков, служивших основанием для поднимавшегося вдоль сохранившейся стены лестничного марша.

Уровень верхней площадки этого марша устанавливается следующим образом. Левее северного столба на 40 см хорошо читается чисто выложенная граница кирпичного парапета, на который поставлены столбы. Высота парапета, включая венчающий его белокаменный поясок, 1,1 м, ниже проходила сплошная кладка, т. е. здесь был пол лестничной площадки (рис. 4, *7*, *8*). С внешней стороны лестничный марш, по-видимому, был огражден стеной, на которой стояли столбы, аналогичные сохранившимся. Об этом свидетельствуют остатки переброшенных на западную сторону сводов и металлических связей. Таким образом, лестница оказывалась заключенной между двумя глухими стенами, над которыми вверху возвышалась сводчатая аркада. Ритм выходивших на фасад нижних сводов, служивших основанием для лестницы, и верхней аркады на граненых столбах между собой не совпадали. Снизу вход на лестницу закрывался дверцей или решеткой, о чем свидетельствует сохранившийся нижний подстав (сейчас в земле) и следы заделки белого камня, подложенного под верхний подстав (рис. 4, *9*, *10*; рис. 5, *4*).

Есть основания для реконструкции не только входной лестницы, но и сводчатого покрытия самой паперти. Слева и справа над остатками аркады сохранились фрагменты высоко поднятой сводчатой выкладки толщиной в полтора кирпича, пролет которой вдвое шире расстояния между столбами (рис. 4, *2*). Кирпичи в ней поставлены не вертикально, а с заметным наклоном в лицевую сторону. По этому наклону можно заключить, что ряды кирпичей в своде поднимались

Рис. 6. Капитель с раковиной, раскрытая Н. Н. Свешниковым

в глубину паперти, а это в свою очередь позволяет однозначно определить кладку как остатки заходившей на стену торцевой части наклонной распалубки, скорее всего образовывавшей часть крестового свода. На этом основании можно попытаться реконструировать и глубину паперти, примерно равную двойному пролету аркады, и устройство замыкавшего ее южного торца, который должен был иметь такие же два арочных пролета на столбах, как и западная сторона, обращенная к лестнице.

Итак, мы смогли составить довольно ясное представление о всей южной части паперти. Попробуем выяснить, как выглядело ее продолжение на север. Над левым из трех описанных выше столбов имеется довольно значительный фрагмент обрубленного с лицевой стороны свода, переброшенного в северную сторону. Судя по значительному подъему свода и по его кривизне, он имел вдвое больший пролет, чем своды между сохранившимися столбами. Кроме того, в месте разрушения кладки над столбом видно надетое на вертикальный анкер кольцо связи, выступавшей в сторону севера, в то время как в небольших пролетах между столбами связей не было. Еще далее на север по тому же направлению в поздней кладке стены, соединяющей паперть со Знаменской церковью 1790-х годов, в свое время Н. Н. Свешниковым была раскрыта белокаменная капитель еще одного, четвертого столба, в целом имеющая тот же характер, но украшенная по оси вместо растительных мотивов изображением раковины (рис. 6). Довольно значительное расстояние до этого столба позволяет заключить, что ближе его прежде находился

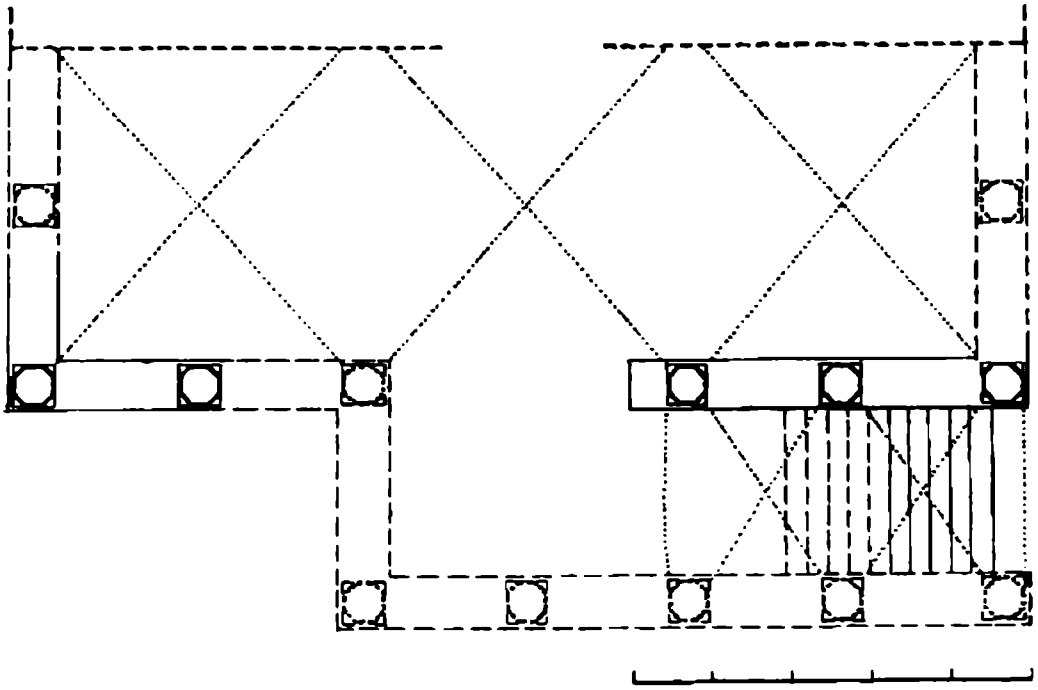


Рис. 7. План паперти собора Новоспасского монастыря. Реконструкция автора. Сплошной линией показаны сохранившиеся элементы, пунктирной — реконструируемые

другой столб, ныне утраченный, на который и опирался свод большого пролета. И наконец известно, что Н. Н. Свешниковым были обнаружены остатки пятого сохранившегося столба, расположенного далее к северу, вмурованного в кладку Знаменской церкви и доступного только со стороны ее чердака. Столб замыкал северо-западный угол паперти, о чем ясно свидетельствует сохранившийся со стороны северного входа на паперть XVII в. фрагмент древней арки, переброшенной от него в сторону собора. Радиус этой арки составляет около 85 см, т. е. несколько больше, чем у арок западного фасада паперти (там он в среднем около 75 см). Это позволяет уточнить размеры паперти в плане. Ее вынос оказывается равным выносу пристроенной к ней в XVI в. южной паперти, что, конечно, не случайно.

Поскольку расстановка столбов с западной стороны паперти вполне симметрична, то можно было бы предположить, что лестница для подъема на паперть была двусторонней. Такая композиция представлялась бы вполне естественной для главного западного фасада монастырского храма. Однако против этого имеются самые серьезные доводы. Первый из них — это явно не осевое расположение опорных стенок и сводиков лестницы, исключающее возможность вполне симметричной композиции фасада. Но главный аргумент другой. Над капителью с раковиной, найденной Н. Н. Свешниковым, располагается пятовая часть не выступающего вперед свода, как это имеет место у южной группы столбов, а гладко обрезанной со стороны фасада арки. Это подтверждается и совершенно иной, характерной именно для арки перевязкой кирпичей. Следовательно, перед этим столбом была не такая же сводчатая лестница, как с южной стороны, а свободное пространство. В этом случае лестница оказывается односторонней. Ее верхняя площадка соответствовала среднему осевому пролету сводов паперти и ограничивалась ближайшим в северной группе, ныне утраченным столбом, а также другим, который, несомненно, находился перед ним. Очень существенно, что, если мы попытаемся реконструировать положение опорной стенки подклета, над которой стоял этот столб, то все несущие лестницу и выходящие на фасад арки окажутся одинакового пролета, и их казавшийся до сих пор случайным ритм найдет естественное объяснение.

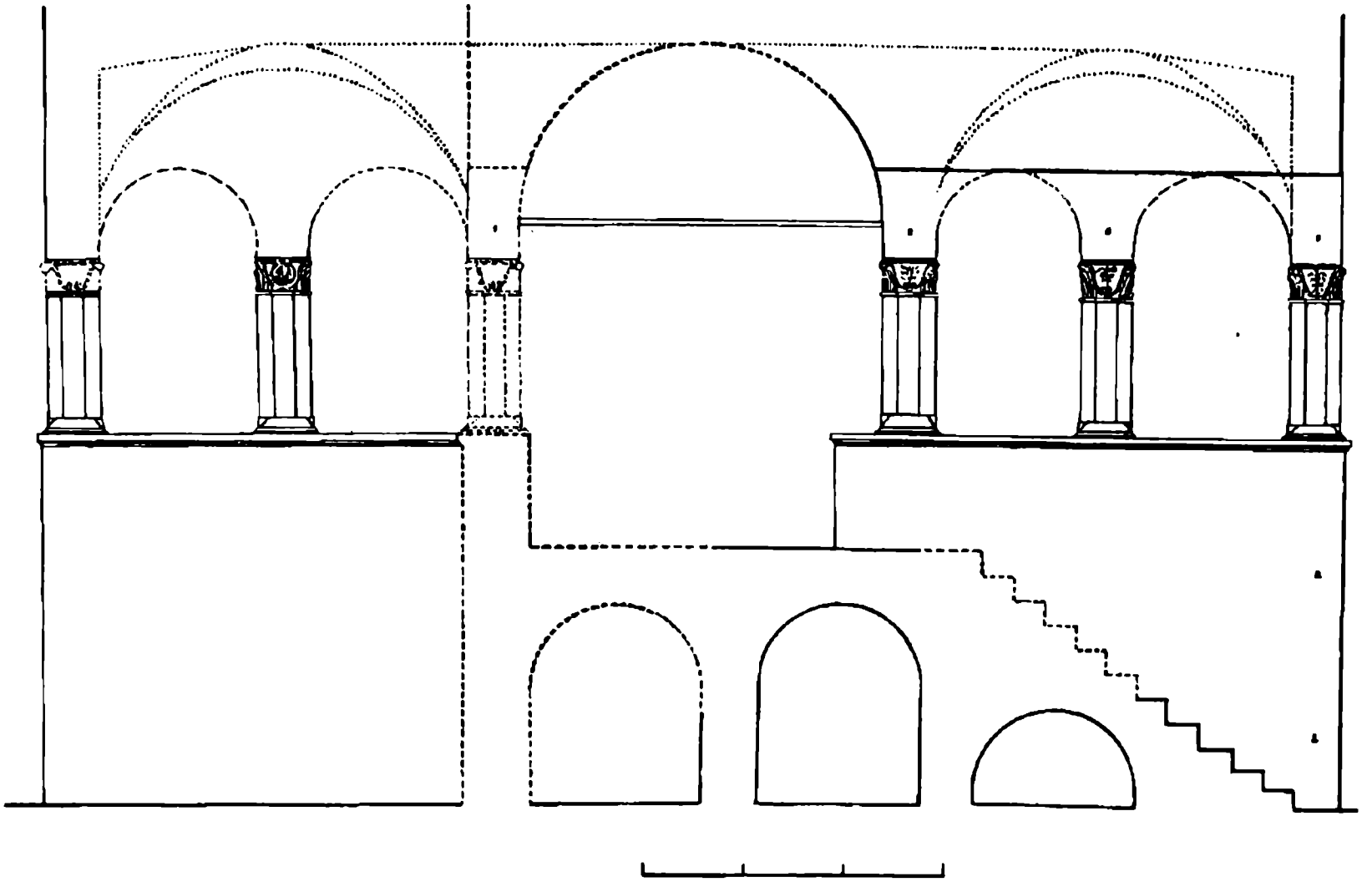


Рис. 8. Разрез по лестнице соборной паперти. Реконструкция автора. Сплошной линией показаны сохранившиеся элементы, пунктирной — реконструируемые

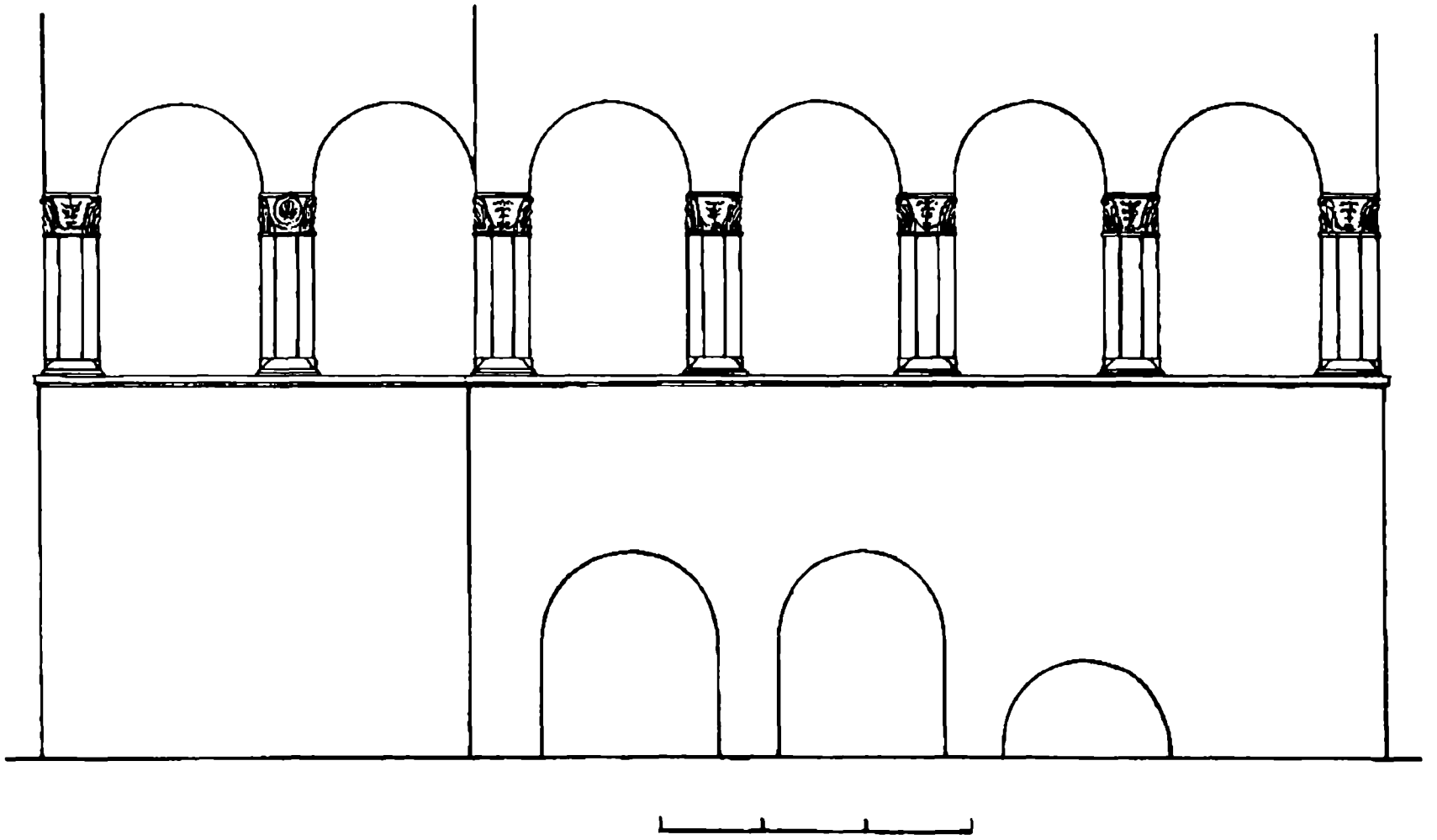


Рис. 9. Фасад паперти собора Новоспасского монастыря. Реконструкция автора

Таким образом, оказывается возможным выполнить графическую реконструкцию паперти, конечно, в некоторых деталях предположительную (рис. 7—9). Паперть охватывала весь западный фасад собора и была перекрыта тремя смыкающимися крестовыми сводами, у среднего из которых западная ветвь была вытянута, захватывая также верхнюю лестничную площадку. К этой площадке с юга вела лестница, прижатая к стене паперти. Своды и арки опирались на приземистые восьмигранные столбы с резными капителями, расставленные вдвое чаще, чем пролеты сводов. Лестничный марш также был перекрыт крестовыми сводами, но вдвое меньшего пролета. Объем лестницы имел ту же высоту, что и основной объем паперти. Как завершались ее фасады, остается неизвестным. Стены подклета паперти, видимо, были глухими, и только под лестницей оставались открытыми глубокие сводчатые ниши.

Общие размеры паперти сравнительно невелики. Ее глубина составляет около 4 м, а по наружному контуру вместе с лестницей — 7,5 м, ширина по фронту — около 13 м. Таким образом, оказываются скромными и размеры собора (по ширине примерно вдвое меньше существующего храма). Этот размер вполне сопоставим с размером храма Спаса на Бору в его последней редакции (ширина около 13,2 м). В 1527 г., уже после перенесения монастыря на новое место, древний храм Спаса на Бору был перестроен заново, а в XVIII в., по мнению П. Н. Максимова, полностью переложен с соблюдением форм XVI в. [14, 209—210]. Тем не менее, близкое совпадение размеров представляется далеко не случайным и скорее всего свидетельствует, что при перестройках и перенесении престола они так или иначе связывались с размерами первого Спасского храма 1330 г. Наконец, наличие паперти и ее малая высота (2,5 м от уровня земли до пола галереи) заставляют заключить, что первый собор Новоспасского монастыря имел заглубленный подклет.

Н. Н. Померанцев высказал предположение, что собору Новоспасского монастыря принадлежала особая роль в сложении типологии храмов с галереями, столь распространенных в XVI и XVII вв. [1, с. 68]. Действительно, значительно более ранних памятников такого рода до нас не дошло. Возможно, нечто подобное могло быть у собора Чудова монастыря, если, конечно, согласиться с В. П. Выголовым, датировавшим подвал собора 1430-ми годами [15, с. 63—82], что не вполне бесспорно, поскольку характер кладки позволяет отнести его и ко времени постройки храма в 1501—1503 гг. Примерно тем же временем, что и наш памятник, должны, вероятно, датироваться паперти церкви Ризположения и Благовещенского собора в Кремле (первая, сходная по деталям с самим храмом, возможно, чуть раньше, вторая, вероятно, чуть позже, после 1505 г.), но там мы имеем дело с домовыми церквами, входившими в состав хором, что меняет дело. Все остальные примеры, в частности примеры монастырских храмов, относятся к существенно более позднему времени.

Нельзя не отметить не только связь паперти собора Новоспасского монастыря с последующими памятниками, но и ее индивидуальный характер, сказавшийся прежде всего в асимметричной композиции. Само по себе устройство одностороннего схода в южную сторону функционально вполне оправдано, поскольку там размещена (и, надо думать, была размещена в XV в.) монастырская трапезная, но пренебрежение симметрией главного западного фасада — достаточно редкое явление.

Мы до сих пор рассматривали композицию паперти, не затрагивая вопросов стилистики. Между тем в этом отношении памятник заслуживает особого внимания. Уже Л. В. Даль, не колеблясь, определил его как «галерея итальянской работы». Сам мерный ритм аркады, перекрытие паперти тремя равными по пролетам крестовыми сводами отражают принципы регулярности, более свойственные итальянской архитектуре XV в., чем русской. Еще более очевидна рука итальянского мастера в прорисовке деталей. Резные капители столбов дошли до нас в очень поврежденном виде, но все же в достаточной сохранности для их общей стилистической характеристики. При единой схеме построения капителей с угловыми волютами и с акантовыми листьями над диагональными гранями

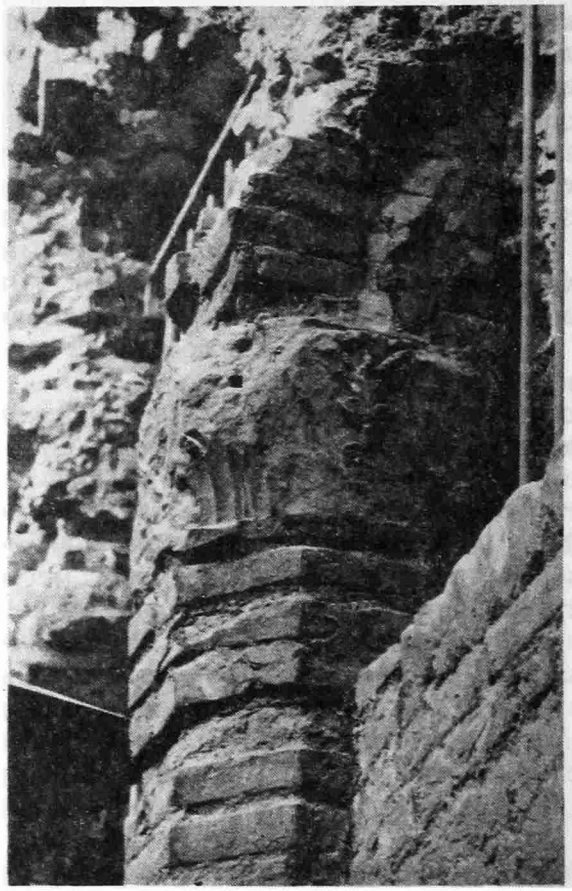


Рис. 10. Соборная паперть Новоспасского монастыря. Капитель второго с южной стороны столба

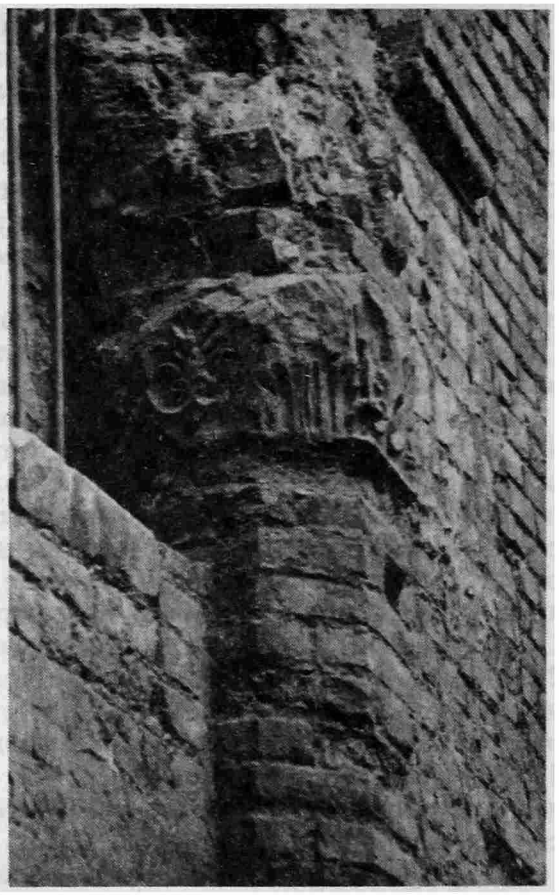


Рис. 11. Капитель южного столба

рисунок каждой из них индивидуален и даже на соседних гранях одной и той же капители точно не повторяется. На лицевой стороне капителей, по их оси помещены пальметы различного характера, подобие вазона, а в одном случае раковина (рис. 6, 10, 11). Прорисовка отдельных растительных элементов чрезвычайно характерна для итальянского Кватроченто. Однако в целом капители очень далеки от классических. Прежде всего отметим их пропорции, значительно более приземистые, чем это принято для коринфских капителей, модификацию которых они представляют. Но дело не только в этом. Одна из особенностей новоспасских капителей — отсутствие у них абаки. Вместо абаки волюты как бы стянуты узкой выступающей полочкой, над которой тело капители не расширяется, а сужается. Лишь по самой верхней кроме блока происходит еще одна полочка, настолько ничтожного сечения, что она практически незаметна. Более всего ощущается эта своеобразная неканоническая трактовка у капители с раковиной. И волюты и стягивающая их полка образованы здесь единой лентой, местами пересекающейся, а сами волюты превращены в небольшие кружки. Структурные элементы капители приобрели характер абстрактного линейного рисунка. В целом трактовка капителей здесь едва ли не противоположна принятой в классическом зодчестве Тосканы, где структура ордера максимально выявлена, вплоть до включения в опору поставленных на колонну квадратных в плане участков антаблемента. Все это придает капителям паперти характер своеобразного архаизма. И действительно, они находят довольно близкие аналогии среди гораздо более ранних памятников, в частности у капителей круглых столбов лоджии Палаццо Комунале в Норче, которую принято датировать XII—XIII вв. [16, с. 912; 17, с. 257] (рис. 12).

Рис. 12. Капитель лоджии Палаццо Комунале в Норче

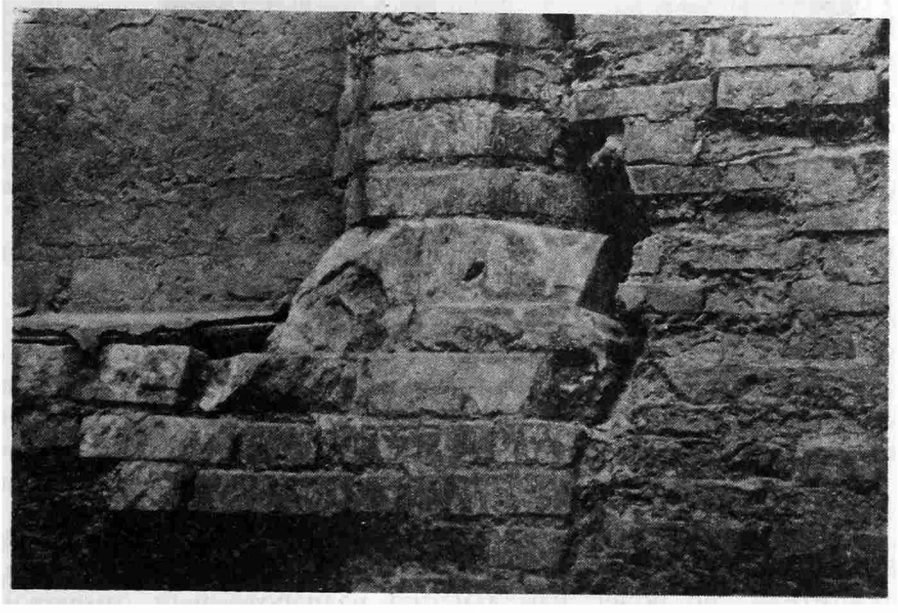


Рис. 13. База южного столба

Не менее примечателен в этом плане характер баз восьмигранных столбов. Они выполнены из массивных квадратных в плане блоков, обведенных понизу выступающим профилем, который сейчас срублен и сохранился лишь в заделке (рис. 13). Углы блока сверху срезаны, образуя слегка вогнутую в плане форму, плавно сходящую вниз к квадратному основанию, обрисовывая по лицевым сторонам блока профиль крупного обратного гуська. Такая форма базы очень напоминает тип базы круглых или граненых столбов с угловыми распластанными листьями, широко распространенный в позднеготических итальянских постройках. Наконец, само восьмигранное сечение столбов гораздо более характерно для итальянской готики, чем для Ренессанса.

Рис. 14. Фрагмент резной капители, найденный на территории Крутицкого подворья

Попробуем назвать некоторые позднейшие памятники архитектурной пластики, отразившие на себе влияние резьбы капителей новоспасской соборной паперти. Сходный тип капители, но более измельченно разработанный, имеют столбы южной паперти Благовещенского собора (их датировка окончательно не установлена), а также недавно опубликованный фрагмент капители, найденной на территории Крутицкого подворья, и, возможно, относящиеся к Успенской церкви 1516 г. [18, с. 22] (рис. 14).

Что касается такой необычной типологической черты паперти Спасского собора, как асимметричное расположение лестницы, выравненной по высоте с основным объемом, то на первый взгляд может показаться, что она не оставила никаких следов в последующем русском зодчестве. Однако существует памятник, несущий на себе очевидные следы воздействия форм соборной паперти Новоспасского монастыря. Это северная паперть трапезной палаты Пафнутьева-Боровского монастыря.

Боровская трапезная была основана в 1511 г. [19, с. 108; 20, с. 11]. Она имела в своем составе две паперти — северную, обращенную к площадке перед входом в соборную церковь, и южную, скорее всего выходившую к поварне либо

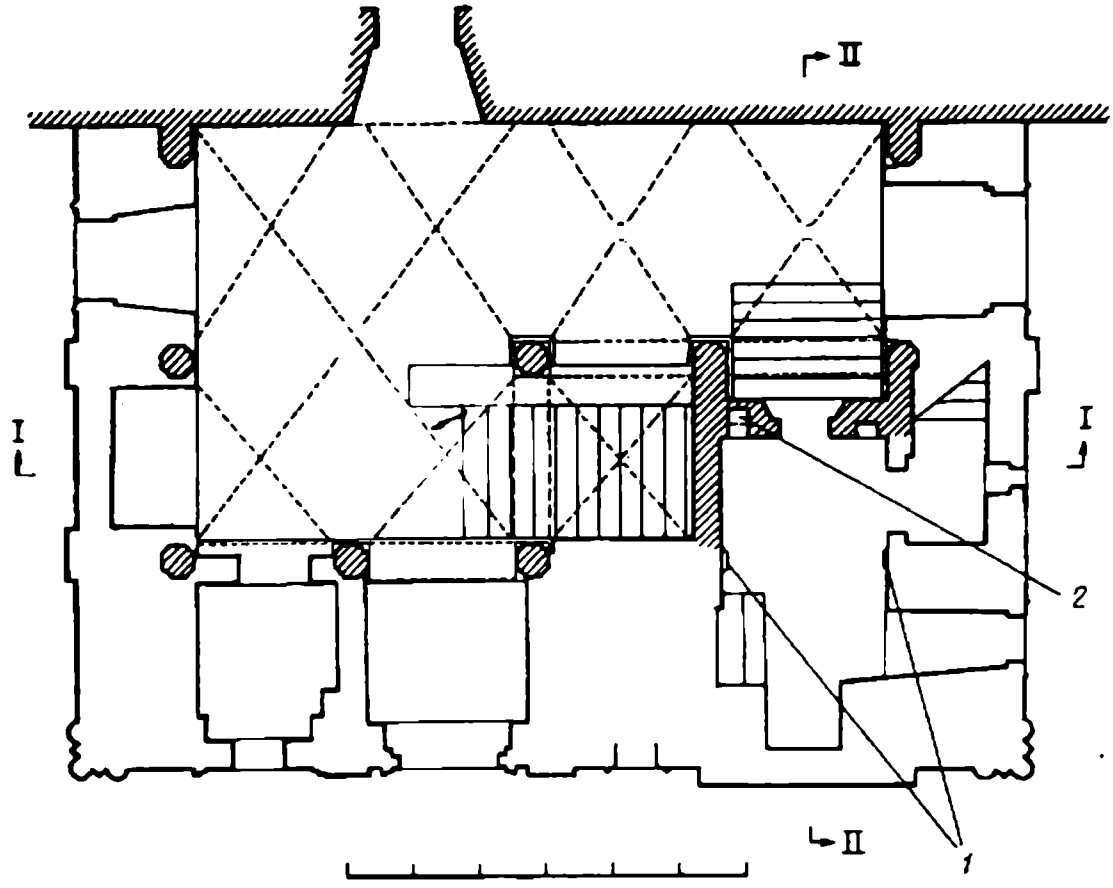


Рис. 15. Северная паперть трапезной Пафнутьева-Боровского монастыря. План основного яруса. Штриховкой выделены первоначальные части.
1 — остатки граненых столбов в верхнем помещении над лестницей; *2* — вертикальный канал в толще стены

вообще к хозяйственному комплексу монастыря. Судя по планировке здания, через первую из них поднималась к трапезе братия, по второй носили вверх пищу. Соответственно они различались между собой по архитектуре. Более простая по форме южная паперть, в настоящее время реставрированная, была поставлена на глухом подклете и имела вверху большие окна. Северная паперть, первоначально открытая в обоих ярусах, дошла до нас почти целиком, но она оказалась полностью скрытой снаружи, будучи включена в массив ныне существующей колокольни второй половины XVII в., и сейчас доступен для обозрения лишь ее интерьер [21, с. 190, 197]. В XVII в., еще до обстроек, верхний ярус паперти и лестница были расписаны [22], что позволяет легко отличить в них ранние и более поздние, не имеющие росписей, части. В 1960-е годы паперть реставрирована под руководством М. Д. Циперовича.

Основу паперти составляет компактный объем, в который включена лестница, поднимающаяся вдоль внешней северной стены с правой (западной) к левой (восточной) стороне (рис. 15, 16). Паперть перекрыта крестовыми сводами, которые опираются на два ряда восьмигранных столбов, поставленных на парапет. Столбы, как и все здание, сложены из кирпича. Граненое сечение их средней части плавным скруглением переходит внизу и вверху в квадратное, а поверху каждый столб охвачен профилированным пояском (валик, зажатый между двумя выкружками), использованным также в других частях здания (рис. 17). Пространство, включающее верхнюю лестничную площадку и подход к дверям в трапезную палату, особо выделено. Внутреннего столба здесь нет, он как бы «пропущен», а свод в этой зоне имеет большой пролет и принадлежит к иному типу: это разновидность сомкнутого свода на распалубках, так называемый монастырский. Вследствие большой высоты подклета лестница не умещается

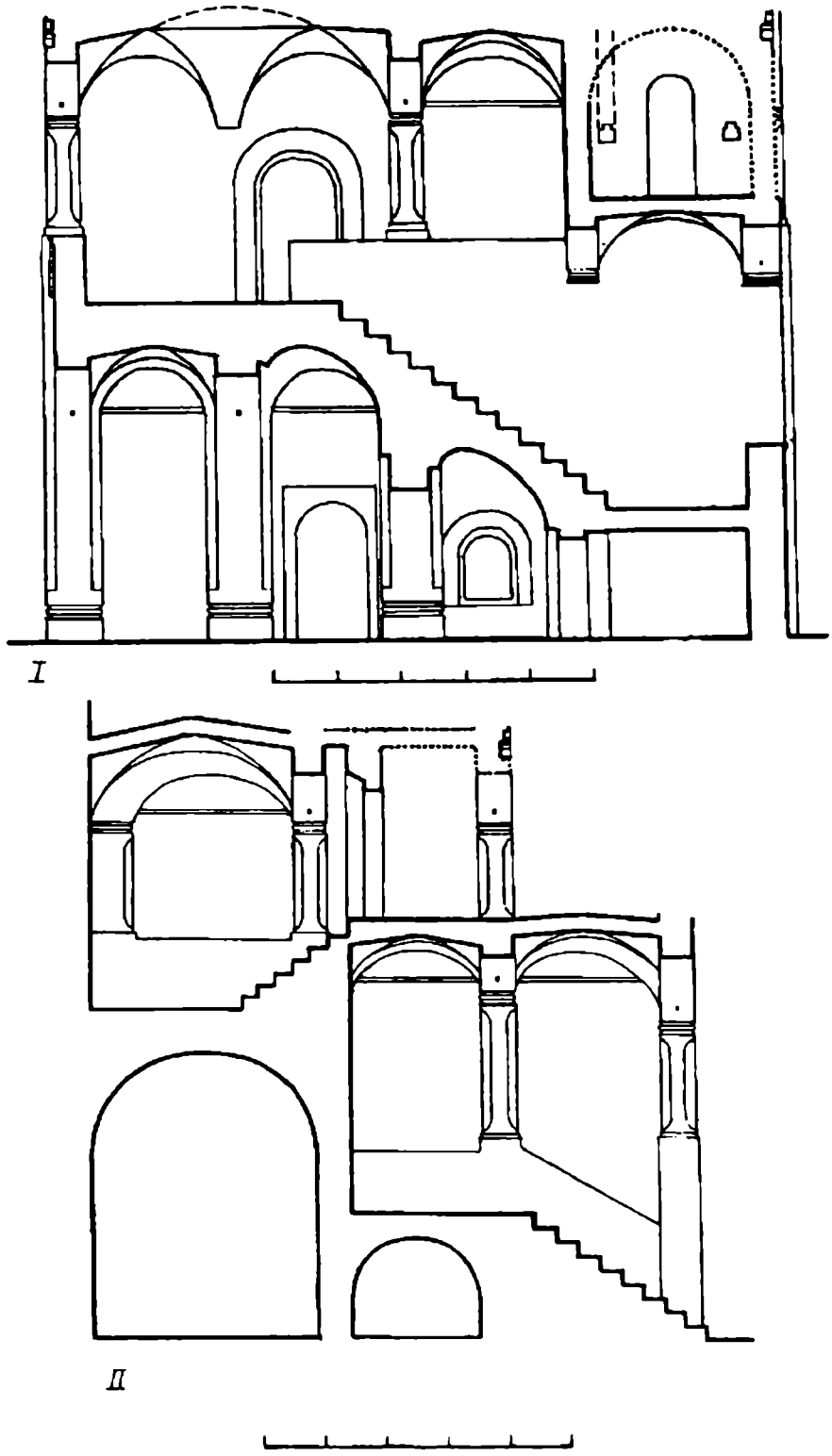


Рис. 16. Северная паперть трапезной.
I — разрез I—I; II—разрез II—II

вдоль внешней стены паперти, и нижний ее марш повернут в северную сторону, к пространству перед входом в собор. Этот марш, включая промежуточную поворотную площадку в пределах основного объема, также перекрыт крестовыми сводами, но эти своды опущены значительно ниже остальных. Лестничный марш несколько у́же, чем пролет между столбами внутри паперти, поэтому внутренний

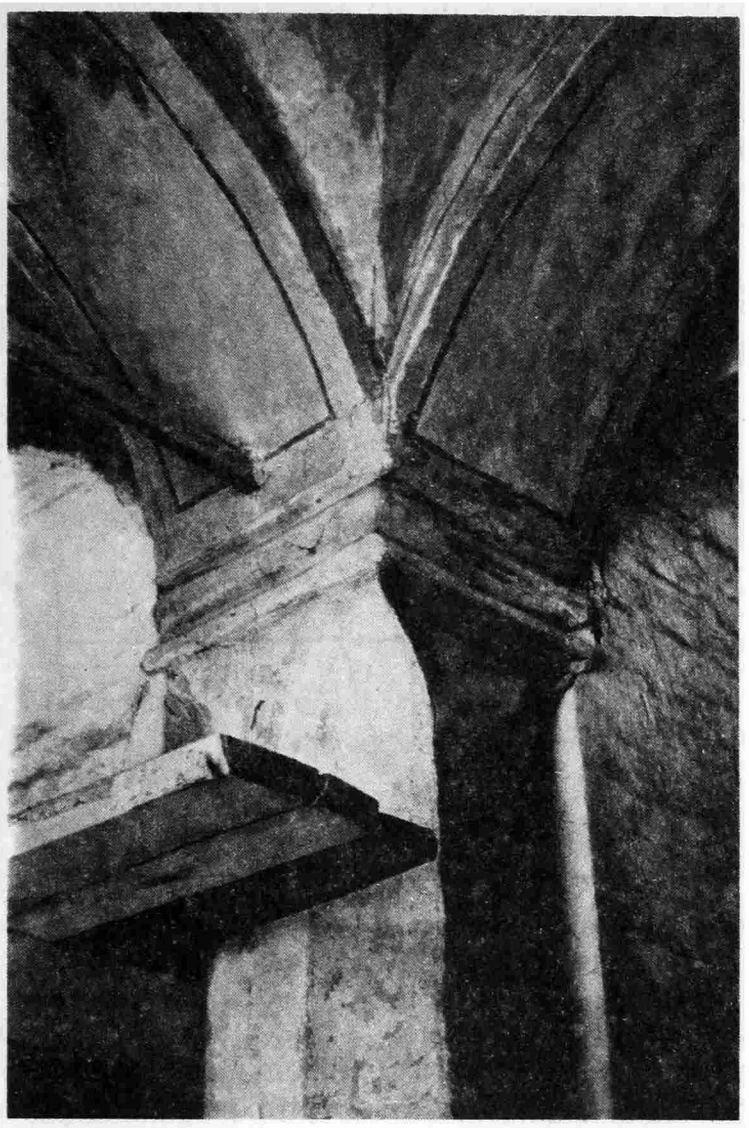


Рис. 17. Пафнутьев-Боровский монастырь. Столб лестничной площадки при входе на паперть

парапет поставлен не по оси внутреннего ряда столбов, а сдвинут во внешнюю сторону. В западной части паперти — еще одна невысокая лестница, ведущая в уровень над сводами верхней площадки, где имеется стенка с дверью. Большинство столбов поставлены в одном уровне и имеют одинаковую высоту, но у лестницы столбы опущены ниже и колеблются по высоте, а часть фасадных арок имеет ползучее очертание.

Подклет паперти (рис. 18) первоначально был открытым с двух сторон. Его крестовые (а под лестницей ползучие) своды оперты на массивные крестчатые столбы, цоколь которых украшен таким же пояском, как и верхние восьмигранные (рис. 16). Под западной группой помещений устроены замкнутые сводчатые камеры со входами из-под паперти. Уже рано, во всяком случае еще до обстройки паперти, простенки между столбами были заложены (сейчас один из них освобожден от закладки). Внешние поверхности фасадов почти полностью скрыты прикладками, лишь с западной стороны внутрь поздней лестницы на колокольню выходит фрагмент венчающего пояска с поребриком и уступчатыми нишками, аналогичный тому, что пропущен по верху южной паперти. Тем не менее имеется немало данных для реконструкции этой части памятника.

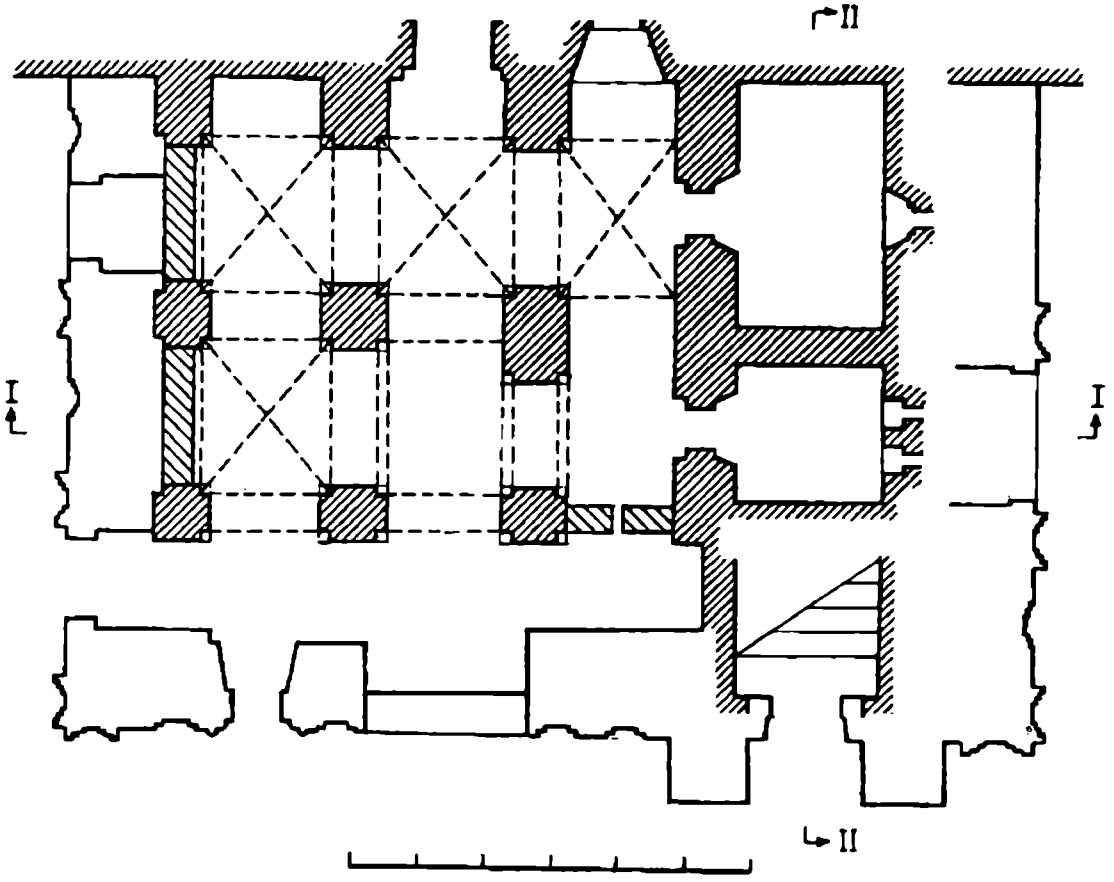


Рис. 18. Северная паперть трапезной. План подклета. Плотной штриховкой выделены первоначальные части, разреженной — закладки фасадных арок

Первая такая реконструкция была выполнена в 1961 г. М. Д. Циперовичем на основании тогда еще предварительных раскрытий (Архив ЦНРПМ, 90/238, 239) (рис. 19). Общие контуры, которые просматриваются изнутри, дополнены на ней деталями, взятыми у северной паперти (рисунок парапета). Поскольку против западного прясла паперти на стене трапезной сохранился отпечаток высокой двускатной кровли, то и завершения всех прясел показаны Циперовичем пощипцовыми.

Однако эта реконструкция нуждается в поправках. Так, на ней проигнорировано наличие лопаток у столбов подклета, вносивших значительно большую упорядоченность в фасадную композицию. Наиболее значительные уточнения требуются в изображении северо-западной части паперти. Входной рундук не был столь массивным. Его широкие пилоны только в нижней своей части принадлежат первоначальной структуре памятника. Их прежняя высота определяется границей сохранившегося на их внутренней стороне левкаса XVII в. со следами росписей. Очертание крестового свода и несущих его арок, практически полностью просматривающихся в интерьере, со всей очевидностью указывает, что опоры в верхней части имели в плане те же размеры, как и все другие столбы паперти, и вероятно тоже были граненными.

Наиболее проблематичной представляется реконструкция северо-западного угла основного объема паперти в верхней части, выше примыкания рундука. Здесь у М. Д. Циперовича показана глухая стена. Однако имеются следы более сложного устройства этой части здания. При сооружении колокольни она подверглась наибольшим переделкам. Был сломан свод, разобраны бывшие здесь стены или столбы, пространство над лестничной площадкой включено в состав нового, более обширного помещения. От паперти оно сейчас ограждено двумя стенами. Одна из них, та, что с восточной стороны, замыкает серию высоких

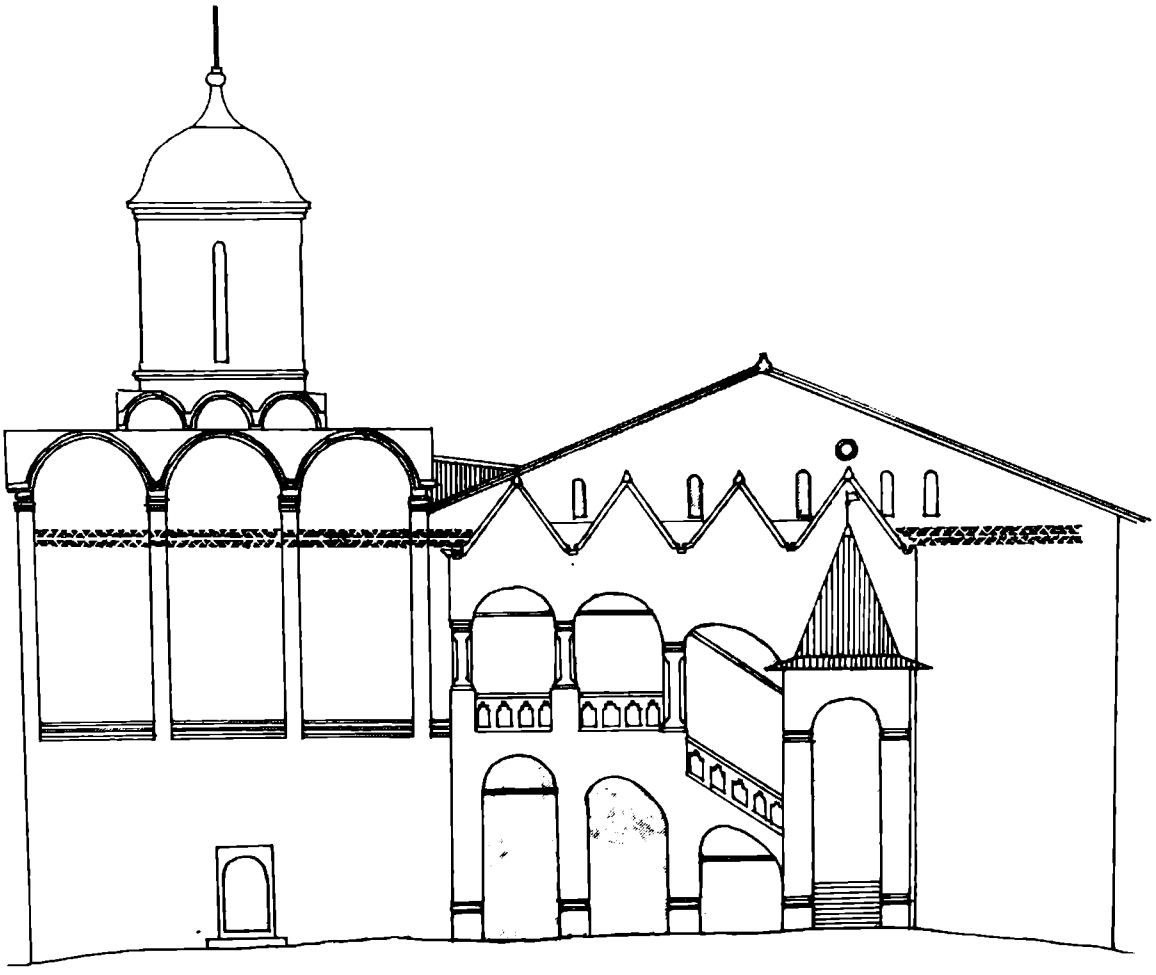


Рис. 19. Северный фасад трапезной Пафнутьева-Боровского монастыря. Реконструкция М. Д. Циперовича

крестовых сводов над лестницей. Южная стенка со входной дверью, фланкированной двумя уступчатыми нишами, не соответствует в плане основным членениям паперти, поставлена на свод и на первый взгляд воспринимается как позднейшее добавление. Обе эти стены, как безусловно первоначальная восточная, так и южная, со стороны паперти покрыты левкасом и стенописью XVII в., что заставляет отнести и эту последнюю ко времени во всяком случае ранее надстройки колокольни, поскольку все закладки арок паперти, сделанные при этой надстройке, росписей не имеют. Следует также отметить, что участок свода между южной стенкой и стоящими почти вплотную к ней столбами внутри паперти не имеет с боковых сторон никаких следов устройства распалубок, а сразу выложен как коробовый.

По сторонам вновь образовавшегося большего помещения над северо-западным углом паперти, над самым полом, сохранились основания двух граненых столбов, или скорее полустолбов, по размерам аналогичных всем остальным столбам паперти и размещенных точно над столбами промежуточной лестничной площадки (рис. 15, *1*). Из них восточный настоящим столбом никак не мог быть, поскольку он примыкает к изначальной глухой стене. Менее очевидно устройство западного столба, который помещен на углу паперти. Скорее всего, и он не был истинным столбом, а только декорировал торец глухого простенка боковой западной стены паперти. Дело в том, что он поставлен не точно по линии других столбов этой стороны, а сдвинут внутрь на 10—15 см. Это следует не только из обмера плана, но и подтверждается соответствующей креповкой в уровне венчающего пояска

западной стены. Трудно представить себе, как в этом случае могла бы выглядеть открытая арка между двумя смещенными в плане столбами. Поэтому более вероятно, что верхняя угловая ячейка паперти открывалась широкой аркой только в северную сторону и, возможно, перекрывалась коробовым сводом, как бы продолжающим тот участок свода, который сейчас выходит внутрь паперти.

Попытаться понять назначение всей этой необычной конструкции помогает небольшая деталь. От одной из уступчатых нишек рядом с дверью вверх в стене идет тщательно выложенный вертикальный канал (рис. 15, *2*). Такие каналы нередко устраивались в древних памятниках как дымоходы или вентиляционные отверстия. Однако в данном случае такое объяснение отпадает, поскольку в открытой нише — лоджии (наличие граненых столбов или полустолбов несомненно указывает на существование широкой арки между ними) и то и другое лишено смысла. Остается предположить возможность выкладки отверстия для какого-то простейшего механического устройства, например для того, чтобы пропустить через него веревку или рычаг для висевшего вверху небольшого колокола, а может быть и соединить его с часовым механизмом, если таковой имелся.

Существует письменное известие, что через 12 лет после закладки трапезной, в 1523 г., в монастыре была «поставлена колокольня камена» [19, с. 110]. Место этой колокольницы не названо, но следует учесть обычную устойчивость монастырской топографии. То обстоятельство, что в XVII в. массивная новая колокольня была возведена именно над северной папертью трапезной, делает очень вероятным предположение, что и прежде звонница устраивалась там же, а следовательно, наша догадка находит как бы некоторые дополнительные доводы. Являются ли найденные остатки элементами первоначальной структуры или же результатом переделки, выполненной спустя всего десятилетие, быть может, тем же самым мастером, в настоящее время установить очень трудно, да может быть, это для нас и не столь существенно. Ясно лишь, что композиция паперти была еще сложнее, чем это представлялось до сих пор.

В связи с этим не столь простым представляется и вопрос о завершении паперти. Показанное М. Д. Циперовичем пощипцовое покрытие в принципе возможно. Оно находит ряд аналогий в архитектуре XVI в. Пощипцовые кровли имели паперти собора и трапезной Ферапонтова монастыря, ранняя западная паперть собора Кирилло-Белозерского монастыря [23, с. 124; 24, с. 316—317; 25]. Более сложной, но принципиально сходной была форма завершения прясел в виде подобия килевидных закомар у папертей соборов Покровского монастыря в Суздале и Спасо-Прилуцкого в Вологде. Если же для рубежа XV—XVI вв. правомерно указывать и на итальянские аналогии, то позволительно вспомнить о примере пощипцового покрытия значительно более ранних галерей церкви Санта-Кроче во Флоренции, говорящем, по крайней мере, о возможности такой типологии. Однако в данном случае настораживают два обстоятельства. Во-первых, во всех названных случаях двускатными кровлями перекрыты примерно квадратные в плане ячейки, в то время как у Боровской трапезной прясла северной паперти намного уже ее глубины, что совершенно меняет характер покрытия. Во-вторых, следы примыкания крутой двускатной кровли найдены пока лишь против западного прясла, где, по всей вероятности, стояла звонница, характер которой нам совершенно не ясен. Поэтому вопрос о завершении паперти следует, видимо, считать открытым. И все же, за исключением оговоренных моментов, предлагаемая реконструкция (рис. 20) дает в целом достаточно ясное представление о памятнике.

Попробуем теперь перечислить те черты сходства, которые позволяют, на наш взгляд, с уверенностью говорить о типологической близости двух представляемых нами памятников.

1. Общая композиционная схема: компактный, довольно глубокий объем паперти, в обоих случаях примерно сходных размеров в плане, к которому вплотную примыкает боковой стороной выравненная с ним по высоте лестница, одинаково поднимающаяся от правого угла паперти влево.

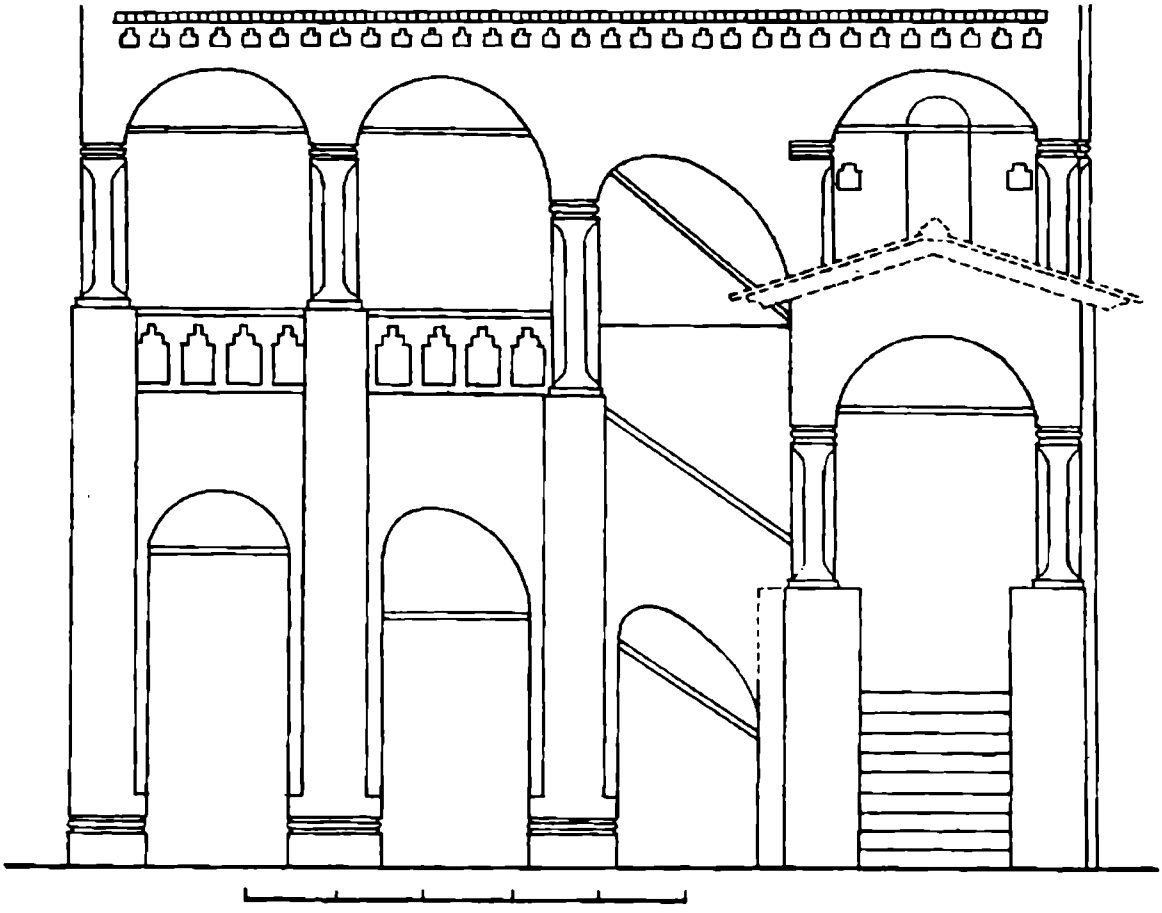


Рис. 20. Фасад северной паперти трапезной Пафнутьева-Боровского монастыря. Реконструкция автора

2. Перекрытие основного верхнего яруса крестовыми сводами, опертыми на столбы, причем над лестницей высота этих сводов в одном случае полностью, в другом — в большей своей части — выравнена с высотой сводов самой паперти.

3. Применение столбов почти точно совпадающего восьмигранного сечения, поставленных на парапет.

4. Выделение более широким и более высоким сводом верхней лестничной площадки.

5. Расстановка столбов с разными промежутками по двум осям: сближенно вдоль фронта паперти, дальше друг от друга в глубину.

6. Некоторое сужение лестничного марша по отношению к паперти, правда за счет разных приемов: в одном случае за счет соответствия глубины паперти двойному шагу столбов, в другом — за счет сдвижки парапета от оси столбов во внешнюю сторону.

7. Совпадение такой редкой и, казалось бы, необязательной детали как значительное, явно избыточное выдвижение парапета верхней лестничной площадки за пределы не только столба, но и самой лестницы.

Практически почти все перечисленные общие приемы не только не относятся к числу общеупотребительных в памятниках этого времени, но с уверенностью могут быть названы уникальными, и это, думается, дает нам право говорить о прямом и сознательном использовании образца. Но нельзя не заметить и существенных различий между обеими папертями. Многие из них напрямую связаны с разным функциональным назначением зданий и являются следствием приложения приемов, выработанных при строительстве соборной паперти, к паперти трапезной. Прежде всего возникает существенная разница в высоте подклета, который у монастырских трапезных всегда занят просторными и высокими

палатами хозяйственного назначения. Отсюда необходимость устройства гораздо более протяженной лестницы. Она теперь не может разместиться в пределах половины фронта паперти, а занимает его весь и даже, не умещаясь, отвернута своим нижним маршем во внешнюю сторону. Второе неизбежно вытекающее следствие — совершенно иная роль подклетного этажа самой паперти, который отнюдь не выглядит как невысокая субструкция, своего рода подиум, а как полноценный объем, чуть ли даже не превосходящий по высоте объем верхнего яруса. Вероятно, эта особенность более резко ощущалась на первом этапе существования памятника, когда открытые арки подклета еще не были заложены. К той же общей причине — большей высоте подклета и большей длине марша — можно, пожалуй, отнести и устройство крестовых сводов над лестницей Боровской паперти не строго в одном, а в двух уровнях.

Другие отличия паперти Пафнутьева-Боровского монастыря уже не могут быть объяснены чисто функционально и требуют иной интерпретации. Так, менее четко выдержано единство сводчатой конструкции, допускающей в пределах общего пространства как крестовые, так и «монастырский» своды. Арки имеют весьма различную конфигурацию, от близких к полуциркульному очертанию, как это имело место в Новоспасском монастыре, до уплощенных трехцентровых и ползучих. Белокаменные резные детали отсутствуют, они заменены кирпичной деталировкой, включающей скругленные скосы и простое, но очень индивидуальное сочетание профилей. Строителями допущены существенные расхождения в высоте столбов и соответственно в их пропорциях. И наконец, композиция усложнена включением в состав паперти звонницы, а может быть, и часового механизма.

Обобщая все перечисленные различия, можно, как мне кажется, свести их к главной характеристике. Та свобода рисунка, которая у паперти Новоспасского монастыря достигалась за счет широкого варьирования резной декорации при строгости общей схемы, осуществлена в Боровске при единообразии деталей за счет значительно большей подвижности, текучести самой схемы. Речь идет, таким образом, о существенной разнице в самом понимании архитектурной формы.

В какой-то степени и здесь могло сказаться функциональное различие зданий. Более свободное отношение к форме, упрощенность деталей можно усмотреть при сопоставлении трапезных и соборных храмов во многих монастырях, и, что особенно показательно, там, где даты их постройки близко смыкаются, как, например, у Борисоглебского монастыря на Устье и Спасо-Прилуцкого в Вологде [2]. Но в данном случае разница слишком велика, и главным мне представляется другое. Вряд ли мы ошибемся, определив общую направленность отклонений от образца как проявление процесса ассимиляции форм и приемов, внесенных в русское зодчество рубежа XV и XVI вв. итальянскими архитекторами. Если при всей архаичности отдельных элементов Новоспасская соборная паперть может восприниматься нами как пусть не вполне последовательное, но все же воплощение идеи ордера как порядка, как системы, то по отношению к Боровской паперти скорее можно говорить о приеме и образце, понимаемых достаточно свободно. Четкая структура, основанная на началах геометрии, начинает приобретать как бы черты растительного организма.

Нам ничего не известно о том, кто строил трапезную Пафнутьева-Боровского монастыря и откуда мастеру был так хорошо известен московский прототип. Из всего сказанного следует, что скорее всего это был русский мастер. Но ведь и многие из итальянских мастеров, проработав в России долгие годы, могли двигаться в своем творчестве в том же направлении постепенной утраты структурных начал ренессансного архитектурного мышления и освоения иных, более традиционных для русской строительной практики подходов.

---

[2] Собор Борисоглебского монастыря заложен 18 июня 7030 (1522) г., освящен 23 сентября 7033 (1524) г. Трапезная заложена 30 июня 7033 (1525) г., освящена 7 октября 7035 (1526) г. Собор Спасо-Прилуцкого монастыря начат 29 мая 7045 (1537) г., «совершен» в 7050 г. Трапезная сооружена в 7053 г. [26; 27, с. 181, 198].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Померанцев Н. Н.* Новый памятник московской архитектуры конца XV века//Сообщения Ин-та истории искусств. М.; Л., 1951. № 1.
2. Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859.
3. Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XII. М., 1965.
4. Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913.
5. Львовская летопись. ПСРЛ. Т. XX. СПб., 1910.
6. Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910.
7. Типографская летопись. ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921.
8. Сокращенный летописный свод 1493 г. ПСРЛ. Т. XXVII. М., 1962.
9. Летописный свод 1497 г. ПСРЛ. Т. XXVIII. М., 1963.
10. Софийская первая летопись. ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853.
11. Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. Т. XXVI. М., Л. 1959.
12. *Дмитриев Ю.* Московский Новоспасский монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1909.
13. *Даль Л. В.* О древних памятниках в России//Зодчий. 1876.
14. *Максимов П. Н.* К характеристике московского зодчества XIII—XV вв. Собор Спаса на Бору в Московском Кремле//МИА. 1949. № 12.
15. *Выголов В. П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря//Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978.
16. Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti. Milano; Roma, 1934. V. XXIV.
17. Guida d'Italia del Touring Club Italiano: Umbria. Milano, 1950.
18. *Корюкина Т. А., Виноградов В. А.* Новые данные по истории Крутицкого подворья в Москве// Архитектурное наследство. 1988. № 35.
19. *Тихомиров М. Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI века//Тр. О-ва изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930.
20. *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв.//Исторический архив. 1950. Вып. V.
21. *Меркелова В. Н.* Пафнутьев-Боровский монастырь (краткий обзор исследований и реставрации 1965—1975 гг.)//Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982.
22. *Чураков С. С.* Заключение о ценных росписях в Пафнутьев-Боровском монастыре. 1955. Архив ЦНРПМ, 59и/41.
23. *Покрышкин П. П., Романов К. К.* Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии//ИАК. 1908. Вып. 28.
24. *Подъяпольский С. С.* Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря XV—XVII вв. в его отношении к строительству Троице-Сергиева монастыря//Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989.
25. *Подъяпольский С. С.* Архитектура Рождественского собора Ферапонтова монастыря//Ферапонтовский сборник. Вып. 4. (в печати).
26. *Лопарев Х.* Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века//Изд. О-ва любителей письменности. Вып. LXXXVI. Спб., 1892.
27. Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. ПСРЛ. Т. XXXVII. М., 1982

Московский архитектурный институт

S. S. PODYAPOLSKY

CONCERNING A LITTLE KNOWN TYPE OF PORCHES OF THE END OF THE 15TH — BEGINNING OF THE 16TH CENTURIES

Summary

The author summarizes the results of the archaeological and architectural investigations of two Russian architectural landmarks built in the reign of Ivan III: the cathedral of Novospassky Convent in Moscow, and the refectory of St. Pafnuty's monastery in the city of Borovsk (Kaluga region). At the turn of the 15th-16th centuries these churches had complicated galleries which was not typical for the medieval Russia architecture. The galleries arches leaned on the octahedral pillars based on the parapets. These architectural elements are compared with those ones typical for the Italian quattrocento architects, engineers and sculptors invited by Ivan's government to Moscow.

Археология и естественные науки

В. А. АЛЕКСЕЕВ, И. В. ЖУРБИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОМЕТРИИ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПО ИХ СОСТАВУ

(по материалам исследований городища Иднакар)

Научные исследования в полевой археологии включают в себя ряд этапов. Одним из первых является поиск, открытие и научная фиксация археологических памятников. Эти задачи выполняет археологическая разведка.

Существует несколько разновидностей археологических разведок. Иногда разведка производится с целью сплошного исследования большой территории для выявления памятников и составления археологических карт. Разведки такого типа не преследуют задачу немедленного дальнейшего исследования археологических памятников. Разведка также может производиться с целью локализации археологических памятников на небольшой территории (городище, могильник) для планирования раскопок.

Для археологической разведки в современных условиях используются геофизические методы, которые позволяют обнаруживать археологические памятники с большой точностью [1, 2].

Основное преимущество, в силу которого геофизические методы постепенно завоевывают все большее признание, состоит в том, что они позволяют выявлять комплексы различных археологических памятников, не нарушая поверхностного слоя почвы и самого объекта поисков, а также в несколько раз сокращают объем земляных работ и стоимость археологической разведки за счет точной локализации памятника. Вторым существенным преимуществом геофизических методов разведки является возможность послойного изучения археологического памятника [1].

Особенно актуально применение методов естественных наук при исследовании больших по площади памятников (крупных городищ, селищ, могильников), исследования которых при использовании обычной методики раскопок занимают не один год.

По заказу Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН под руководством директора института К. И. Куликова была проведена археологическая разведка городища Иднакар с помощью методов электрометрии.

Городище Иднакар находится на высоком холме над излучиной у слияния рек Пызепа и Чепцы. Высота холма достигает 40 м. Иднакар — самое крупное по площади городище на Чепце, это уникальный памятник средневековья, оставленный восточными финнами [3]. Городище состоит из 2 частей: укрепленной территории, которая находится на самом мысу и ограничивается первым валом, и посада, который находится между первым и вторым валами. Площадь укрепленной территории составляет около 20 тыс. м^2. Площадка между валами примерно равна площади укрепленной части. Раскопки на городище Иднакар проводились с 1974 г. В настоящее время сделано четыре раскопа, вскрыто примерно 7 тыс. м^2, причем около 6 тыс. м^2 — на территории укрепленной части, а остальные между валами. Применение электрометрической и магнитной разведки на городище

© В. А. Алексеев, И. В. Журбин, 1994 г.

Иднакар позволило бы локализовать объекты, находящиеся в земле, определить их значимость для археологии, а следовательно, сократило бы время исследования, объем земляных работ и стоимость археологических раскопок.

Но применение геофизических методов осложняется техногенными факторами. По территории городища проходит ЛЭП и сразу же за вторым валом находится полигон электросетей. Между валами расположены остатки построек воинской части, дерновый и культурный слой содержит остатки кирпича, куски провода, мусор и пр. На самом мысу, на территории укрепленной части, расположено современное кладбище [4].

Поэтому на результаты магниторазведки будут оказывать влияние строительный мусор, находящийся в поверхностном слое, и проходящая рядом ЛЭП. Эти факторы в гораздо меньшей степени оказывают влияние на результаты электроразведки. Сложность применения магниторазведки в указанных условиях была также показана в работе Т. Н. Смекаловой [5].

В соответствии с этим глобальные исследования, связанные с определением общей планировки городища Иднакар, локализация жилищ и вспомогательных построек, их детальное изучение можно проводить методами электрометрии. Для определения размещения мелких предметов, остатков домашней утвари внутри и вокруг жилища можно использовать как электрометрические, так и магнитные способы.

Возможность практического применения электрометрических методов для изучения грунта обусловлена тем, что вмещающие породы и объект, погруженный в них, различаются по удельному электрическому сопротивлению ρ.

Методы электрометрии основываются на законе Ома, который устанавливает связь между напряжением U, сопротивлением R и силой тока I, проходящей по проводнику. Если поместить в грунт два разнополярных питающих электрода A и B, пропустить между ними ток, в пространство между ними ввести два электрода M и N, присоединенные к клеммам измерительного прибора, то можно измерить значение потенциала в средней точке участка MN.

Зная величину потенциала и величину тока, протекающего по грунту между питающими электродами, возможно определить удельное электрическое сопротивление среды, в которую помещены электроды.

Для электрометрического изучения участка грунта важно знать характер распределения удельного электрического сопротивления на данном участке. Поэтому по полученным данным строится карта удельных сопротивлений исследуемого участка. Дальнейшей задачей является определение по измеренному значению удельного сопротивления геоэлектрической структуры объемных проводников; производится археологическая интерпретация аномалий сопротивления с привязкой их к определенным объектам.

Исследования 1992 г. на территории городища Иднакар методами электрометрии проводились с целью детального картирования, т. е. основной целью исследований было не определение планировки городища в целом, а апробация методики по выявлению местоположения отдельных предметов, остатков жилищ, составных частей жилища (ямы, очаги) и пр. Исследования проводились на территории укрепленной части городища. Были последовательно исследованы три квадрата (3 × 3 м каждый). Измерения проводились по параллельным профилям, шаг измерений составлял 0,20 м, расстояние между профилями — 0,20 м. Измерения проводились по слоям с шагом 0,20 м, максимальная глубина 1,60 м. Для измерений была использована геофизическая электрометрическая аппаратура «ЭРА», выпускаемая Санкт-Петербургским заводом «Геологоразведка». Для ускорения процесса измерений электроды одновременно размещались вдоль линии профиля и изменение местоположения точки измерений осуществлялось за счет перекоммутации электродов. После этого результаты измерений по всему участку обрабатывались с помощью ЭВМ, строились карты распределения удельного электрического сопротивления, по результатам раскопок изучалась взаимосвязь аномалии сопротивления с находящимся в грунте объектом.

Для примера рассмотрим фрагмент карты распределения удельного электри-

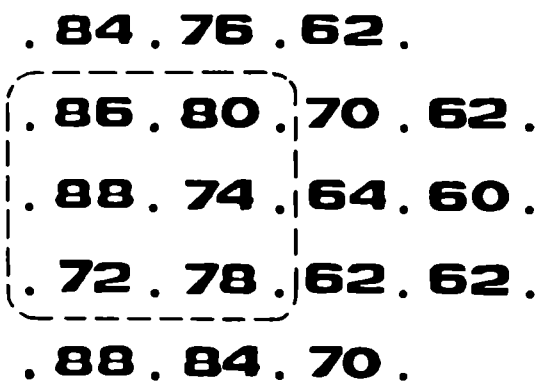


Рис. 1. Фрагмент карты распределения удельного сопротивления грунта

ческого сопротивления над очагом (глубина залегания 1 м) (см. рис. 1). Контуры очага обозначены пунктирной линией. Точки — места расположения электродов. Цифрами обозначены величины удельных электрических сопротивлений на каждом участке, полученные с помощью аппаратуры «ЭРА».

В результате проведенных электрометрических исследований на городище Иднакар выяснилось, что для правильной интерпретации результатов измерений необходимо как можно точнее знать форму и величину аномалий сопротивления над объектами, состоящими из различных материалов (камень, кость, керамика, металл и пр.).

Перед тем как анализировать взаимосвязь между объектом, находящимся в грунте, и аномалией сопротивления, вызванной этим объектом, необходимо оговорить ряд ограничений на применение методов электрометрии для археологических исследований.

1. Размер объекта должен быть соизмерим с расстоянием между измерительными электродами и шагом измерительной сетки, таким образом, если при исследованиях расстояние между электродами составляло 0,20 м, следовательно минимальный линейный размер объекта, местоположение которого необходимо определить, должен быть равен 0,20 м, для гарантированного определения неоднородности — 0,40 м.

2. На величину аномалии будет оказывать влияние сопротивление слоя, вмещающего объект, т. е. если $\rho_{слоя} = \rho_{объекта}$, то объект выделить нельзя, с другой стороны, при $\rho_{слоя} \lessgtr \rho_{объекта}$ один и тот же объект может быть выделен и как минимум, и как максимум удельного электрического сопротивления. Наблюдается следующее соотношение удельных электрических соотношений слоев:

$$\rho_{\text{заболочено-углистого}} > \rho_{\text{гумус}} > \rho_{\text{глина}}.$$

Удельное электрическое сопротивление гумусированного слоя с включением угля или глины занимает промежуточное положение.

3. На величину аномалии будет оказывать влияние выбор метода исследований ввиду различной чувствительности электрометрических методов [6].

Объекты, выделяемые при данном расположении электродов, имеют минимальный размер 0,20 м, следовательно, они могут быть двух типов: монолитные, т. е. представляющие собой монолитное образование (крупный камень, глинобитная площадка, площадка из обожженной глины и т. п.), либо групповые, т. е. представляющие собой несколько различных объектов (внутренние объекты), достаточно компактно расположенных друг относительно друга (очаг, развал сосуда, костяк и т. п.).

Если монолитный объект можно характеризовать всего двумя параметрами ($\rho_{ср}$ и линейный размер), то групповой объект гораздо сложнее. Для характеристики группового объекта можно выделить следующие параметры: $\rho_{ср}$; общий размер;

Таблица 1

Кривые удельного электрического сопротивления грунта при электрометрии объектов различного состава

Материал объекта	Вмещающий слой	Характер аномалии	Величина аномалии	Метод исследования
Групповые однородные объекты				
Камень	гумус		1.1	СЭП
Камень	гумус		1.2	СГ
Камень (очаг)	гумус		1.25	СГ
Камень	золисто-углистый		1.15	СГ
Керамика	золисто-углистый		1.3	СГ
Кость	гумус с включениями глины		1.3	СГ
Групповые неоднородные объекты				
Камень, керамика	гумус		1.2	СГ
Камень, железо, кость, керамика	золисто-углистый слой с включениями глины		1.3 - 1.2	СГ
Камень, кость, керамика	золисто-углистый		1.2	СГ
Монолитные объекты				
Прокаленная глина (очаг)	гумус		0.77	СГ
Глина	песчаник		0.8	СГ
Глина (площадка под постройкой)	гумус (светлый)		1.4	СГ

СГ - серединный градиент

СЭП - симметричное электропрофилирование

среднее расстояние между отдельными внутренними объектами; изменение концентрации расположения внутренних объектов; однотипность внутренних объектов (т. е. из одного или различных материалов состоят внутренние объекты).

Очевидно, что и вмещающий грунт, и археологические объекты подвергаются внешним воздействиям, т. е. в зависимости от влажности грунта, состава солей, характера залегания пластов на данном участке один и тот же объект (вмещающий грунт) имеет различную величину удельного электрического сопротивления. Следовательно, при археологической интерпретации результатов измерений необходимо рассматривать не абсолютное значение

сопротивления, а соотношение между сопротивлением грунта и объекта, которое менее подвержено влиянию внешних факторов.

Исходя из этих условий и параметров, результаты эксперимента можно свести в таблицу (табл. 1). Для анализа формы и величины аномалий сопротивления, вызываемых групповыми объектами, были выбраны объекты с равномерным распределением внутренних объектов, расстояние между которыми не превышает 0,05 м, то есть $^1/_4$ расстояния между соседними электродами. Величина аномалии — это отношение экстремального значения удельного электрического сопротивления ($\rho_{объекта}$) к фоновому значению сопротивления ($\rho_{грунта}$).

Эксперименты, проведенные в 1992 г. на городище Иднакар, показывают возможность использования электрометрической аппаратуры не только для обнаружения местоположения объектов, но и идентификации материала объекта, находящегося в грунте. Исходя из этого, при наличии информации о характере залегания слоев на исследуемом участке и распределении удельного электрического сопротивления на нем можно, не проводя раскопок, построить карту расположения как отдельных находок, так и крупных археологических объектов, состоящих из различных материалов (камень, кость, керамика и пр.). Результат археологической интерпретации данных измерений будет тем точнее, чем больше будет накоплено и проанализировано экспериментального материала. В дальнейших экспериментах для быстрого и продуктивного исследования городища Иднакар необходим полевой электроразведочный комплекс на основе ПЭВМ, который позволил бы автоматизировать процесс сбора и обработки данных в полевых условиях, интерпретировать результаты измерений, на основе накопленных экспериментальных данных определять материал выделенных объектов. Комплекс, обладающий такими возможностями, может быть использован при исследовании и других археологических памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Слукин В. М.* Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
2. Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.: Наука, 1979.
3. *Иванова М. Г.* Городище Идна-кар (Результаты исследований 1975—1977 гг.)//Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.
4. *Иванова М. Г.* Чепецкие городища: Проблемы и перспективы исследования//Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991.
5. *Смекалова Т. Н.* Физические методы в полевой археологии: Автореф. дис. ... канд ист. наук. М., 1992.
6. *Журбин И. В.* Сравнительный анализ электрометрических методов исследования грунта для археологии.— Деп. рук. № 1087—В92.

Физико-технический институт
УрО РАН, Москва

ALEXEEV V. A., ZHURBIN I. V.

THE YSE OF ELECTROMETRY IN IDENTIFICATION OF THE ARCHAEOLOGICAL OBJECTS (BASED ON THE INVESTIGATIONS OF IDNAKAR FORTIFIED SETTLEMENT)

Summary

The use of electrometry to identificate Idnakar archaeological objects with respect to their composition is considered in the article. Taking into consideration the size of the objects, resistivity and measurement methods restrictions of the method suggested are specified. The objects have been devided into two types, and characteristics of each object have been determined. Our experiments carried out in 1992 show that determination of the location of the excavated objects and identification of their composition are available thanks to electrometry instruments used.

А. П. ТЮПАЕВ, А. Н. ДЕТЮК

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ОКИСЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕТАЛЛА ВОДОРОДОМ

В практике реставрации и консервации археологических находок удаление продуктов коррозии, среди которых наиболее опасны для дальнейшей сохранности предмета хлористые соединения, проводят, как правило, в водных растворах. Состав растворов выбирают так, чтобы хлористые соединения в первую очередь перешли в растворимую форму. Поскольку основным механизмом удаления растворимых хлоридов из микропор и трещин является диффузия, то нетрудно подсчитать, что при температуре 20—100° С процесс миграции молекулы хлористого соединения ($D \approx 10^{-5}$ см^2/с) из глубокой поры длится десятки часов. Поэтому приходится обрабатывать предмет очень длительное время. Однако и это не гарантирует полного удаления хлоридов. Наиболее перспективным с точки зрения полного и быстрого удаления продуктов коррозии металла и, в частности, хлористых соединений может рассматриваться открытый не так давно метод каталитического восстановления водородом в газовой фазе. Поскольку применительно к археологическим находкам метод прямого и в особенности каталитического восстановления водородом практически не изучен, нами предпринята попытка экспериментального исследования процесса газофазного восстановления продуктов коррозии археологического металла с целью определения границ и возможностей его использования в реставрации.

Методика проведения эксперимента

Опыты проводились в установке проточного типа с реактором из нержавеющей стали. Температура в реакторе измерялась с помощью хромель-алюмелевой термопары в кармане реактора, выведенной на потенциометр. Водород подавали из баллона через редуктор и вентиль тонкой регулировки. Во избежание попадания влаги в реактор на водородной линии был поставлен патрон с цеолитом. Скорость подачи газа и давление в реакторе регулировали вентилем тонкой регулировки на выходе из реактора. Диапазон исследованных температур восстановления составил 200—650° С. Нанесенный алюмоплатиновый катализатор содержал 0,6 мас.% платины в расчете на металл. Носитель — промышленный гамма-оксид алюминия. В качестве испытуемых образцов были взяты предметы из меди, бронзы, железа, серебра.

Результаты и их обсуждение

Продукты коррозии металлов представляют собой сложную смесь оксидов и солей, температуры восстановления которых варьируются в широких пределах. Например, оксид серебра восстанавливается водородом уже при 40° С, а хлористое серебро и сульфид серебра, соответственно, при 350 и 450° С. Оксид меди начинает восстанавливаться до металла при 250° С, в то время как ее сульфид — лишь при температуре красного каления [1, с. 162, 233, 237; 2, с. 355, 369]. Оксид трехвалентного железа в среде водорода восстанавливается до металла с заметной скоростью при 300° С, магнетит при 440° С, а большинство солей железа — при температурах выше 600° С [3]. Таким образом, термическое восстановление продуктов окисления металлов требует высоких температур.

Взятые для исследований образцы в составе продуктов окисления имели следующие соединения. Фрагменты железной пряжки содержали оксиды двух- и трехвалентного железа, магнетит и хлорид железа. Фрагменты медных

© А. П. Тюпаев, А. Н. Детюк, 1994 г.

Таблица 1

Восстановление продуктов окисления металлов в токе водорода

Образец	Температура, °С	Продолжительность, ч	Состояние продуктов окисления
Железо	350	1	Удалены в незначительной степени
	350	3	
	650	1	В основном удалены
	650	3	Следы продуктов окисления
Медь	300	1	Удалены в незначительной степени
	300	3	
	600	1	В целом удалены
	600	3	Практически отсутствуют
Серебро	200	1	Удалены не полностью
	200	3	
	400	1	Удалены
	400	3	

булавок — оксиды одно- и двухвалентной меди, хлориды, сульфиды и основной карбонат меди. Аналогичные продукты окисления меди были и в составе бронзовых наконечников стрел. Серебряные бляшки содержали оксид серебра, а также хлорид и сульфид серебра.

Проведенные нами исследования показывают, что в достаточно полной степени восстановление продуктов окисления железа и меди идет при температурах 600—650° С, серебра — при 400° С. При этом образцы полностью очищаются от продуктов коррозии до металла. Более низкие температуры обработки не дают желаемых результатов — на предметах окислы остаются в заметном количестве (табл. 1).

Следует иметь в виду, что при высоких температурах параллельно реакции восстановления идет термическое разложение солей, как на поверхности металла, так и глубоко в порах, что может привести к разрушению предметов. Кроме того, такой высокотемпературной обработке нельзя подвергать бронзовые предметы, так как они содержат металлы с низкой температурой плавления (олово, свинец, мышьяк) и вследствие неоднородности древних сплавов при нагревании низкоплавкие добавки начинают выплавляться. Поэтому возникает необходимость снижения температур восстановления окисленного металла, что может быть достигнуто при использовании катализаторов. В присутствии катализатора скорость реакции восстановления резко возрастает, и во многих случаях процесс идет при существенно более низких температурах. Весьма эффективны в этом отношении платиновые и палладиевые катализаторы [4, 5]. По мнению большинства исследователей, механизм их действия связан с тем, что молекулярный водород сначала диссоциирует на активных центрах катализатора на атомы. Затем атомы водорода, которые обладают очень высокой реакционной способностью по сравнению с молекулярным водородом, переходят с катализатора на поверхность окисленного металла и восстанавливают его. Это явление получило название эффекта спилловера водорода [6].

В данной работе был испытан нанесенный алюмоплатиновый катализатор. Как видно из полученных данных, в присутствии катализатора температура процесса восстановления и его продолжительность существенно снижаются (табл. 2). Следует отметить, что восстановление продуктов окисления бронзы идет уже при 200° С, а самый низкоплавкий компонент бронз — олово имеет температуру плавления 231,9° С. Этот факт дает возможность без опасений применять каталитическое восстановление и для очистки бронзовых предметов.

Таблица 2

Каталитическое восстановление продуктов окисления

Образец (металл)	Температура, °С	Продолжительность, ч	Наблюдаемый эффект
Железо	450	1	Продукты окисления полностью удалены
Медь	200	1	
Бронза	200	1	
Серебро	200	1	

Таким образом, в результате проведенных исследований найден новый высокоэффективный метод глубокой очистки археологического металла каталитическим восстановлением продуктов окисления, который может быть использован при реставрации и консервации археологических находок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Encyclopedia of Chemical Reactions. V. VI. New York; London, 1958.
2. Encyclopedia of Chemical Reactions. V. III. New York; London, 1958.
3. *Чуфаров Г. И.* Физическая химия окислов. М., 1971.
4. *Schwabe U., Bechtold E.* Die Katalytishe Reduction von silbersulfid mit wasserstoff//Z. phys. chem. 1972. 81. № 5—6.
5. *Воронцов Е. С., Кошкина К. А.* Исследование каталитического действия платины на восстановление меди из ее окислов водородом при помощи цветов побежалости//Кинетика и катализ. 1970. Т. 11. № 1.
6. *Sermon P. A., Bond G. C.* Catalysis//Rev. 1973. V. 8. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

TUPAEV A. P., DETJUK A. N.

REDUCTION OF ARCHAEOLOGICAL METAL OXIDATION PRODUCTS WITH HYDROGEAN

Summary

The process of direct reduction of archaeological metal oxidation products in the atmosphere of hydrogeon was investigated. The most favourable conditions for the said reaction were determined. It is shown that in the presence of the platinic-aluminia catalyst the velocity of reduction increases considerably and the temperature of the process decreases. The obtained results are suggested to be utilised during archaeological restoration and conservation.

В. А. ДЕМКИН, А. Н. ДЬЯЧЕНКО

ИТОГИ ПАЛЕОПОЧВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЕРЗОВКА-I В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Не вызывает сомнений, что комплексное изучение археологических объектов с привлечением методов естественных дисциплин заметно дополняет и уточняет существующие представления о духовной и хозяйственной жизни древних народов, о роли природной среды в сложении того или иного хозяйственно-культурного типа. Современный уровень развития науки, ее дальнейший прогресс диктуют необходимость максимальной интеграции исследований, выбора наиболее репрезентативных объектов, содержащих информацию для различных областей знания. Примером практического осуществления этих положений могут служить почвенно-археологические исследования, актуальность и необходимость которых неоднократно отмечалась в отечественной и зарубежной литературе [1, с. 28—30; 2—7]. В частности, палеопочвенные методы дают возможность более детально изучить литолого-стратиграфические особенности археологических памятников, реконструировать палеогеографические условия времени их создания и функционирования. В свете сказанного нами исследовано поселение эпохи бронзы Ерзовка-I, находящееся на правом берегу Волги в 10 км севернее г. Волгограда. Археологические раскопки памятника проводились в 1985—1986 гг. экспедицией Волгоградского университета под руководством А. Н. Дьяченко.

Современные физико-географические условия района исследований

Поселение Ерзовка-I расположено в пределах юго-западного окончания Приволжской возвышенности с полого-волнистым денудационным рельефом. Абсолютные отметки территории составляют 100—150 м над уровнем моря. Овражно-балочная сеть хорошо развита, врез ближайших водоразделов достигает 60—80 м. Поверхностный чехол четвертичных осадков представлен элювиально-делювиальными и аллювиальными отложениями суглинистого и песчаного гранулометрического состава. В гидрологическом отношении район отличается повышенной эрозионной деятельностью, высоким уровнем поверхностных вод, пиком половодья в июне. Питание рек и ручьев преимущественно снеговое. Грунтовые воды залегают в третичных отложениях (пески, песчаники, опоки) на глубине 10—20 м и более. Как правило, они имеют гидрокарбонатный состав, реже сульфатный или хлоридный. Минерализация не превышает 5 г/л. Среднегодовое количество атмосферных осадков в районе исследований не превышает 350 мм, причем за теплый период выпадает около 250 мм. Среднегодовая температура 6,5°. Глубина промерзания почвы обычно около 50 см, но в отдельные годы достигает 90—95 см. Высота снежного покрова составляет на равнинных участках 20—30 см, он держится около 100 дней. Естественный растительный покров представлен разреженной белополынно-житняковой ассоциацией с пятнами чернополынной, прутняковой и ромашниковой. В многочисленных оврагах и балках произрастают кустарниковые и древесные породы. Район входит в зону сухих степей с каштановыми почвами, часто в комплексе с солонцами.

Местоположение памятника и его размеры

Поселение приурочено к одной из правобережных террас Ерзовской балки, впадающей в Волгу (в настоящее время в водохранилище). Врез тальвега балки по отношению к ближайшему водоразделу составляет несколько десятков метров.

© В. А. Демкин, А. Н. Дьяченко, 1994 г.

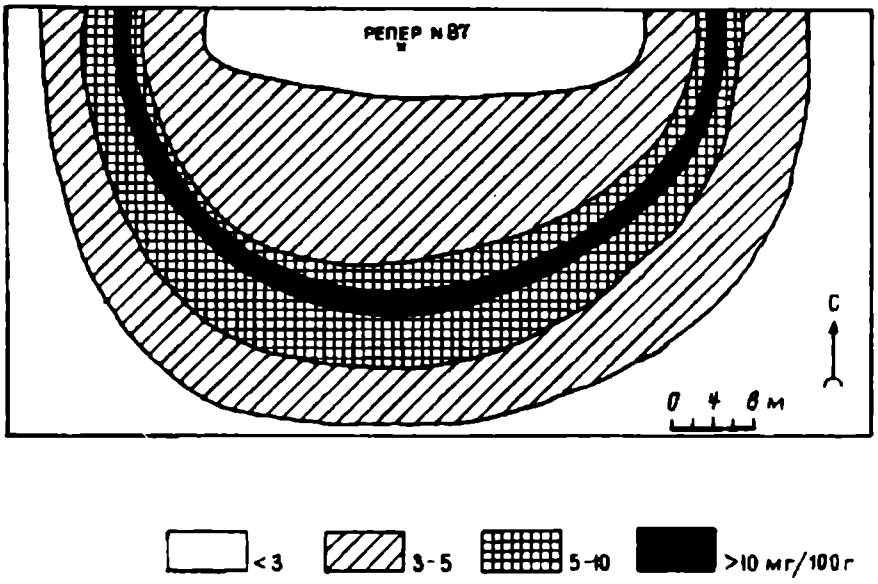


Рис. 1. Изменение содержания соединений фосфатов (мг/100 г) в пределах поселения и на прилегающей территории (в слое 0—30 см)

Породы, слагающие с поверхности данный участок, представлены опесчаненными суглинками и супесями делювиального происхождения с включениями гальки, обломков песчаника. С глубины нескольких метров (3—4 м и глубже) они подстилаются аллювиальными песчаными отложениями.

С целью выявления границ поселения проведен анализ на содержание соединений фосфатов в слое 0—30 см почв. Исследования Л. Веллесте, Г. Г. Штобе в Прибалтике [8, 9], М. А. Гриффита в Канаде [10, 11], М. Е. Тимпсона с соавт. в США [12] показали достаточную надежность и эффективность этого метода для решения поставленной задачи. По сравнению с минеральной частью почв органическое вещество, поступающее на поверхность в виде отходов жизнедеятельности человека, характеризуется значительно более высоким содержанием фосфора. При минерализации органического вещества он закрепляется в верхней части почвенного профиля или в культурном слое в виде труднорастворимого соединения фосфата кальция, сохраняющегося сотни и тысячи лет. В результате этого формируется зона с аномально высоким содержанием P_2O_5 по сравнению с фоновым. Считая, что местом основного скопления отходов являлась периферийная часть поселения, его граница будет приурочена именно к этой зоне. Как видно на рис. 1, в пределах местоположения изучаемого памятника наблюдается достаточно заметная дифференциация в содержании фосфора в верхнем слое. Зона повышенного содержания P_2O_5 в южной половине поселения (более 5 мг/100 г) занимает полосу шириной до 10 м в радиусе 25—30 м от его центра. Установление северной границы памятника подобным образом не представляется возможным в связи со значительными его нарушениями современными антропогенными и естественными денудационными процессами.

Особенности стратиграфии памятника

Мощность культурного слоя в центральной части поселения составляет 70—100 см. Его верхняя часть (0—15—30 см) переработана современным процессом почвообразования, в результате чего сформировался гумусово-аккумулятивный горизонт А1 серого цвета, порошистой структуры, преимущественно супесчаного гранулометрического состава, сильногумусированный (3,5—5,5%), незасоленный (плотный остаток водной вытяжки менее 0,1%), карбонатный (6—8% $CaCO_3$) (таблица). Под гор. А1 залегает собственно культурный слой, который подразделяется на два горизонта. Мощность верхнего около 30 см, он характеризуется высоким

Таблица

Основные химические свойства современных и погребенных почв поселения Ерзовка-I

№ разреза	Горизонт, мощность, см	Плотный остаток, %	Гумус, %	$CaCO_3$, %	Гипс, %	Содержание физической глины, %
Д-89	A1 0—14	0,05	4,35	8,2	0,0	22,1
	слой I 14—38	0,05	4,55	9,0	0,0	18,2
	слой II 38—75	0,13	2,74	15,6	0,3	23,1
	A1/B1 75—90	0,83	1,23	12,3	0,4	37,1
	B1 90—107	0,43	0,53	9,0	0,1	41,0
	B2 107—125	0,38	0,35	1,5	0,1	52,9
	BC 125—147	0,24	0,36	0,5	0,0	57,2
	C 147—180	0,18	0,20	0,5	0,0	60,0
	G 180—200	0,22	0,22	0,0	0,0	44,5
Д-90	A1 0—13	0,07	3,46	8,4	0,2	17,9
	слой I 13—45	0,08	2,89	15,3	0,3	14,4
	слой II 45—70	0,28	2,36	16,9	0,3	16,0
	A1/B1 70—96	1,80	1,91	14,6	2,0	40,1
	B1 96—120	0,65	1,83	7,4	0,2	42,1
	B2 120—138	0,32	1,45	5,3	0,3	50,1
	BC 138—150	0,32	0,91	1,4	0,2	50,3
Д-88	A1 0—28	0,05	5,50	5,9	0,0	18,4
	слой I 28—58	0,05	5,21	5,9	0,0	19,4
	слой II 59—97	0,08	2,76	5,5	0,0	36,0
	A1/B1 97—113	0,07	1,40	0,5	0,0	32,2
	B1 113—133	0,10	0,40	0,0	0,0	49,2
	B2	0,11	0,42	0,0	0,0	49,2
	BC 165—190	0,13	0,27	0,5	0,0	48,9
	C 190—215	0,11	0,23	0,0	0,0	49,6
	G 215—250	0,11	0,16	0,0	0,1	46,6
Д-87, современная почва	A1 0—17	0,05	1,90	0,5	0,0	23,7
	B1 17—36	0,06	1,10	5,2	0,0	46,8
	$B2_{ca}$ 36—64	0,12	0,65	14,4	0,0	53,7
	BC 64—100	0,43	0,30	8,2	0,0	47,9
	C 100—150	0,50	0,26	7,3	0,0	45,2
	C 150—200	0,39	0,24	7,3	0,0	36,4

содержанием гумуса (3—5%), карбонатов (до 15%), серым цветом, практически отсутствием легкорастворимых солей, незначительным количеством гипса, супесчаным гранулометрическим составом. Нижний горизонт (мощность до 40 см) мало отличается от вышележащего, за исключением содержания гумуса, которое не превышает 3% (таблица). Обоснованность подобного разделения культурного слоя на два горизонта подтверждается изучением величины их магнитной восприимчивости, проведенным совместно с А. О. Алексеевым и Я. Г. Рысковым (ИПФС РАН) в лабораторных и полевых условиях каппаметром КТ-5 (ЧСФР). В последнее время этот показатель все шире используется в решении ряда генетических проблем почвоведения, в изучении эволюции почв и ландшафтов, а также в почвенно-археологических исследованиях [2, 13—15]. Величина магнитной восприимчивости почв и грунтов определяется количеством сильномагнитных железистых минералов магнетита и маггемита, соотношением окисленных и восстановленных форм железа. Измерения, проведенные на археологическом памятнике Ерзовка-I, показали, что магнитная восприимчивость в гор. A1 и подстилающей его верхней части культурного слоя составляет $51—58 \cdot 10^{-5}$ единиц СИ, а в нижней (интервал от 40 до 100 см) — значительно повышается до 70—72 единиц. Это свидетельствует о том, что в процессе образования культурного слоя имел место перерыв, когда его современная нижняя часть была экспонирована и подвергалась активному воздействию экзогенных природных факторов, в том

числе почвообразования. Кроме того, образование верхней и нижней толщ культурного слоя происходило в различных окислительно-восстановительных условиях. Так как степень окисленности слоя 40—100 см выше, можно полагать, что в его формировании участие поверхностных вод было менее значительным. Изучаемый памятник расположен на склоне и поэтому ведущее место в образовании культурного слоя должен был занимать делювиальный процесс — поверхностный снос временными водными потоками мелкозема с водораздела и верхней части склона с аккумуляцией в его нижней половине, которая более выположена. Интенсивность данного процесса помимо других факторов (экспозиция и крутизна склона, особенности пород и др.) зависит от количества поверхностных вод, образуемых главным образом при весеннем снеготаянии и при выпадании сильных ливневых дождей. Таким образом, имеются основания считать, что слой II представляет собой переотложенные элювиально-иллювиальные горизонты почв, развитых на водоразделе в первой половине II тыс. до н. э. Слой I сформировался из материала почв различной степени смытости, приуроченных к более высоким гипсометрическим уровням по сравнению с уровнем расположения памятника, на следующем этапе денудации водораздела и верхней части склона. Данные выводы подтверждаются особенностями литологического и химического состава, величиной магнитной восприимчивости органо-минеральной массы, слагающей культурный слой, и свойствами почв автономной части изучаемой катены.

Морфологические и химические свойства палеопочв памятника

Время функционирования поселения относится к эпохе бронзы, к позднему ее этапу (срубная культурно-историческая общность, XV—XIII вв. до н. э.). Как показано нашими исследованиями [2, 16—18 и др.], почвенный покров Нижнего Поволжья во II тыс. до н. э. заметно отличался от современного, причем направленность и скорость его эволюции существенным образом зависела от степени естественной дренированности и литологического строения территории. При переходе от полтавкинского времени к срубному (XVII—XVI вв. до н. э.) произошло усиление процессов выщелачивания и осолонцевания. В течение этого периода времени на суглинисто-песчаных равнинах региона (Сарпинская низменность, Эльтонская равнина, Приволжская гряда и др.) появились солонцы, значительно уменьшились запасы легкорастворимых солей в почвенно-грунтовой толще, снизилась глубина вскипания от 10%-ной соляной кислоты. В районах с развитой овражно-балочной сетью, в частности, где расположено поселение Ерзовка-I, кроме отмеченных изменений почв было возможно усиление делювиального процесса в связи с понижением общего базиса эрозии, сменой доминантных видов травянистого растительного покрова и его изреженностью.

Следует отметить, что палеопочвы древних поселений в большей степени подвержены диагенетическим изменениям по сравнению с палеопочвами, погребенными под курганными насыпями. Последние создавались в течение небольшого промежутка времени. Кроме того, являясь положительными формами рельефа, курганы надежно предохраняли погребенную почву от воздействия внешних факторов природной среды, в частности от проникновения атмосферной влаги. Верхний горизонт подкурганных почв испытывал гораздо менее сильные механические нарушения. Поэтому при интерпретации данных о морфологических и химических свойствах палеопочв поселений необходимо по возможности учесть все процессы и факторы, которые могли изменить их облик после погребения под культурным слоем. На изучаемом памятнике таким активным процессом является внутрипочвенный сток влаги, который формируется в весеннее время на контакте культурного слоя и палеопочвы вследствие существенного различия в их гранулометрическом составе — супесь и тяжелый суглинок (таблица). Особенно велико это влияние в зоне разгрузки вод в северной части поселения (разрезы Д-89, Д-90) и весьма незначительно в области транзита (центральная

и южная части, разрез Д-88). Относительные превышения между этими точками достигают 80 см. К диагенетическим изменениям, происшедшим в почвах нижней половины памятника, относятся высокое содержание легкорастворимых солей, гипса и карбонатов (таблица), наличие железистомарганцевых новообразований в гор. B1, снижение величины магнитной восприимчивости в гор. A1/B1. В начальный период существования поселения произошло нарушение поверхности палеопочв и древнего гумусово-аккумулятивного гор. A1, и к настоящему времени он сохранился фрагментарно с включениями иллювиального гор. B1. Наиболее репрезентативными показателями при диагностике изучаемых почв являются стратификация профиля на генетические горизонты, их мощность, макроморфологические свойства, гранулометрический состав; с некоторыми ограничениями — содержание органического вещества, обменного натрия, величина емкости поглощения. Анализ отмеченных морфолого-химических показателей свидетельствует о том, что в эпоху бронзы на участке, к которому приурочено поселение, были развиты лугово-каштановые оглеенные выщелоченные почвы. Их формирование происходило в условиях периодического избыточного поверхностного увлажнения. Поэтому они характеризовались отсутствием засоления (плотный остаток около 0,1%, гипса не более 0,2%), солонцеватости (содержание обменного натрия 2—4%), высоким содержанием гумуса в верхних горизонтах (исходно не менее 3—4%), бескарбонатностью (таблица). В нижней части профиля хорошо развиты признаки оглеения, обильно встречаются новообразования восстановленных форм железа, величина магнитной восприимчивости не превышает $15 \cdot 10^{-5}$ единиц СИ.

Современные почвы изучались в разрезах, заложенных в нескольких десятках метров к западу и востоку от поселения. Они относятся к каштановым несолонцеватым глубокосолончаковатым. Содержание гумуса в этих почвах невысоко (около 2%), основные запасы легкорастворимых солей сосредоточены в нижней половине профиля, хорошо выражен карбонатный аккумулятивный горизонт с новообразованиями в виде «белоглазки», гипс отсутствует (таблица). Гранулометрический состав почв к западу от памятника тяжелосуглинистый, к востоку — супесчаный и легкосуглинистый. Территория, прилегающая к поселению с запада, более выположена и имеет бóльшие абсолютные отметки по сравнению с восточной, которая занимает подчиненное положение в ландшафте и является преимущественно областью транзита и аккумуляции мелкоземистого материала в результате склоновых процессов. Наиболее существенным отличием современных почв от палеопочв археологического памятника является отсутствие в них оглеенного горизонта, что свидетельствует об автоморфных условиях их формирования без заметного участия в процессе почвообразования поверхностных и грунтовых вод.

Реконструкция ландшафтных условий

Данные, полученные при изучении особенностей стратиграфии поселения, морфологических и химических свойств погребенных и современных почв, современной орографии местности, а также знание основных закономерностей в развитии природной обстановки региона во второй половине голоцена позволяют реконструировать некоторые ландшафтные показатели (мезорельеф, почвы, растительность) местоположения памятника. Особенности ландшафтов II тыс. до н. э. в значительной мере определялись предшествующей историей их развития. Имеющиеся в настоящее время многочисленные данные свидетельствуют о том, что в IV—III тыс. до н. э. в степной зоне Восточной Европы были довольно благоприятные гидротермические условия. Во второй половине III тыс. до н. э. усилился процесс аридизации климата [19, 20], что привело к формированию сухо- и пустынно-степных ландшафтов. За последние 6 тыс. лет заметных перестроек климата, повлекших за собой коренное преобразование ландшафтов, было, по-видимому, две: влажная атлантическая и аридная суббореальная. На их фоне имели место отдельные кратковременные изменения атмосферной увлажненности в ту или иную сторону, которые вызывали в почвах изменения не выше

таксономического ранга рода (засоленность, солонцеватость, гумусированность и др.). Наряду с этим они могли оказывать определенное влияние на интенсивность склоновых процессов, гидрографическую сеть (особенно мелкую), растительный покров, в частности на его продуктивность и проективное покрытие, снежность зим, химический состав, минерализацию и глубину залегания грунтовых вод. В конечном счете комплекс перечисленных условий определял место выбора древних поселений, длительность их функционирования, хозяйственную деятельность населения. На наш взгляд, физико-географическая обстановка в пределах изучаемой территории во II тыс. до н. э. хотя и имела специфические черты, но в целом приближалась к современной, подробно рассмотренной выше. Время формирования Ерзовской балки относится к плейстоцену, так как она имеет хорошо выработанную долину с широкой пойменной частью и пологие склоны. Результатом голоценовых эрозионных процессов являются каньонообразные овраги, впадающие в балку. Следовательно, глубина ее вреза за последние 3500—3000 лет практически не увеличилась. Полноводность водотока по днищу балки в эпоху бронзы была выше за счет более интенсивного его питания поверхностным и грунтовым стоком. Палеопочвы поселения Ерзовка-I относятся к лугово-каштановым оглеенным выщелоченным, которые обычно приурочены к отрицательным формам рельефа и испытывают либо грунтовое, либо периодическое избыточное поверхностное увлажнение, либо их совместное влияние. Поэтому можно считать, что изучаемый памятник приурочен к нижней части древней ложбины шириной около 80 м и глубиной не менее 1 м. Для гидрологического режима этой депрессии была характерна достаточно большая мощность снежного покрова в зимний период, при таянии которого весной образовывалась почвенная верховодка на глубине около 1 м, выклинивающаяся в виде родника на перегибе склона террасы. Длительность существования этого водоносного горизонта, учитывая приходные статьи и причины его формирования, была непродолжительной, скорее всего до середины лета. Благоприятный водный режим ложбины обеспечивал высокую продуктивность травянистой растительности с преобладанием разнотравья. Возможно было произрастание древесных и кустарниковых пород. Подобный ландшафт в отличие от окружающих водораздельных сухостепных и переувлажненных овражно-балочных гидроморфных ландшафтов экологически был наиболее благоприятен для заселения. В дальнейшем хозяйственная деятельность человека способствовала активизации эрозионно-аккумулятивных процессов. Прежде всего получила развитие пастбищная эрозия почвенного покрова водораздела, сложенного породами легкого гранулометрического состава (супесь), особенно неустойчивыми к такого рода воздействию. В результате этого усилились делювиальный и дефляционный процессы, причем водный вынос мелкозема был равномерным по площади, плоскостным. Аккумуляция материала происходила главным образом в балке. Вместе с тем частицы более крупного размера (песок, пыль) могли откладываться в понижениях рельефа склоновых участков, в том числе в ложбине, где располагалось поселение с жилыми и хозяйственными постройками. Характер различий культурного слоя и погребенной почвы указывает на то, что в формировании первого именно этот процесс занимал главенствующую роль. Дифференциация культурного слоя на два горизонта обусловлена исходными профильными различиями денудируемых почв водораздела, изменением во времени скорости денудации и условий седиментации. В целом же его образование связано с естественным делювиальным процессом, интенсифицированным антропогенным фактором. В дальнейшем, когда поселение перестало функционировать, эрозия замедлилась, произошло задерновывание верхнего горизонта, литогенез сменился почвообразованием, в результате которого за последние 3 тыс. лет сформировался гумусово-аккумулятивный горизонт мощностью 15—30 см. В современном рельефе поверхность поселения представляет собой выположенный участок с локальными небольшими понижениями. На окружающей территории развиты полнопрофильные каштановые почвы без заметных признаков эродированности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александровский А. Л.* Почвообразование и культурный слой//Актуальные проблемы методологии западно-сибирской археологии. Новосибирск, 1989.
2. *Демкин В. А., Рысков Я. Г. и др.* Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны//Изв. АН СССР. Сер. географ. 1989. № 6.
3. *Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулина М. К.* Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования//СА. 1984. № 4.
4. *Иванов И. В.* Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.: Наука, 1992.
5. *Cornwall I. W.* Soils for the archaeologists. L., 1958.
6. *Holliday V. T.* Paleopedology in archaeology//Paleopedology, Catena Supplement, 16. Cremlingen, 1989.
7. *Limbray S.* Soil science and archaeology. L., 1975.
8. *Веллесте Л.* Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений//КСИА. Вып. 42. 1952.
9. *Штоббе Г. Г.* Применение методов почвенных исследований в археологии//СА. 1959. № 4.
10. *Griffith M. A.* A pedological investigation of an archaeological site in Ontario, Canada//Geoderma. 1980. 24. № 4.
11. *Griffith M. A.* A pedological investigation of on archaeological site in Ontario, Canada//Geoderma. 1981. 25. № 1—2.
12. *Timpson M. E. et al.* Geoarchaeological investigation of the Dahuke site: Red River Valley, North Dakota//Proc. N. D. Acad. Sci. 1987. 41.
13. *Лукашин А. А., Румянцева Т. И., Ковриго В. П.* Магнитная восприимчивость основных типов почв Удмуртской АССР//Почвоведение. 1968. № 1.
14. *Вадюнина А. Ф., Бабанин В. Ф.* Магнитная восприимчивость некоторых почв СССР//Почвоведение. 1972. № 10.
15. *Алексеев А. О. и др.* О возможности использования магнитной восприимчивости для изучения эволюции почв//Эволюция и возраст почв СССР. Пущино, 1986.
16. *Демкин В. А., Лукашов А. В.*Почвенно-археологические исследования в Заволжье//Почвоведение. 1985. № 4.
17. *Демкин В. А., Лукашов А. В.* О скорости и направленности почвообразовательного процесса в зоне сухих степей в голоцене//Почвоведение. 1987. № 5.
18. *Демкин В. А., Лукашов А. В., Приходько В. Е.* Развитие почв сухостепного Заволжья в голоцене и особенности освоения территории с древнейшего времени до наших дней//Эволюция и возраст почв СССР. Пущино, 1986.
19. *Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К.* Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М.: Наука, 1987.
20. *Зубаков В. А.* Географическая зональность и увлажнение северного полушария в лихвинское межледниковье и в бореальный оптимум голоцена//Изв. ВГО. Т. 123. 1991. Вып. 1.

Институт почвоведения и фотосинтеза РАН,
Пущино
Волгоградский государственный университет

V. A. DEMKIN, A. N. DYATCHENKO

THE RESULTS OF THE PALAEOSOIL INVESTIGATIONS OF JERZOVKA I SETTLEMENT IN VOLGOGRAD REGION

Summary

A complex investigation of the timber-grave culture settlements using methods of a soil science were carried out. Chemical, morphological and magnetic characteristics of the cultural layers and the palaeosoil buried under it were studied. It gave an opportunity to specify and explain the settlement stratigraphic peculiarities and reconstruct a palaeolandscape of the area.

В. И. ВИШНЕВСКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ ПЛЕМЕН ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

За последние 20 лет экспедициями Ярославского университета и Сергиево-Посадского музея-заповедника проведены комплексные исследования поселений дьяковской культуры в Верхнем Поволжье. Были собраны новые материалы по хозяйственной деятельности, в частности по земледелию этого региона в раннем железном веке. О существовании земледелия в эту эпоху судили прежде по находкам зернотерок, серпов, мотыг, а также железных топоров, сыгравших важную роль в развитии подсечного земледелия [1, с. 121]. Только на Минском городище были обнаружены обугленные зерна пшеницы [2, с. 182], которые были отнесены к началу и середине I тыс. н. э. [3, с. 16]. В результате применения нами метода отмывок культурного слоя для карпологического анализа (табл. 1) на пяти поселениях из восьми обследованных (Веськово-1, Акуловское, Кубринское-1, Лахость, Кикинское) было установлено присутствие остатков обугленных зерен ячменя (в том числе пленчатого), проса (в том числе пленчатого), пшеницы (полбы-двузернянки и мягкой) [1].

Помимо отмывок культурного слоя на пяти поселениях (Веськово-1, Кикинское, Копок, Введенское [2], Пеньки [3]) были обнаружены отпечатки зерен на керамике — ячменя (в том числе пленчатого), пшеницы (двузернянки-полбы и мягкой), проса (в том числе пленчатого) и льна (табл. 2 и рис. 1—3).

Детальное изучение отпечатков зерен на керамике показало следующее. Основная их часть происходит с позднедьяковских памятников, а главным образом с Кикинского городища. Лишь на раннем селище Веськово-1 отпечатки зафиксированы на фрагментах сетчатой керамики, на остальных на грубой гладкостенной и лощеной, датируемой IV—VIII вв. н. э. Два отпечатка зерен пшеницы найдены на целом гладкостенном сосуде с насечкой по венчику (рис. 1) и на керамическом пряслице. Из 48 отпечатков зерен с керамической посуды Кикинского городища 35 располагались на стенках сосудов, 8 — на венчиках, 6 — на днищах, причем 20 отпечатков зафиксированы на внутренней поверхности, 22 — на внешней, а 5 — в изломе стенок. Таким образом, можно предполагать не только случайное прилипание зерен к сосудам при формовке, но и примешивание их в тесто. Зерна, однако, не имели в данном случае характера компонента формовочной массы. Аналогии случаям примеси зерна в керамическом тесте есть, например, на зарубинецких памятниках [5, с. 102]. Говорить со всей определенностью о ритуальном характере подобной примеси пока представляется преждевременным.

Интересно, что зерна культурных злаков, распространенных в позднедьяковское время — проса, ячменя, пшеницы — найдены и в отмывках культурного слоя на селище Веськово-1, датируемом первой половиной I тыс. до н. э. Находки зерен злаков на Веськово-1 свидетельствуют, что земледелие в регионе существовало в самом начале железного века, и что культура земледелия ранних и поздних дьяковских поселений сохраняет известную преемственность [6, с. 12]. Добавим также, что факт распространения культурных злаков у обитателей Кикинского городища подтверждается анализом взятой там пыльцевой колонки [4].

---

[1] Все карпологические определения сделаны Н. А. Кирьяновой в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

[2] Раскопки И. Л. Станкевич 1992 г.

[3] Раскопки П. Н. Травкина [4, с. 22—23].

[4] Палинологические определения проведены в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН под руководством Е. А. Спиридоновой.

© В. И. Вишневский, 1994 г.

Таблица 1

Результаты карпологического анализа отмывок культурного слоя дьяковских поселений Верхнего Поволжья

Название памятника	Количество отмывок		Количество зерен							
	общее	с зернами	ячмень	пшеница	просо	неопределенные злаки	лещина	малина	терн	черемуха
Веськово-1	43	21	12 + 7?	7 + 1?	7	33	—	—	—	—
Кубринское-1	40	12	3	1	—	—	—	13	6	—
Акуловское	5	1	—	1?	—	—	—	—	—	—
Пирожная Гора	5	2	—	—	—	—	1	1	—	—
Устьинское	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гусарниковское	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кикинское	167	92	54 + 5?	6 + 2?	12 + 2?	59	7	29	1	1
Лахость	9	1	—	—	—	1?	—	—	—	—

Таблица 2

Результаты карпологического анализа отпечатков зерен на керамике дьяковских поселений Верхнего Поволжья

Название памятника	Количество фрагментов керамики		Количество отпечатков					
	общее	с отпечатками	ячмень	пшеница	просо	лен	вишня	неопределенные злаки
Веськово-1	3 969	3	2	1	—	—	—	—
Кикинское	14 133	49	14 + 3?	5 + 6?	12	12?	1	9
Копок (нижний слой)	461	1	1	—	—	—	—	—
Введенское	307	1	1	—	—	—	—	—
Пеньки	?	3	1?	2	—	—	—	—

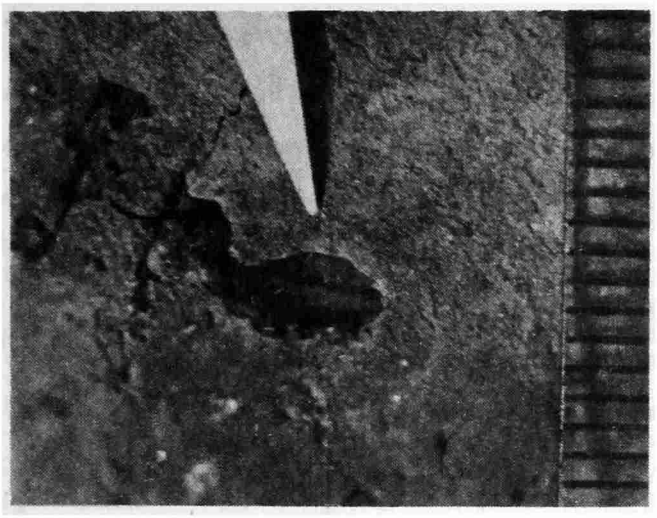


Рис. 1. Отпечатки на керамике зерен пшеницы

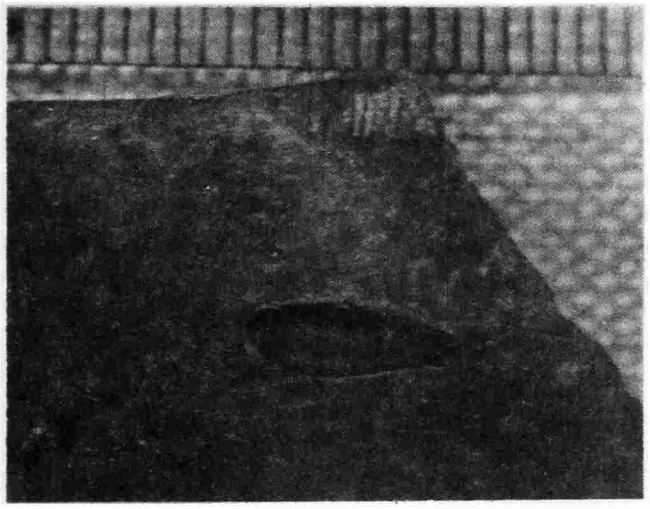


Рис. 2. Отпечатки на керамике зерен проса

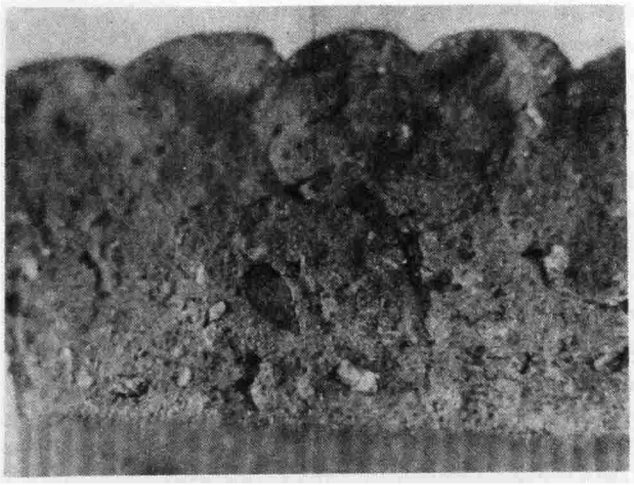


Рис. 3. Отпечатки на керамике зерен льна

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадер О. Н.* К истории первобытного хозяйства на Оке и Верхнем Поволжье в эпоху металла//ВДИ. 1939. № 3.
2. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье//МИА. 1963. № 110.
3. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы//МИА. 1971. № 174
4. *Кирьянова Н. А.* Отпечатки зерен на керамике Пеньковского городища//Материалы третьей научно-практической конференции «Проблемы изучения Плёса». Плёс, 1990.
5. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
6. *Вишневский В. И.* Селище раннежелезного века Веськово-1 на Плещеевом озере//Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990.

Сергиев-Посадский историко-художественный
музей заповедник

V. I. VISHNEVSKY

NEW DATA CONCERNING THE DYAKOVO TRIBES AGRICULTURE IN THE UPPER VOLGA RIVER BASIN

Summary

Till recently all the aspects of the agriculture development among the tribes lived in the Volga-Oka and the upper Volga river basins were proved indirectly (presence of sickles). The situation has changed in the recent years when the archaeologists began using a soil washing method. The author summarizes the investigation results (see the plate).

Критика и библиография

J. Osing. Das Grab des Nefersecheru in Zawyet Sultan. Meinz am Rhein, 1992

Подлинно научное изучение памятников Древнего Египта началось в 60-х годах в связи с появлением проекта строительства новой высотной Ассуанской плотины, грозящей затопить огромную территорию, изобилующую памятниками древности.

Работы по спасению остатков древнейших цивилизаций, безусловно, планировалось начать с Северной Нубии и Судана, которым в первую очередь грозило затопление. Именно в это время появляются блестящие публикации объектов древности [1—3 и т. д.].

Это вовсе не значит, что памятники Египта и Нубии не привлекали внимания ученых ранее, достаточно напомнить об археологических исследованиях древностей этих стран экспедицией, возглавлявшейся Р. Лепсиусом. Изданный им в 1897—1913 гг. 12-томный атлас и поныне является ценнейшим пособием. Однако исследователи в то время занимались в основном собирательством и довольствовались памятниками, лежавшими на поверхности. Что касается надписей, сохранившихся на найденных предметах, то они копировались довольно небрежно, вероятно, потому, что казались вечными.

Публикации же последних лет, основанные на результатах систематических раскопок, позволяют досконально изучить памятник, почти что «потрогать его руками». Появление великолепных изданий древностей Нубии и Судана как бы подстегнуло ученых-археологов, работающих с памятниками Египта, к созданию аналогичных работ [4, 5 и т. д.].

Книга Юргена Осинга «Das Grab des Nefersecheru in Zawyet Sultan» является прекрасным примером верного методологического подхода к публикациям такого рода, кроме того, образцом плодотворной научной кооперации и, наконец, проявлением чисто немецкой педантичности в науке. Кстати, именно благодаря необыкновенной тщательности и аккуратности в копировании надписей и зарисовках, выполненных немецким египтологом Р. Лепсиусом, ученые могут до сих пор работать с египетскими надписями, безвозвратно утерянными, в то время как копии современников Р. Лепсиуса порой просто нечитаемы [ср. 6]. Опубликованный Ю. Осингом материал преподнесен так, что вы почти ощущаете, как шаг за шагом углубляетесь в гробницу, имея возможность и познакомиться с ее архитектурой, и прочесть надписи на ее стенах.

Предметом интереса Ю. Осинга стали гробницы времени Нового царства, высеченные в береговых скалах близ деревеньки Завиет Султан, что лежит в 8 км южнее г. Эль-Минья на восточном берегу Нила. Неподалеку сохранились также развалины поселения античного времени и небольшая пирамида, датируемая третьей-четвертой египетскими династиями. Скальные гробницы образуют два ряда, причем нижний составляют гробницы Древнего царства, обнаруженные в первой половине XX столетия. Гробницы прославили местечко и привлекли к нему внимание исследователей и путешественников. Первое их описание было сделано Ф. Шампольоном. Рисунки Розеллини, дополнившие его, повторялись позже практически во всех книгах по Египту. Р. Лепсиус уделил внимание гробницам в своем многотомном труде [7]. После этого они почти полностью были разрушены, пострадав не столько от природных напастей, сколько от варварства. Все статуи в ходе веков были изуродованы, от колонн остались лишь следы, человеческие лица на рельефах, и прежде всего глаза, были выдолблены. Единственное лицо благодаря своему местонахождению на теневой стороне пилястра сохранилось нетронутым. Огромный урон захоронениям нанесли современные грабители античных развалин, которые в 90-х годах прошлого столетия уничтожили рельефы на нескольких стенах внутри гробниц [см. 8, с. 453]. Как результат, девять фрагментов с надписями из самого крупного захоронения появились в 1891 г. на аукционе Сотби в Лондоне (на это указал Ю. Осингу Ж. Малек в 1980 г., см. с. 10) [1].

[1] Далее и везде страницы в скобках даны по рецензируемому изданию.

© Г. А. Белова, 1994 г.

Самая крупная из могил верхнего ряда, датируемая временем Нового царства, привлекла внимание не только Ф. Шампольона, но и Е. Вильбура, который работал в ней два дня. Е. Вильбуру удалось и определить имя собственное владельца захоронения, до той поры остававшегося анонимным, и обратить особое внимание на характер надписи, отнеся ее к разряду биографических. Осознав историческую ценность памятника, Е. Вильбур неоднократно возвращался к нему, почти полностью скопировав в итоге автобиографический рассказ умершего. Первое и последнее посещение им гробницы разделяли три года, и уже они показали, как быстро памятник разрушается ветром. Поэтому копии текстов, сделанные Е. Вильбуром, имеют определенную ценность. Отдельные сцены были опубликованы в 1878 г. А. Присс Давеном, неопубликованными же остались копии 1839—1841 гг. Н. Лоте, 1887 г. Ж. Вилькинсона и Е. Вильбура, 1890—1981 гг.? А. Сейса и 1898 г. Ж. Фразера (с. 10). Находки из этого захоронения, сделанные в 1912—1913 гг. Р. Вейлом, сейчас хранятся в Музее Ж. Дене в Бофо-ан-Вале. Зимой 1912—1913 г. в захоронении несколько дней работал Г. Кеес, скопированные им надписи были опубликованы. В 1927 г. В. Рыжинский составил список титулатуры упоминаемых в гробнице чиновников [9, с. 33].

Длина помещений этой гробницы — двора, обнесенного толстой кирпичной стеной, портика и культовой камеры с погребальной шахтой — достигает 18,5 м. Владелец захоронения был высоким сановником в переходный от 18-й к 19-й династии период. Гробница главы личного хозяйства фараона Неферсехеру («Хорош законами») была одной из немногих, имеющих декорированные помещения. Стены культовой камеры высотой до 2,05 м сплошь были покрыты рельефами и надписями. У задней стены культовой камеры в нише находились три скульптуры богов, сидящих на тронах, меж которыми возвышались стоящие фигуры владельца погребения и его жены. В южном углу портика сохранились еще две статуи богов. Все фигуры наполовину выступают из скальных стен. К сожалению, большая часть декора уничтожена. Однако несмотря на эти потери сохранившиеся надписи и изображения довольно многочисленны. Они посвящены погребению Неферсехеру, отправлению его заупокойного культа, потусторонней жизни. Особый интерес представляют также «Песнь арфиста» и три «Воззвания к живущим».

В феврале 1975 г. автор вместе с Жераром Роке впервые посетил захоронение и после поездки убедил Египтологический институт выделить средства для осуществления проекта «Сборник документов о египетских древностях, подвергающихся опасности». Во время двух кампаний (1976 и 1977 гг.) была проделана огромная работа: описаны, скопированы и сфотографированы все объекты, лежавшие на поверхности, расчищена могильная шахта. Результаты экспедиции были столь успешными, что Немецкое исследовательское общество выделило средства на раскопки и укрепление всего памятника, положив тем самым начало третьей кампании 1985 г.

Успех кампании 1985 г. принесло не какое-либо потрясающее открытие, но исключительно тщательное освобождение всего памятника, позволившее скрупулезно изучить его и на основании детального анализа выделить три фазы в его строительстве. Находки, сделанные внутри памятника, тоже нельзя назвать неожиданными с точки зрения их художественной ценности, однако их историческая значимость, ставшая очевидной в результате глубокого анализа, бесспорна. Находки, обнаруженные в ходе раскопок, были поделены на несколько групп: керамика, предметы из камня, деревянные изделия, ушебти и мелкая пластика.

Керамика, весьма многочисленная, сохранилась в основном в виде мелких фрагментов, большая часть которых датируется греко-римским временем. Лишь несколько черепков времени Нового царства были обнаружены в северо-западном углу двора.

Что касается камня, то в местных изделиях того времени использовался белый и серо-зеленый алебастр, грубый местный и качественный привозной известняк. Особый интерес вызвала находка фрагмента хорошо отполированной стелы с рельефом, представляющим богиню Астарту верхом на лошади [ср. 10, с. 1—67]. Стела была выполнена во времена ранней 19-й династии. Изображение богини, сидящей верхом, известно на стеле времени Тутмоса IV [11, ил. VIII], а также на недатированном фрагменте из Рамессеума.

Предметы из дерева ограничивались в основном маленькими ящичками-саркофагами для священных птиц (с. 25), захоронения которых, как предположил Ю. Осинг, связаны с местным богом Хором Хебену.

Некоторые из обнаруженных ушебти сохранили имена и должности египетских чиновников (с. 27, 50). Среди найденных предметов мелкой пластики, пожалуй, наибольшим изяществом отличается фигурка павиана (с. 28, 55) и головка неизвестной богини (с. 28, 56).

Из наиболее впечатляющих находок можно назвать: свободностоящую статую из известняка и алебастровую канопу — образчики высокого искусства ранней 19-й династии.

Большие трудности при исследовании захоронения объяснились тем, что оно выступило в этой же функции вторично в греко-римское время, характерной чертой которого было использование «варварского» материала как наполнителя в застройках. Поэтому остатки статуй, фрагменты блоков с монументальной живописью были не редки среди щебня.

Археологический и эпиграфический материал позволил ученым восстановить историю захоронения. Первоначально архитектура гробницы ограничивалась портиком и свободным двором, позже портик и выдолбленная в скале шахта образовали основу для повторного захоронения. В птолемеевское время на основе сохранившихся помещений, а также вне связи с ними было сооружено святилище с киоском (с. 33). Возможно, в это время оно служило для погребения священных птиц.

Судя по надписям, захоронение было связано с г. Хебену, который существовал уже с конца 6-й династии, что подтверждается и соседним захоронением Нианехпепи [12, с. 29]. Такие крупные ученые, как А. Гардинер и П. Монте, лишь приблизительно указывали местоположение древнего города в окрестностях Ком эль Ахмар, однако сохранившиеся в захоронении Неферсехеру надписи позволили А. Вариль идентифицировать г. Хебену с античным Ком эль Ахмар (с. 31).

Несмотря на то, что в надписях не сохранилось ни дат, ни имен фараонов, автору после тщательного анализа сюжета сцен, эпиграфической специфики надписей, привлечения сравнительного материала и т. п. удалось датировать памятник концом 18-й — началом 19-й династии (с. 32). Более точная датировка, по-видимому, невозможна, поскольку, несмотря на свое весьма высокое положение при дворе, владелец захоронения неизвестен по другим источникам. Наиболее вероятной датой захоронения Ю. Осинг считает время правления фараонов Сети I — Рамсеса II (с. 35). Собственник захоронения, «великий начальник дома», «начальник обеих житниц в Верхнем и Нижнем Египте» Неферсехену, был женат на «старшей гарема Амона, господина Иуред». Последний топоним до сих пор не локализован, вероятно, местечко было расположено южнее Ком эль Ахмара (с. 36).

Безусловной заслугой автора является скрупулезное изучение языка и орфографии надписей. Доминирующим языком был среднеегипетский, правда, уже с элементами, характерными для новоегипетского языка (с. 38).

Внимательнейшему изучению подверглись и титулы чиновников, встречающиеся в надписях. На основании того набора титулов, которыми обладал владелец захоронения, Ю. Осинг делает вывод, что Неферсехеру состоял в центральной администрации и управлял личным хозяйством фараона (с. 38, см. [13, с. 103]). Интересны отдельные наблюдения автора в отношении титулов. Так, он считает, что титул «великий начальник дома» в конце 18-й династии носили, как правило, визири (с. 34). Автору удается доказать, что должность «начальник обеих житниц господина обеих земель в Верхнем и Нижнем Египте» принадлежала чиновнику центрального управления, но не обязательно управления личным хозяйством фараона, как показал В. Хельк [13, с. 103]. Интересно отметить, что должность «начальник обеих житниц в Верхнем и Нижнем Египте» с середины правления Рамсеса II удерживалась в руках семьи из Асиута в течение трех поколений (с. 35, см. [14, с. 149—51]). Титулатура Неферсехеру подтверждает датировку захоронения, как впрочем и карьера сановника, обычная для вельмож времени правления Сети I — Рамсеса II. Автору удается проследить путь Неферсехеру по административной лестнице от простого писца до сановника (с. 34—35). Судя по положению при дворе, чиновник должен был бы жить в столице того времени — Мемфисе, но поскольку он похоронен не в Саккара, а в Хебену, можно с уверенностью сказать, что последний был его родным городом.

Заслугой автора является и то, что при описании изображений и надписей гробничного комплекса, он постоянно проводит сравнения с аналогичными строениями эпохи Древнего царства, может быть, в силу того, что гробницы этого времени расположены рядом (с. 39).

Глубокому анализу подвергся в книге и декор гробницы.

Что касается публикации надписей, обнаруженных в гробнице, то она заслуживает самых высоких похвал. Фотографии, прорисовки, транслитерация, перевод с самыми подробными комментариями позволяют свободно пользоваться текстами и, хотя с какими-то вариантами переводов можно не согласиться, при наличии перечисленной атрибутики это ничуть не умаляет достоинств книги.

Помещенные в конце книги указатели имен богов, топонимов, имен собственных, титулов облегчают работу с материалом. А многочисленные фотографии, прорисовки найденных предметов, образцы цветных орнаментов дают живое представление о памятнике.

Конечно, создание такой фундаментальной работы облегчалось тем, что над ней работал коллектив авторов: к ней приложили усилия специалисты в области археологии и эпиграфики, архитектуры и фотографии и т. д. Так, Д. Зальцман работал с античной бронзой (с. 29). Б. Доминикус описывала и анализировала керамику и единичные находки, составляла планы (с. 80) и т. д.

Единственным недочетом публикации, по-видимому, все-таки является отсутствие общего плана расположения гробниц, географической карты района, что затрудняет ориентировку в пространстве даже несмотря на то, что место прекрасно известно египтологам. В целом остается только выразить надежду на появление аналогичных публикаций и других египетских памятников.

Институт востоковедения РАН,
Москва

Г. А. Белова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Caminos R., James T.* Gebel Es-Silsilah. The Shrines. London, 1963.
2. *Caminos R.* The New Kingdom Temples of Buhen. V. 1—2. London, 1974.
3. *Caminos R.* The Shrines and Rock-Inscriptions of Ibrim. London, 1968.
4. *Smith R. W., Redford D.* The Akhenaten Temple Project, 2. The Temple Rwd-Mnw and the Inscriptions. Warminster, 1988.
5. *McQuitty W.* Island of Isis. Philae Temple of the Nile. London, 1976.
6. *Petrie W. M. F.* A Season in Egypt. London, 1888.
7. *Lepsius R.* Denkmaler aus Agypten und Athiopien. Abt. 1—6. Berlin, 1849—1859.
8. Travels in Egypt (December 1880 to May 1891). Letters of Charles Edwin Wilbour/Ed. by J. Capart. Brooklyn, 1936.
9. *Wreszinski W.* Bericht uber die photographischen Expedition von Kairo bis Wadi Halfa. Halle, 1927.
10. *Leclant J.* Astarte a cheval//Syria. 1960. Vol. 37.
11. *Petrie W. M. F.* Six Temples at Thebes. London, 1897.
12. *Varille A.* La tombe de Ni-cnkh-Pepi a Zaouyet el-Mayetin//MIFAO. 1938. Bd. 70.
13. *Helck W.* Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reichs. Leiden; Koln, 1958.
14. *Kitchen K. A.* Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxford, 1970. Vol. 2.

М. Н. Погребова, Д. С. Раевский. Ранние скифы и древний Восток. М.: Наука, 1992. 260 с.

Последние годы ознаменовались новыми значительными открытиями в области скифской археологии эпохи архаики, главным образом на Северном Кавказе и древнем Востоке. Следствием этого стало появление нескольких интересных работ, в которых прямо или косвенно рассматривались проблемы происхождения и ранней истории скифов. Заметное место в этом ряду несомненно займет и рецензируемая монография видных российских исследователей М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, посвященная раннескифской культурной и этнической истории, которую, по мнению этих авторов, несправедливо было бы числить исключительно по ведомству отечественной истории вследствие ее тесной связи с историей древнего Востока (с. 4). Эпоха переднеазиатских походов VII в. до н. э., когда скифы впервые появились на арене мировой истории и вступили в прямое соприкосновение с обитателями Ассирии, Урарту, Мидии, имела важные последствия для обеих взаимодействующих сторон. Однако в рассматриваемой работе демонстрируется преимущественно роль древнего Востока в формировании культуры скифов, в то время как обратный процесс, а именно влияние ранних кочевников на культуры древнего Востока, не нашел в ней своего отражения. Вместе с тем необходимо отметить, что круг затрагиваемых в этой книге проблем значительно шире вынесенного в заголовок названия. С достаточной убедительностью об этом свидетельствует и первая глава монографии «Киммерийцы и скифы: что, где, когда?».

Как известно, в скифологии существует целый ряд принципиально различных, а во многом и взаимоисключающих гипотез, объясняющих локализацию зоны первоначального обитания скифов, время их появления в Северном Причерноморье, сущность этнокультурных отношений между скифами и киммерийцами. Обращаясь ко всему многообразию толкований раннескифской истории, М. Н. Погребова и Д. С. Раевский ставят перед собой задачу уяснить, в какой мере это многообразие обусловлено реальной разноречивостью источников, а в какой — несовершенством их интерпретации. При этом они не исключают возможности, что именно углубленный анализ вопроса о причинах имеющихся расхождений окажется сегодня наиболее эффективным способом решения проблем скифологии (с. 5). В связи с

© С. В. Махортых, 1994 г.

этим авторы считают необходимым предпослать изложению своего взгляда на эту проблему анализ основных существующих гипотез.

Прежде всего они обращаются к свидетельствам письменных источников о локализации событий раннескифской истории, и в частности к концепции И. В. Куклиной, оспаривавшей общепризнанную достоверность сообщения Геродота о том, что события, предшествовавшие появлению скифов и киммерийцев на древнем Востоке, разворачивались на юге Восточной Европы. В результате тщательного анализа этой концепции, основывающейся, главным образом, на интерпретации свидетельств античных авторов, М. Н. Погребова и Д. С. Раевский приходят к выводу, что предлагаемая И. В. Куклиной интерпретация истории сложения рассказа Геродота о скифо-киммерийском конфликте требует для своего обоснования существенного насилия над его текстом и смыслом (с. 13). М. Н. Погребова и Д. С. Раевский убедительно показывают, что в самих античных свидетельствах о событиях раннескифской истории не обнаруживается оснований для утверждения о недостоверности античной традиции в принципе и для ее пересмотра в предложенном И. В. Куклиной ключе, в том числе для отказа от понимания исторических киммерийцев как предшествующих скифам обитателей Северного Причерноморья (с. 23). Конечно, делать на этом основании категорический вывод о полной исторической точности античной традиции нельзя, поэтому ее данные нуждаются в проверке и конкретизации. Выполнить эту задачу, по мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, можно лишь опираясь на внешние по отношению к этой традиции источники, а именно свидетельства восточных текстов и археологические материалы (с. 24). Последние, как они считают, возможно использовать, хотя и с определенной долей условности, для создания этноисторических реконструкций путем систематизации материала, т. е. его распределения по принадлежности к той или иной археологической культуре и построения модели взаимодействий между этими культурами (с. 29). Заметим, что именно этот подход господствует в археологии и лежит в основе большинства предпринимавшихся до сих пор реконструкций картины скифо-киммерийских отношений, где археологические данные пытаются согласовывать с античной традицией. Рассмотренные в этой связи авторами гипотезы М. И. Артамонова, А. И. Тереножкина, А. А. Иессена и некоторых других исследователей демонстрируют широкий диапазон толкований проблемы скифского этногенеза и скифо-киммерийского конфликта. К взглядам М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского наиболее близки концепции А. А. Иессена и Б. Н. Гракова о сути киммеро-скифского взаимодействия и всей этнокультурной истории юга Восточной Европы в первые века I тыс. до н. э. В них, по мнению авторов, археологические факты не выстраиваются в систему под доминирующим воздействием нарративной традиции, как у А. И. Тереножкина; эти концепции не требуют и радикального перемещения описанных в традиции событий во времени, как у М. И. Артамонова, или в пространстве, как у И. В. Куклиной (с. 44). В то же время даже А. А. Иессену и Б. Н. Гракову, как считают М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, не удается совместить письменные и археологические данные безболезненно для обеих групп сопоставляемых разноприродных свидетельств, ибо эти гипотезы требуют модифицированного понимания самой сути событий, которые известны из письменных источников [1].

В конечном итоге предпринятый авторами обзор различных способов согласования письменных и археологических свидетельств о событиях раннескифской истории приводит их к неутешительному выводу, что такое сопоставление вообще немыслимо без определенного насилия над источником и что проблема состоит в выборе наиболее оправданного варианта подобного насилия. В связи с этим М. Н. Погребова и Д. С. Раевский пытаются найти наиболее логичный и доказательный вариант комплексного толкования разноприродных данных, опираясь при этом на богатый опыт уже предпринимавшихся в этой области исследований. Это дало свои положительные результаты. Так, стремясь объективно оценить возможности анализа письменных источников, они приходят к выводу, что имена «скифы» и «киммерийцы» не выдуманы Геродотом, а принадлежат к этнической номенклатуре (с. 46). Однако это обстоятельство не означает, что присущее Геродоту понимание соотношения

[1] Однако при этом авторы не уточняют, в чем заключаются слабые стороны этих концепций. Не совсем корректной представляется нам и трактовка мнения А. А. Иессена, который, по мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, впервые выделил памятники черногоровского типа, датировав их суммарно с новочеркасскими памятниками VIII—VII вв. до н. э. (с. 36, 72). А. А. Иессен относил черногоровское погребение ко времени не ранее второй половины VII в. до н. э. и включал его в предкелермесскую группу памятников, выделенную им на основании материалов Северного Кавказа [1, с. 96—102; 2, с. 119]. Таким образом, он не использовал в своих работах термины «черногоровская группа», «черногоровский этап», которые были введены в научный оборот А. И. Тереножкиным и А. М. Лесковым.

двух обозначенных ими этнических совокупностей можно автоматически распространять на все контексты, в которых эти имена встречаются в источниках. По мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, следует учитывать возможность синхронной многозначности одного и того же этнонима и изменение его содержания во времени. Учет этой эволюции снимает кажущиеся противоречия между письменными и археологическими источниками и способствует созданию наиболее достоверных этноисторических построений, как, например, в случае с киммеро-скифским конфликтом.

Обращаясь к рассмотрению археологических источников, т. е. сравнивая культурную ситуацию в Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н. э. и в V—IV вв. до н. э., М. Н. Погребова и Д. С. Раевский обнаруживают два коренных различия между этими периодами (с. 62). С одной стороны, на раннем этапе еще нельзя говорить о полном сложении степной культуры, соотносимой со скифами Геродота и хорошо известной нам по памятникам этапа последующего. С другой стороны, культурное разграничение между скифской степью и смежными с ней областями, ставшее отчетливым с V в. до н. э., предстает в VII—VI вв. до н. э. менее строгим. В это время общими для всего юга Восточной Европы оказываются не только некоторые категории материальной культуры, но и характер оформления принадлежащих к ним предметов. При этом, как отмечают М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, если учесть в ретроспективном сопоставлении материалы предскифского периода, то обнаружится, что именно они определяют различия между отдельными областями, существовавшие и в VII—VI вв. до н. э., тогда как общность между ними в эпоху архаики проявляется, главным образом, в тех элементах, которые являются новацией, определяемой влиянием скифов. Сам же набор этих новаций, по мнению авторов, вряд ли может претендовать на роль критерия для выделения особой археологической культуры, поскольку этнографический облик населения любой из областей, входящих в зону их распространения, определяется не только этим набором, но и специфическими для каждой области субстратными элементами. Однако следует отметить некоторую неопределенность заключений М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского относительно субстратных компонентов, в том числе и в культуре древнейших скифов, появление которых на Северном Кавказе они не исключают уже в конце II — начале I тыс. до н. э. При этом авторы указывают, что только ранние скифы VII в. до н. э. фактически являются первыми носителями данного имени, оставившими раннескифский археологический комплекс. Последний, как следует из вышеизложенных взглядов М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, не является в собственном смысле культурой, а лишь набором новаций. Однако в этом случае остается без ответа вопрос о культуре не только древнейших, но и ранних скифов VII в. до н. э., а также их субстратных компонентах. Более приемлемой нам представляется точка зрения на скифскую культуру как новообразование, сложившееся на юге Восточной Европы в VII в. до н. э. и включающее помимо собственно кочевнической и другие группы компонентов, в том числе предкавказские [3, с. 82—84].

В то же время несомненный интерес представляют замечания М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского о происхождении различных категорий культурного комплекса ранних скифов, в результате чего они приходят к выводу, что многие археологические материалы, используемые для обоснования гипотезы о центральноазиатском происхождении скифов и их культуры, поддаются по меньшей мере равноправному альтернативному толкованию — признанию тезиса о сложении соответствующих типов на восточноевропейской основе (с. 41). В этом случае мы не имеем никаких свидетельств резкой одномоментной смены культурного облика этого ареала, а значит оказываются несостоятельными и традиционные археологические параллели Геродотову рассказу о приходе скифов сюда из Азии. Разделяя в целом этот справедливый вывод, следует отметить, что сами авторы пока не в состоянии привести достаточно убедительные археологические подтверждения своего тезиса, также основывающегося на приведенном выше сообщении Геродота о появлении древнейших скифов на юге Восточной Европы.

Если все рассмотренные М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским материалы не подтверждают, по их мнению, тезиса о принесении культуры скифов в припонтийский регион в готовом виде и, скорее, говорят о постепенном ее оформлении на местной основе (с некоторыми внешними включениями), то одна составляющая этой культуры, искусство звериного стиля, никак не выводится из предшествующей восточноевропейской традиции. В связи с этим рассмотрению «комплекса Зивие» и формированию скифского звериного стиля посвящена глава 2 рецензируемой книги. Задача этой главы состоит в том, чтобы сопоставить мотивы раннескифского звериного стиля Восточной Европы с переднеазиатскими анималистическими изображениями, а также в определенной степени с памятниками звериного стиля иных областей степного пояса с целью проверить правомерность гипотезы о формировании звериного стиля скифов на ближневосточной основе (с. 77). Сама идея о переднеазиатских истоках скифского звериного стиля не нова, однако проведенный авторами детальный анализ различных реализаций каждого из зооморфных раннескифских мотивов для выяснения истории его формирования и эволюции

предпринимается, пожалуй, впервые. В основе этого анализа находится выделяемый авторами «скифский пласт Зивие», представляющий, по их мнению, специфическое культурно-историческое явление вне зависимости от факта признания принадлежности всех вещей этой группы к собственно «Саккызскому кладу» и даже самого существования этого «клада» как целостного археологического комплекса. С целью определения характера этого «скифского пласта Зивие», который может отражать начальную стадию формирования на древневосточной основе искусства скифов или же являться вторичной модификацией скифских мотивов под влиянием искусства Передней Азии, М. Н. Погребова и Д. С. Раевский проводят детальное стилистическое сопоставление памятников этого пласта с памятниками собственно скифской архаики, с одной стороны, и с художественными традициями древнего Востока — с другой. Они пытаются выявить тенденции, доминировавшие в процессе формирования данного культурного феномена, существовавшего на определенной территории в определенный период, а также уяснить механизмы этого формирования. Среди анализируемых мотивов раннескифского искусства выделяются образы хищника, птицы, лежащего копытного с подогнутыми ногами. Не углубляясь подробно в этот анализ, проделанный с большой тщательностью и скрупулезностью, хочется отметить ряд интересных наблюдений авторов относительно происхождения раннескифского образа грифо-барана, а также такую особенность раннескифского звериного стиля, как зооморфные превращения. Последняя фиксирует сходство луристанского и скифского анималистического искусства. Правомерным является и выделение в истории скифского искусства саккызско-келермесского этапа, относящегося к VII в. до н. э. Менее убедительными, на наш взгляд, представляются суждения авторов о переднеазиатских истоках образов скифского оленя, свернувшегося в кольцо хищника, а также птицы с закрученным в спираль клювом. Последний образ, скорее всего, имеет восточноевропейское происхождение, о чем свидетельствует рассмотрение птицеголовых скипетров предскифского времени [4, с. 250]. В то же время отметим не раз повторенный М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским тезис о механизме формирования раннескифского искусства (с. 135, 159—160). По их мнению, его сложение нельзя сводить к восприятию скифами определенного набора обладающих стабильным содержанием зооморфных образов иной культурной традиции, претерпевших в скифской среде известное изменение лишь с точки зрения способов воплощения. Искусство скифского пласта Зивие является продуктом трансформации зооморфных образов и мотивов, издавна бытовавших в Передней Азии. Одним из основных источников анималистических образов, равно как и способов их воплощения, явилась культура луристанских бронз. Достаточно сложное взаимодействие различных древневосточных традиций (проявившееся как в сочетании разнородных элементов, так и в том, что мотив, происходящий из одной традиции, зачастую воспроизводился средствами, присущими другой традиции), а также постоянное определяющее воздействие среды — заказчика, в равной степени чуждого всем этим традициям, обусловили в итоге формирование качественно нового художественного явления. Однако вышеизложенной точке зрения противоречит признаваемое М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским присутствие, уже на стадии Зивие, мотивов, которые стилистически и композиционно необычны для переднеазиатского искусства, например, моделировка тела изображаемого животного широкими сходящимися под углом одна с другой плоскостями или изображение оленя с поджатыми под туловище ногами и вытянутой вперед шеей (с. 139, 142). Эти и некоторые другие примеры, по нашему мнению, позволяют говорить о существовании уже в VII в. до н. э., а возможно и в более раннее время, самостоятельного евразийского пласта в скифском анималистическом искусстве, которое испытывало ощутимое переднеазиатское влияние. Более детально об этом собственно скифском пласте можно будет говорить после специального рассмотрения соотношения памятников звериного стиля из европейской и азиатской частей степного пояса Евразии, где достаточно разнообразно представлено искусство звериного стиля в эпоху скифской архаики и предшествующее время. Для территории европейской Скифии помимо вышеупомянутого образа хищной птицы с загнутым клювом необходимо упомянуть довольно многочисленные изображения «копытца» на лопасти псалиев VIII в. до н. э. из Закубанья [5, с. 37, рис. 4]. Последние в дальнейшем являются неотъемлемой частью собственно скифского искусства звериного стиля. При этом мы не исключаем возможности появления отдельных раннескифских зооморфных образов или композиций на юге Восточной Европы в конце VIII — начале VII в. до н. э. вместе с продвинувшимся сюда населением из восточных районов Евразии [6]. Все это, однако, не мешает нам согласиться с важным выводом М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского о том, что пласт Зивие отражает процесс формирования скифского звериного стиля. Это в свою очередь позволяет отказаться от мнения, что задолго до появления скифской культуры в Восточной Европе она уже существовала где-то во вполне сложившемся виде и что ее проникновение в области обитания скифов в историческое время есть результат продвижения туда носителей этой культуры (с. 160—162).

Опыт реконструкции истории ранних скифов содержит заключительная глава рецензицируемой монографии. Задача данной главы видится авторам в том, чтобы исходя из выявленной на предыдущих страницах множественности возможных толкований письменных и археологических источников попытаться создать на комплексной основе максимально непротиворечивую картину. В целом ранняя этнокультурная история скифов представляется М. Н. Погребовой и Д. С. Раевскому в следующем виде (с. 226—227). Ареной самых древних сколько-нибудь известных событий этой истории оказывается треугольник, ограниченный нижним течением Волги и Дона и Кавказским хребтом. Именно сюда не позднее первых веков I тыс. до н. э. проникали с востока отдельные племена срубно-андроновского круга, близкие по культуре уже обитавшему здесь населению. Одно из этих племен, очевидно, и было первичным носителем этнического имени «скифы», хотя оно еще не обладало той культурой, которая связывается в нашем сознании с данным этнонимом, исходя из более поздних данных. Обретя господствующее положение среди других этнокультурно близких им племен, в том числе тех, кого клинописные тексты именовали киммерийцами, это племя передало свое самоназвание достаточно крупному племенному союзу, бывшему инициатором и главным участником так называемых скифских и киммерийских походов в Переднюю Азию. Метрополией скифов в эпоху этих походов оставалось Предкавказье, однако и скифы, обитавшие здесь, и их соплеменники, активно внедрявшиеся в среду областей к югу от Кавказского хребта вплоть до оз. Урмия, были едины между собой в этнокультурном отношении. В пределах этого единого ареала и происходило формирование основных элементов культуры, известной нам как скифская. Не позднее конца VII в. до н. э. началось расселение носителей этого культурного комплекса по обширным просторам Восточной Европы, занятым разноэтничными народами. В дальнейшем — на протяжении VI в. до н. э.— произошло этнополитическое обособление отдельных частей этой территории, что привело в итоге к формированию той этнической ситуации, которую в V в. до н. э. застал в Восточной Европе Геродот и которую он описал в своем труде. В ходе этого процесса сложился культурный облик восточноевропейских народов, близких между собой по одним характеристикам и различающихся по другим. Одна из таких обособившихся областей, ограниченная степями Причерноморья между Доном и Дунаем, обитатели которой сохранили за собой этническое имя «скифы», и стала Скифией Геродота.

Изложенная авторами концепция представляет несомненный научный интерес, хотя некоторые ее положения нуждаются в уточнении, особенно в отношении древнейших (по терминологии авторов) скифов. Так, признавая историческую достоверность сохраненного античной традицией предания о приходе скифов из Азии, М. Н. Погребова и Д. С. Раевский находят ему археологические соответствия в построениях К. Ф. Смирнова и А. М. Лескова о перемещениях племен в срубно-андроновских ареалах в конце II — начале I тыс. до н. э. (с. 169, 170). При этом, однако, нам кажется не совсем верным их заключение о том, что по мере накопления материала подобных соотнесений может быть предложено достаточно много, и все они в общем имеют основания, ибо улавливают в археологических данных продвижение населения с востока. И далее: «в то же время ни одно из них не будет единственно убедительным» (с. 170). Утверждение, что надежных оснований для однозначной идентификации этого события у нас попросту нет,— ключевое в отстаиваемом авторами толковании как природы той информации, которая содержится в античной традиции о древнейших скифах, так и возможностей соотнесения этой традиции с археологическими данными. С нашей точки зрения, подобный подход не учитывает имеющиеся конкретные исторические характеристики рассматриваемого события. Наиболее важным здесь является хронологический аспект проблемы, в освещении которого значительно помогают древневосточные письменные источники, достаточно точно и надежно фиксирующие время появления киммерийцев и скифов на этой территории. Так, согласно этим данным, киммерийцы появляются на древнем Востоке в 20-х годах VIII в. до н. э., а скифы — в 70-х годах VII в. до н. э. Таким образом, существует разрыв приблизительно в 50 лет, на основании чего исследователи справедливо делают вывод о том, что киммерийцы и скифы появились здесь независимо друг от друга [7; 8, с. 23]. Значительный интерес в этой связи представляют археологические материалы предскифского времени Северного Кавказа, подтверждающие не только реальность киммерийских походов, но и возвращение кочевников на исходные территории после завершения начального этапа этих походов [9]. Из этого следует, что появление собственно скифов на юге Восточной Европы должно было произойти после «урарто-киммерийской войны» 714 г. до н. э., т. е., скорее всего, в конце VIII — начале VII в. до н. э. Это положение находит свои археологические подтверждения в появлении горизонта кладов типа Новочеркасского и разрушении поселений местных жителей, которое свидетельствует о нестабильной политической обстановке на Северном Кавказе в это время [6, с. 25—27]. Все эти события согласуются и с сообщениями Диодора Сицилийского [II, 43] о завоевании скифами Предкавказья. Принятие этой

даты (конец VIII — начало VII в. до н. э.) появления скифов на юге Восточной Европы заставляет нас критически относиться к попыткам связывать продвижение древнейших скифов на эту территорию с событиями конца II — начала I тыс. до н. э., поскольку это никак не подтверждается письменными источниками, да и археологическая аргументация далеко не безупречна. Так, до сих пор остается открытым вопрос о датировке IX—VIII вв. до н. э. оленных камней на юге Восточной Европы — наиболее надежных «свидетелей» этого передвижения, поскольку практически все находки этого типа в комплексе с погребениями датируются VIII—VII вв. до н. э. Однако, если в дальнейшем и появятся какие-либо надежные свидетельства появления на юге Восточной Европы в черногоровское время населения с востока, то оно, растворившись в киммерийской среде, не может претендовать на роль собственно скифов, появившихся здесь в конце VIII — начале VII в. до н. э., поскольку только с этого времени начинается скифский период на этой территории.

Наши представления о времени появления скифов на юге Восточной Европы не позволяют нам согласиться и со взглядами М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского на киммерийцев. Главным образом это касается сомнений авторов в том, что когда-либо «появится возможность выделить среди памятников VIII—VII вв. до н. э. и более раннего времени собственно киммерийские памятники» (с. 174). Их скептицизм в этом вопросе обусловлен тем, что процедура выделения требует отсутствующего, по мнению авторов, достоверного знания об истинном объеме этнического термина «киммерийцы» и о конкретных границах зоны их обитания. В то же время данные сомнения не мешают М. Н. Погребовой и Д. С. Раевскому воспринимать участников скифо-киммерийского конфликта в качестве совокупностей одного таксономического уровня, равно как и признавать достоверность содержащейся в античных источниках информации относительно локализации прародины и ранней этнической истории киммерийцев в Северном Причерноморье (с. 26, 176). Не является также понятным, почему существование киммерийцев как восточноевропейского народа вызывает сомнения у М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, а как участников переднеазиатских походов — нет? Не лишены внутренней противоречивости и утверждения авторов о том, что, с одной стороны, ареной самых древних событий скифской истории является территория Предкавказья, а с другой — локализация скифо-киммерийского конфликта уже на территории Северного Причерноморья, который они связывают именно с первым появлением скифов в областях обитания киммерийцев, причем именно оттуда фиксируется приход скифов в Переднюю Азию (с. 171). При этом же, как они отмечают далее, «сегодня не поддается проверке археологическими материалами утверждение Диодора, что продвижение скифов в области Северного Причерноморья предшествовало началу их походов на Ближний Восток» (с. 219).

Высказанные нами критические замечания ни в коей мере не снижают высокой оценки как этой главы, так и всей книги в целом, представляющей собой новое заметное явление в скифоведении. К сожалению, ограниченный объем рецензии не позволяет нам более детально остановиться на многочисленных ценных замечаниях и выводах, сделанных в этой книге. Более актуальным в этой связи является обращение к спорным вопросам, существующим и сегодня, несмотря на достигнутые в этой области науки успехи.

Институт археологии
АН Украины, Киев

С. В. Махортых

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР//СА. 1953. № 18.
2. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
3. *Махортых С. В.* О предкавказской группе элементов в скифской материальной культуре//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989.
4. *Эрлих В. Р.* К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени//СА. 1990. № 1.
5. *Эрлих В. Р.* Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья//Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Эвтектика, 1991.
6. *Махортых С. В.* Восточноевропейские клады VIII—VII вв. до н. э. как исторический источник// Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. конф. Ч. 2. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1992.
7. *Sulimirski T.* Scythian antiquites in Western Asia//Artibus Asiae. 1954. V. XVII. Ascona.
8. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
9. *Махортых С. В.* Киммерийцы и древний Восток//Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. Мелитополь, 1992.

Хроника

СИМПОЗИУМ «ПРОБЛЕМА ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

(Болгары, 1993)

В изучении археологии Среднего Поволжья эпохи переселения народов и раннего средневековья проблема именьковской культуры принадлежит к важнейшим. По своему происхождению эта культура не связана с местными древностями, ее носители были пришлым населением: как можно теперь полагать, они пришли из далеких западных земель, из Поднепровского региона. В этой связи проблема именьковской культуры приобретает более широкое, восточноевропейское значение.

Полевые симпозиумы по актуальным вопросам археологии Волго-Камья становятся традиционными. В 1991 г. такой симпозиум был проведен на городище Идна-Кар в Удмуртии, в следующем полевом сезоне марийские археологи подобное мероприятие на тему «Проблемы средневековой археологии поволжских финнов» провели на Васильсурском городище «Репище». Очередной симпозиум был посвящен вопросам изучения именьковской культуры и состоялся в Болгарах (республика Татарстан) 4—6 августа 1993 г. Его организаторами стали Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана и Болгарский историко-архитектурный заповедник. Кроме археологов Татарстана в нем приняли участие исследователи из Самары, Ульяновска, Уфы, Ижевска и Москвы.

Полевые археологические исследования требуют постоянного совершенствования, разработки и внедрения новых методов и приемов раскопок и их фиксации. Поэтому следует всячески приветствовать организацию и проведение полевых симпозиумов, во время которых археологи имеют возможности непосредственно ознакомиться с процессом раскопочных работ на конкретных памятниках, а также с материалами, полученными из различных напластований, обсудить методику полевых изысканий.

Объектами ознакомления настоящего симпозиума стали памятники именьковской культуры — Измерский могильник, расположенный на левом берегу Камы в 25 км от Болгар, исследуемый Е. П. Казаковым, и комплекс, включающий могильник и поселения около д. Маклашеево в низовьях р. Утка, где уже несколько лет ведет раскопки П. Н. Старостин.

На рабочих заседаниях симпозиума было заслушано 11 докладов. П. Н. Старостин (Казань) в докладе «Итоги исследований памятников именьковской культуры Нижнего Прикамья» отразил современное состояние изучения именьковских древностей основного региона их распространения. В последние годы много внимания уделялось раскопкам именьковских могильников, содержащих захоронения по обряду трупосожжения на стороне. С новейшими результатами их раскопок и были ознакомлены участники семинара. Наряду с изучением поселений исследовались и ремесленные центры. Подводя итоги полевых изысканий, докладчик определил время именьковской культуры V—VII вв. Ее носители — земледельческое население, довольно плотно заселявшее земли, наиболее пригодные для сельскохозяйственной деятельности.

Древности южной части ареала именьковской культуры были проанализированы Г. И. Матвеевой (Самара) в докладе «Некоторые итоги исследования памятников именьковской культуры в Самарской и Ульяновской областях». Здесь ситуация была иной. Наиболее ранние древности — славкинского типа — датируются III в. н. э. Аналогии им обнаруживаются в зарубинецкой культуре Полесья и пшеворской культуре Волыни. Следующий пласт древностей — памятники типа городища Лбище — датируются IV в. В керамическом материале они обнаруживают сходство с именьковской культурой, хотя генетической преемственности между ними непосредственно не выявляется. Собственно именьковские памятники в этом регионе весьма многочисленны и датируются второй половиной V—VII вв. К наиболее исследованным принадлежит Старо-Майнское городище, которое в докладе получило подробную характеристику.

Ряд выступлений был посвящен отдельным памятникам именьковской культуры, активно раскапываемым в последние годы. В выступлении Е. П. Казакова (Казань) «Могильники именьковской культуры в низовьях реки Актай» речь шла в основном о двух памятниках — уже названном Измерском могильнике, содержащем характерные для именьковского населения захоронения по обряду кремации умерших, и Коминтерновском могильнике, в котором открыто 28 погребений по обряду трупосожжения и 16 захоронений по обряду ингумации. Последние имели подбои, около умерших помещались голова и ноги коней, они содержали разнообразный вещевой инвентарь, в том числе множество янтарных, стеклянных и коралловых бус, металлические накладки и наконечники поясных ремней, пряжки, костяные орнаментированные накладки и др. На основании вещевых

© В. В. Седов, 1994 г.

находок исследователь датирует могильник второй половиной VI—VII вв. и видит в нем турбаслинские элементы. Он полагает, что могильник оставлен смешанным именьковско-тюркским населением.

Т. И. Останина (Ижевск) в докладе «Кузебаевское городище — памятник именьковской культуры на средней Каме» привела обстоятельную информацию о результатах многолетних раскопок этого интереснейшего поселения. Были исследованы оборонительные сооружения, углубленные жилые строения с очагами, хозяйственные ямы. Поясные накладки «геральдических типов» и бусы, однотипные с подобными украшениями харинской культуры, позволили датировать памятник VII в.

В зачитанном на симпозиуме докладе А. В. Богачева (Самара) «О верхней дате именьковской культуры» анализировались монетные находки и пряжки. Находки монет в памятниках именьковской культуры немногочисленны, они относятся к третьей четверти VI в. При учете их длительного использования можно было бы определить верхнюю дату именьковских древностей первой третью VII в. Более надежной оказывается датировка по пряжкам, для чего может быть использовано свыше 30 находок. Наиболее поздние из них принадлежат, по А. В. Богачеву, к предгеральдическим типам, которые заложили основу «геральдическим пряжкам». Находки пряжек датируются докладчиком второй половиной VI в. В итоге он склоняется к выводу о том, что именьковская культура как целостное культурное образование прекратила существование к концу VI столетия.

С таким выводом не согласились участники симпозиума.

Обширные костные материалы, собранные при раскопках различных именьковских памятников, были объектом рассмотрения А. Г. Петренко (Казань) в докладе «Остеологические материалы раннесредневековых памятников Прикамья». И. Р. Галимзянов (Казань) прочитал доклад, озаглавленный «Деформированные черепа средневековых могильников Среднего Поволжья». В нем были собраны и проанализированы краниологические материалы со следами искусственной деформации из могильников турбаслинской, неволинской и мазунинской культур. Докладчик утверждал, что рассматриваемые особенности не несут какой-либо этнической нагрузки. Это, скорее всего, социальный признак, в пользу чего говорит и немногочисленность деформированных черепов (обычно по два-три индивидуума на могильник), и богатство вещевых материалов, выделяющее погребения с такими черепами (часто они оказываются разграбленными). И. Р. Галимзянов полагает, что эти погребения принадлежат кочевому населению, приглашенному земледельцами для защиты от набегов воинственных степняков.

С интересом был заслушан доклад Ф. А. Сунгатова (Уфа) «Проблема происхождения турбаслинской культуры», посвященный древностям, соседним с именьковскими. Компьютерный анализ форм глиняной посуды из турбаслинских памятников выделил несколько групп, имеющих разное происхождение. Круглодонная керамика, как полагает докладчик, была привнесена из Западной Сибири. Основной керамический массив — высокие плоскодонные сосуды — сопоставим с нижневолжской посудой, а кувшинообразные сосуды обнаруживают параллели в материалах Северного Кавказа, Крыма и Причерноморья. В результате Ф. А. Сунгатов утверждает, что турбаслинские племена имеют южное происхождение. Это были сарматы или аланы, какое-то время входившие в гуннский племенной союз, а в V в. расселившиеся на территории современной Башкирии.

С. Э. Зубов (Самара) выступил с докладом «Военная деятельность в сложении общественной жизни оседлых племен Волго-Камья». Археологическим показателем военной структуры общества докладчик считает бóльшую или мéньшую встречаемость оружия в погребениях, а также комплексов вооружения на поселениях. Среди именьковских древностей предметов вооружения нет. Сравнительному анализу были подвергнуты предметы вооружения племенных образований, представленных пьяноборской, азелинской, мазунинской, турбаслинской и других археологических культур. Докладчик продемонстрировал изменения во времени вооружения и соответственно структуры войска и структуры формирования последнего. Устанавливается, что до II—III вв. н. э. включительно войско формировалось на «милицейской» основе — каждый мужчина при необходимости становился воином. С IV—V вв. складывается иной принцип: в обществе выделяется военное сословие, формируется военная дружина и институт военных вождей, наблюдается активизация военной деятельности.

Два доклада симпозиума были посвящены наиболее дискуссионной теме — вопросам этнической атрибуции населения именьковской культуры. Мысль о принадлежности его к балтскому этноязыковому массиву уже была высказана А. Х. Халиковым (Казань) в литературе ранее. В докладе «Проблема этноса носителей именьковской культуры» этот исследователь обратился к данному вопросу повторно. Он утверждал, что именьковские племена пришли в Поволжье в IV — начале V в. н. э. и освоили широкие не заселенные до этого пространства. Весьма благоприятные условия для их жизни и хозяйственной деятельности вели к быстрому росту населения. Согласно А. Х. Халикову, именьковское население оставило значительный пласт в топонимии Поволжья, который был охарактеризован в докладе и определялся как балтский. Носители именьковских древностей находились в контактах с азелинскими (протомарийскими), кушнаренковско-караякуповскими (протовенгры) и турбаслинскими племенами. И это фиксируется данными языкознания: лингвистами в марийском, мордовском, чувашском и венгерском языках выявляются следы древних языковых контактов с балтами. Эти два обстоятельства и дают основание считать именьковское население балтским. Это были потомки одной из групп зарубинецкого населения.

В. В. Седов (Москва) в докладе «Население именьковской культуры — балты или славяне?» сначала проанализировал положения А. Х. Халикова о балтской атрибуции этих племен. Все топонимы и гидронимы, этимологизируемые из балтских языков, принадлежат к весьма и весьма спорным и могут быть объяснены на местных материалах. Существенно и то, что ареал водных названий, в какой-то степени напоминающих балтские, значительно шире территории именьковской культуры и никак не связан с ней. Возможные балтские заимствования в марийском, чувашском и венгерском языках весьма различны по своему характеру и, скорее всего, неодновременны. Балтские

заимствования в мордовском языке — результат балтского воздействия на древнюю мордву со стороны Оки. Таким образом, гипотеза о балтской принадлежности именьковского населения хотя и имеет право на существование, не имеет в основе каких-либо надежных доказательств.

Докладчик предложил решить вопрос об этносе населения именьковской культуры прежде всего археологическими методами — ретроспективным путем. Ныне достаточно надежно установлено, что в первой половине VIII в. в левобережной части Среднего Поднепровья появляется довольно значительная масса нового населения, пришедшего откуда-то со стороны с вполне сложившейся волынцевской культурой. Пришлое население легко вступило в контакт с местным славянским и скоро смешалось с ним — волынцевская культура целиком вошла в состав роменской культуры, славянская принадлежность которой вне какого-либо сомнения. Предшествующее волынцевскому населению в левобережной части Среднего Поднепровья тоже было славянским. Поэтому есть все основания полагать, что носители волынцевской культуры тоже были славянами.

Сопоставление всех элементов материальной культуры и погребальной обрядности волынцевских и именьковских племен позволяет говорить о том, что волынцевские древности производны от именьковских. Именьковская культура прекращает функционировать в Среднем Поволжье в конце VII или на рубеже VII и VIII вв.; волынцевская культура появляется в Среднем Поднепровье на рубеже VII и VIII или в начале VIII в. В итоге именьковское население следует считать славянским. В пользу этого говорит и происхождение именьковской культуры. Ее носителями были оторвавшиеся от основной массы племена пшеворской и, вероятно, позднезарубинецкой культур.

В дискуссии по докладам выступили А. Х. Халиков, Г. И. Матвеева, В. В. Седов, П. Н. Старостин и др. Обсуждались спорные моменты, в частности вопросы хронологии, происхождения и этнической принадлежности населения именьковской культуры. А. Х. Халиков предложил привлечь к диспуту по этим темпам в дальнейшем лингвистов и топонимистов, но все выступавшие согласились с тем, что необходимы новые раскопочные изыскания — спорные вопросы будут решаться по мере расширения археологической источниковой базы.

Институт археологии РАН, *В. В. Седов*
Москва

ВСЕРОССИЙСКАЯ НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Вологда, 1993)

18—21 мая 1993 г. в Вологде проходила Всероссийская нумизматическая конференция. В ее работе участвовало более 40 ученых и коллекционеров-нумизматов из Владимира, Вологды, Вятки, Дмитрова, Иваново, Костромы, Москвы, Новгорода, Перми, Самарканда, Санкт-Петербурга, Симферополя и Ярославля. Тематика 27 прослушанных докладов охватывала широкий спектр проблем нумизматики, бонистики, медальерного искусства, археологии и геральдики.

На первом заседании вступительную речь произнес В. В. Кудрявцев (Вологда, Управление культуры), выразивший надежду, что Вологда станет первым в ряду старинных русских городов, которые, наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, будут собирать нумизматов России и других республик на ежегодные научные конференции.

А. С. Мельникова (Москва, ГИМ) в своем кратком сообщении проследила поступательное развитие нумизматической науки, которое последние три десятилетия шло по пути преодоления традиционной замкнутости работ по нумизматике к исследованиям широкого круга проблем по общеисторической тематике. Нумизматами осваиваются новые методики исследования. Во многих российских музеях появились свои научные кадры, вводящие в научный оборот все большее число нумизматических памятников.

Доклад В. В. Гурулевой (С.-Петербург, Эрмитаж) «Византийские монеты из коллекции Н. П. Лихачева в Эрмитаже» был посвящен роли этого выдающегося исследователя в изучении нумизматики, в частности — византийской. Нумизматика была одним из первых увлечений Н. П. Лихачева, но, в отличие от сфрагистики, она не стала главной темой его научных изысканий, хотя ученый часто обращался к нумизматическим проблемам в своих работах. Нумизматическое собрание Н. П. Лихачева поступило в Эрмитаж в 1936 г. Византийская часть коллекции составляет более 600 монет, среди которых много редких выпусков: таких, например, как серебряные монеты императоров XI в., церемониальные монеты, в том числе чеканенные по типу золотых солидов, редкий серебряный выпуск Алексея I Комнина и монета сербского короля Стефана Радослава, чеканенная в византийской традиции.

Б. Д. Кочнев (Самарканд) в докладе «Монеты с упоминанием Мутидов — владетелей Испиджаба (X—XI вв.)» на основании нумизматического материала выделил особую династию тюркского происхождения, управлявшую областью Испиджаб с одноименным столичным городом, лежавшим близ нынешнего Чимкента (Южный Казахстан). Династию было предложено именовать Мутидами по распространенному в их среде редкому имени Мут. Древнейший нумизматический памятник, связанный

© С. В. Зверев, 1994 г.

с этой династией — фельс 307 г. хиджры (919—920 гг.), на котором фигурируют Саманид Наср б. Ахмед и местный владетель Ахмад б. Мут. На монетах Мутиды обозначали свою вассальную зависимость от Саманидов, а позднее — от Караханидов. Небольшая группа дирхемов рубежа X—XI вв. указывает на фактическую независимость Испиджаба. Некоторые представители рода получали пожалования за службу далеко за пределами Испиджаба. Имена Мутидов встречаются на монетах Балха и Бухары конца X в. Судя по монетам, в Испиджабе монеты Мутидов чеканятся до 404 г. хиджры (1013—1014 гг.). Последующие владетели Испиджаба, названные на монетах, не принадлежали к этой династии. Вскоре прекращается караханидский чекан с упоминанием Мухтаджидов в Сагании и илакских дихканов в Илаке. Прослеживается единая политическая линия, выразившаяся в наступлении Караханидов на права местных династов и отстранении их от власти.

В докладе Т. Ю. Стукаловой (Москва, ГИМ) «Анонимный денарий графства Шартр из собрания ГИМ» был сделан всесторонний анализ редкого анонимного французского денария. На протяжении всей своей истории сеньориальные монеты графства Шартр оставались анонимными, что сильно затрудняет их датировку. Первоначальное изображение головы в диадеме на монетах, чеканенных в Шиноне с 920-х годов, было перенесено в Шартр примерно в третьей четверти X в. Здесь оно быстро утратило «человеческие» черты и приобрело характерный облик с тремя точками-безантами, расположенными горизонтально, и тремя колышками. Этот тип сохранялся два с половиной столетия. Метрологические особенности монеты (самый низкий вес) позволили датировать ее второй четвертью XII в., временем правления графа Тибо IV Великого.

Доклад М. В. Мухи (С.-Петербург, Эрмитаж) «Лондонская гильдия монетчиков в XVI в.» был посвящен анализу ордонанса гильдии, составленного старшиной компании Томасом Дэнхемом в 1578 г. Из ордонанса следует, что основным своим назначением гильдия ставит регулирование деятельности монетчиков и создание для них благоприятных условий. Отмечаются важные привилегии членов гильдии монетчиков — участие их в городском самоуправлении и освобождение от уплаты налогов. Определяется иерархия в гильдии — во главе корпорации стоит старшина, наделенный исполнительной властью, члены делятся на «фрименов» и «учеников». Законодательным органом является общий совет гильдии. Был создан свой денежный фонд. Из ордонанса следует, что гильдия должна была следить за дисциплиной и нравственностью ее членов, заботиться о старых и больных монетчиках.

М. В. Смирнов (С.-Петербург, Монетный двор) в докладе «Архивный фонд Петербургского монетного двора: история и современное состояние» сделал обзор сохранившихся документальных материалов. Наиболее ощутимые «удары» были нанесены архиву в 1824 г. во время знаменитого наводнения, в 1917 г., когда в Рыбинске сгорели наиболее ценные эвакуированные документы, наконец, часть архива была повреждена в годы Великой Отечественной войны. Однако, несмотря на утраты, сохранившийся комплекс делопроизводственной документации достаточно полно отражает деятельность Монетного двора со второй половины XVIII в. до наших дней. Часть документов (около 28 тыс. дел за 1738—1922 гг.) была передана в Исторический архив. С 1990 г. стали доступны для исследователей документы, поступившие в Центральный госархив С.-Петербурга (бывший ЦГАОР), охватывающие советский период работы Монетного двора. Этот комплекс включает документы собственно Ленинградского монетного двора (1924—1950 гг.) и дела Краснокамского монетного двора (1941—1946 гг.). Часть документов 1921—1991 гг. продолжает храниться в ведомственном архиве завода.

В докладе М. Б. Маршак (С.-Петербург, Эрмитаж) «Реформы М. М. Сперанского и их влияние на русское денежное дело» была дана новая оценка попытке провести финансовую реформу в 1810 г., узаконив в качестве основного платежного средства серебряный рубль. Эту реформу обычно считают неудачной. Уже в 1812 г. вместо серебряного рубля в качестве основного платежного средства империи вводились ассигнации. Хотя курс ассигнаций в 1810 г. резко упал, дальнейшего снижения не произошло. В денежное обращение вернулась серебряная монета. Даже война 1812 г. не сказалась на русском денежном хозяйстве. После войны продолжается насыщение рынка благородными металлами, намечается тенденция к повышению курса ассигнационного рубля. Население стремится задерживать уже не монету, а ассигнации, повышавшиеся в цене. Монеты, уходившие ранее в клады, стали переходить в активное обращение. В этом положительное значение реформы 1810 г.

Доклад И. С. Шикановой (Москва, ГИМ) раскрыл историю денежных знаков, заказанных в 1917 г. Временным правительством в США. Найденные в ЦГАОР документы позволяют проследить все этапы переписки между Вашингтоном и Временным правительством, а затем правительством Колчака, подтвердившим заказ. Отчет агента Министерства финансов при бывшем посольстве в Вашингтоне С. А. Учета за 1917—1920 гг. имеет в качестве приложения альбом с образцами денежных знаков и ценных бумаг, изготовленных в США. Этот альбом дает, наконец, точные и полные сведения, какие же виды денег были заказаны Российским правительством. Особое место занимают Государственные кредитные билеты, которые должны были сыграть основную роль в денежной реформе Колчака. Именно на них должны были быть обменены различные денежные знаки, обращавшиеся в стране. Выпустить в обращение государственные кредитные билеты, напечатанные в США, правительство Колчака не успело. Номиналы 25 и 100 рублей, которые уже были доставлены в Россию, использовали некоторые другие правительства на Дальнем Востоке. Крупные номиналы 50, 250, 500, 1000 рублей известны только в образцах.

В. И. Лавренов (Тверской университет) в докладе «Российский двуглавый орел: история эмблемы и символа» проследил на основе нумизматического, археологического, геральдического и этнографического материала возможные пути прихода на Русь этой эмблемы. Присутствие этого символа не только в Византии, но и в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Золотой Орде не позволяет однозначно высказаться о времени и месте появления эмблемы и дает возможность лишь предположительно высказаться о ее символике.

Ряд докладов был посвящен проблемам кладоведения.

А. С. Мельникова и О. С. Дядченко (Москва, ГИМ) в докладе «Клад монет Алексея Михайловича с Б. Полянки (Москва)» предложили опыт определения возможного владельца монетного клада. Найденный клад состоял из 9849 серебряных копеек. Состав клада определил время его захоронения 1656—1663 гг. Размеры клада заставляют предположить, что это были деньги весьма состоятельного человека. Место находки в XVII в. относилось к территории церковного участка церкви Григория Неокесарийского, рядом с которым находился двор священника Андрея Савиновича Посникова, ставшего с 1666 г. духовником царя Алексея Михайловича и протопопом Благовещенского собора Московского Кремля. Анализ всей совокупности данных, связанных с местом находки, с биографией Андрея Савиновича, с денежным обращением в первые годы проведения денежной реформы Алексея Михайловича 1654—1663 гг., дают основание видеть именно царского любимца в качестве наиболее вероятного владельца клада. Клад мог быть спрятан им незадолго до оставления должности приходского священника и долгие годы лежал невостребованным, поскольку близость к царю давала неисчислимые материальные выгоды. Но опала и ссылка, последовавшие вскоре после смерти царя Алексея Михайловича, окончательно лишили его возможности воспользоваться спрятанными деньгами. Авторы специально отметили, что предложенная версия есть не более чем один из возможных вариантов, показывающий какие возможности может дать изучение и анализ всех обстоятельств находки отдельного клада.

А. И. Чупашкина (Владимирский музей) в своем докладе «Клад русских монет XI века из Владимирского Рождественского монастыря» дала обстоятельное описание монетного комплекса, найденного в 1986 г. Состоящий из 266 серебряных монет «московок» клад отмечен удивительной чистотой состава, так как не содержит монет первой половины XV в. Монетный состав клада и его величина говорят о том, что это моментальный снимок денежного обращения Владимира второй половины XV в., захоронение носит случайный характер и связано, вероятнее всего, с большим пожаром 1491 г.

По докладу А. И. Чупашкиной выступила А. С. Мельникова, отметившая большое значение этого клада для уточнения датировки целого ряда монет второй половины XV в.

Доклад Е. Ю. Мокеровой (Вятский музей) «Характеристика нумизматического материала из Кадочниковского могильника» был посвящен монетам, найденным в процессе раскопок одного из марийских дохристианских могильников. Обнаруженные монеты были разделены по их назначению в погребениях на монеты-украшения и монеты — «обол мертвых». Монеты-украшения входили в состав женских головных и шейно-нагрудных украшений, а также нашивались на женскую и мужскую одежду. Обычай «обола мертвых» в различных его формах характерен прежде всего для финно-угорских народностей. В XVI —XVII вв. в качестве «обола мертвых» использовали серебряные денги и копейки, в начале XVIII в. медные денги, позднее пятаки. Кроме монет в погребениях встречены нюрнбергские жетоны конца XVI — начала XVII в. и «мордовки» — монетовидные подражания, изготавливавшиеся в Поволжье и Приуралье. Нумизматический материал позволил продатировать раскопанные погребения в пределах не ранее 30-х годов XVI в. и до 10-х годов XVIII в.

В докладе С. В. Зверева (Музеи Московского Кремля) «Псковский денежный двор в конце XVI — начале XVII в.» на основе комплексного анализа технических данных монет, кладов и письменных источников была уточнена атрибуция ряда псковских копеек. Клады показывают, что монеты с именем Федора Ивановича и обозначением денежного двора ПС появились уже в середине 1580-х годов. В годы Смуты неоднократно возобновлялась чеканка этого монетного типа с именем последнего «истинного» государя. Документы позволяют опровергнуть представление о прекращении монетной чеканки во Пскове в 1613—1617 гг. из-за изоляции города от Москвы. Во Пскове, так же как и в оккупированном шведами Новгороде, в эти годы основным сырьем для чеканки новых копеек пониженного веса стали «старые» монеты прежних государей. Были отмечены особенности приема «старых» денег, которые во Пскове не менялись «с наддачею» на «новые», а принимались по весу как особый сорт серебра.

В. В. Зайцев (Центр археологич. исслед. г. Москвы) в докладе «Монетные клады начала XVII в. с территории Комарицкой волости» остановился на специфике пяти кладов 1603—1605 гг., которые в географическом отношении составляют компактную группу и происходят из юго-восточных районов Брянской области. В XVII в. это была территория богатой и густо заселенной Комарицкой волости. В 1601—1603 гг., когда в Москве и многих других городах страны разразился страшный голод, хлебный достаток, очевидно, вызвал обильный приток в волость наличных денег, оседавших в клады. Причиной того, что клады оказались невостребованными, послужили события конца 1604 — начала 1605 г., когда в Комарицкую волость вступила армия Лжедмитрия I. После поражения у с. Добрунь Лжедмитрий бежал в Путивль, а царская армия обрушила репрессии на жителей волости, помогавших самозванцу.

Доклад Т. В. Рязанцевой (Ярославский музей) «Новые материалы о Ярославском денежном дворе» убедительно подтверждал предположение о возобновлении работы денежного двора в царствование Михаила Федоровича. Дозорная книга 1614 г. и переписная книга 1646 г. не только подтвердили существование в городе денежного двора, но даже позволили сравнительно точно определить его местоположение в Ярославском кремле. Предстоящие в центральной части города археологические раскопки помогут прояснить вопрос о месте и времени функционирования денежного двора.

В сообщении Т. В. Рассадиной (Костромской музей) «Монетные клады на Костромской земле» была дана характеристика 31 монетного комплекса конца XVI — начала XX в. Клады, найденные в Костроме и области, позволяют проследить всю историю денежного обращения страны за этот период.

Доклад Т. В. Рассадиной вызвал выступления А. В. Быкова и А. С. Мельниковой. А. В. Быков

высказал предположение, что один из костромских кладов первой трети XVII в., найденный вблизи от Вологодской дороги и содержащий для кладов того времени необычайно много полушек (на 3177 монет клада 771 экз.), представляет собой казенную посылку с мелкими деньгами «на размен», по каким-то причинам не дошедшую до места назначения — Вологды.

А. С. Мельникова отметила важность проделанной Т. В. Рассадиной работы и высказала надежду на ее дальнейшее развитие, поскольку публикация кладов, хранящихся в российских музеях, становится одной из главный задач отечественной нумизматики.

В докладе А. В. Быкова (Вологда, Управление культуры) «Наличные деньги крестьян Северной Руси и некоторые проблемы тезаврации кладов в первой половине XVII в.» была поставлена под сомнение традиционная связь тезаврации кладов крестьянским населением средневековой Руси с повышением эксплуатации податных слоев и предложено ее рассмотрение как показателя имущественного состояния крестьян. Сравнительный анализ кладов Северной Руси показал, что крестьянские клады по своим размерам значительно меньше, чем посадские и монастырские, что, казалось бы, подтверждает существующие представления. В то же время актовый материал дает много примеров значительных состояний ремесленников и крестьян. Даже карманные деньги представляют в массе суммы равные, а то и превосходящие по размеру суммы вкладов. При этом необходимо отметить тот факт, что в структуре имущества северного крестьянина XVII в. наличные деньги никогда не занимают доминирующего места. Наибольшее богатство составляли дворовые постройки и земля, затем скот, хлебные запасы, инвентарь, одежда и украшения. Монетные клады не могут отражать в полной мере имущественное положение владельца. Актовый материал позволяет назвать еще одну причину относительно малых сумм в крестьянских кладах. В условиях XVII в. дробление наличных средств было не лишней мерой. Известны документы, указывающие, что разбойники «вымучивали» у крестьян деньги, спрятанные в различных местах дома и усадьбы. Рассредоточение денег по малым «ухоронкам» позволяло в случае опасности сохранить если не всю сумму, то хотя бы ее часть.

А. М. Колызин (Московское нумизматическое общество) в докладе «К вопросу о метрологии монетного чекана Москвы последней четверти XIV в.» сообщил о результатах исследования веса монет Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича, а также русских платежных слитков-гривен. Результаты расчетов указывают на зависимость весовых норм монетной чеканки Москвы от весовых норм монетной чеканки Москвы от весовых норм чеканки Золотой Орды в XIV в. Три московские денги по весу были равны двум татарским дирхемам. Дмитрий Донской начал чеканку монет на рубеже 70—80-х годов XIV в. по стопе 200 денег из «гривны серебра» по весовой норме 0,98—1,03 г. После снижения веса дирхема в Орде при хане Токтамыше с 1,47—1,55 г до 1,37—1,43 г в Москве около 1382—83 гг. снижают монетную стопу с 200-денежной до 216-денежной, при этом весовая норма снижается до 0,91—0,95 г. В 1386 г. фактический вес московских денег снижается до 0,87 г., а в 1391 г. вновь повышается до теоретической весовой нормы 0,91—0,95 г. Все метрологические изменения сопровождались изменениями монетного типа.

М. П. Сотникова, выступившая по докладу А. М. Колызина, отметила убедительность предлагаемой схемы и подчеркнула важность выявления возможной причины появления 216-денежного рубля, всегда считавшегося необъяснимой спецификой русского средневекового денежного счета.

В докладе М. П. Сотниковой (С.-Петербург, Эрмитаж) «Первые монеты Великого Новгорода (1420—1447)» была выделена группа новгородок, отличающихся от остальных меньшими размерами, большей толщиной и темной поверхностной окисью. Исследователями на основе метода поштемпельного анализа было выявлено около 1100 штемпелей лицевой стороны новгородок и более 1600 оборотной. По расчетам М. А. Львова, на один штемпель приходится около 8 экз. монет из коллекций и кладов, для малоформатных монет — 1,5. Столь низкое значение может быть объяснено только преднамеренным изъятием большей части этих монет из обращения. Такое изъятие, по сообщению летописи, произошло в 1447 г., когда вследствие злоупотреблений, обнаруженных в литье слитков и чеканки монеты, Новгороду пришлось отказаться от литья слитков, а чеканку монет определенным образом упорядочить.

Доклад И. В. Ширякова (Дмитровский музей) «Еще раз о времени и месте чеканки русских золотых с именем Ивана III» был посвящен двум уникальным монетам XV в.— русским репликам венгерского дуката («угорского») и английского нобля («корабельника»). Специально исследовавший эти монеты М. А. Львов на основании эпиграфических особенностей определил место чеканки — Новгород и датировал их выпуск 1477—78 гг. Надписи на золотых монетах называют Ивана III и его сына-наследника Ивана Ивановича великими князьями «всея Руси». Из официальных документов лишь в московско-новгородских договорах Иван Молодой имел такой титул. Эта особенность еще раз говорит о причастности чеканки золотых к новгородским событиям той поры. Их чеканка в Новгороде могла состояться в период 1471—1478 гг.— от Коростынского мира до потери Новгородом независимости.

С большим вниманием был прослушан доклад Е. С. Щукиной (С.-Петербург, Эрмитаж) «К вопросу о монограммисте „ОК" и „КО"», в котором раскрывалось имя резчика монетных и медальных штемпелей первого трети XVIII в. В документах Монетной канцелярии 1741 г. упомянуто имя «резного мастера» Осипа Калашникова, находящегося в заключении с 1727 г. за продажу штемпелей с монетного двора. Документы свидетельствуют о длительной работе мастера на Монетном дворе еще до времени заключения и почтенном возрасте в 1741 г., что позволяет выразить предположение, что монограмма ОК принадлежит одному из первых русских медальеров Осипу Калашникову.

М. А. Шуткина (Москва, ГИМ) в сообщении «Микроскоп Александра Фишера» рассказала о медали Императорского общества естествоиспытателей при Московском университете, которой были отмечены труды А. Г. Фишера фон Вальдгейма в разделе оптики. Изобретенный им микроскоп позволял получить прямое, а не перевернутое, как ранее, изображение. Расположение линз в

раздвижном тубусе позволяло получить изображение различной кратности без изменения окуляра и объектива. Вся дальнейшая разработка схем микроскопов базируется на этом изобретении.

В докладе М. А. Добровольской (С.-Петербург, Эрмитаж) «Памятники бородинского монумента и Александра I в отделе нумизматики Эрмитажа» были введены в научный оборот несколько редких экспонатов, хранящихся в коллекции Эрмитажа. Многочисленные нумизматические памятники, связанные с Отечественной войной 1812 г., должны быть дополнены памятным золотым перстнем, связанным с закладкой памятника на Бородинском поле 26 августа 1837 г. в день 25-й годовщины Бородинского сражения, и серебряным перстнем, связанным с торжествами на Бородинском поле в 1839 г. Изображение Бородинского памятника, дополненное наложенным на него двуглавым орлом, было знаком созданного в 1913 г. Бородинского общества охраны памятников. Изготавливались знаки бронзовые, серебряные и серебряные золоченые. В круг рассматриваемых памятников возможно включить траурные перстни черненого серебра, принадлежавшие лицам, находившимся в Таганроге при умершем Александре I, а также памятный крест в честь открытия А. А. Аракчеевым в с. Грузине памятника покойному императору.

Т. П. Сыч (Ярославль, Художественный музей) в докладе «Нумизматическая коллекция семьи Ашиков» сделала обзор интереснейшего собрания, хранящегося ныне в фондах музея.

Интерес вызвал доклад Г. Е. Букатиной (Москва, ГИМ) «Медали, нагрудные знаки и жетоны Императорского Московского университета, хранящиеся в отделе нумизматики ГИМ». Несмотря на то что различным сторонам деятельности этого учебного заведения посвящено множество трудов, такая тема, как поощрение лучших его воспитанников, до сих пор остается мало или вообще не затронутой. Изучение нумизматических памятников позволяет в значительной мере восполнить этот пробел.

Доклад Л. И. Добровольской (С.-Петербург, Эрмитаж) «Строительство портов и каналов в именных жетонах конца XIX века» был посвящен группе именных жетонов, хранящихся в коллекции отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, которые позволяют воскресить любопытные картины общественной жизни России конца XIX в.

Г. И. Грехова (С.-Петербург, Русский музей) в докладе «К истории создания медалей, посвященных отмене крепостного права» рассказала об истории создания и особенностях оформления медалей, связанных с одним из важнейших событий XIX в.

Во время конференции работал книжный киоск, где была выставлена для продажи новейшая литература по нумизматике и краеведению. К началу работы конференции выпущен сборник тезисов тиражом 100 экз. Конференция в Вологде была проведена четко, на высоком организационном уровне. Участники по праву выразили свою признательность председателю оргкомитета конференции А. В. Быкову, создавшему хорошие условия для работы и организовавшего большую культурную программу. Были проведены интересные экскурсии, показана экспозиция Вологодского музея, 21 мая участники конференции получили возможность осмотреть Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, услышать народные песни в исполнении фольклорного ансамбля и принять участие в старинных русских забавах.

Прекрасная организация и подбор докладов, охватывающих почти все направления отечественной нумизматики, сделали конференцию интересной и, можно надеяться, плодотворной.

Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Московский Кремль»

С. В. Зверев

КОНФЕРЕНЦИЯ «ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБРАБОТКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ»

(Москва, 1993)

26—27 апреля 1993 г. в Институте археологии РАН (Москва) проходила конференция «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Кроме сотрудников ИА в ней принимали участие археологи МГУ и Екатеринбурга. Тематика представленных докладов отражала два основных направления, развивающихся сейчас в сфере «компьютерной археологии» в России — адаптация существующих и создание новых пакетов программ, учитывающих специфику археологии, ее задач, объектов и методов, и конкретные исследования, основанные на статистической обработке археологического материала. Большинство докладов иллюстрировалось демонстрацией программ в действии.

Первое заседание открыл директор ИА РАН Р. М. Мунчаев. В кратком выступлении он рассказал об истории и современном положении компьютеризации в ИА РАН.

Г. Е. Афанасьев (ИА РАН) в своем докладе «Основные направления использования компьютерной техники в археологии» обобщил опыт ее применения в этой науке. По его мнению, довольно четко определились три основные области применения вычислительных машин в археологии — создание

© М. Е. Смирнова, 1994 г.

информационно-поисковых систем; статистическая обработка материала; вспомогательная обработка данных (машинная графика, обработка изображений и т. п.). Создание ИПС по археологии прошло два этапа, характеризующихся разными тенденциями. В 50—60-е годы в зарубежной археологии велась работа по созданию громадных баз данных, в которых должно было быть заложено буквально все, с чем имеет дело археология. Однако довольно скоро от этого пришлось отказаться из-за малой пользы таких громоздких баз для конкретных археологических исследований. Сейчас и за рубежом, и в России используются и создаются банки данных, конкретно ориентированные на отдельные исследовательские темы и проекты. Такие ИПС строятся, как правило, на различных версиях систем управления базами данных (DBASE, FOXBASE, PARADOX, CLARION, МИРИС, КВАНТ, РЕБУС и т. п.). Внедрение персональных компьютеров и создание разнообразных ИПС в археологии обусловило необходимость использования пакетов статистических программ и выбор среди них наиболее удобных для задач археологического исследования. Практика работы сотрудников отдела охранных раскопок ИА РАН в этой области показывает, что большинство таких задач могут быть успешно решены при помощи трех статистических пакетов — STATGRAPHICS, DATASCOPE, SAS. Далее развитие вычислительных средств привело к появлению специализированных систем обработки изображений (в которых ЭВМ выполняют функции управляющего и вычислительного устройства) и систем автоматизированного проектирования. Первые позволяют получать новую информацию для обнаружения и исследования как памятника в целом, так и его внутренних структур, вторые — намного упростить и ускорить работу с основной полевой документацией — чертежами и т. п. В заключение Г. Е. Афанасьев остановился на критике довольно широко распространенных среди археологов заблуждений относительно возможностей вычислительных машин, отметив, что вычислительные машины не дают исторической интерпретации и являются лишь надежным инструментом для быстрой обработки данных; археологу для использования вычислительной машины вполне достаточно элементарного университетского курса прикладной статистики; археологические материалы не настолько специфичны, чтобы кардинально отличаться от данных других областей науки, и проблемы в их компьютерной обработке аналогичны проблемам с иными данными, привлекаемыми для компьютерного анализа.

Доклад М. В. Андреевой, Г. Г. Джаникяна и И. А. Сорокиной (ИА РАН) «ARL-TREE/TUMULUS. Проект основы банка данных по материалам раскопок степных курганов и практическое его применение» включал в себя как основы созданной и апробируемой системы управления иерархическими базами данных, так и сообщение о конкретном историческом исследовании, проводимом на основе этой системы. Модель данных, лежащая в основе СУИБД ARL-TREE/TUMULUS, является расширением классической иерархической модели. Добавлены новые типы данных, в результате чего возможны горизонтальные связи между таблицами одного уровня. Реализован и проходит тестирование аналог языка запросов QBE. Максимальное возможное число уровней иерархии — 16, максимальное число таблиц — 256. Предусмотрен экспорт данных в форматы dbf и db. Введено графическое сопровождение (со сканнера). Возможно определение элементарных статистических показателей в рамках системы. Модель описания курганных погребальных памятников включает более 800 признаков (35 таблиц), последовательно описывающих курган в целом и на уровне составляющих его объектов, предусмотрены таблицы для описания грунтовых могильников. Между компонентами одного объекта с помощью особой таблицы могут быть указаны пространственные, временные или ранговые взаимоотношения. Система оставляет за каждым из пользователей достаточную свободу в определении необходимого набора таблиц. Накопление данных в рамках системы открывает перспективу перехода от узкорегионального исследования материала к работе на широкомасштабных выборках, что соответствует историческому характеру степных культур.

Во второй части доклада сообщалось о применении системы для описания погребений эпохи поздней бронзы Западного Предкавказья и Нижнего Поволжья. Эта база данных была положена в основу конкретного исторического исследования расселения племен срубной культуры в указанных регионах.

В. И. Борисенко, В. Ю. Бубнов и А. С. Смирнов (ИА РАН) в своем докладе «Программа „Десна" для анализа материалов культурного слоя неолитических поселений» также представили как вновь созданный специализированный программный комплекс, так и пример его применение к конкретному археологическому материалу. Отличием этого комплекса от общеизвестных СУБД является возможность хранения графической информации — в данном случае создание графического образа плана раскопа с учетом нивелировки — и обеспечение быстрого доступа к данным большого объема. Структурно комплекс состоит из аппаратной части и программного обеспечения — описательного и математического блоков. Основой описательной части являются так называемые тип-листы. Неотъемлемой частью базы данных является также информация о геометрической конфигурации комплекса. Информация о конкретных объектах вводится и хранится по трем основным параметрам: признаки и координаты объекта и принадлежность его к определенному комплексу. Для каждой категории находок (объектов) формируются отдельные файлы, соответствующие своему тип-листу, что позволяет ввести в базу практически весь массовый материал. Блок математической обработки включает в себя основные статистические операции: вычисление типообразующих признаков, коэффициентов сопряженности вариантов, взаимной информативности признаков. Для более тонкого статистического анализа информация может быть экспортирована из СУБД в совместимый с ней пакет статобработки.

В качестве примера были представлены результаты обработки керамического материала верхнеокской неолитической стоянки Красное X. Кроме количественного и процентного соотношения объектов в выборке по заданным признакам и первичной статобработки (выявление типообразующих признаков и определение коэффициента сопряженности между всеми вариантами признаков), которые могут быть использованы для планиграфического и стратиграфического анализа распределения

материала и сравнения его с другими комплексами, система обеспечивает получение инвентарной описи материала, упорядоченной по квадратам и глубинам с перечнем признаков объектов.

Доклад М. Р. Зотько (ИА РАН) «Компьютерная обработка изображений при решении археологических задач» был посвящен возможностям работы с фото- и аэрофотоснимками и использованием материалов космической съемки земной поверхности в широком спектральном диапазоне. Особое внимание было обращено на два направления — выявление системы признаков, позволяющих идентифицировать археологические памятники (как и их характерные участки) на естественном природном фоне по материалам аэрокосмической съемки, и максимальное увеличение информативности фотоизображений отдельных участков археологических памятников путем обработки их на компьютере широким набором специальных методов. В докладе были также указаны дальнейшие перспективы компьютерной обработки археологической фотоинформации.

В докладе Д. С. Коробова (ИА РАН) «Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника Мокрая Балка I» представлены результаты исследования по выявлению в погребальном обряде северокавказских алан элементов социальной стратификации при помощи методов регрессивного, дискриминантного, факторного и других статистических анализов. Основой исследования послужила созданная в Отделе охранных раскопок ИА РАН ИПС «ALAN». Была установлена зависимость параметров катакомб друг от друга, определено различие детских и взрослых катакомб по размерам камеры, подтвержден вывод о принадлежности катакомбы малой семье. Далее были выявлены «мужской» и «женский» наборы инвентаря по выборкам одиночных погребений. После расширения этих выборок за счет иных видов захоронений среди мужских погребений выделилось четыре группы в наборе инвентаря. При сопоставлении результатов факторного и кластерного анализов было установлено деление мужского населения общины на четыре группы.

Еще один вариант СУБД для археологических памятников представил Б. Е. Янишевский в докладе «База данных по памятникам археологии "GRAVE" и опыт ее применения». Особенностью этой базы являются направленность на памятники в целом, а не на их части-объекты, возможности централизации сведений, быстрой связи с регионами по существующей сети через модем и регулярного обновления информации, создания базовой компьютеризированной карты исторического наследия с постоянным ее дополнением. База рассчитана не столько на конкретные задачи археологического исследования, сколько на нужды организаций, так или иначе имеющих дело в своей работе с памятниками истории и археологии. В настоящее время она апробирована на памятниках археологии Московской области.

Н. Н. Гончарова (ИА РАН) в докладе «Применение методов многомерной статистики к анализу краниологических материалов» обобщила возможности применения этих методов к иной категории материалов, полученных в результате археологических раскопок. Задачей исследования были классификация и дискриминация краниологических выборок на примере популяций Новгородской земли и сопредельных групп. Для решения этих задач были привлечены три метода многомерной статистики — канонический и кластерный анализы и многомерное шкалирование. Результатом канонического анализа стало отчетливое выделение трех основных скоплений групп, одно из которых включает все группы Новгородской земли, другое образовано несколькими выборками кривичей, вятичей и радимичей, третье — балтскими по происхождению группами. Недостатком этого метода является описание только части изменчивости. В результате многомерного шкалирования было получено менее структурированное поле выборок, в котором выделяются две части — выборки Новгородской земли и все остальные. В результате кластерного анализа также получены три кластера, в целом соответствующие результатам первых двух методов.

Конкретному исследованию был посвящен и доклад Ш. П. Амирова «Методика и некоторые результаты компьютерной обработки халафской расписной керамики». На основании классификационной гипотезы иерархического типа был сформирован список признаков и их значений и проведен анализ частотных характеристик каждого из выделенных признаков. Корреляционный анализ позволил уточнить характеристики групп и выявить группы более низкого таксономического уровня. Всего было получено восемь групп верхнего таксономического уровня. В дальнейшем была разработана методика восстановления условно целых форм по фрагментам. Наличие несложной математической программы сделали этот процесс автоматизированным. Для стратиграфической группировки материала были использованы метрические показатели стратиграфического положения материала и по ним было проанализировано процентное распределение каждой из групп. Это позволило выявить циклическое изменение соотношения открытых и закрытых форм, реализованных за счет различных групп в каждом из циклов, предположить общие этапы в эволюции халафской культуры и предложить четырехступенчатую модель периодизации слоя Ярым-Тепе II, отразившего второй этап раннего периода халафской культуры.

Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Т. Б. Барцева, Л. Б. Орловская, Т. О. Тенейшвили (ИА РАН) в своем докладе «Применение компьютерной техники в историко-металлургических исследованиях» представили комплекс компьютерных программ, разработанных и используемых в историко-металлургической группе лаборатории естественно-научных методов ИА РАН. Основой исследования здесь являются обширные базы данных по крупным регионам, входившим в периоды раннего и среднего бронзового века в Циркумпонтийскую металлургическую провинцию или связанных с ней культурными и производственными связями. В каждой из таких баз, включающих несколько тысяч находок, предмет описан 56 признаками (место, форма и тип, культурные, стратиграфические и хронологические привязки и проч.). Система программ «Арксис», включающая более 10 программ, позволяет производить детальную обработку этих баз данных по всем учтенным признакам, в том числе картографирование, статистическую обработку, создание различных каталогов и др. Имеется специальная программа, позволяющая производить различные варианты калибровки радиоуглеродных

датировок и проводить статобработку результатов по хронологическим периодам. В частности, получены интересные результаты по вопросу разграничения раннего и среднего бронзовых веков.

В докладе А. Ф. Урьевой и Н. Б. Черных (ИА РАН) «Программа обработки дендрохронологических данных» были проанализированы существующие отечественные и зарубежные программы для обработки данных дендроанализа и показано, что задачи дендрохронологии могут быть решены только при модификации этих программ. Подобная программа (исполнители Г. В. Титова, Ю. В. Захаров и С. В. Федоров), созданная для дендрохронологической лаборатории ИА РАН, позволяет наиболее эффективно осуществлять синхронизацию и абсолютные привязки исследуемых кривых погодичного прироста. Для синхронизации в ней используются два критерия — коэффициент корреляции и «процент совпадений» по Б. Губеру. Обработка материалов новгородских раскопов по этой программе позволила сделать следующие выводы: визуальный анализ является начальным и заключительным этапом работы; программа позволяет выявить погрешности замеров и выделить аномалии в развитии годичного прироста; оптимальные результаты могут быть получены только при использовании комплексов серий индексов.

Доклад Е. А. Спиридоновой и Я. Н. Лаврушиной «Применение компьютерной техники в палинологических исследованиях» (ИА РАН) был посвящен специальной программе статистической обработки данных спорово-пыльцевого анализа для археологических памятников и естественных разрезов, разработанной и применяемой в группе палинологии ИА РАН. Эта программа позволяет значительно ускорить фиксацию данных по образцам, расчеты процентного содержания пыльцы в образцах, построение гистограмм по каждому образцу и диаграмм по разрезу в целом. Создаются так называемые ведомости (каталоги встречаемости пыльцы) в зернах и в процентном содержании для образца. В перспективе предполагается создание усовершенствованного банка данных, интерпретация создаваемых диаграмм и выход на построение климатических карт.

Ю. Л. Щапова (МГУ) в своем докладе «Лингвистическое обеспечение баз данных по археологии» представила вариант СУБД, ориентированный на вербальное представление археологического материала. Основой программы является создание автоматизированного упорядоченного словаря терминов описания признаков археологических находок разных категорий. Программа не имеет встроенного математического аппарата и принципиально совместима со специальными пакетами статобработки, обеспечена средствами, позволяющими работать с ней непрофессионалу в области компьютерной техники.

В обсуждениях докладов выступили Е. Н. Черных, И. С. Каменецкий, В. Б. Ковалевская, Г. Е. Афанасьев, Ю. Л. Щапова. Выступающие отметили разноплановость сугубо археологических тем докладов, бесперспективность обсуждений каждого доклада в отдельности. И. С. Каменецкий выразил опасение по поводу увеличения уровня схематизации в археологических исследованиях, косвенно связанного с обработкой больших массивов материала с помощью вычислительной техники. По мнению В. Б. Ковалевской, в представленных исследованиях получены результаты, выходящие за рамки ожидания. Это дает возможность уловить со временем чисто археологические закономерности по результатам разных исследований. Вместе с тем она напомнила о нерешенности вопроса корректности использования стандартных статистических программ для археологии. Е. Н. Черных, отметив большую информативность конференции в плане знакомства с работой, ведущейся разными коллективами и исследователями в этом направлении, предложил решить конкретные вопросы: о публикации и о периодичности подобных конференций — раз в два года. Это предложение поддержала Ю. Л. Щапова, сказав о необходимости объединения археологов, связанных с компьютерами, в своего рода ассоциацию. Г. Е. Афанасьев согласился с точкой зрения о невозможности обсуждения конкретных программ без опыта работы с ними и присоединился к предложению Е. Н. Черных и Ю. Л. Щаповой, отметив, что подобное объединение позволит в будущем решить проблему обмена или пользования одним из результатов подобной работы — авторскими программами.

Для решения организационных вопросов, поставленных при обсуждении, на конференции был избран оргкомитет в составе Г. Е. Афанасьева, Е. Н. Черных и Ю. Л. Щаповой.

Институт археологии РАН,
Москва

М. Е. Смирнова

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»

(Омск, 1992)

25—27 ноября 1992 г. в г. Омске на базе Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского Отделения РАН (ОИИФФ СО РАН) и Омского университета была проведена Всероссийская научная конференция «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий». Это третья конференция в серии такого рода тюркологических конференций, проведенных в Омске. Первые две (всесоюзные) состоялись там в 1979 и 1984 г. В работе конференции приняли участие около 70 ученых, археологов, этнографов, лингвистов, филологов и других специалистов, представлявших коллективы центральных и местных учреждений и вузов. В их числе Институт археологии РАН, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва), Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Омский филиал ОИИФФ СО

© В. А. Могильников, 1994 г.

РАН, Красноярская лаборатория ОИИФФ СО РАН, Бурятский институт общественных наук, Казанский, Кемеровский, Омский, Томский, Тюменский, Якутский университеты, Джезказганский, Новосибирский, Омский пединституты, Тобольский музей-заповедник, представители общественных организаций сибирских татар. На конференции было заслушано около 50 докладов по различным проблемам этнической истории, этнографии, филологии тюркоязычного населения России, главным образом сибирских татар. При этом количественно преобладали доклады по этнографии татарского населения, что объясняется наличием в Омске крупного центра по изучению истории и культуры сибирских татар, основные научные силы которого сконцентрированы в Омском филиале ОИИФФ СО РАН. Докладов по археологии и лингвистике было меньше, но они касались ряда кардинальных вопросов этногенеза тюркоязычного населения Сибири.

Доклады по археологии, заслушанные на конференции, могут быть сгруппированы по следующим аспектам проблематики: историография, культура тюркоязычного населения Саяно-Алтая, тюркизация аборигенного населения лесостепи и южно-таежной подзоны Западной Сибири, этнический состав Тарского Прииртышья в XVI—XVIII вв., хозяйство, публикация материала новых памятников.

Тематика историографии освещалась в докладах В. И. Матюшенко и А. В. Жук. В докладе В. И. Матюшенко «Разработка проблем этнической истории местных народов в научных учреждениях Западной Сибири» кратко проанализировано изучение этнической истории преимущественно тюркоязычного населения Западной Сибири русскими и советскими исследователями от конца XIX в. до настоящего времени. Из дореволюционных исследователей особо отмечены заслуги В. В. Радлова, а в советское время — школы А. П. Дульзона, подходившей к решению вопросов этногенеза комплексно, с использованием данных лингвистики, археологии, истории. Отмечено также, что крупными центрами по комплексному исследованию проблем этногенеза народов Сибири в 60—70-х годах становятся коллективы археологов и этнографов Томского университета, ИИФФ СО АН СССР в г. Новосибирске, институтов археологии и этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, а с конца 70-х — начала 80-х годов — Омского университета, а также ряда других вузов Урала и Сибири.

В докладе А. В. Жук «Собирательство древностей в Тобольске в начале XVIII в.» рассмотрена деятельность Тобольского губернатора М. П. Гагарина по собиранию древних, преимущественно золотых вещей из сибирских курганов, а также дана оценка взглядов других исследователей на сибирские древности, в частности М. П. Карамзина и Ч. Ч. Валиханова, которые относили сибирские курганы к эпохе великого переселения народов.

Особенности культуры тюркоязычного населения Алтая середины — второй половины I тыс. н. э. рассматривались в докладах А. П. Бородовского и А. С. Васютина. В докладе А. П. Бородовского «Территориальное распространение древнетюркских погребальных сооружений с кольцевой конструкцией и проблема этнических особенностей населения Центрального Алтая» поставлен вопрос о неоднородности древнетюркского населения Саяно-Алтая, который в литературе пока детально не разрабатывался. Разработка этого вопроса требует анализа специфики погребального ритуала. Одним из проявлений ее являются курганы и поминальные сооружения с кольцевыми каменными выкладками, представленные преимущественно в Центральном Алтае и в Туве. По мнению А. П. Бородовского, они характеризуют особую этнографическую группу тюрок Центрального Алтая. Аналогичной точки зрения придерживается и автор настоящей информации, исследовавший кольцевидные культовые выкладки данного облика в могильнике Кара-Коба I в Центральном Алтае [1, с. 218], которые датируются концом V—VI вв. и относятся к наиболее ранним сооружениям этого типа.

В докладе А. С. Васютина «О месте раннего Кудыргэ в древнетюркской эпохе Саяно-Алтая (культурно-исторические аспекты изучения)» обсуждается проблема более длительного переживания памятников кудыргинского типа, чем время существования I Тюркского каганата, запаздывания археологических дат против исторических, из-за чего кудыргинские и катандинские памятники переживают I и II Тюркские каганаты. Данное утверждение, верное в отдельных частностях, требует дополнительной аргументации. Недостаточно корректно также утверждение, что в Саяно-Алтайском регионе и в лесостепном Алтае до сих пор не обнаружены погребения с геральдическими поясами, аналогичными кудыргинским. Единичные, правда, находки пряжек и блях кудыргинского типа представлены в погребениях могильника Кара-Коба I [2, рис. 14, 1]. Есть они также в коллекции Н. С. Гуляева, происходящей из его раскопок в горном Алтае или в предгорьях Алтая, возможно, на Ближних Елбанах — точное местонахождение неизвестно (Горно-Алтайский музей, кол. № 1). В предгорьях Алтая небольшое количество поясных геральдических блях обнаружено в погребениях VI—VII вв. могильника Осинки между Бийском и Барнаулом, где они встречены вместе с характерными для этого времени железным трехлопастным наконечником стрелы и однокольчатыми удилами с костяным двудырчатым псалием [3, с. 75]. В свете данных находок Кудыргэ является не единственным памятником на Алтае и в его предгорьях, где представлены уздечные и поясные наборы с геральдическими бляхами. Быстрое и широкое распространение последних в VI—VII вв. в эпоху I Тюркского каганата не противоречит возможному более длительному переживанию их в отдельных регионах и на отдельных памятниках.

С традициями погребальной обрядности алтайских тюрок, по мнению А. А. Адамова, связаны исследованные им на могильниках XIII—XIV вв. Высокий Борок и Ельцовский-I в Новосибирском Приобье прямоугольные деревянные конструкции с установленными возле них столбами-статуями (?). Эти конструкции находились под курганами, содержавшими захоронение человека с головой и конечностями коня. В докладе «Тюркские поминальные сооружения лесостепного Обь-Иртышья» А. А. Адамов сопоставляет эти деревянные сооружения с каменными оградками алтайских тюрок VI—VIII — IX—X вв., наземная деревянная конструкция которых, согласно реконструкции В. Д. Кубарева, сжигалась. Аналогичным образом прямоугольные деревянные конструкции под курганами Новосибирского Приобья

также сожжены. К этому кругу памятников А. А. Адамов относит также аналогичное сооружение типа домика XIII—XIV вв., исследованное В. И. Молодиным на могильнике Сопка-2, которое он сопоставляет с культовыми амбарчиками обских угров. В данном докладе А. А. Адамова представляется интересной попытка проследить сохранение традиции устройства оградок из камня в деревянных сооружениях западно-сибирской лесостепи XIII—XIV вв., а через них — в надмогильных срубах, устраиваемых на кладбищах сибирских татар. В частности, у тевризских татар возле сруба вкапывался орнаментированный столб, по узору в верхней части которого можно было определить пол погребенного.

Предложенная А. А. Адамовым постановка вопроса о длительном сохранении обычая устройства поминальных оградок, которые при отсутствии камня в западно-сибирской лесостепи стали делать из дерева, заслуживает внимания, хотя и представляется дискуссионной, особенно при учете хронологии каменных оградок. На Алтае каменные оградки не известны после X в. В то же время следует иметь в виду, что намогильные сооружения в форме прямоугольных срубов представлены у алтайцев и казахов в Горном Алтае до настоящего времени [4, рис. 15], что, вероятно, отражает пережитки той же самой традиции, восходящей к древнетюркской эпохе, хотя непосредственно прямую линию развития проследить трудно. По-видимому, в VIII—IX, IX—X вв. у тюрок Алтая происходил процесс трансформации погребальной обрядности. В этот период помимо каменных скульптур, стоящих возле каменных оградок, появляются изваяния, стоящие возле курганов. На это указывает материал курганов Ак-Кобы второй половины VIII—IX вв. на юго-востоке Алтая [4, с. 171—172, табл. XLIII, XLIV) и Кара-Коба I, курган 47 IX—X вв. в центральном Алтае [5, с. 150—152]. В том и другом курганах находились погребения человека с конями, а у края восточной полы насыпей лицом на восток стояли каменные изваяния. В дальнейшем эта особенность ритуала получила развитие у кимаков Верхнего Прииртышья, половцев и в трансформированном виде выступает у тюркоязычного населения лесостепи Западной Сибири в первой половине II тыс.

Вопросам тюркизации угро-самодийского населения южной подзоны тайги и лесостепи Западной Сибири были посвящены доклады В. А. Могильникова и А. М. Илюшина. В. А. Могильников в докладе «Время и пути тюркизации населения юга Западной Сибири» считает, что впервые в лесостепь Западной Сибири тюркоязычное население проникает во II—IV вв. н. э. в эпоху великого переселения народов, частично обусловленную миграциями центрально-азиатских хунну. Однако бесспорных погребений центрально-азиатского населения этого времени пока не обнаружено. Но к IV—V вв. относится уже несколько погребений с монголоидными чертами в антропологическом типе и с сопровождающими захоронениями коня или частей туши коня, что несвойственно населению Западной Сибири предшествующего времени и указывает на их связь с выходцами из Центральной Азии, скорее всего с тюрками в широком понимании этого этнонима. Это погребение 688 на могильнике Сопка-2, сопровождавшееся расчлененной тушей коня [6, с. 161—164, рис. 1], погребение с головой и конечностями коня в коридорной гробнице на могильнике Черноозерье IV в Омском Прииртышье [7, с. 215], три погребения с остовами коней — одно у с. Степной Чумыш [8, с. 136] — и два — на могильнике Ближние Елбаны XIV [9, с. 103, 105, табл. XXXVIII]. С воздействием другой группы тюркоязычного этноса, проникавшего в это время в предгорья Алтая, связаны, вероятно, захоронения шкуры коня на могильнике Ближние Елбаны III [9, с. 107, 118] и ног лошади в погребении у с. Тугозвоново на Чарыше [10], что имеет аналогии в погребениях со шкурой коня последующего периода. Разнообразие в формах сопровождающего захоронения коня или его частей говорит, очевидно, о том, что уже в IV—V вв. в лесостепь Западной Сибири проникали разноплеменные группы тюркоязычного населения, что в значительной мере было обусловлено этнической чересполосицей и смешением разных этносов в эпоху великого переселения народов. Однако события этого времени еще не привели к преобладанию тюркоязычного компонента в лесостепи Западной Сибири. Отдельные тюркоязычные этнические группы в этот период оказались дисперсно рассеянными на обширных пространствах юга Западной Сибири и еще не сыграли существенной роли в тюркизации ее угро-самодийских аборигенов. В то же время для лесостепных районов Верхнего Приобья и предгорий Алтая можно говорить о внедрении в самодийскую среду тюркских элементов с IV—V вв.— главным образом со стороны Алтая, а в меньшей мере с востока — со стороны населения таштыкской культуры, о чем свидетельствует распространение вещей таштыкских типов со II—III вв.

Активизация проникновения тюркоязычного населения Алтая в Верхнее Приобье и в Кузнецкую котловину приходится на конец VI—VIII вв.— период существования I и II Тюркских каганатов — и продолжается в последующее время. С VIII—IX вв. идет тюркизация самодийского населения новосибирского Приобья и угро-самодийцев Барабинской лесостепи до тарского Прииртышья, а также частично южных лесостепных районов между Иртышом и Уралом. Тюркизация районов лесного Прииртышья к северо-западу от устья Тары до Тобольска и южно-таежного Притоболья по Туре, Нице и нижней Тавде происходит преимущественно с XIII в. и обусловлена в значительной мере смещением тюркоязычных, главным образом кыпчакских, этнических групп из лесостепи в южно-таежную подзону в период татаро-монгольских завоеваний. Это не исключает эпизодических проникновений тюркоязычного населения из лесостепи на север по широкой долине Иртыша в предшествующее время, особенно в период летних перекочевок, что уже в IX—X вв. привело к существенной перегруппировке южно-хантыйского населения в период становления усть-ишимской культуры и концентрации его основного ядра в районе, прилежащем к устью Ишима, между Тевризом и Малой Мичей. Предшествовавшее миграции в южно-таежную подзону длительное проживание тюрок в западно-сибирской лесостепи способствовало адаптации хозяйства тюркоязычного этноса к новым природным условиям и, в свою очередь, создавало предпосылки для успешного освоения южно-таежных районов, которые в условиях широкой поймы Иртыша по экологии были близки лесостепным.

В докладе А. М. Илюшина «К вопросу об этнокультурной принадлежности погребений по обряду кремации на стороне конца I тыс. н. э. в лесостепной зоне Западной Сибири» анализировалась

проблема этнической принадлежности погребений с трупосожжениями ряда некрополей лесостепи Западной Сибири, расположенных на пространстве от Иртыша до кузнецкой котловины, этническая интерпретация которых дискуссионна. Одни связывают их с древними хакасами (Кызласов Л. Р.), другие — с самодийцами (В. А. Могильников, Л. А. Чиндина), третьи (прииртышские памятники)—с кимаками (Ф. Х. Арсланова). Т. Н. Троицкая первоначально считала их кыргызскими (в отношении памятников новосибирского Приобья), но недавно присоединилась к мнению об их самодийской принадлежности. А. М. Илюшин считает метрополией населения, оставившего эти погребения, Кузнецкую котловину и сопоставляет его с племенами бома, известными по китайским летописям династии Тан. После распада Западнотюркского каганата в период арабской агрессии в Средней Азии в первой половине VIII в. часть тюркоязычного населения, тюргешей, из Средней Азии продвигается в лесостепь Западной Сибири и на северо-востоке, в Кузнецкой котловине, смешивается с бома. Затем уже отсюда смешавшиеся с тюрками бома расселяются в новосибирское Приобье, павлодарское Прииртышье, а часть продвигается на север и смешивается в томском Приобье с родственным местным самодийским населением. Если принять эту концепцию, то в основе бома были самодийцами, испытавшими тюркское влияние. О связи данного типа погребений с трупосожжениями с самодийцами, находившимися в сфере воздействия тюрок, мы говорили и ранее при анализе культуры населения новосибирского Приобья VII—IX вв. [11, с. 34]. В выступлении А. М. Илюшина прозвучали также излишне категоричные утверждения в отношении этнической принадлежности верхнеобской и сросткинской культур. В частности, сросткинскую культуру он считает самодийской, как и одинцовскую. Если брать сросткинскую культуру в пределах Верхнего Приобья, то в ней, наряду с самодийскими, бесспорно присутствуют тюркские элементы. Верхнеобскую культуру А. М. Илюшин тоже считает в течение всего I тыс. н. э. семодийскоязычной. Мы также придерживаемся мнения, что основу этноса верхнеобской культуры составляли самодийцы, но в конце I тыс. и даже в последней трети I тыс., когда уже шел процесс тюркизации населения Верхнего Приобья, можно предполагать двуязычие этноса верхнеобской культуры. Часть населения этой культуры, кроме самодийского, могла говорить на тюркском языке.

Анализу этнического состава Тарского Прииртышья с прилежащей частью Васюганья в XVII—XVIII вв. были посвящены доклады Б. В. Мельникова и С. С. Тихонова. Б. В. Мельников в докладе «Об этническом составе населения Тарско-Васюганского междуречья в XVII — начале XIX в.» проследил на основе анализа главным образом топонимики, а также исторических и археологических свидетельств последовательность смены и некоторые аспекты взаимоотношений населения различных этнических групп. Древнейшим населением этого региона, по данным гидронимии, были кеты. Затем их сменили селькупы, предки которых здесь появились, видимо, не позднее второй половины I тыс. до н. э. в период кулайской культуры. Позже селькупское население в Тарском Васюганье сменяется хантыйским. Проникновение хантов в этот регион началось, очевидно, в последней четверти I тыс. н. э. и продолжалось в последующее время. При этом данный регион являлся зоной контакта хантов и селькупов вплоть до XVI—XVII вв. Тюркское население появилось в южной части данного региона, к югу от р. Тары, в конце I тыс. н. э. и к XVIII в. ассимилировало остатки селькупского и хантыйского населения в этом регионе среднего течения р. Тары. Влияние русской культуры документируется широким распространением с XVII в. орудий труда, охотничьего снаряжения и украшений русского производства, но автохтонное население, расселяясь в основном в пределах инородческих волостей, значительного идеологического давления со стороны русских не испытывало. Коми-зыряне в Тарском Васюганье появились во второй половине XIX в.

В докладе С. С. Тихонова «Археологические памятники XVII—XVIII вв. в устье р. Бергамак» охарактеризован комплекс памятников тарских татар, состоящий из двух селищ Бергамак III, XX, городища Бергамак IX, курганного и грунтового могильника Бергамак II. Автор связывает их с группой татар, проживавших здесь в XVII—XVIII вв. Затем они переселяются за 5 км на новое поселение у Митейкина озера, а оттуда — в д. Юрт-Бергамак, существовавшую до недавнего времени. Важно то, что археологические памятники удалось связать с поселениями, память о которых жива у местных жителей. Сделаны были также интересные наблюдения о характере расселения тарских татар. Поселения располагались вблизи поймы на расстоянии 10—15 км и обеспечивались пойменными землями прежде всего для пастбищ и сенокосов, водными источниками — реками, озерами для рыболовства и лесными угодьями для охоты и других промыслов. В случае необходимости производилось переселение на расположенные вблизи удобные места. Это наблюдение согласуется с особенностями локализации археологических микрорайонов на р. Таре, которые восходят к более древним периодам. В южно-таежной подзоне Прииртышья сходная ситуация фиксируется для потчевашской и усть-ишимской культур эпохи раннего средневековья.

Вопросам хозяйства тюркоязычного населения юга Западной Сибири, отдельные элементы которого также уходят в глубокую древность, были посвящены доклады В. Т. Галкина, С. Ф. Татаурова и Т. Н. Троицкой, В. Т. Галкин в докладе «Археолого-этнографический микрорайон на оз. Юргаркуль» рассматривает специфику существования многоотраслевого хозяйства в изолированном болотисто-таежном микрорайоне системы проточных Чебургинских озер. Автор предполагает, что многоотраслевое хозяйство в этом регионе появилось в предсузгунское время в XVI—XIII вв. до н. э., поскольку для распространения его здесь в то время имелись необходимые предпосылки. В принципе это возможно. Однако для обоснованного доказательства появления скотоводства в тот период в данном регионе требуется палеофаунистический материал, который пока отсутствует. Этнографическая часть доклада, характеризующая многоотраслевое хозяйство татар д. Чубурга, представляет несомненный интерес. Ряд элементов этого хозяйства восходит к древности.

Доклад С. Ф. Татаурова «Изменения в материальной культуре и хозяйстве кочевников при переходе к оседлости» был построен на этнографическом материале. По свидетельству докладчика

и данным других исследователей, этот процесс вел к распространению постоянных стационарных жилищ с использованием при их строительстве местного материала, изменению состава стада в сторону увеличения количества крупного рогатого скота, сооружению защитных сооружений для стойлового содержания скота и заготовке для него минимума корма.

Т. Н. Троицкая в докладе «О характере земледелия в лесостепи новосибирского Приобья в эпоху средневековья» остановилась на анализе материала из кургана Черное озеро I (VI—VII вв.), где был найден жернов диаметром 28 см с двумя опорами для вращательной рукояти, что вкупе с другими, более поздними находками жерновов позволяет предполагать возможность существования пашенного земледелия в новосибирском Приобье со второй половины I тыс. н. э., что вполне возможно при учете существования пашенного земледелия в это время у енисейских кыргызов-хакасов.

Новый интересный материал по мало изученной эпохе начала II тыс. был изложен в докладе Л. А. Чиндиной «Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника». Здесь под одним из курганов было вскрыто два погребения — мужское и женское. При этом первое сопровождалось захоронением коня и богатым инвентарем, включавшим саблю, наконечники стрел, предметы конского снаряжения и др. По погребальному обряду и культуре памятник наиболее близок к Еловскому I могильнику и датируется XI—XII вв. Инвентарь имеет выраженные позднесросткинские черты. Своеобразное положение конского захоронения ниже костяка человека сближает этот памятник, помимо Еловского могильника, также с более ранними погребениями, имеющими аналогичные черты ритуала, на могильнике Иня второй половины VIII — первой половины IX в. на севере барнаульского Приобья [12], что позволяет проследить между ними генетический ряд, истоки которого ведут к тюркам Алтая с их погребениями с конем, а хорошо выраженные деревянные конструкции могил фиксируют элементы культуры местного самодийского населения Верхнего Приобья. Судя по характеру основательного деревянного перекрытия, к данному кругу памятников относятся также Кармацкий могильник XII—XIII вв. в барнаульском Приобье [13]. В целом же данные памятники начала II тыс. могут быть отнесены к басандайской культуре, для которой в XI—XII вв. было характерно переживание сросткинских черт.

Конференция была хорошо организована. К ее открытию были опубликованы три сборника тезисов, материал в которых сгруппирован по тематике археологии [14], этнографии, языкознания, что позволило сэкономить время на чтении докладов, дополнить их новым материалом и выводами. В тезисах отражены также доклады авторов, не приехавших на конференцию.

Институт археологии РАН,
Москва

В. А. Могильников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Могильников В. А.* Работы Алтайской экспедиции//АО — 1981. М., 1983.
2. *Могильников В. А.* Древнетюркские оградки Кара-Коба I//Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992.
3. *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
4. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
5. *Могильников В. А.* Древнетюркские курганы Кара-Коба I//Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
6. *Молодин В. И., Чикишева Т. А.* Погребение воина IV—V вв. н. э. в Бараба//Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990.
7. *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В.* Памятники железного века в Омском Прииртышье//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
8. *Уманский А. П.* Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумаше//Бронзовый и ранний железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974.
9. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби//МИА. 1956. № 48.
10. *Уманский А. П.* Памятники эпохи «великого переселения народов» на Алтае. Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985.
11. *Могильников В. А.* Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990.
12. *Уманский А. П.* Археологические памятники у с. Иня//Изв. Алтайского отделения Геогр. о-ва СССР. 1970. Вып. 11.
13. *Могильников В. А.* Исследование Кармацких курганов//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая: Матер. конф. Горно-Алтайск, 1992.
14. Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): Матер. Всерос. конф. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1992.

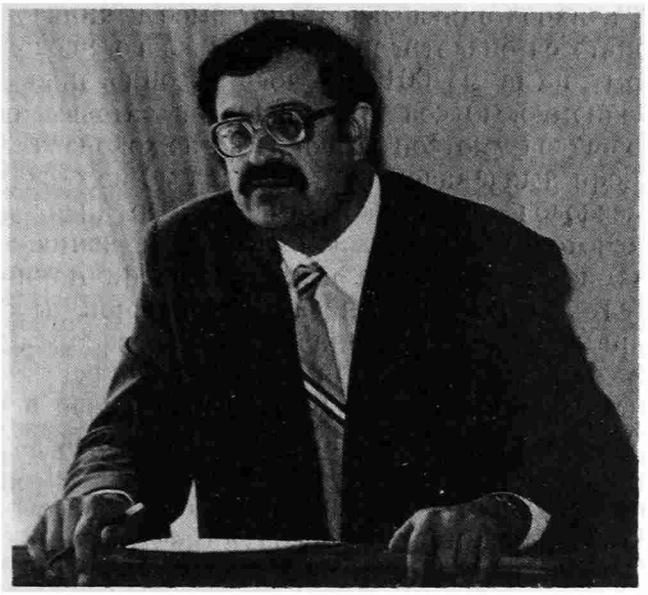
ПАМЯТИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТКАЧЕВА

(1942—1992)

«Редко мы видим человека, в пору и во время призванного на совершение именно того дела, к которому он был как бы заранее предназначен»,— говорил И. С. Тургенев в 1863 г. Таким исключительным явлением, «в пору и во время» пришедшим в науку и общественную жизнь и созданным специально для того и другого, был известный белорусский археолог Михаил Александрович Ткачев (1942—1992). Белорусская археология, как известно, блестяще начавшаяся в 1920-х годах трудами А. Н. Лявданского и его когорты, в следующем десятилетии была разгромлена, начала робко возрождаться после войны и только к 1970-м годам стала вновь понемногу набирать силу. Нужны были серьезные, талантливые, принципиальные в выводах ученые, которые энергично бы двинули белорусскую археологию вперед. Такие исследователи со временем появились, и среди них одно из первых мест, бесспорно, принадлежит М. А. Ткачеву.

Жизнь Михаила Александровича была недолгой и нелегкой. Он родился 10 марта 1942 г. в семье учителей, в Мстиславле — городке, богатом историческим прошлым, и, примечательно, в родительском доме, который стоял у самой Замковой Горы — у древнего городского детинца, где позже на его глазах развернулись археологические раскопки, за которыми он смолоду наблюдал (и в которых живейшее участие принимал его младший брат). При его рождении город был оккупирован немецкими войсками. Отец с первых же дней войны ушел на фронт и вскоре стал считаться пропавшим без вести. Михаил Александрович никогда не видел отца, а впоследствии долго искал следы, и лишь не так давно выяснил, что он погиб после 1942 г. в Финляндии. По окончании войны семья М. А. Ткачева с его отчимом несколько лет жила на территории Германии (1945—1947). Дальше — мстиславльская средняя школа, в 1959 г.— Белорусский государственный университет, где при окончании исторического факультета он берет знаменательную тему: «Древний Мстиславль», от времен древнейших до «дел людей живых и свежей памяти», как писал когда-то историк края М. Стрыйковский (XVI в.). До поступления в аспирантуру он работает учителем средней школы в белорусском городке Жодино. Экзамены в аспирантуру были сданы успешно, но принят он не был. Снова — школа в Жодино. Лишь поздней осенью того же года его находят на работе и прямо с урока он едет в Институт истории АН Беларуси, с которым надолго связывает свою судьбу. В качестве научного руководителя он избирает известного ленинградского специалиста по древнерусскому зодчеству Павла Александровича Раппопорта, занимавшегося средневековой архитектурой Гродно еще в 1949 г. Первая опубликованная научная работа М. А. Ткачева (1969) была посвящена оборонительным сооружениям городищ северной Беларуси дофеодальной поры [1, с. 110—114]. В ней он детально классифицировал укрепленные памятники этой территории позднего железного века. Подобная же работа была произведена им относительно городищ средней Беларуси [1, с.115—121]. Однако более всего его тянули памятники средневековья. В тот же год исследованы укрепления интереснейшего белорусского памятника — городища на Менке, которое, по мнению ряда ученых, следует связывать с остатками первоначального Минска [1, с. 192—199]. Уже эта первая значительная работа начинающего исследователя показывает, с каким тщанием он взялся за поставленную перед собой задачу! Впервые разрезая средневековый вал, М. А. Ткачев сумел детально разобраться во всех его сложных наслоениях. Изучение укреплений городища на Менке М. А. Ткачевым, думается, навсегда останется значительным вкладом в исследование ранних городов Беларуси. Оно подтверждает, что Менское городище — не обширный поселок сельского типа, как иногда думают [2, с. 47], а именно городское поселение начального типа [3, с. 267]. От начального периода аспирантской деятельности до защиты кандидатской диссертации (1972 г.) Михаил Александрович усиленно трудится над изучением древних белорусских крепостей. За эти годы он проводит археологические исследования крепостей в Гродно, Лиде, Крево, Гераноны, Мядель, Лепель, Иказнь, Каменец и др. [4, с. 8]. В 1977 г. выходит его большая книга «Замки Беларуси» [5, с. 1—82], а в следующем году он публикует свою кандидатскую диссертацию 1972 г., которую, будучи весьма требовательным к себе, видимо, до этого дорабатывал [6, с. 1—140]. Надо сказать, что об оборонных сооружениях западных земель Беларуси XIII—XVIII вв. литературы почти не было. Книга М. А. Ткачева — первое обобщающее, исчерпывающее исследование. В ней разбираются важнейшие для истории Беларуси вопросы: о развитии военного зодчества в XIII — первой половине XIV в. (укрепления дофеодальной поры, вежи-донжоны, замки типа Кастель), о замках общегосударственного значения второй половины XIV—XVII вв. (Новогрудок, Гродно), о частновладельческих замках конца XV—XVIII вв. (их общая характеристика на примерах 10 замков, замки бастионной системы укреплений на примерах 11 замков), об оборонных укреплениях городов и «инкастелированных храмах» (принципы и структура обороны, укрепления вольных городов, храмы, приспособленные к обороне,— православные и католические). Как видим, объем изученного впервые материала был огромен. Обобщающий труд М. А. Ткачева — крупнейшее явление в белорусской науке.

© Л. В. Алексеев, Л. В. Колединский, А. А. Метельский, 1994 г.



М. А. Ткачев на защите докторской диссертации, 1987 г.

Потом были напряженные раскопки в Витебске. Большой по площади раскоп, мощнейший культурный слой, множество деревянных конструкций. Работы были поистине самоотверженные. И хотя замыслы относительно витебских раскопок были велики, пришлось на какое-то время заняться преподавательской работой в Гродненском университете. Сделать этот шаг, оставить на время большую науку, побуждали и чисто бытовые условия того времени, когда много декларировалось, но мало что выполнялось на деле. Не оценила тогда должным образом Академия наук Беларуси талантливого ученого, в Минске надлежащих квартирных условий для него не нашлось. Иначе посмотрели на ученого в Гродно. Работа в вузе отнимала массу времени. «Кажется, только бы писал и писал!»,— говорил он, изредка сетуя на создавшуюся ситуацию. Наконец, такая возможность была предоставлена: Михаил Александрович поступает в докторантуру, работает в архивах и музеях Минска, Ленинграда, Москвы, Вильнюса. Горы материала, много новых друзей среди коллег в России, на Украине, в Прибалтике.

В 1987 г. он с блеском защищает докторскую работу на тему «Организация обороны городов Белоруссии XIV—XVIII вв.». Работа проходит по двум специальностям: археология и история. И в этом есть что-то симптоматическое, ибо здесь произошло его признание и как археолога, и как историка уже в качестве доктора наук. Кроме официальных оппонентов (А. П. Грицкевич, М. О. Бич, Л. В. Алексеев) в докторском диспуте приняли участие специалисты, приехавшие на защиту из других городов по своей инициативе — безнадежно уже больной былой руководитель аспиранта — П. А. Раппопорт, А. Н. Кирпичников и другие. Замечания были ничтожны, в основном сыпались суперлативы... Зал был переполнен. В этом же году, прямо перед защитой, М. А. Ткачев переиздает свою первую книгу «Замки Белоруссии», теперь уже на русском языке. По сути это новая книга: новый материал, новый подход к явлениям, новая интерпретация событий [7].

В 1989 г. М. А. Ткачеву присваивается звание профессора, а вскоре его приглашают работать в должности заведующего редакцией «История Беларуси» в издательстве «Белорусская энциклопедия». Временно оставив семью в Гродно, ученый переезжает в Минск, по-студенчески снимает комнату. Чем объяснить, что один из виднейших специалистов республики, профессор, весьма любимый студентами, ежегодно возивший их по всей Беларуси, тяжело пострадавший при этом[1], вдруг отказывается от столь удачной педагогической деятельности, от занятий большой наукой (письменный стол влек его к себе всегда) и переходит совсем в иную область? Дело было в недовольстве реакционного руководства Гродненского университета общественными взглядами и общественной деятельностью М. А. Ткачева, о чем — ниже. Волюнтарист-ректор А. В. Бадаков, боясь «опасного» влияния подобных профессоров на студенчество, изгонял их с помощью Ученого совета.

Однако неутомимая энергия, организаторский талант М. А. Ткачева проявились немедленно и на новом поприще. Это воплотилось в издании коллектива археологов и историков — «Археология, нумизматика и геральдика Беларуси». Можно смело сказать, что это первое издание такого рода в Восточной Европе. Его детищем стало также издание многотомной «Исторической энциклопедии Беларуси» (первый том под редакцией М. А. Ткачева вышел в 1993 г.). С 1992 г. он главный редактор издательства «Белорусская энциклопедия». Продолжают выходить его книги: «Замки и

[1] Ночью в Кричеве, защищая с А. А. Метельским студенток от напавших на их ночлег бандитов, оба они были зверски избиты, лежали в больнице (Михаил Александрович — несколько месяцев с особо опасной травмой головы, потребовавшей трепанации черепа). Милиция вела раскрытие преступления до странности вяло и, несмотря на малые размеры городка, преступники найдены не были!

люди», где каменные стены и бойницы замков с их подъемными мостами и брамами (воротами) даны на ярком фоне повседневного быта обитателей как в мирное время, так и в войну; «Древний Мстиславль» (в соавторстве с другим уроженцем этого города — археологом О. А. Трусовым), где впервые и весьма ярко воссоздана история этого, как говорят белорусы, «белорусского Суздаля» [8].

Уже совсем незадолго до смерти Михаил Александрович выпускает еще одну книгу: «Великое искусство артиллерии». Всего с газетными статьями ему принадлежит более 400 печатных работ, среди которых множество публикаций, пропагандирующих знания археологов и историков для широких слоев белорусского населения. В сочетании письменных и археологических источников рождались его поистине фундаментальные работы. А если к ним добавлялись еще и лирика белорусской души, на свет появлялись изумительные по образности научно-популярные книги. Первая его книжка «Замки Беларуси» на белорусском языке вышла в 1977 г. и стала немедленно бестселлером, исчезла с книжных полок магазинов мгновенно. Фраза, с которой она начиналась, стала в Беларуси хрестоматийной: «Краем замков называли современную Беларусь (...). Созданные заботливым, мозольным трудом нашего народа, они отражают его историческое прошлое, патриотизм и героическую борьбу в защиту родной земли» [5, с. 6].

Бесконечная любовь к возрождающейся Родине — Беларуси отличала и его неуемную общественную деятельность. Он один из создателей Народного белорусского фронта «Адраджение» (Возрождение) и заместитель его председателя. Он создатель белорусской социал-демократической партии «Грамада». Но его общественная деятельность исключала крайности, он был сторонником консолидации людей различных политических направлений и взглядов, лишь бы взгляды эти шли на пользу белорусского народа. Крайне скромный, неприхотливый в быту, он пользовался не только всеобщим уважением, но и всеобщей любовью. Он умер 31 октября 1992 г. На его похоронах присутствовали представители всех политических направлений. Председатель Верховного Совета Беларуси Ст. Ст. Шушкевич над его гробом сказал проникновенное слово. Теплыми словами проводил его в последний путь Белорусский экзарх Московской Патриархии митрополит Филарет. Похороны замечательного сына белорусского народа были грандиозны. Казалось, в них принимал участие весь Минск!

Археологи Беларуси в память Михаила Александровича Ткачева срочно выпустили «Историко-археологический сборник» в двух томах [9, 10].

Михаил Александрович оставил после себя многих учеников и последователей. Дай Бог, чтобы дело его продолжалось, а мы, его коллеги и ученики, сохраним память о замечательном, безвременно ушедшем крупном белорусском ученом навсегда.

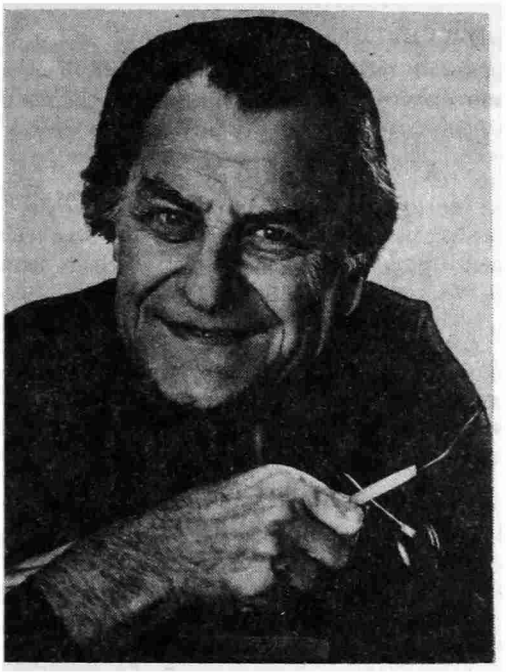
Институт археологии РАН,
Москва

Л. В. Алексеев, Л. В. Колединский, А. А. Метельский

Институт истории АНБ,
Минск

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск: Ин-т истории АН БССР (ротапринт). 1969.
2. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982.
3. *Алексеев Л. В.* Капитальное исследование по начальной истории Минска//СА. 1987. № 2.
4. *Чарняўскі М. М.* Міхась Ткачоў — гісторык Беларусі//Гістарычна — Археалагічны зборнік. Ч. 1. Мінск, 1993.
5. *Ткачоў М. А.* Замкі Беларусі (XIII—XVII ст.) Мінск: Полымя, 1977.
6. *Ткачоў М. А.* Абарончыя збудованні заходніх зямель Беларусі XIII—XVII ст. ст. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.
7. *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. Минск: Полымя, 1987.
8. *Ткачоў М. А., Трусаў А. А.* Старажытны Мсціслаў. Мінск: Полымя, 1992.
9. Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. 1. Мінск: Інстытут гісторыі АНБ, 1993.
10. Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. 2. Мінск: Інстытут гісторыі АНБ, 1993.



ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ГЕНИНГА

(1924—1993)

30 октября 1993 г. умер доктор исторических наук, профессор Владимир Федорович Генинг. Хотя Владимир Федорович последнее время тяжело болел, смерть его была неожиданной. Для родных, друзей, коллег это непоправимая утрата. Яркой, сильной личностью был В. Ф. Генинг: ученый, педагог, организатор науки. Масштабность его очевидна.

Творческий путь Владимира Федоровича — это путь неустанных поисков, смелых решений, внедрения оригинальных разработок, поставки нестандартных задач. Им зафиксированы тысячи памятников, раскопаны сотни, выделены десятки новых археологических культур, предложены оригинальные реконструкции различных сторон жизни древних обществ. В. Ф. Генинг был сторонником разработки новых направлений археологии, внедрения новых методов, много сделал для совершенствования процедуры археологического исследования.

Родился В. Ф. Генинг 10 мая 1924 г. в с. Подсосново Алтайского края. Среднюю школу окончил перед войной. В годы войны был в трудармии на строительстве железной дороги. После войны работал учителем в Пермской области. В 1947—1952 гг. учился в Пермском университете и два года работал учителем.

В 1948 г., работая учителем и учась в Пермском университете, В. Ф. Генинг провел свою первую экспедицию, скопировав рисунки Писаного камня и проведя небольшие раскопки у его подножья. Его учителем был О. Н. Бадер, под руководством которого работал Владимир Федорович в Камской экспедиции в студенческие годы. Мировоззрение будущего ученого формировалось в общении с такими учеными, как Г. Ф. Дебец, А. П. Смирнов, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев.

В 1954 г. В. Ф. Генинг возглавил Удмуртскую археологическую экспедицию. С этого времени археология и история Удмуртии на долгое время, независимо от места работы, стала одним из направлений деятельности Владимира Федоровича. Эти исследования позволили не только составить карту археологических памятников Удмуртии и систематизировать их, но и впервые поставить проблему формирования удмуртского народа и отнести его истоки к IV—V вв.

В 1955—1958 гг. В. Ф. Генинг учился в аспирантуре Института истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР, после окончания которой стал младшим научным сотрудником этого института. В 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию по пьяноборской культуре. Много внимания в эти годы уделялось Татарии: составлена карта археологических памятников.

Видимо, работа в регионах, населенных различными народами, определила интерес Владимира Федоровича к этнической проблематике. Весомый вклад сделан им в изучение этногенеза удмуртов, башкир, марийцев, венгров, манси, кетов, ранних болгар на Волге. Поставлен вопрос о времени и условиях формирования уральской этнической (языковой) общности, ее связи с индоевропейской. Этнические исследования со временем привели к созданию оригинальной концепции этнического развития в первобытности.

Длительное время (1960—1974 гг.) В. Ф. Генинг работал в Уральском университете, сочетая педагогическую деятельность с научной и полевой. Он возглавлял крупную Уральскую экспедицию, главной целью которой было исследование Западной Сибири и Зауралья. Эти материалы стали

© Е. П. Бунятян, 1994 г.

основой культурно-хронологической периодизации региона, а их исследование — школой для начинающих археологов. Со временем исследования охватили Челябинскую, Курганскую, Тюменскую и Омскую области. Напомним лишь об одном памятнике — Синташте, который имеет принципиальное значение для исследования индоарийской проблемы. В результате этих масштабных работ предложена культурно-хронологическая периодизация иртыш-ишимской лесостепи от неолита до позднего средневековья.

Накопление археологического материала и культурно-хронологическое упорядочение источника никогда не выступали конечной целью исследований В. Ф. Генинга. Все это было нацелено на осмысление исторического развития древнего населения. А оно начинается с выделения отдельных этносов. На территории Приуралья Владимиром Федоровичем выделен целый ряд культур: для периода рубежа нашей эры — чегандинская, осинская, гляденовская, гафурийско-убаларская; для первой половины I тыс.— азелинская, мазунинская, бахмутинская и гаревская; для второй половины — именьковская, поломская; для позднего средневековья — чепецкая и сильвинская. Что касается Зауралья, то хотя оно и не нашло столь глубокого и всестороннего освещения, но и для этой территории выделены новые культуры: неолита (кокуйская), бронзы (логиновская, кротовская, великоложская), железа (абатская, подчевашская). Осмысление археологической культуры привело Владимира Федоровича к заключению, что она отражает отдельный этнос древности на определенном этапе его развития.

В 1974 г. В. Ф. Генинг защищает докторскую диссертацию и переезжает в Киев, где занимает пост заместителя директора Института археологии АН Украины. Отныне главное внимание он уделяет теоретико-методологическим проблемам археологии. Это и проблемы такого высокого абстрактного уровня, как предмет и объект археологии, научные революции в археологии, построение научной теории в археологии, и более низкого, такие, как структура археологического знания и познания, а также сугубо методические способы анализа различных видов источников с целью решения определенных задач.

Для реализации своих идей Владимир Федорович в 1978 г. организовал в Институте археологии АН Украины отдел теории и методики археологии. Под его руководством выполнен ряд оригинальных работ.

Не все в творческой биографии Владимира Федоровича шло гладко. Многие из его разработок не воспринимали, его идеи часто жестко критиковали, кое-что приходилось доказывать десятилетиями. Но Владимир Федорович уверенно и смело шел своим путем. Он был глубоко предан своему делу, любил археологию, желал повысить ее статус. Десятки учеников и сторонников продолжают его дело.

В. Ф. Генинг оставил глубокий след в науке — более 200 работ, а главное — идеи, которые еще предстоит осмыслить. Останется он и в памяти родных, друзей, коллег.

Институт археологии
АН Украины

Е. П. Бунятян

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АО — Археологические открытия. Москва
АП — Археологічні пам'ятки. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград
АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВВ — Византийский временник. Москва
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВУАК — Всеукраїнська археологічна комісія. Киев
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Государственный ордена Ленина Эрмитаж. Санкт-Петербург
ЗООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПБ.; Пг.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Государственной Российской археологической комиссии. СПБ.
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам РАН. Москва
ККМ — Крымский краеведческий музей. Симферополь
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МЭ — Материалы по этнографии. Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАМ — Одесский государственный археологический музей. Одесса
ПАО — Псковское археологическое общество
ПКНО — Ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология». Москва
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология. Москва
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СКНЦ ВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СЭ — Советская этнография. Москва
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Москва
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Ленинград
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AJA — American Journal of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BAR — British Archaeological Reports. Oxford

BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CVA — Corpus Vagorum Ahtiquorum
DAGR — Dictionaire des antiquites grecques et romaines. Saglio
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
PBF — Prahistorische Bronzefunde. Munchen
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.04.94 Подписано к печати 15.06.94 Формат бумаги 70×100$^{1}/_{16}$

Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 29,2 тыс. Уч.-изд. л. 24,5 Бум. л. 8,0

Тираж 1389 экз. Зак. 1141

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Шубинский пер., 6